

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

2020

октябрь-ноябрь-декабрь

№ 3-1 (19-1)

Москва   Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2020 / № 3-1 (19-1)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2020 / № 3-1 (19-1)

THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**V Международная научно-теоретическая конференция
«Политика, власть, право, демократия в современном мире»**

**V International Scientific Conference
"Politics, power, law, democracy in the modern world"**

12 октября 2020 года

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика) 12 октября 2020 года проводят V Международную научно-теоретическую конференцию **«Политика, власть, право, демократия в современном мире»** посвященную Заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору юридических наук, профессору **ДЕНИСОВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Регистрация: 9.30–10.30, начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (возможно заочное участие), пройдя электронную регистрацию до **01 октября 2020 года** на сайте: www.matgip.ru (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права) или по электронной почте: SVKomarov2008@yandex.ru

Тему выступления и тезисы доклада необходимо направить до **20 октября 2020 г.** в электронном виде по адресу: SVKomarov2008@yandex.ru и в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ) и в отдельном сборнике: «Денисовские чтения», также размещенном в системе РИНЦ.

Материалы конференции будут размещены в номере 4 журнала «Теория государства и права» за 2020 год.

Theory of State and Law

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка журнала и сборника авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 10 декабря 2020 года.

DENISOV'S READINGS

V international scientific and theoretical conference "Politics, power, law, democracy in the modern world"

October 12, 2020

Interregional Association of state and law theorists, editorial boards of journals: "Theory of state and law", "Legal thought", "Modern Russian law", "Bulletin Of the Institute of law of the Bashkir state University", "Bulletin of Kostroma state University", "Vector of science of Togliatti state University", "Migration law", "Dilemas-contemporaneos-educacionpoliticayvalores" (Mexico) on October 12, 2020, the V International scientific and theoretical conference " Politics, power, law, democracy in the modern world», dedicated to the Honored worker of science and technology of the RSFSR, doctor of law, Professor Andrey DENISOV.

Doctors and candidates of science, associate professors and applicants, students and practicing lawyers are invited to make presentations.

Registration: 9.30–10.30, start of the conference: 10.30, break: 13.00–14.00, end of the conference: 16.00.

The conference languages are Russian and English.

Travel and accommodation by foreign and nonresident participants are paid for and arranged independently.

We ask you to confirm your participation in the conference (possibly in absentia) by completing electronic registration until October 01, 2020 on the website: www.matgip.ru (Interregional Association of state and law theorists) or by email: SVKomarov2008@yandex.ru

The topic of the speech and the abstract of the report (s) should be sent by October 20, 2020 in electronic form to: SVKomarov2008@yandex.ru and at the address: 119415, Moscow, ul. Udaltsova, 19, building 1, of. 12.

Russian science citation index

Information about materials published in journals on the subject of the conference will be published in the E-library system (RSCI) and in a separate collection: "Denisov's readings", also hosted in the RSCI system.

The conference materials will be published in Issue 4 of the journal "Theory of state and law" for 2020.

Sending out the journal and Certificate of the conference to participants.

Distribution of the journal to authors who ordered the printed version together with the Certificate, it will be made centrally, via Russian post, by a simple parcel after December 10, 2020.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке можно направить также на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» matgip2017@yandex.ru

6. Фотография автора (5 x 6 см.) – по желанию.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: *Komarov S.A.* The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – M.: Publishing House "Yurait", 2019. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: matgip2017@yandex.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;
2. Языки материала – **русский** либо **английский**;
3. Размер страницы – А4, ориентация – «Книжная»;
4. Поля страницы: Верхнее – 20 мм, Нижнее – 20 мм, Правое – 20 мм, Левое – 30 мм.;
5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) – 1,25 см;
6. Первый абзац – ФИО авторов (выравнивание по правому краю);
7. Второй абзац – Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание – по правому краю);
8. Третий абзац – Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;
9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках;
10. Затем текст статьи (междустрочный интервал – 1,5 строки, выравнивание – по ширине, без переносов);
11. Во всем тексте статьи шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль;
12. Библиографический список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов.
13. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.
14. Телефон для связи: +7 (985) 763-2835 (Комаров Сергей Александрович).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** – председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Современное российское право», помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сюнберг** – сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c. of Law (г. Хельсинки, Финляндия), доктор honoris causa Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург).

3. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

Теория государства и права

---

4. **Ревна Мария Борисовна** – учредитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

5. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

6. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

7. **Ирошников Денис Владимирович** – доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

8. **Комарова Татьяна Львовна** – проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала “Law and Power”, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

9. **Полицук Николай Иванович** – вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия).

10. **Липинский Дмитрий Анатольевич** – профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, зам. гл. редактора журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

11. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Республика Казахстан); профессор кафедры конституционного и административного права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

12. **Сальников Виктор Петрович** – Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

13. **Галиев Фарит Хатипович** – профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

14. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор.

15. **Мартьянов Александр Геннадьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

Theory of State and Law

Информационные партнеры

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал
«Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Вестник
Института права
Башкирского
государственного
университета»

Компания
«Консультант-
Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

На обложке фото Марченко Михаила Николаевича

Теория государства и права

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	
Березина Е.А.	Особенности правовой технологии толкования договора: теория и практика 17
Калканов С.С.	Право и документ в системе, как предпосылка генезиса электронного документа в праве..... 41
Кузьмина Е.С., Цацина А.В.	Влияние виртуального пространства на современные общественные отношения: социологический анализ 54
Кулаков А.А.	Основные научные концепции гражданского общества: должное и возможное 66
Мамитова Н.В., Петренко А.В.	Цифровизация правовой экспертизы в современную эпоху после covid-19 84
Мицкая Е.В.	Применение медиации в разрешении правовых конфликтов в Казахстане 95
Решетникова С.Б.	Категория «публичный интерес» в российском праве... 107
Степнова Ю.П.	Об основаниях исследования понятия «механизм освобождения от юридической ответственности»..... 122
Тимонин М.А.	О правовом положении коренного населения США в XVIII-XX вв. 130
Устьян Э.А.	Проблемы правовой культуры в современном российском обществе 138
12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	
Войтович Е.А.	Парламент Австралийского союза в системе высших органов государственной власти 152
Гусев А.Ю.	Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия судебной защиты: вопросы теории и практики 163

Theory of State and Law

Гончаров В.В., Савченко М.С., Савченко А.А.	Глобальный конституционализм как социальное понятие: проблемы содержания.....	178
---	--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Комаров С.А. Хабибулин А.Г.	Юбилей Марченко Михаила Николаевича (к 80-летию со дня рождения).....	230
Полищук Н.И.	Юбилей Комаровой Татьяны Львовны (к 65-летию со дня рождения)	244

ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ БИЗНЕСУ И ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ

Степанченко Ю.А.	Расширя горизонты возможного	251
------------------	------------------------------------	-----

CONTENT

Pages

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE; HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

Berezina Elena A.	Features of the legal technology for interpreting of the contract: theory and practice	29
Kalkanov S.S.	Law and document in the system as a prerequisite for the genesis of an electronic document in law	47
Kuzmina E.S., Tsatsina A.V.	The influence of the virtual space on modern and social relations: a sociological analysis	60
Kulakov A.A.	Basic scientific concepts of civil society: the due and the possible.....	75
Mamitova N.V., Petrenko A.V.	Digitalization of legal expertise in the modern era after Covid-19	89
Mitskaya E.V.	The use of mediation in the resolution of legal conflicts in Kazakhstan	101
Reshetnikova S.B.	The category of "public interest" in Russian law.....	115
Stepnova Yu.P.	On the foundations of the study of the concept of "mechanism of release from legal responsibility"	126
Timonin M.A.	On the legal status of the indigenous population of the United States in the XVIII-XX centuries.....	134
Ustyan E.A.	Problems of legal culture in modern Russian society	145

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCESS; MUNICIPAL LAW

Voitovich E.A.	Parliament of the Australian Union in the system of supreme government bodies.....	157
Gusev A.Yu.	Constitutional right to qualified legal assistance as a guarantee of judicial protection: theory and practice.....	170

Theory of State and Law

Goncharov V.V., Savchenko M.S., Savchenko A.A.	Global constitutionalism as a social phenomenon concept: content problems	205
--	--	-----

PERSONALITIES

Komarov S.A. Khabibulin A.G.	Anniversary of Mikhail Nikolaevich Marchenko	237
Polishchuk N. I.	Anniversary of Tatiana Lvovna Komarova	247

LEGAL ASSISTANCE TO BUSINESS AND INDIVIDUALS

Stepanchenko Yu.A.	Expanding the horizons of the possible	252
--------------------	--	-----

Теория государства и права

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2020.

© Авторы, 2020.

Теория государства и права

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kolomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Theory of State and Law

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyeovich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, candidate of legal Sciences, associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2020.

© Authors, 2020.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

*The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960).*

You can subscribe to the magazine also on the website [**www.matgip.ru**](http://www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Е.А. Березина*

УДК 340.1; 347.44

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.021

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

***Аннотация.** Статья посвящена анализу особенностей юридической техники, юридической тактики и юридической стратегии толкования договоров, отраженных в п. 43- 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 25 декабря 2018 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». Даются авторские определения интерпретационной технологии и правовой технологии толкования договора, доктринальное толкование правоположений, содержащихся в Постановлении Пленума ВС РФ № 49, касающихся способов, приемов, средств, принципов толкования договоров. Подробно раскрываются правовые презумпции толкования договора, которые нашли свое выражение в анализируемом интерпретационном акте.*

В статье обосновывается роль и значение данного правового акта для правотворческой и правоприменительной практики.

***Ключевые слова:** правовая технология, интерпретационная правовая технология, правовая технология толкования договора, толкование права, толкование договора, способы толкования договора, правило «contra proferentem», презумпции толкования договора, правовые позиции Верховного Суда по вопросу толкования договора.*

Наметившаяся в последнее время тенденция технологизации правовой сферы жизни общества требует от юридической науки доктринальной разработки проблем содержания, сущности, средств, способов, целей, результатов, видов правовой технологии. И если таким видам правовой технологии как законотворческая [4; 8; 9; 10] и правоприменительная [18; 24] уже были посвящены самостоятельные научные исследования, то проблемы интерпретационной технологии до последнего времени оставались без должного внимания. Как отмечает В.Н. Карташов, «попытки исследовать технологию юридического толкования... до сих пор не увенчались успехом» [21, с. 5]. Лишь немногие авторы в своих научных статьях обращались к вопросам технологии юридического толкования [7; 21].

Некоторые исследователи в рамках анализа вопросов юридической техники рассматривали в своих работах в качестве одного из ее видов интерпретационную юридическую технику. Но, исходя из того, что понятие правовой технологии шире по объему понятия юридической техники, которая выступает лишь в качестве одного из ее структурных элементов [20], то и объем понятия «интерпретационная тех-

---

* *Березина Елена Александровна*, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук. E-mail: tgp@usla.ru

нология» будет шире объема понятия «интерпретационная техника». Хотя существует и иная точка зрения, согласно которой «современная юридическая техника представляет собой не что иное, как совокупность технологий создания правовых документов в процессе осуществления разнообразных видов юридической деятельности, нуждающихся в документальном оформлении» [23, с. 5].

Интерпретационная технология – это особый вид правовой технологии, представляющий собой упорядоченную научно обоснованную планомерно осуществляемую в особом порядке с помощью системы правовых средств и специальных методов, способов, приемов и правил специфическую юридическую деятельность субъектов права, базирующуюся на определенных принципах, целью которой является определение смысла правовых явлений для последующего преобразования правовой сферы жизни общества и удовлетворения его прогрессивных потребностей. Интерпретационная технология основана на применении специально-юридических знаний, теорий, средств, приемов способов, методов для уяснения и разъяснения содержания правовых явлений и процессов.

В структуру интерпретационной технологии В.Н. Карташовым включаются: объекты и предметы интерпретационной технологии, субъекты интерпретационной технологии, действия и операции субъектов, связанные с познанием, оценкой, разъяснением и описанием объектов (предметов), средства, приемы, способы, методы и правила интерпретационной технологии, принципы, прогнозы, планы, процессуальные формы, результаты, показатели качества, критерии эффективности действий, механизм действия интерпретационных актов, обеспеченность деятельности определенными ресурсами, оценка и контроль юридических действий и операций субъектов юридической технологии [21, с. 7–9]. Хотя есть и противники такого широкого подхода к структуре юридической технологии [32, с. 389].

Как видим из определения интерпретационной технологии, в качестве ее объекта могут выступать любые правовые явления (нормативно-правовые и интерпретационные акты, акты применения права, договоры как индивидуального, так и нормативного характера, правосознание, юридическая практика, система права и вся правовая система в целом).

Одним из важнейших объектов интерпретационной технологии выступает договор, которому в последнее время уделяется все больше и больше внимания как в юридической науке, так и в юридической практике, что связано с все более возрастающей в последние 30 лет ролью этого правового явления в регулировании общественных отношений. Если в 90-х годах прошлого века в отечественной юридической науке можно было встретить всего несколько работ, посвященных особенностям толкования договора [2; 37; 38; 46], то в настоящее время наблюдается настоящий «бум» таких исследований, как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке, что свидетельствует об актуальности темы.

Потребности юридической практики, пристальное изучение проблем толкования договора учеными-правоведами как на уровне сравнительного правоведения [3; 5; 42] и теории государства и права [14; 31; 45], так и на уровне отраслевых юридических наук [39; 40; 41], повлекли за собой необходимость обращения к данному вопросу и Верховного Суда РФ, который в декабре 2018 г. принял Постановление Пленума N 49 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [35].

Из итогового документа убрали положение, согласно которому если стороны распространили на свои отношения действие определенных одной из них или иным лицом стандартных правил, не являющихся обязательными для другой стороны, но заключенный договор содержит какое-либо отдельное условие, изначально противоречащее таким действовавшим в момент его заключения стандартным правилам, то предполагается, если не доказано иное, что стороны отдали приоритет данному условию [11].

Правовые позиции, содержащиеся в данном Постановлении, вывели юридическую правореализационную и правоприменительную практику на новый уровень понимания проблемы технологии толкования договора. Это связано, прежде всего, с тем, что Верховный Суд РФ в своем интерпретационном правовом акте закрепил ряд положений нормативного характера (как называет их С.С. Алексеев, «правоположений») относительно технологии толкования договоров, уже существовавших в международной юридической практике (в частности, установил ряд правил толкования договоров, закрепил ряд правовых презумпций, обозначил приоритет содержания договора над его формой и др.). Это стало значительным шагом в направлении обеспечения единства технологии толкования договоров, существующих в правовой системе РФ и в международном праве, а также в правовых системах многих государств мира.

Правовая технология толкования договора является особой разновидностью интерпретационной правовой технологии и представляет собой упорядоченную научно обоснованную планомерно осуществляемую в особом порядке с помощью системы особых методов, способов, приемов и правил (юридическая тактика толкования договора) и с использованием системы правовых средств (интерпретационная договорная техника) специфическую юридическую деятельность субъектов права, базирующуюся на определенных принципах, целью которой является определение смысла договора для последующей его реализации и обеспечения стабильности гражданского оборота (юридическая стратегия толкования договора).

В Российской Федерации технологии толкования договора посвящена всего одна статья Гражданского кодекса РФ. В ст. 431 ГК РФ содержатся законодательно закрепленные правила интерпретации договоров. Судебная практика показывает, что при разрешении гражданско-правовых и арбитражных споров суд часто ссылается на данную статью. И если на доктринальном уровне содержание данной статьи подвергалось различной интерпретации и даже критике, правоведами вносились предложения по ее совершенствованию и приведению в соответствие с международными нормами и принципами, то на уровне законодательства нормы права, закрепленные в ст. 431 ГК РФ, были достаточно стабильны и консервативны: в данную статью законодателем с момента вступления в силу ч.1 ГК РФ [12] было внесено всего одно изменение в 1995 г. [43].

Верховный Суд дал развернутое толкование данной статьи впервые, и в этом заключается одна из особенностей его Постановления № 49 от 25.12.2018 г., свидетельствующая об уникальности этого правового акта. Необходимо сказать, что выводы по толкованию отдельных положений ст. 431 ГК РФ в актах Верховного Суда РФ можно было встретить и раньше, здесь же речь идет о комплексном толковании данной статьи, результаты которого закреплены в постановлении Пленума ВС РФ. Кроме того не только п.43 – 46 ППВС РФ № 49 касаются вопросов толкования договора: многие предыдущие и последующие пункты данного Постановления тоже

имеют отношение к интерпретации договора, но в рамках данной статьи провести комплексный анализ всего Постановления не представляется возможным.

Принятие Пленумом Верховного Суда данного Постановления является ярким примером того, что интерпретационная деятельность Верховного Суда РФ выступает в качестве связующего звена, которое позволяет обеспечить взаимодействие юридической науки и правотворческой юридической практики. Постановление Пленума Верховного Суда РФ, являясь результатом легального официального толкования норм гражданского права обеспечивает их единообразное понимание и применение судами, а также всеми субъектами права и выступает в качестве основы для будущего совершенствования российского гражданского законодательства. Закономерным итогом этой деятельности будет в будущем внесение отечественным законодателем изменений в ст. 431 ГК РФ для того, чтобы те положения, которые были отражены в анализируемом интерпретационном акте, нашли свое законодательное закрепление.

Каковы же основные особенности технологии толкования договора, отраженные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 25 декабря 2018 г. «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»?

Опираясь на предложенное В.Н. Карташовым деление правовой технологии на три основные части – юридическую технику, юридическую тактику и юридическую стратегию [20, с. 22], рассмотрим особенности каждой из этих частей в отношении технологии толкования договора, закрепленные в рассматриваемом нами интерпретационном акте.

Во-первых, анализируя *особенности юридической техники толкования договора, отраженные в рассматриваемом Постановлении Пленума ВС РФ*, нужно отметить, что при толковании договора теперь будет широко использоваться такое средство юридической техники как презумпция. В пунктах 43–46 постановления Пленума о правовых презумпциях говорится неоднократно.

Так, п. 43 ППВС РФ закрепляет целых три презумпции толкования договора. К ним относятся презумпция добросовестности и презумпция разумности при осуществлении интерпретационной деятельности, а также презумпция общепринятого употребления слов и выражений.

Презумпция добросовестности и презумпция разумности при осуществлении толкования договора являются презумпциями отдельного института права (института толкования договора в гражданском праве) и основываются на отраслевых презумпциях гражданского права – презумпциях разумности и добросовестности, на которые Верховный Суд ссылается в п. 44 Постановления Пленума. Согласно абз. 2 п. 43: «спорное условие интерпретируют так, как это сделал бы любой добросовестный и разумный участник правоотношений».

Третья правовая презумпция, содержащаяся в п.43 ППВС РФ № 49, – презумпция общепринятого употребления слов и выражений. Верховный Суд РФ разъясняет, как определять буквальное значение слов и выражений договора, закрепляя презумпцию использования при толковании договора такого значения слов и выражений, которое учитывает их «общепринятое употребление любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно» [35].

В следующем пункте постановления содержатся две правовые презумпции интерпретации договора: презумпция заключенности договора и презумпция действи-

тельности договора: «Если одна из трактовок спорного условия сохраняет договор, а альтернативная влечет незаключенность или недействительность, суд должен выбрать первую трактовку» (п. 44 ППВС № 49 РФ).

Шестая правовая презумпция, содержащаяся в рассматриваемом постановлении закреплена в п. 45, – презумпция авторства условия договора стороны договора, которая профессионально осуществляет деятельность в определенной сфере и подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия [27].

В п. 45 Постановления содержится и презумпция толкования договора «в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия, являющегося неясным» [35]. Этот принцип применялся ВС РФ и ранее при толковании определенных видов договоров [26]. Таким образом, неясное условие договора не должно быть интерпретировано в пользу автора этого условия, интерпретатор должен будет избрать такой вариант толкования, при котором никто не получил бы преимущества из своего неправомерного или недобросовестного поведения. К настоящему времени уже существует много примеров использования данного правила при разрешении конкретных дел судами РФ [36]. Данное положение в международной практике принято называть правилом «*contra proferentem*», которое ряд ученых рассматривают как особый метод толкования договора [19]. Его можно перевести следующим образом: «против предлагающего, против выдвигающего». Правило «*contra proferentem*» закреплено ст. 4.6. Принципов УНИДРУА [1], а также в законодательстве многих стран. Оно содержится, например, в ст. 41 закона «О договорах» КНР от 15.03.1999 г.: «При наличии двух или большего количества толкований стандартных условий необходимо сделать выбор в пользу толкования, которое не благоприятствует стороне, предоставляющей стандартные условия» [17]. Правило «*contra proferentem*» также закреплено в п.2 параграфа 305с Гражданского уложения Германии, предусматривающем, что «Любые сомнения при толковании общих условий сделок разрешаются против пользователя» [13] (то есть лица, использующего, предлагающего эти условия), а также в законодательстве других государств (например, в ст. 1288 Гражданского кодекса Испании, ст.1370 Гражданского кодекса Италии и др.)

Правило «*contra proferentem*» можно рассматривать как правовой инструмент, позволяющий избежать включения в договор непонятных формулировок, допускающих некую двусмысленность. Кроме того, положение, содержащееся в п.45 Постановления, можно расценивать как одно из «правил защиты слабой стороны при неравенстве переговорных возможностей» [25, с. 719]. Например, именно это правило было использовано Арбитражным судом Западно-Сибирского округа при вынесении постановления от 18.05.2020 [33]. В силу своей разумности, представляется, что правило «*contra proferentem*» должно быть закреплено в Российской Федерации не только на уровне интерпретационного правового акта, но и на уровне законодательства.

Во-вторых, анализируя *особенности юридической тактики толкования договора, закрепленные в Постановлении Пленума ВС РФ № 49*, следует подчеркнуть, что именно в этой части интерпретационной технологии Верховный Суд наиболее ярко проявил себя как новатор. Если интерпретационная техника как часть правовой технологии представляет собой, прежде всего, систему правовых средств, с помощью которых устанавливается смысл правовых явлений, то второй элемент интер-

претационной технологии – интерпретационная тактика демонстрирует систему методов, способов, приемов и правил использования данных правовых средств при осуществлении юридического толкования. В юридической науке выделяются несколько методов (философский, политический, этический, социологический) [22, с. 373–379] и способов юридического толкования, в том числе толкования договора: грамматический, системный, логический, функциональный, специально-юридический, историко-политический, телеологический. В некоторых случаях необходимо прибегать к математическому и психологическому способам толкования договора [6, с. 10].

В анализируемом Постановлении значительное внимание уделено телеологическому и системному способам толкования договора. В абзаце первом п. 43 постановления Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на системный способ, говоря, что «условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства». В качестве примера применения этого положения Постановления можно привести Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 [30]. Кроме того, в Постановлении демонстрируются взаимосвязи, существующие между системой права, отраслью права, институтом права и конкретной нормой права, между системой права и системой законодательства, между «основными началами гражданского законодательства», принципами гражданского права, правовыми нормами, изложенными в ст. 431 ГК РФ, и конкретным индивидуально-правовым договором. Системный способ толкования договора основан и на признаке системности самого договора, на взаимосвязи его условий, которая требует рассмотрения их как «согласованных частей одного договора»: «условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора (системное толкование)» (абз. 4 п. 43 ППВС).

Иллюстрацией использования дынного положения будет являться Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.06.2020 [34]. Системный способ толкования договора базируется и на системности правового регулирования, обеспеченной единством целей правового регулирования, в свою очередь все условия договора также объединены единой целью договора, которая учитывается при его толковании: «толкование условий договора осуществляется с учетом цели договора». Закрепляется также и необходимость для интерпретатора принимать во внимание и «существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств» (абз. 5 п.43 ППВС) [35].

Можно сказать, что системный способ толкования договора подразумевает выяснение смысла договора и с учетом системного характера самой интерпретационной технологии, наличия тесных взаимосвязей между принципами и целями толкования договора, используемыми для достижения этих целей средствами и способами; между юридической стратегией, тактикой и техникой толкования договора.

Таким образом, в Постановлении Пленума № 49 Верховный Суд РФ способам толкования договора уделяет особое внимание. Очень важное, практически революционное, положение, касающееся способов и приемов толкования договора, содержится в п.46: по мнению Верховного Суда РФ, ст. 431 ГК РФ содержит незакрытый перечень способов и приемов толкования договора, поэтому суд при рассмотрении конкретных дел, исходя из «особенностей конкретного договора», имеет право по своему усмотрению выбирать приемы толкования договора, при этом как перечис-

ленные в законе, так и не названные в нем. То есть интерпретатор может не ограничиваться приемами толкования договоров, изложенными в ст. 431 ГК РФ. Верховный Суд РФ формулирует в интерпретационном акте принцип свободы выбора методологического инструментария исследования смысла договора, тем самым предоставляя интерпретатору широкий простор для установления им смысла договора с помощью различных приемов и способов.

Согласно п. 46 Постановления, методологический инструментарий исследования смысла договора может быть определен как из смысла ст. 431 ГК РФ, так и из смысла «иных правовых актов». Кроме того, способы и приемы толкования могут вытекать из «обычаев или деловой практики». Непременное требование при этом состоит в том, чтобы интерпретатор обосновал применение данных приемов соответствующими аргументами, выдвигаемыми в пользу соответствующего приема толкования. Например, при толковании договоров, связанных с хозяйственно-экономической деятельностью субъектов права, часто требуется применение математических и статистических методов и приемов толкования договора, в том числе основных методов финансовой математики и количественного анализа, позволяющих произвести точный расчет финансовых величин с учетом временных факторов. Так, при толковании договора банковского вклада требуется применение методов простых и сложных процентов, позволяющих вычислить сумму вклада через определенный период времени в зависимости от условий капитализации процентов. Метод дисконтирования как обратный расчет сложных процентов дает возможность вычислить стоимость будущих денежных потоков, распределенных по времени, к начальному периоду, что может быть востребовано при толковании инвестиционных договоров.

Но, говоря об интерпретации договора, Верховный Суд устанавливает и границы данной интерпретации, пределы толкования договора, указывая, что «толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду» (абз.3 п.43 ППВС РФ). То есть интерпретатор не должен придавать условиям договора такого значения, которое стороны явно не имели в виду. Ссылка на пределы толкования договора уже неоднократно использовалась правоприменителем при рассмотрении конкретных дел [29].

В анализируемом интерпретационном акте говорится и о виде толкования договора по объему – оно должно быть не расширительным, не ограничительным, а буквальным. То есть смысл договора, который получается в результате толкования, по объему должен быть равен смыслу самого договора. При этом, осуществляя интерпретацию, необходимо ориентироваться на буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений, которое зависит от их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (п.5 ст. 10, п.3 ст. 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела» (абз.2 п. 43 ППВС РФ).

В-третьих, анализируя *особенности юридической стратегии толкования договора, отраженные в рассматриваемом интерпретационном акте*, можно утверждать, что наблюдается заметное стремление к закреплению на уровне пусть пока не правотворческой, а правоинтерпретационной практики, преобладания при осуществлении юридического толкования смысла договора над его текстом. Если рассматривать интерпретационную стратегию как специфическую деятельность субъектов права, направленную на определение основных долгосрочных целей установления смысла правовых явлений, основанную на определенных принципах, осу-

ществляемую путем научно обоснованного планирования и прогнозирования, то можно прийти к выводу, что в качестве целей толкования договора суд обозначает установление содержательных, а не формальных характеристик договора, а также обеспечение стабильности гражданского оборота: при наличии нескольких вариантов толкования условий договора «приоритет отдается тому варианту, при котором договор сохраняет силу». Это правовоположение также уже нашло свое использование в правоприменительной практике [28].

Нерушимость договора и уход от формализма выделил среди главных идей заместитель заведующего отделом гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Олег Гутников [16]. Данное положение свидетельствует о тенденции унификации международно-правового и внутригосударственного регулирования отношений, связанных с толкованием договора. Так, в ст. 4.5. Принципов УНИДРУА закреплено, что : «Условия договора должны толковаться таким образом, чтобы всем им было придано значение, а не лишать силы какие-либо из них» [1].

В стратегию толкования договора, помимо целей, планов и прогнозов включаются и принципы толкования договора. При осуществлении толкования положений ППВС № 49 обнаруживается тенденция рассмотрения в качестве приоритетных принципов толкования договора принципов добросовестности, разумности и справедливости. И если раньше о принципах толкования договора говорилось прежде всего в рамках юридической науки [44], то сейчас принципы толкования нашли свое закрепление и в интерпретационном правовом акте.

Интересно, что при анализе текста Постановления можно обнаружить точки соприкосновения положений Постановления и теории конструктивной интерпретации Р. Дворкина, который рассматривает толкование как «процесс, который состоит в проецировании цели на какой-либо объект или практику для того, чтобы сделать из них лучший возможный образец того вида или рода, к которым они принадлежат». Р. Дворкин разработал теорию, которая могла бы быть использована судьями в качестве методологического инструментария при осуществлении толкования права в наиболее сложных и запутанных случаях. Каждый судья должен в процессе вынесения правоприменительного акта сделать формально-логический вывод, базирующийся на переходе от частного положения к общему, использовать индуктивный способ формирования решения: анализируя обстоятельства конкретного дела пытаться сформировать вывод, который будет иметь общезначимый характер. Р. Дворкин говорит об идеальном разумном субъекте, «судье Геркулесе» [15], которому под силу принять такое общезначимое решение. По аналогии с идеальным «судьей Геркулесом» можно говорить о разумном судье-интерпретаторе договора, который должен стремиться выявить смысл договора в целях его реализации и обеспечения стабильности гражданского оборота и вынести на основе этого толкования общезначимое решение.

Таким образом, Верховный Суд уделил внимание всем трем частям правовой технологии толкования договора – юридической технике, юридической тактике и юридической стратегии, закрепив в своем интерпретационном акте особенности правовой технологии толкования договора.

Анализ судебной практики применения ППВС РФ № 49 показывает, что рассматриваемое Постановление является «работающим» интерпретационным правовым актом, оказывающим заметное влияние на правоприменительную практику

в РФ, первые ссылки на него были сделаны уже в январе 2019 г., наиболее часто суды при рассмотрении конкретных дел ссылаются на п.43 и 45 ППВС.

Значение положений постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 в части технологии толкования договора заключается в том, что данный интерпретационный правовой акт важен,

во-первых, *для законотворческой практики*, так как он выступает в качестве основы для совершенствования российского гражданского законодательства в сфере толкования договоров;

во-вторых, *для правоинтерпретационной практики*, поскольку демонстрирует успешное использование Верховным Судом РФ средств, приемов и способов юридической техники (например, правовых презумпций) при осуществлении интерпретации ст. 431 ГК РФ, а также является ориентиром для других субъектов, осуществляющих толкование договоров;

в-третьих, *для правореализационной и правоприменительной практики*, так как он обеспечивает стабильность гражданского оборота, устраняет правовую неопределенность, тем самым помогая преодолевать препятствия, возникающие при функционировании механизма правового регулирования, выполняет превентивную функцию, предотвращая незаконное вынесение судебных решений, обеспечивает правильное и единообразное понимание и применение ст. 431 ГК РФ всеми судами РФ.

Кроме того, данное Постановление Пленума ВС РФ обеспечивает, во-первых, единство всех видов юридической практики (правотворческой, правоинтерпретационной, правореализационной и правоприменительной) и, во-вторых, единство юридической практики и доктринальных положений, существующих в общей теории права и в отраслевых юридических науках, касающихся вопросов толкования права и договора. Это видно, например, из прямого обозначения способов толкования («системное толкование»), объема толкования («буквальное толкование»), демонстрации взаимосвязи общеправовых принципов права, отраслевых принципов права и принципов отдельных правовых институтов (института толкования договора), взаимосвязи норм права, изложенных в ст. 431 ГК РФ, с нормами права, изложенными в других статьях ГК РФ, взаимосвязи общих и специальных норм, норм внутригосударственного и международного права.

Велико значение анализируемого Постановления для общества и отдельной личности: путем вынесения данного правового акта выражается положительное отношение государства к участникам гражданского оборота (например, презюмируется их добросовестность при заключении договора и его интерпретации), устанавливаются правила защиты слабой стороны договора.

Не умаляя положительного значения рассматриваемого Постановления Пленума ВС РФ, следует задуматься и над возможными неблагоприятными последствиями, которые могут наступить в результате предоставления судам свободы выбора методологического инструментария исследования смысла договора. Опасности таковы, во-первых, в вероятности злоупотреблений со стороны судьи, осуществляющего толкование договора; во-вторых, в потребности высокой квалификации судей в сфере интерпретационной деятельности; в-третьих, в возрастании роли судебного усмотрения, в-четвертых, в необходимости определения границ интерпретационной деятельности, а также соотношения результатов официального толкования с общей действительной волей сторон договора, в-пятых, в возможности отхода от требования единообразного понимания и применения права. Но сейчас сложно пока гово-

речь о реальности этих последствий, поскольку мало времени прошло после вступления в силу данного Постановления. Лишь накопившаяся с течением времени практика применения положений ППВС РФ № 49 сможет продемонстрировать в полной мере все положительные и отрицательные моменты действия анализируемого интерпретационного правового акта.

Библиографический список

1. UNIDROIT Principles of International commercial contracts. 2016. International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), – Rome. – 2016 // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 27.07.2020).
2. *Алексеева Е.А.* Толкование гражданско-правовых договоров как вид юридического толкования (в порядке постановки проблемы) // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий. В 3-х тт. Т.1. – Екатеринбург. – 1999. – С. 119–123.
3. *Байрамкулов А.К.* Толкование договора в российском и зарубежном праве. – М., 2016.
4. *Бахвалов С. В., Карташов В. Н.* Законодательная технология субъектов Российской Федерации. – Ярославль, 2010.
5. *Белых В.С.* Толкование договора // Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование. – М., 2017. – С. 97–102.
6. *Березина Е.А.* Толкование договора как вид юридического толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.
7. *Борисов О.И.* Юридическая технология толкования гражданско-правовых договоров // Юрист. – 2017. – № 5. – С. 21–24.
8. *Веселов И.Г., Комаров С.А.* Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (часть 1) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 210 – 216.
9. *Веселов И.Г., Комаров С.А.* Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (часть 2) // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 228 – 233.
10. *Власенко Н.А.* Законодательная технология: теория, опыт, правила. – Иркутск. – 2001.
11. ВС разъяснил толкование условий договора // Адвокатская газета. 25 декабря 2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-gazyasnil-tolkovanie-usloviy-dogovora/> (дата обращения: 27.07.2020).
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 декабря. – № 238–239.
13. Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 с изм. от 12.06.2020 // Официальный правовой портал Германии «Законы в интернете» // [Электронный ресурс] // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950_896.html (дата обращения: 27.07.2020).

14. *Давыдова М.Л., Иваненко О.С.* Толкование договора как теоретико-правовая проблема // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2019. – № 4 (49). – С. 51–55.
15. *Дворкин Р.* Империя права: пер. с англ. С.В. Моисеева // Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 195–228.
16. *Ефименко Е.* Пленум ВС назвал правила заключения и толкования договоров // [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/207576/> (дата обращения: 27.07.2020).
17. Закон Китайской народной республики «О договорах» от 15.03.1999 г. // Центр Китайского права [Электронный ресурс] //URL: https://chinalawcenter/civil_law/china_contract_law_1999_russian/ (дата обращения: 27.07.2020).
18. *Илясов А. Н.* Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
19. *Каранетов А.Г.* Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М.: Закон. – 2013. – № 7. – С. 6–35.
20. *Карташов В. Н.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 16–23.
21. *Карташов В.Н.* Технология официального юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2016. – № 15. – С. 3–27.
22. *Карташов, В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2-х тт. – Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005.
23. *Кожевников В.В., Сенин И.Н., Красман А.И.* Технологии создания правовых документов в процессе осуществления юридической деятельности. – Омск, 2016.
24. *Колесник И. В.* Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2007.
25. *Кузьмина А.В.* Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 698–726.
26. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – 01 ноября. – № 11. – С. 81–96.
27. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2020 N 78-КГ19-73, 2-134/2019 «О взыскании части страховой премии, компенсации морального вреда, штрафа» // [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1870416 (дата обращения: 27.07.2020).
28. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2019 N 14-КГ18-53 «О признании недействительным договора уступки прав требования». [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1743828 (дата обращения: 27.07.2020).
29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС17-21966 (4) от 21.03.2019 // [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1750142 (дата обращения: 27.07.2020).

30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 N 305-ЭС20-5261 по делу N А41-10938/2019 «Об оспаривании судебных актов по делу о взыскании долга по оплате выполненных работ и неустойки» // [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7b6d8290-04b5-4259-a9d9-39df2edcd286/ea1f9b3_a-f43d-4122-86ef-c71e984b68b3/A41-10938-2019_20200709_Opredelenie.pdf?isAddSta=True (дата обращения: 27.07.2020).
31. *Плюснина О.В.* Интерпретация индивидуальных договоров // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (2). – С. 25–31.
32. *Поленина С. В.* Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 387–390.
33. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.05.2020 № Ф04-4911/2016 по делу № А02-1542/2015 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4888A0CDDC370DCA648B618A8614321A&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32-8&ts=11353159596548714233&base=AZS&n=164562&rnd=E2FE4-C786F94AC14E7F843C3A73F95E3#252tq8frqwx> (дата обращения: 27.07.2020).
34. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.06.2020 N Ф07-6998/2020 по делу N А56-116036/2019 «Об обязанности арендатора заключить дополнительное соглашение к договору аренды нежилого здания, о взыскании долга и неустойки» // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=231869#0414824825307615> (дата обращения: 27.07.2020).
35. Постановление Пленума N 49 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета, 2019, 11 января; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.
36. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2020 N 17АП-4778/2020-ГК по делу N А60-73074/2019 «О взыскании задолженности по оплате гарантийной суммы, неустойки за нарушение сроков расчетов по договору подряда» // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=242184&dst=100001#026109303735828515> (дата обращения: 27.07.2020).
37. *Розенберг М.Г.* Толкование договора // Экономика и жизнь. – 1995. – № 19.
38. *Сарбаш С.В.* Некоторые тенденции развития института толкования договора в гражданском праве // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 39–44.
39. *Сидорин Д.В.* Предпринимательский договор как объект толкования: особенности и отличия от иных гражданско-правовых договоров // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2017. – С. 346–349.
40. *Степанюк Н.В.* Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики. – М.: ИНФРА-М., 2018.
41. *Стригунова Д.П.* Проблема толкования международного коммерческого договора // Закон и право. – 2016. – № 2. – С. 65–68.
42. *Трунин А.А.* Толкование договора в праве США: соотношение субъективного и объективного толкования // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 53–57.

43. Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 9 марта. – № 10 . – Ст. 1412.

44. *Фетисова Е.М.* Принципы толкования гражданско-правовых договоров // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8. – С. 16–45.

45. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора. – М.: Юнити, 2003.

46. *Шабуров А.С.* Теоретические вопросы толкования договоров.// Рынок и право: институциональный и функциональный аспекты. – Екатеринбург, 1998. – С. 141–145.

Для цитирования: *Березина Е.А.* Особенности правовой технологии толкования договора: теория и практика // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 17–29.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.021

Elena A. Berezina*

FEATURES OF THE LEGAL TECHNOLOGY FOR INTERPRETING OF THE CONTRACT: THEORY AND PRACTICE

Annotation. *The article analyzes the features of legal technique, legal tactics and legal strategy of interpretation of contracts outlined in paragraphs 43–46 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of 25.12.2018 «About some questions of application of the General provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract». This article contains author's definitions of the technology of law interpretation and the technology of contract interpretation and contains doctrinal interpretation of the legal positions contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation No. 49 about methods, techniques, means, principles of contract interpretation. The legal presumptions of contract interpretation, which are reflected in the analyzed interpretative act, are described. The conclusion substantiates the role and significance of this legal act for law-making and law enforcement practice.*

Keywords: *technology of law, interpretative legal technology, legal technology of contract interpretation, interpretation of law, interpretation of contract, methods of contract interpretation, «contra proferentem» rule, presumptions of contract interpretation, legal positions of the Supreme Court on the issue of contract interpretation.*

The recently emerging trend of technologization of the legal sphere of the life of society requires from legal science the doctrinal development of the problems of the content, essence, means, methods, goals, results, types of legal technology. And if such types of legal technology as lawmaking [4; 8; 9; 10] and law enforcement [18; 24] have already been devoted to independent scientific research, then the problems of interpretation technology until recently remained without due attention. As V.N. Kartashov, “attempts to research the

---

* *Berezina Elena Aleksandrovna*, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, PhD in law. E-mail: tgp@usla.ru

technology of legal interpretation ... have not yet been crowned with success" [21, p. 5]. Only a few authors in their scientific articles have addressed the issues of technology of legal interpretation [7; 21].

Some researchers, within the framework of the analysis of issues of legal technology, considered in their works interpretive legal technology as one of its types. But, proceeding from the fact that the concept of legal technology is wider in terms of the scope of the concept of legal technology, which acts only as one of its structural elements [20] and then the scope of the concept of "interpretive technology" will be wider than the scope of the concept of "interpretation technology". Although there is another point of view, according to which "modern legal technology is nothing more than a set of technologies for creating legal documents in the process of carrying out various types of legal activities that require documentation" [23, p. 5].

Interpretation technology is a special type of legal technology, which is an orderly, scientifically grounded, systematically carried out in a special order with the help of a system of legal means and special methods, methods, techniques and rules specific legal activity of subjects of law, based on certain principles, the purpose of which is to determine the meaning of legal phenomena for the subsequent transformation of the legal sphere of the life of society and the satisfaction of its progressive needs. Interpretive technology is based on the application of special legal knowledge, theories, means, methods, methods for understanding and clarifying the content of legal phenomena and processes.

In the structure of interpretation technology V.N. Kartashov includes: objects and objects of interpretation technology, subjects of interpretation technology, actions and operations of subjects related to cognition, assessment, explanation and description of objects (objects), means, techniques, methods, methods and rules of interpretation technology, principles, forecasts, plans, procedural forms, results, quality indicators, criteria for the effectiveness of actions, the mechanism of action of interpretative acts, provision of activities with certain resources, assessment and control of legal actions and operations of subjects of legal technology [21, p. 7-9]. Although there are opponents of such a broad approach to the structure of legal technology [32, p. 389].

As we can see from the definition of interpretation technology, its object can be any legal phenomena (regulatory and interpretation acts, acts of application of law, contracts of both individual and regulatory nature, legal awareness, legal practice, the system of law and the entire legal system generally).

One of the most important objects of interpretation technology is a treaty, which has recently received more and more attention both in legal science and in legal practice, which is associated with the ever-increasing role of this legal phenomenon in the regulation of public relations in the last 30 years. If in the 90s of the last century in the domestic legal science it was possible to find only a few works devoted to the peculiarities of the interpretation of the contract [2; 37; 38; 46], then at present there is a real "boom" of such studies, both in domestic and foreign legal science, which indicates the relevance of the topic.

Needs of legal practice, close study of the problems of interpretation of the treaty by legal scholars as at the level of comparative jurisprudence [3; 5; 42] and the theory of state and law [14; 31; 45], and at the level of branch legal sciences [39; 40; 41], led to the need to refer to this issue and the Supreme Court of the Russian Federation, which in December 2018 adopted the Resolution of the Plenum N 49 of 25.12.2018 "On some issues of the application of general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract" [35].

The provision was removed from the final document, according to which if the parties extended to their relations the action of the standard rules determined by one of them or by another person, which are not binding on the other party, but the concluded agreement contains any separate condition that initially contradicts such in force at the time its conclusion to the standard rules, it is assumed, unless proved otherwise, that the parties gave priority to this condition [11].

The legal positions contained in this Resolution have brought the legal enforcement and law enforcement practice to a new level of understanding the problem of the technology of treaty interpretation. This is primarily due to the fact that the Supreme Court of the Russian Federation in its interpretative legal act consolidated a number of provisions of a normative nature (as S.S. Alekseev calls them, "legal provisions") regarding the technology of interpretation of treaties that already existed in international legal practice (in particular, established a number of rules for the interpretation of contracts, secured a number of legal presumptions, outlined the priority of the content of the contract over its form, etc.). This was a significant step towards ensuring the unity of the technology of interpretation of treaties existing in the legal system of the Russian Federation and in international law, as well as in the legal systems of many countries of the world.

The legal technology for the interpretation of a contract is a special kind of interpretive legal technology and is an orderly scientifically grounded systematically carried out in a special order using a system of special methods, methods, techniques and rules (legal tactics of interpreting a contract) and using a system of legal means (interpretive contractual technique) specific legal activity of subjects of law, based on certain principles, the purpose of which is to determine the meaning of the contract for its subsequent implementation and to ensure the stability of civil circulation (legal strategy for interpreting the contract).

In the Russian Federation, only one article of the Civil Code of the Russian Federation is devoted to the technology of treaty interpretation. In Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation contain legislatively enshrined rules for the interpretation of contracts. Judicial practice shows that when resolving civil law and arbitration disputes, the court often refers to this article. And if at the doctrinal level the content of this article was subjected to various interpretations and even criticism, legal scholars made proposals for its improvement and bringing it into line with international norms and principles, then at the legislative level the legal norms enshrined in Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, were quite stable and conservative: since the entry into force of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation [12], the legislator made only one change in 1995 [43].

The Supreme Court gave a detailed interpretation of this article for the first time, and this is one of the features of its Resolution No. 49 of December 25, 2018, which testifies to the uniqueness of this legal act. It must be said that the conclusions on the interpretation of certain provisions of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation in the acts of the Supreme Court of the Russian Federation could be found earlier, but here we are talking about a comprehensive interpretation of this article, the results of which are enshrined in the resolution of the Plenum of the RF Armed Forces. In addition, not only clauses 43 – 46 of the PPVS of the Russian Federation No. 49 relate to the interpretation of the contract: many previous and subsequent clauses of this Resolution are also related to the interpretation of the contract, but within the framework of this article it is not possible to conduct a comprehensive analysis of the entire Resolution.

The adoption by the Plenum of the Supreme Court of this Resolution is a vivid example of the fact that the interpretation activity of the Supreme Court of the Russian Federa-

tion acts as a connecting link that allows for the interaction of legal science and lawmaking legal practice. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, being the result of the legal official interpretation of civil law norms, ensures their uniform understanding and application by the courts, as well as all subjects of law, and acts as a basis for the future improvement of Russian civil legislation. The natural result of this activity will be the introduction of amendments to Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation in order for those provisions that were reflected in the analyzed interpretative act to find their legislative confirmation.

What are the main features of the technology of treaty interpretation, as reflected in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of December 25, 2018 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the treaty"?

Based on the proposed V.N. Kartashov dividing legal technology into three main parts – legal technique, legal tactics and legal strategy [20, p. 22], we will consider the features of each of these parts in relation to the technology of interpretation of the treaty, enshrined in the interpretative act we are considering.

First, analyzing the features of the legal technique for interpreting a treaty, reflected in the considered Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces, it should be noted that when interpreting the treaty, such a means of legal technique as a presumption will now be widely used. Paragraphs 43–46 of the Plenary Resolution on legal presumptions are repeatedly mentioned.

For example, clause 43 of the PPVS RF establishes as many as three presumptions of interpretation of the treaty. These include the presumption of good faith and the presumption of reasonableness in the performance of interpretive activities, as well as the presumption of the generally accepted use of words and expressions.

The presumption of good faith and the presumption of reasonableness in the implementation of the interpretation of a contract are the presumptions of a separate institution of law (the institution for the interpretation of a contract in civil law) and are based on sectoral presumptions of civil law – the presumptions of reasonableness and good faith, to which the Supreme Court refers in paragraph 44 of the Plenary Resolution. According to par. 2 p. 43: "the controversial condition is interpreted as any bona fide and reasonable participant in legal relations would do".

The third legal presumption, contained in clause 43 of the RFPP No. 49, is the presumption of the generally accepted use of words and expressions. The Supreme Court of the Russian Federation explains how to determine the literal meaning of words and expressions of a contract, securing the presumption of using such a meaning of words and phrases in the interpretation of a contract that takes into account their "generally accepted use by any participant in civil turnover acting reasonably and in good faith" [35].

The next clause of the resolution contains two legal presumptions of the interpretation of the contract: the presumption of the conclusion of the contract and the presumption of the validity of the contract: "If one of the interpretations of the controversial condition retains the contract, and the alternative entails non-conclusion or invalidity, the court must choose the first interpretation" (clause 44 of PPVS No. 49 RF).

The sixth legal presumption contained in the resolution in question is enshrined in paragraph 45, – the presumption of authorship of the terms of the contract of the party to the contract, which professionally carries out activities in a certain area and prepared a draft contract or proposed the wording of the corresponding condition [27].

Clause 45 of the Resolution also contains a presumption of interpretation of the contract “in favor of the counterparty of the party that prepared the draft contract or proposed the wording of the corresponding condition, which is unclear” [35]. This principle was applied by the RF Armed Forces earlier in the interpretation of certain types of agreements [26]. Thus, an unclear contractual clause should not be interpreted in favor of the author of this clause; the interpreter will have to choose a version of interpretation in which no one would benefit from their illegal or dishonest behavior. To date, there are already many examples of the use of this rule when resolving specific cases by the courts of the Russian Federation [36]. In international practice, this provision is commonly called the “contra proferentem” rule, which a number of scholars regard as a special method of treating interpretation [19]. It can be translated as follows: “against the proposer, against the nominator.” The “contra proferentem” rule is enshrined in Art. 4.6. UNIDROIT principles [1], as well as in the legislation of many countries. It is contained, for example, in Art. 41 of the Law “On Contracts” of the PRC of 03/15/1999: “In the presence of two or more interpretations of standard terms, it is necessary to make a choice in favor of an interpretation that does not favor the party providing the standard terms” [17]. The “contra proferentem” rule is also enshrined in paragraph 2 of paragraph 305c of the German Civil Code, which provides that “Any doubts about the interpretation of the general terms of transactions shall be resolved against the user” [13] (that is, the person using, offering these terms and conditions), as well as in legislation of other states (for example, in Art. 1288 of the Spanish Civil Code, Art. 1370 of the Italian Civil Code, etc.).

The “contra proferentem” rule can be viewed as a legal tool to avoid the inclusion of incomprehensible language in a contract that allows for some ambiguity. In addition, the provision contained in paragraph 45 of the Resolution can be regarded as one of the “rules for protecting the weak side in the event of inequality of negotiation opportunities” [25, p. 719]. For example, it is this rule that was used by the Arbitration Court of the West Siberian District when issuing a ruling dated 05/18/2020 [33]. By virtue of its reasonableness, it seems that the “contra proferentem” rule should be enshrined in the Russian Federation not only at the level of an interpretive legal act, but also at the level of legislation.

Secondly, analyzing the peculiarities of the legal tactics of interpreting the treaty, enshrined in the Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces No. 49, it should be emphasized that it is in this part of the interpretation technology that the Supreme Court most clearly showed itself as an innovator. If the interpretation technique as a part of legal technology is, first of all, a system of legal means with the help of which the meaning of legal phenomena is established, then the second element of interpretation technology – interpretation tactics demonstrates a system of methods, methods, techniques and rules for using these legal means in the implementation of legal interpretation ... In legal science, several methods are distinguished (philosophical, political, ethical, sociological) [22, p. 373–379] and methods of legal interpretation, including the interpretation of the contract: grammatical, systemic, logical, functional, special legal, historical and political, teleological. In some cases, it is necessary to resort to mathematical and psychological methods of interpreting the contract [6, p. 10].

In the analyzed Resolution, considerable attention is paid to the teleological and systemic ways of interpreting the treaty. In the first paragraph, clause 43 of the decree, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation draws attention to the systemic method, saying that “the terms of the contract are subject to interpretation in a systemic relationship with the basic principles of civil legislation.” An example of the application of

this provision of the Resolution is the Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2020 [30]. In addition, the Resolution demonstrates the relationships that exist between the system of law, the branch of law, the institution of law and a specific rule of law, between the system of law and the system of legislation, between the "basic principles of civil law", the principles of civil law, legal norms set forth in st. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, and a specific individual legal agreement. The systemic way of interpreting a contract is also based on the recognition of the consistency of the contract itself, on the interrelation of its terms, which requires their consideration as "agreed parts of one contract": that they are agreed parts of one agreement (systemic interpretation) "(paragraph 4 of clause 43 PPVS).

An illustration of the use of this provision will be the Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 06/23/2020 [34]. The systemic way of interpreting the contract is also based on the consistency of legal regulation, ensured by the unity of the goals of legal regulation, in turn, all the terms of the contract are also united by a single purpose of the contract, which is taken into account when interpreting it: "the interpretation of the terms of the contract is carried out taking into account the purpose of the contract." It also stipulates the need for the interpreter to take into account the "essence of legislative regulation of the corresponding type of obligations" (paragraph 5, paragraph 43 of the PPVS) [35].

We can say that the systemic way of interpreting the treaty implies clarifying the meaning of the treaty and taking into account the systemic nature of the interpretation technology itself, the presence of close interrelationships between the principles and goals of treating the treaty, the means and methods used to achieve these goals; between legal strategy, tactics and technique of treaty interpretation.

So, in the Resolution of the Plenary Session No. 49, the Supreme Court of the Russian Federation pays special attention to the methods of interpreting the treaty. A very important, practically revolutionary, provision concerning the methods and methods of interpreting the treaty is contained in paragraph 46: according to the Supreme Court of the Russian Federation, Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation contains an unclosed list of methods and techniques for interpreting a contract, therefore, when considering specific cases, based on the "peculiarities of a particular contract", it has the right, at its discretion, to choose methods of interpreting a contract, while both listed in the law and not named ... That is, the interpreter may not be limited to the methods of interpreting contracts set out in Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation. The Supreme Court of the Russian Federation formulates in an interpretative act the principle of freedom of choice of methodological tools for studying the meaning of a contract, thereby giving the interpreter a wide scope for establishing the meaning of a contract using various techniques and methods.

According to paragraph 46 of the Resolution, the methodological tools for studying the meaning of the contract can be determined from the meaning of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, and from the meaning of "other legal acts". In addition, methods and techniques of interpretation may derive from "custom or business practice." An indispensable requirement in this case is that the interpreter justifies the application of these techniques with the appropriate arguments put forward in favor of the corresponding interpretation technique. For example, when interpreting contracts related to the economic and economic activities of subjects of law, the use of mathematical and statistical methods and techniques for interpreting the contract is often required, including the basic

methods of financial mathematics and quantitative analysis, which make it possible to accurately calculate financial values taking into account time factors. So, when interpreting a bank deposit agreement, it is required to apply the methods of simple and compound interest, which make it possible to calculate the amount of the deposit after a certain period of time, depending on the conditions for capitalization of interest. The discounting method as a reverse calculation of compound interest makes it possible to calculate the value of future cash flows, distributed over time, to the initial period, which may be required when interpreting investment contracts.

But, speaking about the interpretation of the contract, the Supreme Court also establishes the boundaries of this interpretation, the limits of the interpretation of the contract, indicating that "the interpretation of the contract should not lead to such an understanding of the terms of the contract, which the parties obviously could not have in mind" (paragraph 3, clause 43 PPVS RF). That is, the interpreter should not attach such importance to the terms of the contract that the parties clearly did not have in mind. The reference to the limits of interpretation of the treaty has already been repeatedly used by the law enforcement officer when considering specific cases [29].

The analyzed interpretative act also speaks of the type of interpretation of the contract in terms of scope – it should not be expansive, restrictive, but literal. That is, the meaning of the treaty, which is obtained as a result of interpretation, should be equal in volume to the meaning of the treaty itself. At the same time, when carrying out the interpretation, it is necessary to focus on the literal meaning of the words and expressions contained in the contract, which depends on their generally accepted use by any participant in civil circulation, acting reasonably and in good faith (clause 5 of article 10, clause 3 of article 307 of the Civil Code of the Russian Federation) , unless a different meaning follows from the business practice of the parties and other circumstances of the case "(paragraph 2, clause 43 of the RF PPVS).

Thirdly, analyzing the features of the legal strategy for the interpretation of the contract, reflected in the interpretative act under consideration, it can be argued that there is a noticeable tendency to consolidate, at the level of, if not yet law-making, but legal interpretation practice, the predominance in the implementation of the legal interpretation of the meaning of the contract above its text. If we consider the interpretation strategy as a specific activity of subjects of law, aimed at determining the main long-term goals of establishing the meaning of legal phenomena, based on certain principles, carried out through scientifically based planning and forecasting, then we can come to the conclusion that in as the purposes of the interpretation of the contract, the court designates the establishment of the substantive rather than formal characteristics of the contract, as well as ensuring the stability of civil circulation: if there are several options for interpreting the terms of the contract, "priority is given to the option in which the contract remains in force." This legal provision has also already found its use in law enforcement practice [28].

Oleg Gutnikov, Deputy Head of the Department of Civil Legislation and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, singled out the inviolability of the contract and avoiding formalism among the main ideas [16]. This provision testifies to the tendency to unify international legal and domestic regulation of relations related to the interpretation of the treaty. So, in Art. 4.5. The UNIDROIT Principles stipulate that: "The terms of the contract must be interpreted in such a way that all of them are given meaning, and not invalidate any of them" [1].

In the strategy of treaty interpretation, in addition to goals, plans and forecasts, the principles of treaty interpretation are also included. When implementing the interpretation of the provisions of PPVS No. 49, there is a tendency to consider the principles of good faith, reasonableness and fairness as the priority principles of treaty interpretation. And if earlier the principles of interpretation of the treaty were discussed primarily within the framework of legal science [44], now the principles of interpretation have found their consolidation in the interpretative legal act.

It is interesting that when analyzing the text of the Resolution, one can find points of contact between the provisions of the Resolution and R. Dvorkin's theory of constructive interpretation, who considers interpretation as "a process that consists in projecting a goal onto an object or practice in order to make them the best possible example of the species or genus to which they belong". R. Dvorkin developed a theory that could be used by judges as a methodological tool in the implementation of the interpretation of law in the most complex and confusing cases. Each judge must, in the process of issuing a law enforcement act, make a formal and logical conclusion based on the transition from a particular position to a general one, use an inductive method of forming a decision: analyzing the circumstances of a particular case, try to form a conclusion that will have a generally valid character. R. Dvorkin speaks of an ideal intelligent subject, "Judge Hercules" [15], who is capable of making such a generally valid decision. By analogy with the ideal "Judge Hercules", one can speak of a reasonable judge-interpreter of the treaty, who should strive to reveal the meaning of the treaty in order to implement it and ensure the stability of civil circulation and make a generally valid decision based on this interpretation.

Thus, the Supreme Court paid attention to all three parts of the legal technology of treaty interpretation – legal technique, legal tactics and legal strategy, securing in its interpretation act the features of the legal technology of treaty interpretation.

An analysis of the judicial practice of the application of PPVS of the Russian Federation No. 49 shows that the considered Resolution is a "working" interpretive legal act that has a significant impact on law enforcement practice in the Russian Federation, the first references to it were made already in January 2019, most often the courts when considering specific cases, they refer to paragraphs 43 and 45 of the PPVS.

The meaning of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 in terms of the technology of interpretation of the contract lies in the fact that this interpretive legal act is important,

firstly, for lawmaking practice, since it acts as a basis for improving Russian civil legislation in the field of treaty interpretation;

secondly, for legal interpretation practice, since it demonstrates the successful use by the Supreme Court of the Russian Federation of means, techniques and methods of legal technology (for example, legal presumptions) in the implementation of the interpretation of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, and is also a reference point for other entities interpreting contracts;

thirdly, for law enforcement and law enforcement practice, since it ensures the stability of civil turnover, eliminates legal uncertainty, thereby helping to overcome obstacles arising from the functioning of the legal regulation mechanism, performs a preventive function, preventing illegal judicial decisions, ensures correct and uniform understanding and application of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation by all courts of the Russian Federation.

In addition, this Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces ensures, firstly, the unity of all types of legal practice (law-making, interpretation-law, law enforcement and law enforcement) and, secondly, the unity of legal practice and doctrinal provisions existing in the general theory of law and in industry legal sciences dealing with issues of law and contract interpretation. This can be seen, for example, from the direct designation of the methods of interpretation ("systemic interpretation"), the scope of interpretation ("literal interpretation"), the demonstration of the relationship between general legal principles of law, sectoral principles of law and principles of individual legal institutions (the institution of treaty interpretation), the relationship of norms the rights set forth in Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, with the norms of law set forth in other articles of the Civil Code of the Russian Federation, the relationship of general and special norms, norms of domestic and international law.

The significance of the analyzed Resolution for society and the individual is great: by passing this legal act, a positive attitude of the state towards the participants in civil turnover is expressed (for example, their conscientiousness is presumed when concluding an agreement and its interpretation), rules are established to protect the weak side of the agreement.

Without diminishing the positive significance of the Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces under consideration, one should also think about the possible adverse consequences that may occur as a result of giving the courts the freedom to choose the methodological tools for studying the meaning of the treaty. The dangers are, first, in the likelihood of abuse by the judge interpreting the contract; secondly, in the need for highly qualified judges in the field of interpretation; thirdly, in the increasing role of judicial discretion, fourthly, in the need to determine the boundaries of interpretive activity, as well as in the correlation of the results of official interpretation with the general actual will of the parties to the contract, fifthly, in the possibility of departing from the requirement of a uniform understanding and application of law. But now it is difficult to talk about the reality of these consequences, since little time has passed since the entry into force of this Resolution. Only the practice of applying the provisions of PPVS RF No. 49, which has accumulated over time, will be able to fully demonstrate all the positive and negative aspects of the analyzed interpretative legal act.

Bibliographic list

1. UNIDROIT Principles of International commercial contracts. 2016. International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), – Rome. – 2016 // [Electronic resource]. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (date accessed: 07/27/2020).
2. Alekseeva E.A. Interpretation of civil law contracts as a type of legal interpretation (in the order of posing a problem) // Economic, legal and spiritual culture of Russia at the turn of the millennium. In 3 volumes. Vol. 1. Yekaterinburg, 1999. P. 119–123.
3. Bayramkulov A.K. Interpretation of the contract in Russian and foreign law. Moscow, 2016.
4. Bakhvalov SV, Kartashov VN Legislative technology of the subjects of the Russian Federation. Yaroslavl, 2010.
5. Belykh V.S. Interpretation of the contract // Contract law of England: comparative legal research. Moscow, 2017. P. 97–102.

6. Berezina E.A. Interpretation of the contract as a type of legal interpretation: abstract. dis. ... cand. law. sciences. Yekaterinburg, 2001.
7. Borisov O.I. Legal technology for the interpretation of civil law contracts // Lawyer. 2017. No. 5. P. 21–24.
8. Veselov I.G., Komarov S.A. Technologies of legal monitoring in the legislative activity of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (part 1) // Bulletin of the Kostroma State University, 2016. T. 22. No. 3. P. 210–216.
9. Veselov I.G., Komarov S.A. Technologies of legal monitoring in the legislative activity of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (part 2) // Bulletin of the Kostroma State University, 2017. T. 23. No. 1. P. 228–233.
10. Vlasenko N.A. Legislative technology: theory, experience, rules. Irkutsk, 2001.
11. The Sun clarified the interpretation of the terms of the contract // Advocacy newspaper. December 25, 2018 // [Electronic resource] // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-razyasnil-tolkovanie-usloviy-dogovora/> (date of access: 07/27/2020).
12. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 N 51-FZ // Russian newspaper, 1994, December 8.
13. Civil Code of Germany of 08/18/1896 as amended from 12.06.2020 // Official legal portal of Germany "Laws on the Internet" // [Electronic resource] // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (date of access: 27.07.2020).
14. Davydova M.L., Ivanenko O.S. Interpretation of the contract as a theoretical and legal problem // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2019. No. 4 (49). P. 51–55.
15. Dvorkin R. Empire of law: trans. from English. S.V. Moiseeva // Jurisprudence. 2013. No. 3. P. 195–228.
16. Efimenko E. The Plenum of the Supreme Council named the rules for the conclusion and interpretation of contracts // [Electronic resource] // URL: <https://pravo.ru/story/207576/> (date accessed: 07/27/2020).
17. Law of the People's Republic of China "On Treaties" dated 03/15/1999 // Center of Chinese Law [Electronic resource] // URL: https://chinalawcenter/civil_law/china_contract_law_1999_russian/ (date of access: 27.07.2020).
18. Ilyasov A.N. Law enforcement technology and law enforcement technology: theoretical and legal analysis: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2008.
19. Karapetov A.G. Contra proferentem as a method of treating interpretation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Moscow: Law, 2013. No. 7. P. 6–35.
20. Kartashov V.N. Legal technology, tactics, strategy and technology (to the question of the ratio) // Problems of legal technology: collection of articles. Art. / ed. V. M. Baranov. N. Novgorod, 2000. P. 16–23.
21. Kartashov V.N. Technology of official legal interpretation // Actual problems of theory and history of the legal system of society. 2016. No. 15. P. 3–27.
22. Kartashov V.N. The theory of the legal system of society: a tutorial. In 2 volumes. T. 1. Yaroslavl: YarsU, 2005.
23. Kozhevnikov V.V., Senin I.N., Krasman A.I. Technologies for creating legal documents in the process of carrying out legal activities. Omsk, 2016.
24. Kolesnik I.V. Problems of formation and implementation of the concept of law-applicable technology in modern Russia: dis. ... cand. jurid. sciences. Rostov n/D, 2007.

25. Kuzmina A.V. Formation of the doctrine of protection of the weak side in contract law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. No. 46. P. 698–726.

26. Overview of certain issues of judicial practice related to voluntary insurance of property of citizens, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 27, 2017 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. 01 November. No. 11. P. 81–96.

27. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.03.2020 N 78-KG19-73, 2-134 / 2019 "On the recovery of a part of the insurance premium, compensation for moral damage, and a fine" // [Electronic resource]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1870416 (date of access: 27.07.2020).

28. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.02.2019 N 14-KG18-53 "On invalidating the contract of assignment of rights of claim." [Electronic resource] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1743828 (date accessed: 07/27/2020).

29. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES17-21966 (4) dated 21.03.2019 // [Electronic resource]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1750142 (date accessed: 07/27/2020).

30. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2020 N 305-ES20-5261 in case N A41-10938 / 2019 "On challenging judicial acts in the case of collecting a debt for payment of work performed and forfeit". // [Electronic resource] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7b6d8290-04b5-4259-a9d9-39df2edcd286/ea1f9b3a-f43d-4122-86ef-c71e-984b68b3/A41-10938-2019_20200709_ie.Stamp-n (date of access: 27.07.2020).

31. Plyusnina O.V. Interpretation of individual contracts // Bulletin of the Kostroma State Technological University. State and law: theory and practice. 2012. No. 1 (2). P. 25–31.

32. Polenina S. V. Legal technology and legal technology: theory, practice, continuity // Legal technology. 2011. No. 5. P. 387–390.

33. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 05/18/2020 No. F04-4911 / 2016 in case No. A02-1542 / 2015 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4888A0CDDC370DCA648B618A8614321A&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32-8&ts=11353159596548714233&base=AZS&n=164562&rnd=E2FEq4>.

34. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of 06/23/2020 N F07-6998 / 2020 in case N A56-116036 / 2019 "On the obligation of the tenant to conclude an additional agreement to the lease agreement for a non-residential building, on the collection of debt and penalties" // [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=ASZ&n=231869#0414824825307615> (date of access: 07/27/2020).

35. Resolution of the Plenum N 49 of 25.12.2018 "On some issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract" // Rossiyskaya Gazeta, 2019, January 11. No. 4; Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2, February.

36. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated July 14, 2020 N 17AP-4778/2020-GK in case N A60-73074 / 2019 "On the collection of arrears on payment of the guaranteed amount, penalties for violation of the terms of settlements under the work contract" // [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

online.cgi?req= doc&base=RAPS017&n= 242184&dst= 100001#026109303735828515.
(date of access: 27.07.2020).

37. Rosenberg M.G. Interpretation of the contract // *Economy and Life*. 1995. No. 19.

38. Sarbash S.V. Some trends in the development of the institution of interpretation of the treaty in civil law // *State and Law*. 1997. No. 2. P. 39–44.

39. Sidorin D.V. An entrepreneurial contract as an object of interpretation: features and differences from other civil law contracts // *Law and politics: theoretical and practical problems*. Collection of materials of the 5th International Scientific and Practical Conference. Ryazan, 2017. P. 346–349.

40. Stepanyuk N.V. Interpretation of a civil contract: problems of theory and practice. Moscow: INFRA-M, 2018.

41. Strigunova D.P. The problem of the interpretation of an international commercial agreement // *Law and Law*. 2016. No. 2. P. 65–68.

42. Trunin A.A. Interpretation of the treaty in US law: the ratio of subjective and objective interpretation // *Actual problems of Russian law*. 2015. No. 4 (53). P. 53–57.

43. Federal Law of 08.03.2015 N 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2015. March 9. No. 10. Art. 1412.

44. Fetisova E.M. Principles of interpretation of civil law contracts // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013. No. 8. P. 16–45.

45. Cherdantsev A.F. Interpretation of law and contract. Moscow: Unity, 2003.

46. Shaburov A.S. Theoretical issues of interpretation of contracts. // *Market and law: institutional and functional aspects*. Yekaterinburg, 1998. P. 141–145.

For citation: *Berezina E.A.* Features of the legal technology of treaty interpretation: theory and practice // *Theory of state and law*. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 29–40.

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.021

ПРАВО И ДОКУМЕНТ В СИСТЕМЕ, КАК ПРЕДПОСЫЛКА ГЕНЕЗИСА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В ПРАВЕ

Аннотация. В статье проводится анализ зарождения, формирования и развития права. Ставится проблема письменной природы права. Анализируется взаимосвязь права с документом, приводящая с развитием информационных технологий к генезису электронного документа в области процессуального права, как более универсальной и надежной формы хранения и передачи информации. Раскрывается связь процессуального права с категорией юридического процесса. Исследуется возникновение электронного документа в уголовно-процессуальном праве, как отрасли процессуального права, и его значимость для уголовного судопроизводства. Отмечается влияние цифровизации на процессуальное право и в частности на уголовно-процессуальное право.

Ключевые слова: Право, документ, электронный документ, процессуальное право, уголовный процесс, юридический процесс, цифровизация.

Исследуя возникновение и распространение электронных документов в процессуальном праве необходимо понимать, когда произошла трансформация письменной формы документа в электронную, каким образом такой феномен как документ связан с правом и каково его место в письменной природе права.

Становление права, также как и государства представляют собой две стороны одного процесса организации политического общества. Формирование права идет по нескольким направлениям [2, с. 71; 3, с. 78].

В первую очередь зарождение права принято относить к периоду, когда государство еще слабо отличается от родоплеменного союза, а его органы представлены в виде конкретных лиц, занимающих определенное положение в обществе (вожди) и выполняющих соответствующие такому положению функции. Прообразом права в данный период выступают обычаи, выполняющие регулятивные функции в отношении членов древних обществ. В этот период вряд ли можно говорить о проблеме документального закрепления таких обычаев, при этом нельзя отрицать, что в условиях ограниченных средств коммуникации, люди использовали примитивные методы, стараясь всевозможными способами зафиксировать ту или иную информацию и передать ее следующему поколению. С определенной долей условности и наскальное изображение, и часть дерева со знаками на нем, можно признать документом, фиксирующим те или иные события, однако документ в современном его понима-

---

* **Калканов Сергей Сергеевич**, аспирант кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: skalkanov@bk.ru

Научный руководитель – **Курышева Наталья Сергеевна**, доцент кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент, федеральный судья. E-mail: kurisheva_nata@rambler.ru

нии появляется гораздо позднее. С развитием общественных отношений и формированием государственных институтов возникает необходимость регулирования новых процессов и отношений. На тот период в роли такого регулятивного инструмента выступает признаваемый сегодня в теории такой источник права как правовой обычай. Обычай становится правовым, после чего превращается в обычное право лишь после того, как получает санкцию со стороны общественной власти [3, с. 78].

Следующее направление в формировании права связано с деятельностью судебных органов, в роли которых в древние времена выступали жрецы и монахи. При разрешении конфликтов в обществе, они естественно руководствовались обычаями, однако по каждому конкретному делу, в связи с его уникальностью, перед судом возникает необходимость принять соответствующее решение, которое не предусмотрено правовым обычаем. Таким образом, происходит формирование прецедентного права, одновременно дополняющего и вытесняющего обычное право.

И третьим направлением формирования права, наиболее важным для рассматриваемой темы является, деятельность государства, связанная с созданием нормативных актов [2, с. 269–276; 3, с. 79]. Возникновение указанного способа формирования права датируется более поздним периодом, когда происходит рассвет древнейших государств (Древний Вавилон, Древняя Индия, Древний Рим). Первоначально акты, исходящие от государства, были слабо систематизированными собраниями правовых обычаев либо сборниками распоряжений правителя. Так, например, Законы Хаммурапи составлены в основном в казуистической форме и не содержат общих принципов [4, с. 35], а, по мнению многих ученых они являются сборником особых распоряжений царя.

В данный период рационально ставить вопрос о письменной природе права, которое уже облекается в документальную форму. Если раньше обычаи хранились и передавались из поколения в поколение посредством общения, то когда происходит создание сборников правовых текстов в древних государствах, следует вести речь об их документальном изложении. Возникает справедливый вопрос, право рождается и сразу связано с понятием документа или существует обособлено и не может быть отражено в нем. Отвечая на данный вопрос, целесообразно исходить из универсального понимания права как системы, включающей в себя общеобязательные формально определенные правила поведения, которые установлены государством и обеспечены силой государственного принуждения. Следовательно, государство, принимая соответствующий правовой акт, в первую очередь должно понимать в каком формате он будет существовать и каким образом донести его содержание до граждан. Наиболее приемлемой, как в древние времена, так и сегодня является документальная форма фиксации правовых норм, являющаяся более эффективной по сравнению с устной формой, при которой высока вероятность искажения изначального смысла нормы права. Таким образом, можно сделать вывод о том, что рождение правовой нормы непосредственным образом связано с таким феноменом как документ, являющийся способом организации и существования права.

Изначально право может существовать как идея, но дальнейшее его эффективное функционирование требует облечение такой идеи в документальную форму. Приобретая образ и форму документа, возникает возможность его редактировать, дополнять и изменять. С развитием документального закрепления права происходит дифференциация документов, для принятия одного документа в другом зафиксирован способ принятия, процедура, сроки. Проблема документа это материальное

воплощение права – перевод его из статуса идеи в документально оформленный образ с четкой структурой, иными словами в материальную форму. Итак, очевидно, что право стремится к документальному образу с самых древних времен.

Развитие науки и техники, внедрение информационных технологий во все сферы человеческой жизни неизбежно отражается на праве и его документальной форме воплощения. В частности меняется отношение и к тому, что можно назвать документом. Если раньше под документом в большинстве случаев понимали материальный объект несущий определенную информацию, то сегодня он трансформируется и переходит в совершенно иную форму (электронную) и для того чтобы ознакомиться с его содержанием наличие органов зрения уже недостаточно. Происходит генезис электронного документа, как более универсального и функционального способа передачи данных в пространстве. Право же в свою очередь, вследствие взаимосвязи его с документом издревле, вслед за документом, как неразрывно связанным с правом элементом, проникает в цифровой мир. Неизбежно, электронный документ, как документ, который выполнен с помощью специального технического устройства без предварительного документирования на бумажном носителе и содержащий определенную информацию в электронной форме, за достаточно короткий промежуток времени распространяется на всех уровнях взаимодействия физических, юридических лиц и органов государства. Естественно электронный документооборот не мог не затронуть и процессуальное право, как составляющую системы отечественного права.

К категории процессуального права следует относить правовые нормы, посредством которых устанавливается порядок применения норм материального права. Они содержат специальные процедуры возбуждения и рассмотрения дела в суде и иных государственных органов, определяют положение участников процесса, в частности суда, обвинителя, защитника и т. д. В свою очередь к процессуальному праву принято относить такие отрасли как гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное право [3, с. 310].

Также процессуальное право тесно связано с такой категорией, как юридический процесс, имеющий множество определений, данных отечественными учеными. Так, В. М. Горшенев, в своей работе, посвященной раскрытию содержания юридического процесса определяет его как комплексную систему органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая:

- а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел;
- б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права;
- в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах;
- г) регулируется процедурно-процессуальными нормами;
- д) обеспечивается соответствующими способами правовой техники [5, с. 15].

Е. Г. Лукьянова отмечает ряд подходов к определению юридического процесса и процессуального права:

- а) юридический процесс – юрисдикционная деятельность органов правосудия; процессуальное право – нормы, обслуживающие эту деятельность;

б) юридический процесс – это и иная юрисдикционная деятельность, причем не только судов, но и иных юрисдикционных органов, причем не только по рассмотрению правового спора, но и по применению иного государственного принуждения – с соответствующим процессуальным правом, как системой обслуживающих ее норм;

в) юридический процесс – это вся правоприменительная и правотворческая деятельность компетентных государственных органов с соответствующей системой организационных норм;

г) юридический процесс – это «процесс реализации материально-правовых норм безотносительно к формам такой реализации», а «процессуальное право представляет собой инструкцию по реализации права материального» [6, с. 41].

Достаточно обоснованным представляется определение юридического процесса данное О. Е. Солдатовой, в котором прослеживается его неразрывная связь с процессуальным правом. По ее мнению, юридический процесс – это основанная на нормах процессуального права правоприменительная и правотворческая деятельность компетентных органов государства и их должностных лиц, а также иных уполномоченных субъектов, направленная на оптимальное удовлетворение и гарантирование интересов субъектов права [7, с. 156]. Исходя из этого, можно отметить, что процессуальное право и юридический процесс являются своего рода сторонами одной медали.

Возвращаясь к процессуальному праву и в частности к его отрасли – уголовно-процессуальному праву, следует отметить, что генезис изначально бумажной и позднее электронной документации в нем кардинальным образом меняет весь формат уголовного судопроизводства.

Ценность документа как бумажного, так и электронного заключается в его способности фиксировать, хранить и перемещать значимую информацию. Что касается уголовного процесса, то в нем без документального закрепления теряет смысл любой юридически значимый факт, событие. Так ход следственных действий, к примеру, допроса, в установленном законом порядке фиксируются в протоколах, несомненно, являющихся процессуальными документами. Такое суждение вытекает из ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), в которой отмечается, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом [1]. И мы видим как правовые нормы, непосредственно отраженные в УПК РФ, который также является документом, существенным образом влияют на ход уголовного процесса. И снова проявляется связь документальной формы с правом.

В различные этапы развития человечества участие субъектов в процессе имело разное значение. В период Древнего Египта ход судебного процесса зависел непосредственно от фараона, являющегося и верховным судьей и творцом права, которое в последствие облекается в документальную форму. В Древнем Риме право, а следовательно, и ход судебного процесса, зависели от особого мнения юристов, в свою очередь документально не оформленного, но игравшего существенную роль. Сегодня, ни мнение юриста, ни мнение судьи не может изменить процессуальную составляющую уголовного судопроизводства. Ее способен изменить только соответствующий нормативно правовой акт, выраженный в форме документа и содержащий соответствующие предписания.

В настоящее время мы видим, как меняется природа документа, как классической материальной формы, содержащей информацию. В своей статье немецкий уче-

ный Клаус Шваб, еще в 2015 году отмечал начало Четвертой промышленной революции, характеризующейся совокупностью технологий, стирающих границы между физической, цифровой и биологической сферами [9]. Следовательно, течение такой революции не может не отразиться на уголовно-процессуальном праве и уголовном судопроизводстве, как деятельности играющей существенную роль в защите общества и государства от общественно опасных деяний.

Сегодня цифровизация охватывает подавляющее большинство сфер деятельности человека. Так, к примеру, 17 апреля 2020 года Государственной Думой Российской Федерации был принят законопроект о цифровизации населения. Данный правительственный законопроект «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ», который включит в себя полную информацию о каждом гражданине страны – от рождения до смерти [10]. Цифровизация поэтапно охватывает все новые области человеческой деятельности, включая и те, в которых традиционно ее наличие сводилось к минимуму, а именно сферу уголовного процесса, в большинстве своем представляющую активную деятельность следователя (дознавателя), прокурора и суда, направленную на установление события преступного деяния [8, с. 102] и привлечение к ответственности виновных.

Необходимо также учитывать объемы внедрения цифровых технологий в указанную сферу. Ведь нельзя исключать и субъективный фактор отправления правосудия, а чрезмерное вовлечение различных технических средств и способов электронной передачи данных будет способствовать вытеснению человека из уголовного процесса, как одного из самых важных процессов непосредственным образом касающегося организации дальнейшей жизни человека, как, к примеру, обвиняемого, так и потерпевшего.

Влияние масштабной цифровизации на процессуальное право и в частности на уголовно-процессуальное право, выражается в принятии важных решений по цифровизации уголовного судопроизводства в 2016 году, когда УПК РФ дополняется ст. 471.1, позволяющей субъектам уголовного процесса использовать электронные документы для подачи в суд. В данной норме отчетливо отражена взаимосвязь права и документа приведшая к генезису такого явления как электронный документ, открывающий новые возможности в области уголовного судопроизводства.

Так, помимо ст. 471.1, основываясь на положениях ст. 393 и 446.4 УПК РФ, мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа обращается к исполнению в порядке, предусмотренном ст. 393, в которой отмечается, что исполнительный лист вместе с копиями приговора, определения, постановления суда может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью [1].

Посредством такого инструмента передачи и хранения данных, как электронный документ возникает возможность решить достаточно важную проблему, лежащую в основе отечественного уголовного процесса. Речь идет о письменной форме делопроизводства, как основы указанного процесса. Такая форма весьма ресурсозатратна да и вовсе неудобна для хранения и обработки значимой информации.

Перевод уголовного процесса всецело на электронный документооборот позволит не только сократить расходы, связанные с затратами на канцелярские товары и оплатой почтовых отправок, но и существенно повысить оперативность обмена значимой информацией в рамках уголовного судопроизводства. Такая реформа-

ция не может не отразиться и на, находящейся на стадии формирования, концепции электронного уголовного дела. Однако нельзя не отметить, что при такой степени внедрения электронной документации в уголовное судопроизводство, особое внимание стоит уделять средствам и способам защиты нормального течения такого процесса.

В первую очередь речь идет о существенно возрастающей возможности вмешательства киберпреступников, участие которых при бумажном судопроизводстве сводится к нулю. Использование участниками уголовного процесса, слабо защищенных электронных баз данных, чревато серьезными последствиями, которые неминуемо отразятся на жизни граждан-участников такого процесса. Речь идет о внесении в электронные документы изменений, существенным образом повлияющих на ход уголовного дела.

При бумажном формате судопроизводства возможность подделать какие-либо процессуальные документы имеется у узкого круга лиц, имеющих доступ к таким документам. Применительно к электронному документообороту, такая возможность появляется у неограниченного круга лиц, обладающих навыками в компьютерной сфере и так или иначе заинтересованных в ходе уголовного процесса и определенном итоге по конкретному уголовному делу. Это будет являться серьезной проблемой, решить которую возможно посредством четкой правовой регламентации хода такого электронного документооборота и обеспечения надлежащей киберзащиты.

Сегодня наличие соответствующей техники и понимание универсальности и эффективности электронного документа, ни на шаг не приближают к формированию единого подхода в построении системы электронного уголовного дела, в которую одновременно были бы включены все возможные субъекты уголовного процесса. Однако создание такого инструмента неизбежно в ближайшее время.

Не исключено, что пандемия коронавирусной инфекции во всем мире значительно ускорит данный процесс. Ведь невозможно было представить в 2019 году, что авиа- и железнодорожное сообщение между государствами во всем мире будет приостановлено, что деятельность большинства предприятий бизнеса будет временно запрещена, что стоимость нефти на мировом рынке примет отрицательное значение, что все школы и университеты перейдут на дистанционное обучение, а для того чтобы проехать на собственном автомобиле по городу нужно будет оформить цифровой пропуск.

Эти и многие другие изменения, которые ранее невозможно было представить, сегодня неотъемлемая часть жизни общества и государства.

Проблемы, возникшие в ходе таких кардинальных перемен, невозможно решить без надлежащего правового регулирования и решительных действий в рамках продуманной и утвержденной государством стратегии. Основным инструментом в решении таких проблем – конкретные документально оформленные правовые решения, как в бумажном, так и в электронном формате, которые вновь будут демонстрировать неразрывную взаимосвязь права с документом, и подчеркивать документальную природу права.

Библиографический список

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

2. См.: Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с. – (Высшее образование) // URL: <https://urait.ru/bcode/453435> (дата обращения: 12.07.2020).
3. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. – М.: Норма, 2007. – 496 с.
4. Вологдин А. А. История государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 574 с.
5. Горшенев В. М. Теория юридического процесса. – Харьков, 1985. – 192 с.
6. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. – М., 2003. – 233 с.
7. Солдатова О. Е. Юридический процесс как категория общей теории права // Известия АлтГУ. – 2014. – № 2 (82). – С. 152–156.
8. Усачев А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 8 (60). – С. 100–111.
9. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What It Means and How to Respond (December 12, 2015) // Foreign Affairs: сайт // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (дата обращения: 15. 03. 2020)
10. «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: <https://zakon-i-porya-dok.com/2020/04/gosduma-prinyala-zakonoproekt-o-cifrovizacii-naseleniya-v-efir-uydut -vse-dannye-na-kazhdogo-rossiyanima. html> (дата обращения 20. 04. 2020).

Для цитирования: Калканов С.С. Право и документ в системе, как предпосылка генезиса электронного документа в праве // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 41–47. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.022

LAW AND A DOCUMENT IN THE SYSTEM, AS A PREREQUISITE FOR THE GENESIS OF AN ELECTRONIC DOCUMENT IN LAW

S. S. Kalkanov*

Annotation: *The article analyzes the origin, formation and development of law. The problem of the written nature of law is posed. The relationship of law with a document is analyzed, leading with the development of information technology to the genesis of an electronic document in the field of procedural law, as a more universal and reliable form of storage and transmission of information. The relationship of procedural law with the category of legal process is revealed. The occurrence of an electronic document in criminal procedure law, as a branch of procedural law, and its significance for criminal proceedings are investigated. The*

---

* **Kalkanov Sergey Sergeevich**, post-graduate student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty) of Moscow State University M.V. Lomonosova. E-mail: skalkanov@bk.ru

Academic Supervisor – **Natalya Sergeevna Kuryшева**, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (faculty), Moscow State University. MV Lomonosov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Federal Judge. E-mail: kuryшева_nata@rambler.ru

influence of digitalization on procedural law and, in particular, on criminal procedure law is noted.

Keywords: *Law, document, electronic document, procedural law, criminal proceeding, legal process, digitalization.*

Investigating the emergence and distribution of electronic documents in law in general, Russian procedural law – in particular, it is necessary to understand when the transformation of the written form of a document into electronic took place, how such a phenomenon as a document is associated with law and what is its place in the written nature of law.

The formation of law, as well as states, is two sides of the same process of organizing a political society. The formation of law goes in several directions [2, p. 71; 3, c. 78].

First of all, the origin of law is usually attributed to the period when the state is still slightly different from the tribal union, and its bodies are represented in the form of specific persons occupying a certain position in society (leaders) and performing functions corresponding to such a position. The prototype of law in this period is the customs that perform regulatory functions in relation to members of ancient societies. During this period, one can hardly talk about the problem of documenting such customs, while it cannot be denied that in conditions of limited means of communication, people used primitive methods, trying in all possible ways to record this or that information and pass it on to the next generation. With a certain degree of convention, both the rock art and part of the tree with signs on it can be recognized as a document fixing certain events, but the document in its modern sense appears much later. With the development of social relations and the formation of state institutions, it becomes necessary to regulate new processes and relations. At that time, such a source of law as legal custom, recognized today in theory, acts as such a regulatory instrument. The custom becomes legal, after which it turns into customary law only after it receives sanction from the public authority [3, p. 78].

The next direction in the formation of law is associated with the activities of the judiciary, in the role of which in ancient times were priests and monks. When resolving conflicts in society, they were naturally guided by customs, however, in each specific case, due to its uniqueness, the court needs to make an appropriate decision, which is not provided for by legal custom. Thus, there is a formation of case law, which at the same time complements and supplants customary law.

And the third direction of the formation of law, the most important for the topic under consideration, is the activities of the state associated with the creation of regulations [2, p. 269–276; 3, p. 79]. The emergence of this method of forming law dates back to a later period, when the dawn of the most ancient states occurs (Ancient Babylon, Ancient India and Ancient Rome). Initially, acts emanating from the state were poorly systematized collections of legal customs or collections of orders of the ruler. So, for example, the Laws of Hammurabi are composed mainly in a casuistic form and do not contain general principles [4, p. 35], and, according to many scholars, they are a collection of special orders of the king.

In this period, it is rational to raise the question of the written nature of law, which is already being clothed in documentary form. If earlier customs were kept and passed on from generation to generation through communication, then when collections of legal texts are created in ancient states, we should talk about their documentary presentation. A fair question arises, law is born and is immediately associated with the concept of a document, or it may exist separately and not be reflected in it. Answering this question, it is advisable to proceed from a universal understanding of law as a system that includes generally bind-

Theory of State and Law

---

ing formally defined rules of conduct that are established by the state and provided by the force of state coercion. Consequently, the state, adopting the relevant legal act, must first of all understand in what format it will exist and how to convey its content to citizens. The most acceptable, both in ancient times and today, is the documentary form of fixing legal norms, which is more effective than the oral form, in which there is a high probability of distortion of the original meaning of the rule of law. Thus, we can conclude that the birth of a legal norm is directly related to such a phenomenon as a document, which is a way of organizing and existing law.

Initially, law can exist as an idea, but its further effective functioning requires the closure of such an idea in a documentary form. By acquiring the image and form of a document, it becomes possible to edit, supplement and change it. With the development of documentary consolidation of rights, differentiation of documents takes place, for the adoption of one document in another, the method of acceptance, procedure, terms are fixed. The problem of the document is the material embodiment of the right – its translation from the status of an idea into a documented image with a clear structure, in other words, into a material form. So, it is obvious that the law has been striving for a documentary image since ancient times.

The development of science and technology, the introduction of information technology in all spheres of human life inevitably affects the law and its documentary form of embodiment. In particular, the attitude towards what can be called a document is changing. If earlier in most cases the document was understood as a material object carrying certain information, today it is transformed and goes into a completely different form (electronic) and in order to get acquainted with its content, the presence of the organs of vision is no longer enough. The genesis of an electronic document is taking place as a more universal and functional way of transmitting data in space. Law, in turn, due to its relationship with the document since ancient times, following the document, as an element inextricably linked with the law, penetrates the digital world. Inevitably, an electronic document, as a document that is executed with the help of a special technical device without preliminary documentation on paper and containing certain information in electronic form, in a fairly short period of time is distributed at all levels of interaction between individuals, legal entities and state bodies. Naturally, electronic document management could not but touch on procedural law as a component of the system of domestic law.

The category of procedural law should include legal norms by which the procedure for applying the norms of substantive law is established. They contain special procedures for initiating and considering a case in court and other state bodies, determine the position of the participants in the process, in particular the court, the prosecutor, the defense attorney, etc. In turn, it is customary to refer to the procedural law such branches as civil procedure and criminal procedure law [3, p. 310].

Also, procedural law is closely related to such a category as a legal process, which has many definitions given by domestic scientists. So, V.M. Gorshenev, in his work devoted to disclosing the content of the legal process, defines it as a complex system of organically interrelated legal forms of activity of authorized state bodies, officials, as well as those interested in resolving various legal cases of other subjects of law, which:

- a) is expressed in the performance of transactions with the norms of law in connection with the resolution of certain legal cases;
- b) carried out by authorized state bodies and officials in favor of interested subjects of law;

- c) is enshrined in the relevant legal acts – official documents;
- d) is governed by procedural rules;
- e) provided by appropriate methods of legal technology [5, p. 15].

E.G. Lukyanova notes a number of approaches to the definition of the legal process and procedural law:

a) legal process – the jurisdictional activity of the justice authorities; procedural law – the norms that serve this activity;

b) the legal process is also another jurisdictional activity, not only of the courts, but also of other jurisdictional bodies, and not only for the consideration of a legal dispute, but also for the application of other state coercion – with the corresponding procedural law as a system of serving it;

c) the legal process is all the law enforcement and lawmaking activities of the competent state bodies with an appropriate system of organizational norms;

d) the legal process is “the process of implementation of substantive legal norms, regardless of the forms of such implementation,” and “procedural law is an instruction on the implementation of material rights” [6, p. 41].

The definition of the legal process given by O.E. Soldatova, which traces its inextricable connection with procedural law, seems to be quite reasonable. In her opinion, the legal process is based on the norms of procedural law, law enforcement and lawmaking activities of the competent state bodies and their officials, as well as other authorized entities, aimed at optimal satisfaction and guarantee of the interests of legal entities [7, p. 156]. Based on this, it can be noted that procedural law and legal process are a kind of sides of the same coin.

Returning to procedural law and in particular to its branch – criminal procedural law, it should be noted that the genesis of initially paper and later electronic documentation in it radically changes the entire format of criminal proceedings.

The value of a document, both paper and electronic, lies in its ability to record, store and move meaningful information. As for the criminal process, any legally significant fact or event loses its meaning without documentary confirmation. So, the course of investigative actions, for example, interrogation, in the manner prescribed by law is recorded in protocols, which are undoubtedly procedural documents. This judgment follows from Art. 83 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), which states that protocols of investigative actions and protocols of court sessions are admitted as evidence if they meet the requirements established by this Code [1]. And we see how the legal norms directly reflected in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which is also a document, significantly affect the course of the criminal process. And again the connection between the documentary form and the law is manifested.

At different stages of human development, the participation of subjects in the process had different meanings. During the period of Ancient Egypt, the course of the trial depended directly on the pharaoh, who is both the supreme judge and the creator of law, which is subsequently clothed in documentary form. In ancient Rome, the law, and, consequently, the course of the trial, depended on the dissenting opinion of lawyers, which in turn was not documented, but played an essential role. Today, neither the opinion of a lawyer nor the opinion of a judge can change the procedural component of criminal proceedings. It can only be changed by the corresponding normative legal act, expressed in the form of a document and containing the corresponding prescriptions.

Currently, we see how the nature of the document, as a classical material form containing information, is changing. In his article, German scientist Klaus Schwab, back in 2015, marked the beginning of the Fourth Industrial Revolution, characterized by a set of technologies that blur the boundaries between the physical, digital and biological spheres [9]. Consequently, the course of such a revolution cannot but affect the criminal procedural law and criminal proceedings, as activities that play an essential role in protecting society and the state from socially dangerous acts.

Today digitalization covers the vast majority of areas of human activity. So, for example, on April 17, 2020, the State Duma of the Russian Federation adopted a bill on the digitalization of the population. This government bill "On unified federal information register containing information about the population of the Russian Federation", which will include full information about every citizen of the country – from birth to death [10]. Digitalization gradually covers all new areas of human activity, including those in which traditionally its presence was minimized, namely the sphere of the criminal process, for the most part representing the active activities of the investigator (interrogator), prosecutor and court aimed at establishing the event of a criminal act [8, c. 102] and bringing the perpetrators to justice.

It is also necessary to take into account the volume of introduction of digital technologies in this area. After all, the subjective factor of the administration of justice cannot be ruled out, and the excessive involvement of various technical means and methods of electronic data transmission will contribute to ousting a person from the criminal process, as one of the most important processes directly related to the organization of a person's future life, as, for example, the accused, and the victim.

The impact of large-scale digitalization on procedural law, and in particular on criminal procedural law, is expressed in the adoption of important decisions on the digitalization of criminal proceedings in 2016, when the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is supplemented by Art. 471.1, which allows subjects of criminal proceedings to use electronic documents for filing in court. This norm clearly reflects the relationship between law and a document, which led to the genesis of such a phenomenon as an electronic document, which opens up new opportunities in the field of criminal proceedings.

So, in addition to Art. 471.1, based on the provisions of Art. 393 and 446.4 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a measure of a criminal-legal nature in the form of a court fine refers to execution in the manner prescribed by Art. 393, which notes that the writ of execution, together with copies of the judgment, ruling, court order, can be sent by the court for execution to the bailiff-executor in the form of an electronic document signed by the judge with a strengthened qualified electronic signature [1].

By means of such a tool for transferring and storing data as an electronic document, it becomes possible to solve a rather important problem that underlies the domestic criminal process. We are talking about the written form of office work, as the basis of the specified process. This form is very resource-intensive and even inconvenient for storing and processing significant information.

The transfer of the criminal process entirely to electronic document circulation will allow not only to reduce the costs associated with the cost of stationery and payment for postage, but also significantly increase the efficiency of the exchange of significant information within the framework of criminal proceedings. Such a reformation cannot but affect the concept of an electronic criminal case, which is at the stage of formation. However, it should be noted that with such a degree of implementation of electronic documentation in

criminal proceedings, special attention should be paid to the means and methods of protecting the normal course of such a process.

First of all, we are talking about a significantly increasing possibility of intervention by cybercriminals, whose participation in paper-based proceedings is reduced to zero. The use of weakly protected electronic databases by the participants in the criminal process is fraught with serious consequences that will inevitably affect the lives of citizens participating in such a process. We are talking about making changes to electronic documents that will significantly affect the course of the criminal case. In a paper format of legal proceedings, a narrow circle of persons with access to such documents have the opportunity to forge any procedural documents. With regard to electronic document flow, such an opportunity appears for an unlimited number of people with skills in the computer sphere and one way or another interested in the course of the criminal process and a certain result in a specific criminal case. This will be a serious problem, which can be solved through a clear legal regulation of the course of such electronic document flow and ensuring adequate cyber protection.

Today, the availability of appropriate technology and an understanding of the universality and effectiveness of an electronic document do not bring one step closer to the formation of a unified approach to building an electronic criminal case system, which would simultaneously include all possible subjects of the criminal process. However, the creation of such a tool is inevitable in the near future. It is possible that the coronavirus pandemic around the world will significantly accelerate this process. After all, it was impossible to imagine in 2019 that air and rail communications between states around the world would be suspended, that the activities of most business enterprises would be temporarily banned, that the cost of oil on the world market would become negative, that all schools and universities would switch to distance learning, and in order to drive your own car around the city, you will need to issue a digital pass. These and many other changes, which were previously impossible to imagine, today are an integral part of the life of society and the state.

The problems that have arisen in the course of such dramatic changes cannot be solved without proper legal regulation and decisive actions within the framework of a well-thought-out and state-approved strategy. The main tool in solving such problems is specific documented legal decisions, both in paper and in electronic format, which will again demonstrate the inextricable relationship of law with a document, and emphasize the documentary nature of law.

Bibliographic list

1. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 18.12.2001 № 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

2. See: Komarov, SA General theory of state and law: textbook for universities / SA Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p. (Higher education). Text: electronic // EBS Yurayt [site] // URL: <https://urait.ru/bcode/453435> (date of access: 12.07.2020).

3. Theory of state and law: Textbook for universities / Under total. ed. prof. O. V. Martyshin. Moscow: Norma, 2007. 496 p.

4. Vologdin A.A. History of state and law of foreign countries: Textbook allowance. Moscow: Higher. shk., 2005. 574 p.

5. Gorshenev V.M. Theory of legal process. Kharkov, 1985. 192 p.

6. Lukyanova E.G. Theory of procedural law. Moscow, 2003. 233 p.
7. Soldatova O.E. Legal process as a category of general theory of law // Izvestia AltSU. 2014. No. 2 (82). P. 152–156.
8. Usachev A. A. Digitalization of the initial stage of pre-trial proceedings and legal certainty of the Russian criminal process // Bulletin of the O.E. Kutafina. 2019. No. 8 (60). P. 100–111.
9. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What It Means and How to Respond (December 12, 2015) // Foreign Affairs: website. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (date accessed: 15.03.2020)
10. "On the unified federal information register containing information about the population of the Russian Federation" // URL: <https://zakon-i-porya-dok.com/2020/04/gosduma-prinyala-zakonoproekt-o-cifrovizacii-naseleniya-v-efir-uydut-vse-dannye-na-ka-zhdogo-rossiyanina.html> (accessed 20.04.2020).

For citation: Kalkanov S.S. Law and document in the system as a prerequisite for the genesis of an electronic document in law // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 47–53.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.022

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится анализ теоретико-методологической основы исследований, посвященных проблематике взаимовлияния виртуального пространства и общественных отношений. Влияние виртуального пространства на международные отношения рассматривается на примере Российской Федерации и Республики Кубы. Представлены результаты исследований – социологического опроса, проведенного среди россиян, и экспертного интервью.

Ключевые слова: виртуальное пространство, общественные отношения, международные отношения, дипломатия, информационные войны, социология права, социологическое исследование, экспертное интервью.

В современном мире возрастает роль виртуального пространства, проникающего в различные сферы деятельности государства и общества, а также оказывающего на него серьезное влияние [8, 9]. Правильно отмечается, что «На фоне происходящих информационных изменений меняется мировоззрение, мышление, психология, культура и общение людей. Мы волею судьбы становимся напрямую зависимыми от процессов передачи информации, ее обработки и способов передачи» [2, с. 26].

Международные отношения и мировая политика не являются исключением, в XXI в. особенно акцентируется внимание на взаимодействие и взаимовлияние виртуального пространства и международных отношений. Социология международных отношений как самостоятельное направление начала оформляться ещё в 40-е гг. XX в., становление дисциплины произошло в 70-е гг. В настоящее время учеными выделяются три основных направления – *акционалистское*, (Р. Арон и его последователи), *детерминистское* (Э. Дюркгейм) и *конструктивистское* (А. Вендт).

Относительно социологии виртуальности, стоит отметить, что данная сфера активно изучается зарубежными и отечественными исследователями, среди которых Г. П. Отюцкий, Г. Н. Кузьменко, И. М. Меликов. Так, в своей работе «Социология виртуальности: проблемы конструирования и методология» они приходят к выводу, что массив работ, посвященных изучению феномена социологии виртуальности, показывает назревшую «необходимость конструирования социологии виртуальности как социологической теории среднего уровня» [5]. Социология государства признается самостоятельным направлением в теории государства и права и нуждается в должном теоретико-методологическом и эмпирическом материале, значительная часть которого может быть сформирована в рамках социологии международных от-

---

* *Кузьмина Елена Сергеевна*, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат социологических наук. E-mail: kuzelenas@mail.ru

** *Цацына Аллана Вячеславовна*, студентка 3 курса Исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: tsatsyna.a@mail.ru

ношений. Виртуализация государственно-правовой действительности предопределяет необходимость усиления социологической обеспеченности политологии, юриспруденции и ряда специальных наук.

Теоретические изыскания М. Либики [4], И. Н. Панарина, С. П. Расторгуева, Г. Саймонса и др. показали, что с развитием виртуального пространства информационные войны и пропаганда в цифровой среде вышли на новый уровень своего воздействия на потребителей информации. Вместе с тем, практика показывает, что международные отношения также оказали влияние на виртуальное пространство, о чем свидетельствует появление новых форматов сетевой коммуникации международного сообщества – интеллектуальных площадок для диалогов (видеоконференций, онлайн-форумов и проч.).

Например, Е. В. Гребенкина в своих работах отмечает, что под влиянием виртуального пространства дипломатия существенно трансформировалась, появились новые ее виды – публичная дипломатия, парадипломатия, электронная дипломатия и т.д. Несомненно, на современные международные отношения оказывают влияние такие процессы, как информатизация, глобализация и интеграция, благодаря чему происходит увеличение внешнеполитических акторов и расширение областей, охватываемых внешней политикой. Такие отношения Е. В. Гребенкина характеризует как «сетевое взаимодействие» [3]. Кроме того, Г. С. Сологубова также отмечает, что развитие новых форм дипломатии обусловлено именно сетевыми взаимодействиями [7].

Сетевые технологии взаимодействия способствуют развитию новых форм дипломатии, а они, в свою очередь, обуславливают появление новых виртуальных пространств в технико-технологическом и трансграничном смыслах. По мнению Г.С. Сологубовой, «диалоги в сети и медиа-среде выполняют задачу репрезентации определенных позиций в вопросах мирового развития и общественной жизни в самых разнообразных социальных кругах и сообществах, а участники таких событий и их идеи представляются глобальной интеллектуальной аудиторией» [7].

В качестве нового вида дипломатии рассмотрим электронную дипломатию (e-diplomacy). «Существуют разнообразные подвиды, такие как “твипломатия” (twiplomacy), дипломатия социальных сетей (social media diplomacy), публичная дипломатия “Web 2.0” и другие, в связи с чем некоторые исследователи предлагают ввести общий термин для подвидов – “инновационная дипломатия”» [3].

«Существует мнение, согласно которому представительством страны в виртуальном пространстве считаются официальные аккаунты и вебсайты дипломатических служб» [12]. «Сетевая дипломатия” – термин еще не устоявшийся, но активно использующийся в российской внешней политике» [3]. Подстраиваясь под вызовы современности, дипломатия приобретает новые формы и особенности, а дипломаты, как ведущие политики, пересматривают и уточняют свои взгляды на современные международные отношения.

Одним из ярких примеров взаимовлияния международных отношений и виртуального пространства являются информационные войны. Термин «информационная война» был заимствован русским языком из английского и в первоначальном виде звучит как «information and psychological warfare», что можно перевести по-разному, в зависимости от контекста: «информационная, психологическая война», «информационное противоборство».

История информационно-психологического воздействия начинается еще в Древнем мире, где использовались средства духовного воздействия на противника, с помощью которых моральный дух неприятеля ослабевал, и его боевая мощь терялась. Этим же способом укрепляли веру в победу своих войск. С развитием научно-технического прогресса информационные войны усложнялись, изменялись средства их ведения, а также расширялись области, которые они охватывали. Определяя актуальные и часто встречающиеся сферы ведения современного информационного противоборства, к ним относят политику, дипломатию, финансово-экономическую, а также инновационную и военную сферы [8].

Некоторые исследователи используют специальный термин «геополитическое информационное противоборство», который относится к современным формам борьбы между странами. К основным целям геополитического информационного противоборства относятся: манипулирование мнением масс на региональном, национальном и глобальном уровнях; обеспечение информационной безопасности страны и гарантия ее успешной деятельности в мировом информационном пространстве; внесение путаницы и беспорядков в работу систем противостоящего государства. Ученые определяют такие составные части информационного противоборства в политической сфере, как информационное противодействие, информационное воздействие и стратегический политический анализ [8].

Большую роль в информационных войнах и подрывной деятельности играют «кризисы». Понятие «кризис» в обществе используется часто, и то, что его истинное значение остается неясным, что дает возможность заявившему о начале кризиса «определять психологическую среду в свете своих целей и задач. Любой кризис всегда протекает в двух пространствах – материальном и информационном» [6]. В связи с этим очень важно наблюдать за протеканием кризиса именно с двух сторон, поскольку, заботясь только о кризисе материальном, теряется контроль над кризисом информационным, что в итоге приводит к краху в обеих сферах. Так, не уделяя должного внимания информационной среде во время кризиса, можно упустить из виду истинные намерения его инициатора, которые чаще всего являются политическими.

В период с 2015 по 2019 гг. Фондом «Общественное мнение» было проведено «семь репрезентативных опросов населения РФ от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 100 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%» [11]. По данным аналитического центра, процент опрошенных россиян, которые следят за внешней политикой, в период с 2015 по 2019 гг. снизился с 60% (2015 г.) до 56% (2019 г.).

По результатам того же исследования, процент опрошенных россиян, по мнению которых внешней политике уделяется столько внимания, сколько нужно, в период с 2015 по 2019 гг. также понижался – с 55% (2015 г.) до 38% (2019 г.). Параллельно этой динамике возросла популярность другой точки зрения, согласно которой внешней политике России уделяется слишком много внимания – с 17% (2015 г.) до 32% (2019 г.). В рамках данного исследования респондентам задавался вопрос: «Как Вам кажется, во внешней политике России за последнее время было больше успехов или неудач»? Анализ результатов опроса показывает, что динамика мнения респондентов, выбравших ответ «во внешней политике было больше успехов», с 2015 по 2019 г. снизилась – с 57% (2015 г.) до 45% (2019 г.). С другой стороны, по-

казатель «во внешней политике было больше неудач» рос в этом же временном отрезке – с 16% (2015 г.) до 25% (2019 г.) [11].

С целью выявить, как относятся граждане России к современным международным отношениям и внешней политике в целом, как оценивают влияние виртуального пространства на современные международные отношения нами было проведено социологическое исследование методом анкетирования посредством онлайн-опроса (выборка исследования составила 250 респондентов), а также методом экспертного интервью с ведущим научным сотрудником Института философии республики Куба, доктором философских наук, профессором Хесусом Пастором Гарсия Бригосом.

Более подробно представим результаты опроса. На вопрос «Какие эмоции Вы испытываете, когда слышите словосочетание “внешняя политика”?» мнение респондентов распределилось следующим образом: положительные эмоции испытывает 44,4% опрошенных, отрицательные – 20,8%, затруднились ответить на вопрос 34,8 %. Респондентам, которые испытывают отрицательные эмоции к внешней политике, предлагалось объяснить свою позицию. В целом, полученные ответы можно разделить на три группы: 1) негативное отношение респондентов к внешней политике сформировано СМИ; 2) негативное отношение респондентов вызвано мнением, что внешней политике России уделяется больше внимания, чем внутренней; 3) негативное отношение респондентов сформировано некоторыми событиями во внешней политике, которые опрошенные характеризуют отрицательно.

Анализ результатов показал, что большинство опрошенных (72,1%) интересуются внешней политикой, 27,9% высказались, что не интересуются. Тем респондентам, которые интересуются внешней политикой, был задан дополнительный вопрос: «Если интересуетесь, то в чём выражается Ваш интерес»? Так, 86,9% опрошенных смотрят или читают новости; 50,3% – читают аналитические статьи, заметки и интервью отечественных и зарубежных экспертов; 6,8% участвуют в форумах, конференциях; 3,7% пишут научные, аналитические статьи; 2% выбрали вариант ответа «другое» указав, что иногда обсуждают внешнеполитические новости с друзьями.

Кроме того, респондентам был задан вопрос: «С помощью какого средства массовой информации Вы чаще всего следите за внешнеполитическими новостями»? Большинство опрошенных (88,8%) используют Интернет; 36% – телевидение; 8,4% ответили, что не следят за внешнеполитическими новостями; 4,8% читают газеты, 4% слушают радио, 0,8% узнают о новостях от родителей или друзей.

Далее опрошенным россиянам было предложено ответить на вопрос «Как часто Вы читаете/смотрите/слушаете внешнеполитические новости в Интернет-пространстве»? Постоянно (каждый день) следят за новостями 15,6%; достаточно часто (не менее трёх-четырёх раз в неделю) узнают новости 28% респондентов; 26,8% иногда (от одного до трёх раз в неделю) читают, смотрят или слушают новости; 14% редко (менее двух раз в неделю) уделяют внимание новостям; 13,2% выбрали вариант ответа «время от времени (один раз в месяц и реже)»; 2,4% никогда этого не делают.

Особое внимание уделим распределению ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, какую роль информационное пространство играет в сфере международных отношений»? 62,8% опрошенных считают, что информационное пространство играет значительную, но не определяющую роль; 28,4% уверены, что информационное пространство определяет и задаёт направление международным отношениям; 6% полагают, что оно играет незначительную роль; 2,4% считают, что оно никакой роли не играет. Один респондент (0,4%) высказал свою точку зрения более подробно: «Все

что показывают средства массовой информации – непроверенный и неподтвержденный вброс информации в народные массы».

Респонденты также отвечали на вопрос «Как Вы относитесь к утверждению о том, что в современном мире информация о внешней политике является открытой и доступной»? Мнение опрошенных разделилось следующим образом: 63,2% опрошенных согласны с утверждением; 35,2% не согласны с высказыванием. Анализ показал, что большинство опрошенных считают, что информационное пространство стало неотъемлемой частью внешней политики, умелым инструментом пропаганды и влияния в руках её субъектов (90,4%). Остальные респонденты не согласились с данным утверждением (9,6%). Результаты опроса также показали, что большинство респондентов согласны с тем, что средства массовой информации могут формировать представления людей о внешнеполитической обстановке, в том числе в пользу заинтересованных фигур на международной шахматной доске (94,8%). Остальные респонденты не согласились с данным высказыванием (4,8%).

Опрошенным россиянам предлагалось охарактеризовать международную обстановку в мире в целом. Основная часть респондентов (70,4%) оценивают обстановку напряженной, 18,8% считают ее стабильной, 8,4% затруднились дать ответ на вопрос, 1,6% считают обстановку благоприятной. Вопрос был полузакрытым, и некоторые респонденты выразили свое мнение более подробно (0,8%). Так, один из опрошенных считает обстановку стабильной в целом, но пандемия COVID-19, по мнению респондента, создает всеобщую напряженность. Другой опрошенный ответил, что обстановка «стабильно напряженная».

Таким образом, анализ результатов социологического исследования показал, что около половины респондентов (44,4%) испытывают положительные эмоции по отношению к внешней политике, в целом. При этом те опрошенные, которые негативно относятся к данной сфере (20,8%), объяснили свою позицию, и в ходе анализа выяснилось, что основной причиной такого отношения являются неблагоприятные внешнеполитические события, а также мнение о том, что внешней политике России уделяется больше внимания, чем внутренней.

Из экспертного интервью, проведенного с ведущим научным сотрудником Института философии республики Куба, доктором философских наук, профессором Хесусом Пастором Гарсия Бригосом отметим следующее.

По словам сеньора Хесуса Пастора, большинство кубинцев интересуются внешней политикой, но есть «разные социо-демографические группы, которые интересуются по-разному, и в различной степени». Кубинец отметил, что внешней политикой Кубы интересуются все взрослые граждане острова, «начиная с молодежи в средней школе». Островитян очень сильно интересуют взаимоотношения с Венесуэлой по идеологическим, политическим и экономическим причинам, также большую роль играет солидарность.

Описывая современные отношения Кубы и России, кубинец вспоминает историю и заключает, что «интерес к русскому народу по-прежнему высок, зачастую сопряжен с любовью и благодарностью». Эксперт также упомянул об интересе к Китаю, «поскольку эта страна представляет собой пример успешного экономического развития». В ходе анализа интервью выяснилось, что жители Кубы узнают новости из мира международных отношений через радио (не только кубинское), телевидение, teleSUR (Латиноамериканская телекомпания), Интернет и кубинские газеты. При этом эксперт подчеркивает относительно всех СМИ на острове: «Критерии

справедливости и объективности – очень относительные, не абстрактные. Кубинские традиционные СМИ (радио, телевидение, пресса), конечно, работают согласно нашим классовым интересам. По моим оценкам, СМИ не всегда доподлинно (объективно) передают информацию».

Сеньор Хесус Пастор дал свою оценку относительно международных отношений Кубы с некоторыми странами. О кубинско-российских отношениях эксперт высказался следующим образом: «Нынешние отношения с Правительством России очень хорошие. Отношения между гражданами (с народом) всегда были и есть очень хорошие».

Заметим, что Х. П. Г. Бригос является видным кубинским конституционалистом и исследователем социально-правовых проблем развития социалистического правового государства, уделяет большое внимание компаративистике [1].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что существует понимание и осознание россиянами о том, что информационное пространство является одной из неотъемлемых частей внешней политики. Россияне признают важную роль виртуального пространства, но при этом не считают, что оно определяет ход мировой политики и задает ей направление. Между тем, полученная информация может быть использована для общетеоретических и специальных государственно-правовых исследований влияния виртуального пространства на современные международные отношения и внести определенный вклад в развитие социологии государства как элемента теории государства и права и иных специальных наук.

Библиографический список

1. Бригос Х.П.Г. Особенности новой Конституции Кубы 2019 года и концепция социалистического правового государства // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 1. – С. 107–115.
2. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
3. Гребенкина Е. В. Трансформация дипломатии в рамках сетевой структуры мира // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 3. – С. 138–144.
4. Либки М. Что такое информационная война? // Сайт «Pluriversum» // URL: <https://pluriversum.org/opinion/strategy/chto-takoe-informatsionnaya-vojna/> (дата обращения: 01.08.2020).
5. Отюцкий Г. П., Кузьменко Г. Н., Меликов И. М. Социология виртуальности: проблемы конструирования и методологии // Системная психология и социология. – 2015. – № 2. – С. 118–129.
6. Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века // Валдайские записки. – 2019. – № 105. – С. 3–15.
7. Сологубова Г. С. Интеллектуальное событие как часть общественной дипломатии // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. – 2019. – № 4. – С. 125–131.
8. Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность: учеб. пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум». – 2017. – 124 с.

9. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 740–747.

10. Федосеева Н. Н. Виртуальное пространство как объект государственного контроля: к постановке проблемы // Право и государство: теория и практика. – № 10. – 2010. – С. 118–124.

11. Внешняя политика: успехи и неудачи (Россияне оценивают внешнеполитический курс страны) // Сайт Фонда Общественное мнение // URL: <https://fom.ru/Politika/14174> (дата обращения: 01.08.2020).

12. Grech Olesia M. Virtual Diplomacy. Diplomacy of the Digital Age : dissertation for the degree of Master of Arts in Contemporary Diplomacy (Faculty of Arts in the University of Malta) // Site of the non-profit foundation «DiploFundation» //URL: <https://www.diplomacy.edu/resources/general/virtual-diplomacy-diplomacy-digital-age> (дата обращения: 01.08.2020).

Для цитирования: Кузьмина Е.С., Цацина А.В. Влияние виртуального пространства на современные общественные отношения: социологический анализ // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 54–60. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.023

Elena S. Kuzmina*
Allana V. Tsatsyna**

THE INFLUENCE OF THE VIRTUAL SPACE ON MODERN AND SOCIAL RELATIONS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *This article is contained analysis the theoretical and methodological basis of research on the interaction of virtual space and social relations. The influence of virtual space on international relations is considered on the example of Russian Federation and the Republic of Cuba. The article presents the results of research the sociological survey conducted among Russians, and an expert interview.*

Key words: *virtual space, social relations, international relations, diplomacy, information wars, sociology of law, sociological research, expert interviews.*

In the modern world, the role of virtual space is growing, penetrating into various spheres of the state and society, and also exerting a serious influence on it [8, 9]. It is correctly noted that “Against the background of the ongoing informational changes, the worldview, thinking, psychology, culture and communication of people are changing. We, by the will of fate, become directly dependent on the processes of information transmission, its processing and transmission methods” [2, p. 26].

---

* **Kuzmina Elena Sergeevna**, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology of the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University, Candidate of Sociological Sciences. E-mail: kuzelenas@mail.ru

** **Tsatsyna Allana Vyacheslavovna**, 3rd year student of the Faculty of History, Irkutsk State University. E-mail: tsatsyna.a@mail.ru

International relations and world politics are no exception, in the XXI century attention is especially focused on the interaction and mutual influence of the virtual space and international relations. The sociology of international relations as an independent direction began to take shape back in the 40s. XX century, the formation of the discipline took place in the 70s. Currently, scientists distinguish three main areas – *actionalist* (R. Aron and his followers), *deterministic* (E. Durkheim) and *constructivist* (A. Wendt).

Regarding the sociology of virtuality, it is worth noting that this area is being actively studied by foreign and domestic researchers, including G.P. Otyutsky, G.N. Kuzmenko, I.M. Melikov. So, in their work "Sociology of virtuality: problems of design and methodology" they come to the conclusion that the array of works devoted to the study of the phenomenon of sociology of virtuality shows the urgent "need to construct the sociology of virtuality as a sociological theory of the middle level" [5]. The sociology of the state is recognized as an independent direction in the theory of state and law and needs proper theoretical, methodological and empirical material, a significant part of which can be formed within the framework of the sociology of international relations. The virtualization of state and legal reality predetermines the need to strengthen the sociological security of political science, jurisprudence and a number of special sciences.

Theoretical studies by M. Libika [4], I. N. Panarin, S. P. Rastorguev, G. Simons and others have shown that with the development of the virtual space, information wars and propaganda in the digital environment have reached a new level of their impact on information consumers ... At the same time, practice shows that international relations also influenced the virtual space, as evidenced by the emergence of new formats of network communication of the international community – intellectual platforms for dialogues (videoconferences, online forums, etc.).

For example, E. V. Grebenkina notes in her works that under the influence of the virtual space diplomacy has significantly transformed, new types of it have appeared – public diplomacy, para-diplomacy, e-diplomacy, etc. Undoubtedly, modern international relations are influenced by such processes as informatization, globalization and integration, due to which there is an increase in foreign policy actors and the expansion of the areas covered by foreign policy. E. V. Grebenkina characterizes such relations as "network interaction" [3]. In addition, G.S. Sologubova also notes that the development of new forms of diplomacy is due precisely to network interactions [7].

Networked interaction technologies contribute to the development of new forms of diplomacy, and they, in turn, cause the emergence of new virtual spaces in technical, technological and cross-border senses. According to G.S. Sologubova, "dialogues in the network and the media environment perform the task of representing certain positions on issues of world development and public life in a wide variety of social circles and communities, and participants in such events and their ideas are presented to the global intellectual audience" [7].

Let us consider e-diplomacy as a new type of diplomacy. "There are various subspecies, such as twiplomacy, social media diplomacy, Web 2.0 public diplomacy, and others, in connection with which some researchers propose to introduce a general term for the subspecies – innovative diplomacy" [3].

"There is an opinion according to which the official accounts and websites of diplomatic services are considered the representation of the country in the virtual space" [11]. "Network diplomacy is a term that has not yet been established, but is actively used in Russian foreign policy" [3]. Adjusting to the challenges of our time, diplomacy is acquiring new

forms and characteristics, and diplomats, as leading politicians, are revising and refining their views on modern international relations.

Information wars are one of the striking examples of the mutual influence of international relations and the virtual space. The term "information war" was borrowed by Russian from English and in its original form sounds like "information and psychological warfare", which can be translated in different ways, depending on the context: "information, psychological war", "information – confrontation".

The history of information-psychological influence begins in the Ancient World, where the means of spiritual influence on the enemy were used, with the help of which the enemy's morale weakened, and his combat power was lost. In the same way, they strengthened their faith in the victory of their troops. With the development of scientific and technological progress, information wars became more complicated, their means of waging changed, and the areas that they covered expanded. Determining the topical and frequently encountered spheres of conducting modern information warfare, they include politics, diplomacy, financial and economic, as well as innovation and military spheres [8].

Some researchers use the special term "geopolitical information confrontation", which refers to modern forms of struggle between countries. The main goals of geopolitical information confrontation include: manipulating the opinion of the masses at the regional, national and global levels; ensuring the country's information security and guaranteeing its successful activities in the global information space; introducing confusion and disorder in the work of the systems of the opposing state. Scientists define such components of information confrontation in the political sphere as information countermeasures, information impact and strategic political analysis [8].

"Crises" play an important role in information wars and subversive activities. The concept of "crisis" is often used in society, and the fact that its true meaning remains unclear, which makes it possible for those who announced the beginning of the crisis to "define the psychological environment in the light of their goals and objectives. Any crisis always takes place in two spaces – material and informational" [6]. In this regard, it is very important to observe the course of the crisis from two sides, since, caring only about the material crisis, control over the information crisis is lost, which ultimately leads to collapse in both areas. So, not paying due attention to the information environment during a crisis, one can lose sight of the true intentions of its initiator, which are often political.

In the period from 2015 to 2019 the Public Opinion Foundation conducted "seven representative surveys of the population of the Russian Federation aged 18 and over. The survey involved 1,500 respondents – residents of 100 urban and rural settlements in 53 regions of the Russian Federation. The face-to-face interviews were held at the place of residence of the respondents. The statistical error does not exceed 3.6%" [11]. According to the analytical center, the percentage of Russians surveyed who follow foreign policy in the period from 2015 to 2019 decreased from 60% (2015) to 56% (2019).

According to the results of the same study, the percentage of Russians surveyed, in whose opinion foreign policy is given as much attention as needed, in the period from 2015 to 2019 also decreased – from 55% (2015) to 38% (2019). Parallel to this dynamic, the popularity of another point of view, according to which too much attention is paid to Russia's foreign policy, has grown – from 17% (2015) to 32% (2019). Within the framework of this study, the respondents were asked the question: "Do you think there have been more successes or failures in Russian foreign policy lately?" An analysis of the survey results shows that the dynamics of the opinion of respondents who chose the answer "there was

more success in foreign policy” decreased from 2015 to 2019 – from 57% (2015) to 45% (2019). On the other hand, the indicator “there were more failures in foreign policy” grew in the same time period – from 16% (2015) to 25% (2019) [11].

In order to identify how the citizens of Russia relate to modern international relations and foreign policy in general, how they assess the impact of the virtual space on modern international relations, we conducted a sociological study using the questionnaire method through an online survey (the sample of the study was 250 respondents), as well as the expert method, interview with leading researcher at the Institute of Philosophy of the Republic of Cuba, Doctor of Philosophy, Professor Jesus Pastor Garcia Brigos.

We will present the results of the survey in more detail. To the question “What emotions do you experience when you hear the phrase “foreign policy”?” the opinion of the respondents was distributed as follows: 44.4% of respondents experience positive emotions, 20.8% – negative, 34.8% found it difficult to answer the question. The respondents who experience negative emotions towards foreign policy were asked to explain their position. In general, the received answers can be divided into three groups: 1) negative attitude of respondents to foreign policy is formed by the media; 2) the negative attitude of the respondents is caused by the opinion that more attention is paid to the foreign policy of Russia than to the domestic one; 3) the negative attitude of the respondents was formed by some events in foreign policy, which the respondents characterize negatively.

Analysis of the results showed that the majority of the respondents (72.1%) are interested in foreign policy, 27.9% said they were not interested. Those respondents who are interested in foreign policy were asked an additional question: “If you are interested, what is your interest in”? Thus, 86.9% of respondents watch or read news; 50.3% – read analytical articles, notes and interviews of domestic and foreign experts; 6.8% participate in forums, conferences; 3.7% write scientific, analytical articles; 2% chose the “other” option, indicating that they sometimes discuss foreign policy news with friends.

In addition, the respondents were asked the question: “What mass media do you most often use to follow foreign policy news?” Most of the respondents (88.8%) use the Internet; 36% – television; 8.4% answered that they do not follow foreign policy news; 4.8% read newspapers, 4% listen to the radio, 0.8% learn about the news from parents or friends.

Further, the interviewed Russians were asked to answer the question “How often do you read / watch / listen to foreign policy news on the Internet”? 15.6% follow the news constantly (every day); quite often (at least three to four times a week) 28% of respondents find out the news; 26.8% sometimes (from one to three times a week) read, watch or listen to news; 14% rarely (less than twice a week) pay attention to news; 13.2% chose the answer option “from time to time (once a month or less)”; 2.4% never do this.

We will pay special attention to the distribution of answers to the question: “In your opinion, what role does the information space play in the sphere of international relations?” 62.8% of the respondents believe that the information space plays a significant, but not decisive role; 28.4% are sure that the information space determines and sets the direction of international relations; 6% believe that it plays an insignificant role; 2.4% believe that it does not play any role. One respondent (0.4%) expressed his point of view in more detail: “Everything that the media show is an unverified and unconfirmed injection of information into the masses”.

The respondents also answered the question “How do you feel about the statement that in the modern world information about foreign policy is open and accessible”? The opinion of the respondents was divided as follows: 63.2% of the respondents agree with

the statement; 35.2% disagree with the statement. The analysis showed that the majority of the respondents believe that the information space has become an integral part of foreign policy, a skillful instrument of propaganda and influence in the hands of its subjects (90.4%). The rest of the respondents did not agree with this statement (9.6%). The results of the survey also showed that the majority of respondents agree that the media can shape people's perceptions of the foreign policy situation, including in favor of interested figures on the international chessboard (94.8%). The rest of the respondents did not agree with this statement (4.8%).

The Russians surveyed were asked to describe the international situation in the world as a whole. The majority of respondents (70.4%) assess the situation as tense, 18.8% consider it stable, 8.4% found it difficult to answer the question, 1.6% consider the situation favorable. The question was half-closed, and some respondents expressed their opinion in more detail (0.8%). So, one of the respondents considers the situation to be stable in general, but the COVID-19 pandemic, according to the respondent, creates general tension. Another interviewee replied that the situation was "consistently tense".

Thus, the analysis of the results of the sociological survey showed that about half of the respondents (44.4%) experience positive emotions in relation to foreign policy in general. At the same time, those respondents who have a negative attitude towards this sphere (20.8%) explained their position, and during the analysis it turned out that the main reason for this attitude is unfavorable foreign policy events, as well as the opinion that more attention than internal.

From an expert interview conducted with a leading researcher at the Institute of Philosophy of the Republic of Cuba, Doctor of Philosophy, Professor Jesus Pastor Garcia Brigos, we note the following.

According to Senor Jesús Pastor, most Cubans are interested in foreign policy, but there are "different socio-demographic groups that are interested in different ways and to varying degrees". The Cuban noted that all adult citizens of the island are interested in Cuba's foreign policy, "starting with young people in secondary school". The islanders are very interested in relations with Venezuela for ideological, political and economic reasons, and solidarity also plays an important role.

Describing the current relations between Cuba and Russia, the Cuban recalls history and concludes that "interest in the Russian people is still high, often associated with love and gratitude". The expert also mentioned the interest in China, "since this country is an example of successful economic development". In the course of the analysis of the interviews, it turned out that the inhabitants of Cuba get news from the world of international relations through radio (not only Cuban), television, teleSUR (Latin American Television Company), the Internet and Cuban newspapers.

At the same time, the expert emphasizes about all the media on the island: "The criteria of fairness and objectivity are very relative, not abstract. Cuban traditional media (radio, television, press), of course, work according to our class interests. According to my estimates, the media do not always reliably (objectively) convey information".

Senor Jesus Pastor gave his assessment of Cuba's international relations with some countries. The expert spoke about Cuban-Russian relations as follows: "Current relations with the Russian Government are very good. Relations between citizens (with the people) have always been and are very good".

Note that H. P. G. Brigos is a prominent Cuban constitutionalist and researcher of social and legal problems of the development of a socialist rule of law, pays great attention to comparative studies [1].

Summarizing the above, we note that there is an understanding and awareness among Russians that the information space is one of the integral parts of foreign policy. Russians recognize the important role of virtual space, but do not believe that it determines the course of world politics and sets its direction. Meanwhile, the information obtained can be used for general theoretical and special state-legal studies of the influence of the virtual space on modern international relations and make a certain contribution to the development of the sociology of the state as an element of the theory of state and law and other special sciences.

Bibliographic list

1. Brigos H.P.G. Features of the new Cuban Constitution of 2019 and the concept of a socialist legal state // Legal Bulletin of Samara University. 2020. No. 1. P. 107–115.
2. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.
3. Grebenkina E.V. Transformation of diplomacy within the network structure of the world // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No. 3. P. 138–144.
4. Libiki M. What is information war? // "Pluriversum" website // URL: <https://pluriversum.org/opinion/strategy/chto-takoe-informatsionnaya-vojna/> (date accessed: 01.08.2020).
5. Otyutskiy G.P., Kuzmenko G.N., Melikov I.M. Sociology of virtuality: problems of design and methodology // System psychology and sociology. 2015. No. 2. P. 118–129.
6. Simons G. The crisis of political wars of the XXI century // Valdai notes. 2019. No. 105. P. 3–15.
7. Sologubova G.S. Intellectual event as part of public diplomacy // Bulletin of the St. Petersburg University of Economics. 2019. No. 4. P. 125–131.
8. Suleimanova Sh. S., Nazarova E.A. Information wars: history and modernity: textbook. allowance. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium". 2017. 124 p.
9. Teleshina N.N. Virtual space as a new legal structure: to the problem statement // Legal technology. 2013. No. 7-2. P. 740–747.
10. Fedoseeva N.N. Virtual space as an object of state control: to the problem statement // Law and state: theory and practice. 2010. No. 10. P. 118–124.
11. Foreign policy: successes and failures (Russians assess the country's foreign policy) // Website of the Public Opinion Foundation // URL: <https://fom.ru/Politika/14174> (date of access: 01.08.2020).
12. Grech Olesia M. Virtual Diplomacy. Diplomacy of the Digital Age: dissertation for the degree of Master of Arts in Contemporary Diplomacy (Faculty of Arts in the University of Malta) // Site of the non-profit foundation "DiploFundation" // URL: <https://www.diplomacy.edu/resources/general/virtual-diplomacy-diplomacy-digital-age> (date accessed: 01.08.2020).

For citation: Kuzmina E.S., Tsatsina A.V. The influence of virtual space on modern social relations: sociological analysis // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). C. 60–65.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.023

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ДОЛЖНОЕ И ВОЗМОЖНОЕ

Аннотация. В статье анализируются основные политико-правовые концепции исследования гражданского общества. В своей работе, автор приходит к выводу, что само понятие гражданского общества не есть конечный результат, который имеет ряд конечных характеристик, обеспечивающих «качество», и что само гражданское общество «есть особый угол зрения, позволяющий нам видеть этот мир как сознательное создание ассоциаций и как жизнь в ассоциациях».

Ключевые слова: гражданское общество, политико-правовые концепции, государство, индивид.

Пожалуй, невозможно дать какое-бы то ни было точное определение понятию «гражданское общество», не породив при этом возражений со стороны тех или иных представителей общественно-политической науки, отстаивающих другую позицию по данному вопросу. Большое количество точек зрения закономерно порождает и большое количество определений, которые дают данному понятию. В такой ситуации очевидным подходом, который мог бы приблизить нас к истинному пониманию того, что на самом деле представляет собой общественно-правовой феномен гражданского общества, будет являться попытка проследить за основными политико-правовыми концепциями, применяемыми при изучении данного вопроса.

Забегая вперед, скажем о том, что большинство концепций возникновения и развития гражданского общества признают (прямо или косвенно) существование в рамках этих процессов трех основных составляющих: государства, общества и индивида, образующих своеобразную триаду. При этом стоит заметить, что в большинстве фундаментальных работ на данную тематику, одному из участников упомянутой триады, индивиду, отводится достаточно мало внимания, что не сильно удивляет, учитывая тот факт, что признание значимости отдельной человеческой личности для глобальных общественно-политических процессов – это тенденция, характерная скорее для современного исторического периода. Однако не стоит недооценивать индивида, как участника общественно политического развития.

Воля и интересы отдельной личности и ее стремление защищать собственный интерес – это движущая сила, способная объединять множество таких личностей со сходными интересами в ассоциации, посредством которых они могут отстаивать свои интересы гораздо эффективнее, чем в одиночку. Однако для того, чтобы четко понимать, перед кем и почему индивид вынужден отстаивать свои интересы, нам необходимо обратиться к истокам современных представлений о гражданском обществе и проследить их историческое развитие.

---

* Кулаков Андрей Александрович, ассистент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета. E-mail: Kulakov_a.a@list.ru

Политико-правовая мысль получила мощное развитие в эпоху Просвещения. Начиная с XVII в., когда на почве разлагающегося феодализма происходит зарождение капитализма, набирает силу научно-технический прогресс, развиваются производительные силы, возникают новые формы общественных отношений, ведущие к изменению сознания и мировоззрения людей. Так, Томас Гоббс (1588–1679), бывший некоторое время секретарем у Френсиса Бэкона, крупного английского философа и политика, считается в юридической науке основоположником теории общественного договора и идеи государственного суверенитета и др. [1, с. 142].

Одно из существенных качеств теории общественного договора у Т. Гоббса является факт того, что единственным актом договора определяется соглашение каждого отдельно взятого индивида с каждым другим. В итоге такого договора общество по доброй воле передают все естественные права органу в лице мифического Левиафана, который в дальнейшем определяется как носителей ничем не ограниченной власти в области политики, единственным сувереном. Государство, отмечает,

Т. Гоббс, считается сформированным «когда множество людей договаривается и заключает соглашение каждый с каждым о том, что в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех независимо то того, голосовал ли он за или против них» [2, с. 134]. Такое государство приравнивается Т. Гоббсом к гражданскому обществу.

По сути, в учении Т. Гоббса народ не воспроизводит власть, а, наоборот, государственный аппарат, который возникает на основе договора, представляется как политический механизм образования государства – гражданского общества.

Вообще из учения Гоббса следует сделать несколько выводов, которые помогают определить место и роль этого исследователя в разработке концепций формирования гражданского общества.

Во-первых, Т. Гоббс определяет государство, как организованное гражданское общество, и не отмечает четкого различия между обществом и государством, но с другой стороны допускает такую меру воздействия, как протест подданных против подвластных сообществ. Это дает достаточные предпосылки к выводу о том, что в учении Т. Гоббса гражданское общество имеет не только признаки государства, но и содержит черты общества с четкой системой, организацией, взаимодействием.

Во-вторых, характерной чертой гражданского общества в учении Т. Гоббса выступает регламентация деятельности общества разрешительными актами Левиафана. Нам представляется, он стремился к частичному огосударствлению общества и достаточно твердой правовой регламентации социально-политической жизни.

Как вывод, концепция Т. Гоббса предстает пред нами философским взглядом на проблемы взаимодействия государства и общества, а не социально-правовой доктриной, которая может претендовать как руководство социальными действиями.

Другой известный исследователь социально-политических процессов Дж. Локк представляет свою методологическую концепцию на основе естественно-правовых и договорных представлений. В отличие от Т. Гоббса взгляды Дж. Локка о «естественном состоянии» наполняются социальным содержанием. В своем «естественном состоянии» человек выражается как личность, следствие приобретенных характеристики и свойств, продукт общественного развития. В этом качестве, он способен

обладать собственностью, властью, способен быть судьей, исполнителем. «Закон природы» выступает естественным регулятором отношений между личностями, именно этой закон «которым оно управляется и который обязателен для каждого и разум, который является этим законом, учит всех людей..., что, поскольку все люди равны

и независимы, поскольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [4, с. 264].

Дж. Локк, в отличие от Т. Гоббса, не приравнивает естественное состояние к «войне всех против всех». По его мнению, такая возможность имеет место быть, т.к. отсутствие общего закона и судьи, непременно ставит человечество в состояние «войны всех против всех». «Сила без права» направленная на личность создает «состояние войны как в том случае, когда есть общий судья, так и в том случае, когда его нет». Это становится главным побудительным мотивом осознания возможности перехода от естественного состояния к гражданскому обществу. Следует отметить, что сам «процесс» этого перехода у Дж. Локка кардинально отличается от видения Т. Гоббса.

Процесс перехода от естественного состояния к гражданскому, по мнению Дж. Локка происходит поэтапно. Изначально, приняв необходимость и возможность перехода, независимые, свободные и равноправные по природе личности, согласно большинству, в форме принятого общественного соглашения, создают «единое политическое общество» – государство. Они отклоняют естественную свободу и «надевают на себя» узы гражданского общества», происходит это лишь потому, чтобы существовать в спокойствии, спокойно пользуясь своей собственностью.

Таким образом «сила без права» в естественном состоянии переходит в политическое гражданское общество, где общей мерой решения всех споров свободных, независимых граждан становится закон. «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе не может быть сделано исключения из законов этого общества» – в противном случае он не может быть членом этого общества. Этот мотив создает второй этап формирования гражданской «системы правления».

Следующим этапом становления гражданского общества выступает переход всей верховной власти правительству. Такая передача осуществляется с «молчаливого согласия» всех членов гражданского общества. Стоит отметить, что Дж. Локк ограничивает пределы полномочий власти, именно из этого вытекает теория разделения властей на исполнительную и законодательную.

Ограничения выглядят следующим образом: во-первых, власть регулирует социальную жизнь общества в рамках законов, принятых законодательной ветвью, а не через «импровизированные указы», формулировка нормы не изменяется. Локк говорит о равном действии закона на все слои общества, поэтому абсолютная монархия, по его мнению, несовместима с «гражданским обществом», ... «не может быть формой гражданского правления». Во-вторых, законы создаются ни для какой иной цели, кроме, как общее благо народа. В-третьих, законодатель не повышает налоговые сборы без согласия народа. В-четвертых, законодатель не передает свою власть другому.

Таким образом, Дж. Локк, с одной стороны, представляет нам определенные механизмы воздействия народа на власть, механизмы контроля над соблюдением общественного договора. В случае несоблюдения законов властью, гражданское общество «вправе устранить эту силу силой же». С другой стороны, автор отмечает, что народ «после того как однажды создал законодательный орган, не имеет в таком

правительстве... никакой власти для принятия мер, до тех пор, пока это правительство существует.

Фундаментальные установки философского учения Дж. Локка получают продолжение в философиях представителей Франции (Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и другие), в реальной жизни и государственном становлении США, других представителей Великой Французской революции [5, с. 67]. Он предоставил весомую теоретическую и практическую платформу для последующей разработки теорий и идей гражданского общества.

В исследовании теоретических основ гражданского общества не представляется возможным оставить без внимания тех мыслителей, чьи работы определили основные подходы к современному пониманию идей гражданского общества. В первую очередь необходимо отметить Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса.

В нашем исследовании мы рассмотрим особенность подхода Г. Гегеля к понятию гражданского общества. Во-первых, следует отметить, что он четко отмечает, когда возникло гражданское общество. Оно «создано, – по его мнению, лишь в современном мире». Это общество современного, буржуазного строя. Г.Гегель определяет «политическое государство» и «гражданское общество, как независимые процессы в развитии нравственного целого – государства.

Во-вторых, «идея государства», по Г.Гегелю, предполагает государство «действительное, ... по существу индивидуальное» с характеристиками «гражданского общества», «государственного строя и механизмами взаимодействия. Его учение выстраивает в четко сформулированную теорию социально-политической системы.

Суть концепции Г.Гегеля о гражданском обществе в том, что общество не есть социально гармоничное место. В нем присутствует дисгармония, борьба интересов. Всё это создает конкуренцию, которая выступает причиной развития. Все конфликты внутри гражданского общества решает государство, под которым он понимал конституционную монархию с принципом разделения властей.

В-третьих, «идею государства» необходимо рассматривать через механизмы взаимодействия с гражданским обществом. Это позволяет определить характерные черты гражданского общества, а также государства.

Г.Гегель четко описывает механизм отношений государства и гражданского общества. Гражданское общество предстает с интересом «введения корпораций, общин и объединений прочих промыслов и сословий и через « корпоративный дух, зародившийся в правомочии особенных сфер, переходит в самом себе в государственных дух, обретая в государстве средство сохранения особенных целей».

Объяснение этого феномена происходит через анализ взаимодействия этой системы в конкретном государстве. Г.Гегель считал, что народ, как «часть членов государства», не знает, «чего он хочет», а власть «знает, чего оно хочет и знает это в его всеобщности».

Г.Гегель значительно увеличил понимание и представление о механизмах взаимодействия государства и гражданского общества на примерах новых возникающих формах правления, поставил ряд важных методологических проблем политической и юридической теории и практики исследования власти, гражданского общества, которые напрямую связаны с нашим исследованием.

Основными теоретическими заслугами, по мнению многих исследователей, выступает формирование Г.Гегелем вопроса о взаимодействии социальной, экономической и политических сфер государства и гражданского общества, диалектике этих

взаимоотношений. Такая система взаимного воздействия в его учении выражается в форме социально-политической системы, реализованной в различных режимах в прямой зависимости от уровня правосознания народа, развитости культуры и возможности социальных систем развиваться. Учение Г.Гегеля выступает руководством и разъяснением понятия либерального государства. Стоит согласиться с мнением о том, что именно Г.Гегель выступает автором «первой современной теории гражданского общества» и является «источником теоретического вдохновения» для «некоторых позднейших подходов» анализа этой проблемы [4, с. 140].

К. Маркс, человек, предложивший свою модель гражданского общества, свою политическую теорию, внес достаточно весомый вклад в развитие политико-правовой мысли в целом. В его понимании гражданское общество выражается как система всех социально-экономических отношений. По его мнению, оно проявляется везде, где есть общество, независимо от ступени и уровня развития. Гражданское общество, как отмечают К.Маркс и Ф.Энгельс в своей работе «Немецкая идеология», «обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени поскольку выходит за пределы государства и нации. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же временем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки» [5, с. 72].

Экономические и социальные процессы, которые происходят внутри гражданского общества, трансформируются в такую социально-политическую единицу, как государство. Государство обретает автономное существование и находит отражение в такой форме, «в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое концентрированное выражение».

Относительно структуры гражданского общества или анализа социальных, экономических отношений на разных этапах развития марксизмом было выведено в твердую социально-политическую теорию.

Теории Г.Гегеля и К.Маркса можно рассматривать как две ведущие концепции гражданского общества, которые были разработаны в XIX веке. Первая из них в процессах взаимодействия гражданского общества и государства предоставляет ведущее место государству, которое выступает важнейшим условием развития и существования, когда как вторая, анализирует гражданское общество с точки зрения базиса государства, следует отметить, что перспективы гражданского общества в марксистской теории представлены не совсем отчетливо. Марксистское понимание исторической перспективы общества тесно связано с такими понятиями как социализм и коммунизм. К. Маркс писал: «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть «человеческое общество».

Относительно этого подхода, можно отметить, что гражданское общество оказывается несовместимым с социализмом. В нашем исследовании, мы исходим из того положения, что «современное гражданское общество» – это «буржуазное общество», которое в последствии создает «буржуазное государство», как политико-юридическую надстройку. Гражданское общество, в таком понимании, является общественно-

экономической формацией, на смену которой приходит социализм и коммунизм с утверждением бесклассового общества, с постепенным отмиранием государства.

Отдельного внимания заслуживает анализ исследований, проводимых французским мыслителем и государственным деятелем А. Токвиля. Некоторые исследователи определяют его как история общественных учреждений [9, с. 80].

А. Токвиль является политсоциологом, исследователи относят его к первооткрывателям политической компаративистики, так как объектом исследований выступает анализ проблем демократии и свободы и их перспектив развития. Однако, эти понятия, основу его теории он обозначал по своему.

Под демократией он понимал «уравнение условий жизни людей», что в его теории отражается, как исторически развивающаяся тенденция, определяющая прогресс обществ. Социально-политическое уравнивание сословий и классов, анализируется не только как уравнение возможностей, а также постепенное уравнивание в образе и уровне жизни. Эта тенденция формирует всю общественную жизнь, ее «власть сказывается как на правительственном уровне, так и в равной мере в жизни самого гражданского общества, равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируется все то, что не вызывается им непосредственно» [7, с. 27].

Понимание свободы формируется, как отсутствие произвола в взаимоотношении государства и гражданского общества. Свобода видится в том, что формирование политической системы происходит в полном соответствии с законами, которые создают и принимают сами граждане через представителей. Американская система, в принципе, соответствует заявленным требованиям. «Американцы уважают законы не только потому, что их сами создают, но еще и потому, что могут их изменять в случае, если законы наносят им вред. Они подчиняются закону как осознанному злу, но также и как временному злу».

Что касается гражданского общества, его структура представляет собой систему экономических и социальных отношений, которые выглядят как политические и гражданские ассоциации. Социально-политические сообщества возникают из гражданских объединений и существуют в взаимодействии с гражданскими институтами и одновременно являются посредниками между обществом и государством. Их основные функции заключаются в том, что через институты гражданского общества «люди пытаются защитить себя от деспотизма большинства, а также «от незаконных посягательств» государственной власти в отношении с гражданским обществом.

Следует отметить, что гражданское общество, в понимании А. Токвиля, есть сложная система социально-политических и экономических отношений и институтов, которая существует самостоятельно и независимо от органов и институтов государственной власти. При этом механизм взаимного воздействия гражданского общества и государства основан на социально-политических институтах опосредования, из которых формируются свободные ассоциации.

Понимание гражданского общества А. Токвилем, на наш взгляд, дополняет позицию Г. Гегеля и К. Маркса в выражении механизма гражданского общества. Сводится оно к тому, что государство и гражданское общество должны выглядеть как равные партнеры в политической жизни общества. Смысл неизбежной демократизации предполагает элемент включения народных масс в политическую жизнь, а именно «предоставить государственной власти достаточно обширные определенные полномочия; дать частным лицам конкретные права и гарантировать им не-

оспоримую возможность пользоваться этими правами, сохранить за индивидуумом те доли независимости, силы и самобытности, которые он сумел еще сохранить – главные задачи, решению которых должен посвятить себя законодатель новой эпохи».

Из основных учений о гражданском обществе необходимо выделить еще одно, которое возникло в XX в. Суть этого учения заключается в том, что ее авторы дихотомии «государство – гражданское общество» предлагают иное понимание гражданского общества в виде трехчастной модели, отделяя гражданское общество и от политической, и от экономической сфер, которые выступают лишь посредниками, помогающими гражданскому обществу оказывать влияние социально-экономические и политические процессы.

В XX веке либерализм становится политически реальным феноменом, и типом политкультуры Запада, ведущим тип социально-экономического и политического устройства. Здесь он реализовался в принципах формирования важнейших политических институтов и отразился в ведущих политических течениях – от консерватизма до социал-демократии [8, с. 8]. Именно поэтому к таким типам и уровням социально-политического развития, возможно применять трехчастную модель гражданского общества. В таких типах, оно выглядит реализованным, способным эффективным образом воздействовать на экономические и другие процессы, выступать сформированным элементом во взаимосвязи общества и государства.

В странах, где процессы демократизации только начинаются, появляется проблема создания гражданского общества, как основное условие успешности этих процессов. Уровень развития этих стран, исторические традиции, варианты политического участия граждан и другие факторы создают свои условия формирования гражданского общества. В таких странах отделение гражданского общества от экономико-политических процессов, создания характеристик зрелого гражданского общества – процесс, протяженный по времени, и в каждом конкретном случае особый.

Поэтому, как мы представляем, анализ процессов формирования гражданского общества в посткоммунистических странах больше ориентирован на дихотомии «общество – государство». В процессах взаимного воздействия общества и государства в таких странах необходимо уделять внимание формированию механизма властных отношений, выделения в нем места и роли социальных институтов развивающегося гражданского общества. С этой точки зрения, гражданское общество определяется как система социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов посредничества воздействовать на нее в принятии и реализации общественно значимых решений. Такими институтами могут выступать политические партии, группы давления, группы интересов.

Затронув тему отстаивания своих интересов социальными группами и отдельными индивидами, впору будет вспомнить об обозначенной в самом начале настоящей статьи триаде «индивид – общество – государство», к обсуждению которой мы обещали вернуться. Указанную концепцию не стоит смешивать с приведенными выше «двухчастной» (дихотомия «общество – государство») и «трехчастной» моделями (отделение гражданского общества от политической и экономической сфер). В рамках предложенной нами триады «индивид – общество – государство» мы хоте-

ли бы сфокусироваться на индивиде, которому в традиционных подходах к пониманию гражданского общества уделяется не так много внимания.

Говоря об индивиде, как о самостоятельном субъекте политики в рамках общественно-политических отношений, можно смело презюмировать наличие у него определенных интересов, с целью защиты которых этот индивид как раз и вступает в общественно-политические отношения. Наилучшим образом такого рода «интерес индивида» выразил упомянутый выше А. Токвиль – это интерес «сохранения за индивидом той доли независимости, силы и самобытности, которые он сумел еще сохранить». Тут необходимо дать уточнение по поводу значения вкладываемого нами в понятия «интереса» в контексте формирования и развития гражданского общества.

Так, Г.М. Азнагулова пишет о важном методологическом и практическом значении «проблемы взаимодействия интересов и политико-правовой материи» [1, с. 163]. Делается вывод о том, что понятие «интерес» в понимании, к примеру, различных мыслителей эпохи Просвещения (в том числе большинства упомянутых в этой статье) «не основано на его социально исторической обусловленности», не затрагивает политико-правовые аспекты его содержания, а именно: вопросы о субъектах права, правах и обязанностях, политико-правовых гарантиях защиты и охраны законных интересов. При этом Г.М. Азнагулова не отрицает огромное влияние просветителей того времени на развитие общеполитической и политико-правовой мысли. Среди их заслуг упоминается, в том числе концепция интересов, основанных на потребностях человека и общества, а также идеи о ведущей роли материальных интересов в общественном развитии.

«Мыслители Просвещения увязывали интерес с конкретными его носителями и характеризовали его как движущую силу как индивида, так и государства» [1, с. 172]. Наличие такого обширного и комплексного набора интересов сыграло, на наш взгляд, далеко не последнюю роль в возникновении самой потребности людей объединиться для отстаивания этих интересов перед государством.

Данные факторы свидетельствуют о растущей роли индивида в социально-политических отношениях в современную эпоху. Однако стоит при этом понимать, что рост данного влияния не может происходить сам по себе – для этого необходимо осознание индивидом своей растущей роли в современном обществе, и, соответственно, растущей ответственности перед этим обществом. Так, единственной благоприятной средой для развития гражданского общества является режим правового государства – гражданско-правовые институты в условиях правового произвола могут функционировать только вопреки сложившейся обстановке, переключившись из режима развития в режим выживания. Таким образом, индивид несет ответственность перед обществом и самим собой и для того, чтобы пользоваться благами, которые ему представляют развитые институты гражданского общества, ему необходимо вносить вклад в его развитие, в первую очередь демонстрацией высокого уровня правосознания и правового поведения, дабы обеспечить благоприятную среду для развития гражданского общества. «Настоящее и будущее правового государства непосредственно зависят от понимания и восприятия права общественным сознанием, каждым из субъектов права» [11, с. 130] – будущее гражданского общества во многом зависит от тех же факторов.

Все это, а также неуклонно меняющиеся в сторону повышения роли личности в контексте ее диалога с государством позволяет нам поставить индивида во главе триады «индивид – общество – государство» и еще раз подчеркнуть значимость ин-

тересов личности, когда речь заходит о вопросах формирования и функционирования гражданского общества.

В дополнение к этому, не можем не упомянуть точку зрения С.А. Комарова, высказанную им в многочисленных работах по тематике настоящей статьи. Согласно его мнению, гражданское общество есть саморазвивающаяся и самоуправляемая система. Индивиды, объединяясь в различные организации, устанавливая между собой разнообразные отношения, реализуя свои порой противоположные интересы, тем самым обеспечивают гармоническое, целенаправленное развитие общества без вмешательства государства как политической властной силы [12, 13, 14].

Именно такое видение гражданского общества и основных проблем его формирования отражается в результатах реальной практики трансформационных процессов в странах, где на гражданское общество находится на этапе формирования. Такая практика показала одну из важных для нашей статьи проблем. Заключается она в том, что процесс дифференциации общества в гражданское общество в этих странах возможен на основе встречного движения общества и государства, которое по многим причинам в таких странах не реализуется. Следует отметить, что и само понятие гражданского общества не есть конечный результат, который имеет ряд конечных характеристик, обеспечивающих «качество». Можно согласиться с высказыванием о том, что гражданское общество «есть особый угол зрения, позволяющий нам видеть этот мир как сознательное создание ассоциаций и как жизнь в ассоциациях».

Библиографический список

1. Азнагулова Г.М. Понятие «интерес» в философской и политико-правовой мысли эпохи Просвещения // Lex Russica. – 2016. – № 11. – С. 162–174.
2. Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. – М.: Мысль, 2016. – Т. 2. – 705 с.
3. Коэн Джин Л., Эндрю Арато. Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 451 с.
4. Локк Дж. Сочинение в трех томах. – М.: Мысль, 2017. – 614 с.
5. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 томах. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – Т. 2. – 581 с.
6. См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 615 с.
7. См.: Коэн Джин Л., Арато Эндрю. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2017. – 502 с.
8. См.: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 488 с.
9. См.: Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке / Пер. с француз. / Алексис де Токвиль. – М.: Весь Мир, 1994. – 491 с.
10. См.: Фаге Э. Политические мыслители и моралисты XIX века. Третья серия. – М.: Типо-лит, 2016. – 355 с.
11. См.: Азнагулова Г.М. Тенденции развития правового государства в современных условиях // Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Сборник статей Международной науч.-практич. конф., посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». Уфа, 16–17 апреля 2015 г. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа: изд-во БашГУ, 2015.
12. См.: Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 506 с. –

(Высшее образование). – ISBN 978-5-534-05146-9. – Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/453435> (дата обращения: 12.07.2020).

13. См.: Комаров С.А., Соловьева И.А. Участие граждан в законодательном процессе // Теория государства и права. – 2017. – № 1. – С. 59–64.

14. См.: Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права: Учебник. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.

Для цитирования: Кулаков А.А. Основные научные концепции гражданского общества: должное и возможное // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 66–74.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.024

A.A. Kulakov*

BASIC SCIENTIFIC CONCEPTS OF CIVIL SOCIETY: DUE AND POSSIBLE

Annotation. *In this article, the author analyzes the main political and legal concepts of civil society research. In his work, the author came to the conclusion that the very concept of civil society is not an end result, which has a number of final characteristics that ensure "quality" and that civil society itself "is a special angle of view that allows us to see this world as a conscious creation of associations and as life in associations*

Key words: *civil society, political and legal concepts, state, individual.*

Perhaps it is impossible to give any precise definition of the concept of "civil society" without generating objections from certain representatives of social and political science that defend a different position on this issue. A large number of points of view naturally give rise to a large number of definitions that give a given concept. In such a situation, an obvious approach that could bring us closer to a true understanding of what actually constitutes a social and legal phenomenon of civil society would be an attempt to follow the basic political and legal concepts used in studying this issue.

Looking ahead, let us say that most of the concepts of the emergence and development of civil society recognize (directly or indirectly) the existence within these processes of three main components: the state, society and the individual, which form a kind of triad. At the same time, it is worth noting that in most fundamental works on this topic, one of the participants in the mentioned triad, an individual, is given quite little attention, which is not very surprising, given the fact that the recognition of the importance of an individual human personality for global socio-political processes is a trend that is more characteristic of the modern historical period. However, one should not underestimate the individual as a participant in social and political development.

The will and interests of an individual and her desire to defend her own interest is a driving force that can unite many such individuals with similar interests in associations, through which they can defend their interests much more effectively than alone. However, in order to clearly understand before whom and why an individual is forced to defend his

---

* **Kulakov Andrey Aleksandrovich**, assistant of the Department of Theory of State and Law Institute of Law Bashkir State University. E-mail: Kulakov_a.a@list.ru

interests, we need to turn to the origins of modern ideas about civil society and trace their historical development.

Political and legal thought received a powerful development in the era of the Enlightenment. Starting from the 17th century, when the emergence of capitalism takes place on the basis of decaying feudalism, scientific and technological progress is gaining strength, productive forces develop, new forms of social relations arise, leading to a change in the consciousness and worldview of people. So, Thomas Hobbes (1588–1679), who was for some time the secretary of Francis Bacon, a major English philosopher and politician, is considered in legal science to be the founder of the theory of social contract and the idea of state sovereignty, etc. [1, p. 142].

One of the essential qualities of the theory of social contract by T. Hobbes is the fact that the only act of the contract is determined by the agreement of each separately taken individual with each other. As a result of such an agreement, the society voluntarily transfers all natural rights to the body in the person of the mythical Leviathan, which is further defined as the bearers of unlimited power in the field of politics, the only sovereign. The state, T. Hobbes notes, is considered to be formed "when many people agree and conclude an agreement each with each that, in order to establish peace among them and protect from others, each of them will recognize as their own all the actions and judgments of that person or assemblies of people, which the majority gives the right to represent the person of all, regardless of whether he voted for or against them" [2, p. 134]. Such a state is equated by T. Hobbes with civil society.

In fact, in the teachings of T. Hobbes, the people do not reproduce power, but, on the contrary, the state apparatus that emerges on the basis of a contract is presented as a political mechanism for the formation of a state – civil society.

In general, from the teachings of Hobbes, several conclusions should be drawn that help determine the place and role of this researcher in the development of concepts for the formation of civil society.

First, T. Hobbes defines the state as an organized civil society, and does not mark a clear distinction between society and the state, but on the other hand, he allows such a measure of influence as the protest of subjects against subordinate communities. This provides sufficient prerequisites for the conclusion that in the teachings of T. Hobbes, civil society has not only the characteristics of a state, but also contains the features of a society with a clear system, organization, interaction.

Secondly, a characteristic feature of civil society in the teachings of T. Hobbes is the regulation of society's activities by Leviathan's permissive acts. It seems to us that he strove for a partial stateization of society and a fairly firm legal regulation of socio-political life.

As a conclusion, the concept of T. Hobbes appears before us as a philosophical view of the problems of interaction between the state and society, and not as a socio-legal doctrine, which can claim to be a guide to social actions.

Another well-known researcher of socio-political processes J. Locke presents his methodological concept on the basis of natural-legal and contractual concepts. Unlike T. Hobbes, J. Locke's views on the "state of nature" are filled with social content. In his "natural state" a person is expressed as a person, a consequence of acquired characteristics and properties, and a product of social development. In this capacity, he is capable of possessing property, power, capable of being a judge, an executor. The "law of nature" acts as a natural regulator of relations between individuals, it is this law "by which it is governed and which is obligatory for everyone and the mind, which is this law, teaches all people ...

Theory of State and Law

---

that since all people are equal and independent, since none of them should not damage the life, health, freedom or property of another" [4, p. 264].

J. Locke, unlike T. Hobbes, does not equate the state of nature with "a war of all against all." In his opinion, such a possibility exists, since the absence of a common law and a judge, certainly puts humanity in a state of "war of all against all". "Force without law" directed at the individual creates "a state of war both in the case when there is a common judge, and in the case when he is not." This becomes the main incentive for understanding the possibility of transition from the state of nature to civil society. It should be noted that the very "process" of this transition by J. Locke is fundamentally different from the vision of T. Hobbes.

The process of transition from a natural state to a civil one, according to J. Locke, occurs in stages. Initially, accepting the necessity and possibility of transition, independent, free and equal by nature individuals, according to the majority, in the form of an accepted social agreement, create a "single political society" – the state. They reject natural freedom and "put on" the bonds of civil society ", this happens only in order to coexist in peace, calmly using their property.

So, "power without law" in its natural state passes into a political civil society, where the law becomes the general measure for resolving all disputes of free, independent citizens. "No person in a civil society can be exempt from the laws of this society" – otherwise he cannot be a member of this society. This motive creates the second stage in the formation of a civil "system of government".

The next stage in the formation of civil society is the transfer of all supreme power to the government. This transfer is carried out with the "tacit consent" of all members of civil society. It is worth noting that J. Locke limits the limits of the powers of power, and this is the basis for the theory of separation of powers into executive and legislative.

The restrictions are as follows: firstly, the government regulates the social life of society within the framework of laws adopted by the legislative branch, and not through "improvised decrees", the formulation of the norm does not change. Locke speaks of the equal effect of the law on all strata of society, therefore an absolute monarchy, in his opinion, is incompatible with "civil society" ... "It cannot be a form of civil government." Secondly, laws are created for no other purpose than the common good of the people. Third, the legislator does not raise tax collections without the consent of the people. Fourth, the legislator does not transfer his authority to another.

So, J. Locke, on the one hand, presents us with certain mechanisms of the people's influence on the government, mechanisms of control over the observance of the social contract. In case of non-observance of the laws by the authorities, civil society "has the right to eliminate this force by force." On the other hand, the author notes that the people "once created a legislature, they do not have in such a government ... any power to take action, as long as this government exists.

The fundamental principles of J. Locke's philosophical doctrine are continued in the philosophies of the representatives of France (C.-L. Montesquieu, J.-J. Rousseau and others), in real life and the state formation of the United States, and other representatives of the Great French Revolution [5, p. 67]. It provided a powerful theoretical and practical platform for the subsequent development of theories and ideas of civil society.

In the study of the theoretical foundations of civil society, it is not possible to ignore those thinkers whose works have determined the main approaches to the modern

understanding of the ideas of civil society. First of all, it is necessary to note G.V.F. Hegel and K. Marx.

In our study, we will consider the peculiarity of Hegel's approach to the concept of civil society. First, it should be noted that he clearly notes when civil society arose. It was "created, – in his opinion, only in the modern world". This is a society of a modern, bourgeois system. G. Hegel defines "political state" and "civil society as independent processes in the development of a moral whole – the state.

Secondly, the "idea of the state", according to Hegel, presupposes a "real, ... essentially individual" state with the characteristics of "civil society", "state system and mechanisms of interaction". His teaching builds into a clearly formulated theory of the socio-political system.

The essence of Hegel's concept of civil society is that society is not a socially harmonious place. There is disharmony in it, a struggle of interests. All this creates competition, which is the cause of development. All conflicts within civil society are resolved by the state, by which he understood a constitutional monarchy with the principle of separation of powers.

Third, the "idea of the state" must be viewed through the mechanisms of interaction with civil society. This allows you to determine the characteristic features of civil society, as well as the state.

G. Hegel clearly describes the mechanism of relations between the state and civil society. Civil society appears with the interest of "introducing corporations, communities and associations of other trades and estates, and through" the corporate spirit, which originated in the authority of special spheres, passes in itself into the state spirit, acquiring in the state a means of preserving special goals".

The explanation of this phenomenon occurs through the analysis of the interaction of this system in a particular state. G. Hegel believed that the people, as "part of the members of the state", do not know "what they want", and the government "knows what it wants and knows it in its universality".

G. Hegel significantly increased understanding and understanding of the mechanisms of interaction between the state and civil society on the examples of new emerging forms of government, posed a number of important methodological problems of political and legal theory and practice of the study of power, civil society, which are directly related to our research.

The main theoretical merits, according to many researchers, are the formation by Hegel of the question of the interaction of the social, economic and political spheres of the state and civil society, the dialectics of these relationships. Such a system of mutual influence in his teaching is expressed in the form of a socio-political system implemented in various modes in direct dependence on the level of legal consciousness of the people, the development of culture and the possibility of social systems to develop. Hegel's teaching acts as a guide and clarification of the concept of a liberal state. It is worth agreeing with the opinion that it is G. Hegel who is the author of the "first modern theory of civil society" and is the "source of theoretical inspiration" for "some later approaches" to the analysis of this problem [4, p. 140].

K. Marx, a man who proposed his own model of civil society, his political theory, made a rather significant contribution to the development of political and legal thought in general. In his understanding, civil society is expressed as a system of all socio-economic relations. In his opinion, it manifests itself wherever there is a society, regardless of the stage and level of development. Civil society, as noted by K. Marx and F. Engels in their work

Theory of State and Law

"German Ideology", "embraces all material communication of individuals within a certain stage of productive forces. It embraces the entire commercial and industrial life of a given stage since it goes beyond the boundaries of the state and the nation. Civil society as such develops only together with the bourgeoisie; however, at the same time, a social organization developing directly from production and communication was always designated, which at all times forms the basis of the state and other idealistic superstructure" [5, p. 72].

The economic and social processes that take place within civil society are transformed into such a socio-political unit as the state. The state acquires an autonomous existence and is reflected in such a form "in which individuals belonging to the ruling class pursue their common interests and in which the entire civil society of a given era finds its concentrated expression".

Regarding the structure of civil society or the analysis of social, economic relations at different stages of development, Marxism was deduced into a solid socio-political theory.

The theories of G. Hegel and K. Marx can be viewed as two leading concepts of civil society that were developed in the 19th century. The first of them, in the processes of interaction between civil society and the state, provides a leading place for the state, which acts as the most important condition for development and existence, while, as the second, analyzes civil society from the point of view of the basis of the state, it should be noted that the prospects of civil society in Marxist theory are not presented quite clearly ... The Marxist understanding of the historical perspective of society is closely related to concepts such as socialism and communism. K. Marx wrote: "The point of view of the old materialism is "civil society"; the point of view of the new materialism is "human society".

Regarding this approach, it can be noted that civil society is incompatible with socialism. In our research, we proceed from the position that "modern civil society" is a "bourgeois society", which subsequently creates a "bourgeois state" as a political and legal superstructure. Civil society, in this sense, is a socio-economic formation, which is being replaced by socialism and communism with the establishment of a classless society, with the gradual withering away of the state.

The analysis of research conducted by the French thinker and statesman A. Tocqueville deserves special attention. Some researchers define it as the history of public institutions [9, p. 80].

A. Tocqueville is a political sociologist, researchers attribute him to the discoverers of political comparative studies, since the object of research is the analysis of the problems of democracy and freedom and their development prospects. However, these concepts, the basis of his theory, he designated in his own way.

By democracy, he understood the "equalization of the living conditions of people", which in his theory is reflected as a historically developing trend that determines the progress of societies. The socio-political equalization of estates and classes is analyzed not only as an equalization of opportunities, but also as a gradual equalization in the way and standard of life. This tendency shapes the entire social life, its "power affects both the government level and equally in the life of civil society itself, equality creates opinions, generates certain feelings, inspires customs, everything that is not caused by them is modified" [7, p. 27].

The understanding of freedom is formed as the absence of arbitrariness in the relationship between the state and civil society. Freedom is seen in the fact that the formation of the political system takes place in full compliance with the laws that are created and adopted by citizens themselves through representatives. The American system, in principle, meets the stated requirements. "Americans respect laws not only because they make

them themselves, but also because they can change them if the laws harm them. They obey the law as a conscious evil, but also as a temporary evil".

As for civil society, its structure is a system of economic and social relations that look like political and civic associations. Socio-political communities arise from civic associations and exist in interaction with civic institutions and at the same time are intermediaries between society and the state. Their main functions are that through the institutions of civil society "people try to protect themselves from the despotism of the majority, as well as" from illegal encroachments "of state power in relations with civil society".

It should be canceled that civil society, in the understanding of A. Tocqueville, is a complex system of socio-political and economic relations and institutions, which exists independently and independently of the organs and institutions of state power. At the same time, the mechanism of mutual influence of civil society and the state is based on socio-political institutions of mediation, from which free associations are formed.

The understanding of civil society by A. Tocqueville, in our opinion, complements the position of G. Hegel and K. Marx in expressing the mechanism of civil society. It boils down to the fact that the state and civil society should look like equal partners in the political life of society. The meaning of inevitable democratization presupposes an element of including the popular masses in political life, namely, "to provide state power with fairly extensive and definite powers; to give specific rights to individuals and guarantee them an undeniable opportunity to enjoy these rights, to preserve for the individual those shares of independence, strength and identity that he has managed to retain – the main tasks to which the legislator of the new era should devote himself".

Of the main doctrines about civil society, it is necessary to single out another one that arose in the XX century. The essence of this doctrine lies in the fact that its authors of the dichotomy "state – civil society" offer a different understanding of civil society in the form of a three-part model, separating civil society from both the political and economic spheres, which act only as intermediaries helping civil society to influence socially -economic and political processes.

In the XX century, liberalism becomes a politically real phenomenon, and a type of political culture in the West, leading the type of socio-economic and political structure. Here he was realized in the principles of the formation of the most important political institutions and was reflected in the leading political trends – from conservatism to social democracy [8, p. 8]. That is why it is possible to apply a three-part model of civil society to such types and levels of socio-political development. In such types, it looks realized, capable of effectively influencing economic and other processes, acting as a formed element in the relationship between society and the state.

In countries where the processes of democratization are just beginning, the problem of creating a civil society appears as the main condition for the success of these processes. The level of development of these countries, historical traditions, options for the political participation of citizens and other factors create their own conditions for the formation of civil society. In such countries, the separation of civil society from economic and political processes, the creation of characteristics of a mature civil society is a process that is lengthy in time, and in each case is special.

Therefore, as we imagine, the analysis of the processes of the formation of civil society in post-communist countries is more focused on the dichotomy "society – state". In the processes of mutual influence of society and the state in such countries, it is necessary to pay attention to the formation of the mechanism of power relations, allocation in it of the

Theory of State and Law

---

place and role of social institutions of a developing civil society. From this point of view, civil society is defined as a system of social relations and institutions that functions relatively independently of political power and is capable of influencing it through the system of institutions of mediation in making and implementing socially significant decisions. Such institutions can be political parties, pressure groups, interest groups.

Having touched upon the topic of defending their interests by social groups and individuals, it will be just right to recall the triad "individual – society – state" outlined at the very beginning of this article, to which we promised to return. This concept should not be confused with the above "two-part" (dichotomy "society-state") and "three-part" models (separation of civil society from the political and economic spheres). Within the framework of the triad "individual – society – state" that we have proposed, we would like to focus on the individual, to whom not much attention is paid in traditional approaches to understanding civil society.

Speaking about an individual as a self-sufficient subject of politics within the framework of socio-political relations, one can safely presume that he has certain interests, in order to protect which this individual just enters into socio-political relations. This kind of "interest of the individual" was best expressed by A. Tocqueville, mentioned above – this is the interest "to preserve for the individual that share of independence, strength and originality that he was still able to retain". Here it is necessary to clarify the meaning of the "interest" we put into the concept in the context of the formation and development of civil society.

So, G.M. Aznagulova writes about the important methodological and practical significance of "the problem of interaction of interests and political and legal matter" [1, p. 163]. It is concluded that the concept of "interest" in the understanding, for example, of various thinkers of the Enlightenment (including most of those mentioned in this article) "is not based on its socio-historical conditioning", does not affect the political and legal aspects of its content, but namely: questions about subjects of law, rights and obligations, political and legal guarantees for the protection and protection of legitimate interests. Moreover, G.M. Aznagulova does not deny the enormous influence of the enlighteners of that time on the development of general philosophical and political-legal thought. Among their merits, mention is made of the concept of interests based on the needs of a person and society, as well as ideas about the leading role of material interests in social development.

"The thinkers of the Enlightenment linked interest with its specific carriers and characterized it as the driving force of both the individual and the state" [1, p. 172]. The presence of such an extensive and complex set of interests played, in our opinion, far from the last role in the emergence of the very need of people to unite to defend these interests before the state.

These factors indicate the growing role of the individual in socio-political relations in the modern era. However, it is worthwhile to understand that the growth of this influence cannot occur on its own – for this, the individual needs to realize his growing role in modern society, and, accordingly, his growing responsibility to this society. So, the only favorable environment for the development of civil society is the rule of law state – civil law institutions in conditions of legal arbitrariness can function only in spite of the current situation, switching from the development mode to the survival mode. Thus, an individual bears responsibility before society and himself, and in order to enjoy the benefits that developed institutions of civil society present to him, he needs to contribute to its development, primarily by demonstrating a high level of legal awareness and legal behavior, in order to ensure a favorable environment for the development of civil society. "The present and future

of the rule of law directly depend on the understanding and perception of law by public consciousness, each of the subjects of law" [11, p. 130] – the future of civil society largely depends on the same factors.

All this, as well as the steadily changing upward role of the individual in the context of his dialogue with the state, allows us to put the individual at the head of the triad "individual – society – state" and once again emphasize the importance of the interests of the individual when it comes to the formation and functioning of civil society ...

In addition to this, we cannot fail to mention the point of view of S.A. Komarov, expressed by him in numerous works on the subject of this article. According to him, civil society is a self-developing and self-governing system. Individuals, uniting in various organizations, establishing various relationships among themselves, realizing their sometimes opposite interests, thereby ensure the harmonious, purposeful development of society without the intervention of the state as a political power [12, 13, 14].

It is this vision of civil society and the main problems of its formation that is reflected in the results of the actual practice of transformation processes in countries where civil society is at the stage of formation. This practice showed one of the important problems for our article. It consists in the fact that the process of differentiation of society into civil society in these countries is possible on the basis of the counter movement of society and the state, which for many reasons is not implemented in such countries. It should be noted that the very concept of civil society is not an end result, which has a number of end characteristics that ensure "quality". One can agree with the statement that civil society "has a special angle of view that allows us to see this world as a conscious creation of associations and as life in associations".

Bibliographic list

1. Aznagulova G.M. The Concept of "Interest" in the Philosophical and Political Legal Thought of Enlightenment Period. // LexRussica. 2016. № 11. P. 162–174.
2. Hobbes T. Works in 2 volumes. Moscow: Thought, 2016. T. 2. 705 p.
3. Gene L. Cohen, Andrew Arato. Civil Society and Political Theory/Per. from English. Moscow: The whole world, 2003. 451 p.
4. Locke J. Essay in three volumes. Moscow: Thought, 2017. 614 p.
5. See Marx K. Engels F. Selected works in 9 volumes. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1985. T. 2. 581 p.
6. See: Montesquieu S. Selected works. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 615 p.
7. See: Cohen Gene L. Arato Andrew. Civil society and political theory. Moscow: The whole world, 2017. 502 p.
8. See: Melville A.Y. Democratic transit. Theoretical, methodological and applied aspects. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2007. 488 p.
9. See: Tocqueville de Alexis. Democracy in America /Per. with the Frenchman. Moscow: The Whole World, 1994. 491 p.
10. See: Phage E. Political thinkers and moralists of the XIX century. The third series. Moscow: Tipo-lit, 2016. 355 p.
11. See: G.M. Aznagulova. Trends in the development of a legal state in modern conditions // Legal state: problems of understanding and implementation. Collection of articles of International scientific-practical. Conf., dedicated to the 10th anniversary of the journal "Legal State: Theory and Practice". Ufa, April 16–17, 2015 / chef red. F.Kh. Galiev. Ufa: publishing house BashSU, 2015.

Theory of State and Law

---

12. See: Komarov, S. A. General theory of state and law: textbook for universities / S. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p. (Higher education). Text: electronic // EBS Yurayt [site]. URL: <https://urait.ru/bcode/453435> (date of access: 12.07.2020).

13. Komarov S.A., Solovieva I.A. Participation of citizens in the legislative process // Theory of state and law. 2017. № 1. P. 59–64.

14. Abdulaev M.I., Komarov S.A. Problems of the theory of state and law / Textbook. SPb.: Piter, 2003. 576 p.

For citation: Kulakov A.A. Basic scientific concepts of civil society: the due and the possible // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 75–82.

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.024

Н.В. Мамитова*
А.В. Петренко**

УДК 340
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.025

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ ПОСЛЕ COVID-19

***Аннотация.** Цифровизация окружающей реальности стала неотъемлемой частью современного мира. Статья посвящена анализу проблем цифровизации правовой экспертизы в современную эпоху. В том числе после пандемии Covid-19, которая послужила резким толчком в данном направлении. В статье раскрываются проблемы цифровой безопасности, цифровой гигиены экспертов. Выдвигается новелла – создание Единой государственной цифровой экспертной платформы.*

***Ключевые слова:** цифровизация, правовая экспертиза, цифровая гигиена, кибербезопасность, Covid-19, эксперт, цифровые технологии, диджитализация, единая государственная цифровая экспертная платформа.*

На протяжении последних лет наметилась тенденция цифровизации окружающей реальности. Ученые и практики обсуждают диджитализацию государства, секторов экономики, системы правосудия. Это становится необходимым условием качественного развития общества, конкурентоспособности государства, в том числе и на мировой политической арене. Новые технологии затрагивают многие сферы человеческой жизнедеятельности. С.М. Воробьев и С.А. Комаров правильно отмечают, что «На фоне происходящих информационных изменений меняется мировоззрение, мышление, психология, культура и общение людей. Мы волею судьбы становимся напрямую зависимыми от процессов передачи информации, ее обработки и способов передачи» [3, с. 26].

Цифровизация предполагает создание принципиально новых моделей, использующих цифровые сущности, объекты физического мира; данный процесс нельзя рассматривать оторвано от экономики и экономических отношений, как это принято для предшествующих процессов технологических изменений; результатом цифровизации может стать также высокая экономия на ранее недоступных для минимизации издержках, а также появление еще более квалифицированного труда. Становится очевидным, что рассматриваемый процесс более требователен к внешней инфраструктуре, а также наличию обозначенных условий, наполняющих его.

Правовое поле в России менялось с учетом новых тенденций. Например, Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в Гражданский кодекс была введена статья о цифровых правах [6]. Не менее важной вехой в этом направлении можно считать принятие Федерального закона Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ

---

* **Мамитова Наталья Викторовна**, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmamitova@mail.ru

** **Петренко Александр Викторович**, преподаватель Государственного бюджетного учреждения Ростовской области «Региональный центр выявления и поддержки одаренных детей «Ступени успеха», кандидат юридических наук. E-mail: Fides333@mail.ru

«Об электронной подписи» [13], регулирующего отношения в области использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий, в том числе в случаях, установленных другими федеральными законами.

Однако, пандемия Covid-19, которая коснулась практически каждого государства, послужила резким толчком в данном направлении.

Так, 11 мая 2020 г. прошла онлайн-конференция под названием «Правосудие online – потрясение – отрицание – прорыв», где дискуссия строилась вокруг двух направлений цифровизации правосудия: электронного документооборота и проведения онлайн – заседаний. Юристы отмечали как плюсы, так и минусы нового формата судебных заседаний. В числе основных недостатков отмечена невозможность обеспечения правосудия абсолютно для каждого, учитывая цифровую неграмотность части населения страны.

В контексте цифрового правосудия был затронут вопрос разработки и запуска комплексной информационной системы адвокатуры России, на основе которой будет создан реестр всех адвокатов, предоставлен доступ к большинству государственных сайтов и судебным процессам в онлайн и пр. Цифровизация адвокатуры сделает государственные услуги для адвокатов доступными круглосуточно и каждый день.

Министерство юстиции России готовит законопроект, который позволит сторонам участвовать в судебных заседаниях из дома или офиса через Интернет [2].

В Особой экономической зоне «Инополис» 10 июля 2020 года состоялась панельная дискуссия по развитию государственно-частного партнёрства для отрасли информационных технологий, государственной поддержке IT-отрасли в области кадров и образования и развитию отечественных решений в области кибербезопасности. Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин указал что «цифровое развитие общества требует новой государственной политики, которая будет отвечать современным трендам» и «главное, что следует отметить, – это всепроникающий характер цифровизации» [5].

Таким образом, мы понимаем, что процесс цифровизации неизбежно охватит все сферы государства, в том числе и правовая экспертиза будет осуществляться с учетом цифровых и постковидных тенденций.

В постпандемическую эпоху произойдут многие изменения в окружающей реальности. Сейчас возникает множество новых вызовов, связанных с развитием цифровой культуры, трансформацией рынка труда, изменением роли данных в управленческой деятельности и диджитализацией правового пространства.

В контексте проблематики цифровизации правовой экспертизы речь должна идти в первую очередь об экспертах, которые смогли изменить свой опыт работы во время пандемии Covid-19 с учетом правил цифрового мира.

Под правовой экспертизой будем понимать деятельность уполномоченных лиц по изучению объектов правовой сферы, осуществляемая в установленной процессуальной форме и основывающаяся на общих принципах и нормах права, результаты которой закреплены в специальном акте – заключении и необходимы для принятия юридически значимых решений в целях устранения конфликтов в интересах общества и государства. Отметим, что объект правовой экспертизы может быть информационным. По нашему мнению, цифровизация правовой экспертизы является важной составляющей концепции «цифрового государства» – нового типа государства, ос-

нованного на использовании цифровых технологий. Главным направлением в реформе государственного управления должно стать построение «государства как платформы». Платформа – это совокупность взаимодействующих между собой аппаратных средств и операционных систем, под управлением, которых функционируют различные прикладные программы и средства для их разработки. Идея «государства-платформы» означает глубоко интегрированную единую цифровую систему управления [4].

Исходя из изложенного выше, актуальным будет создать Единую государственную цифровую экспертную платформу. Она должна быть интегрирована в экспертное сообщество.

Данная платформа должна стать не просто отдельным сайтом, а полноценным ресурсом, в создании которого были бы задействованы межведомственные структуры. Так, возможно стоит внедрить в нее систему обнаружения аномалий в процессах государственных закупок. Кроме того, следует анализировать данные о государственных служащих и процедуре их найма, данные об административных санкциях в отношении государственных служащих.

Таким образом, это позволит более эффективно противодействовать коррупции. Одной из проблем антикоррупционной деятельности всегда была высокая латентность коррупции. Наличие в Единой государственной цифровой экспертной платформе специального раздела для жалоб граждан позволит выявлять факты коррупционной деятельности и разрабатывать более совершенные методики противодействия коррупции. Кроме того, такая платформа может систематизировать позиции независимых экспертов, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов или проектов нормативных правовых актов.

При работе с такой платформой следует учитывать опыт международных организаций и международное законодательство. Информационные процессы должны происходить с учетом Протокола о внесении изменений в Конвенцию о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера [7]. В работе Единой цифровой экспертной платформы должны быть отражены:

- жесткие требования в отношении принципов соразмерности, минимизации данных и правомерности обработки;
- расширение типов конфиденциальных данных, которые будут включать в себя генетические и биометрические данные;
- обязательство декларировать утечку данных;
- более высокая степень прозрачности обработки данных;
- решения, которые становятся особенно актуальными в связи с развитием искусственного интеллекта;
- повышение подотчётности операторов данных;
- требование применения принципа «Проектируемая конфиденциальность».

Данная концепция исходит из того, что в конфиденциальность, то есть защита личной информации, не может быть обеспечена исключительно соблюдением нормативно-правовых актов; скорее, защита личной информации должна в идеале стать одним из высших приоритетов (более того, «правилом по умолчанию») в работе любой организации. «Проектируемая конфиденциальность» охватывает целую триаду положений: 1) информационные системы; 2) практику деловых отношений; 3) устройства, оборудование, сооружения и сетевую инфраструктуру [8].

Принципы «Проектируемой конфиденциальности» применимы ко всем типам личной информации, но в особенности – к строго конфиденциальным данным, что особенно важно в деятельности экспертов при проведении правовой экспертизы;

– применение принципов защиты данных ко всем процессам, в зависимости от требований национальной безопасности;

– четкий режим трансграничных потоков дан;

– основы международного сотрудничества.

С учетом последнего пункта, важным, на наш взгляд, будет и тот факт, что такая платформа позволит повысить межгосударственное взаимодействие, обмениваться опытом в правовых и технических аспектах проведения экспертиз в цифровом пространстве.

Безусловно, будет существовать и ряд проблем. Так, например, вопросы цифровой грамотности и цифровой гигиены остаются актуальными, поскольку из-за пандемии Covid-19 многие специалисты вынуждены были перестраивать свою работу резко, упуская ряд знаний и умений, важных в новой реальности.

В цифровом пространстве есть свои правила гигиены. К использованию интернета и потреблению информации стоит относиться так же, как к потреблению в физическом мире.

Цифровая гигиена – понятие достаточно широкое. Она включает в себя изучение влияния на человека диджитализации, разработку нормативов и мероприятий по информационной защите граждан и мероприятий по оздоровлению информационной среды. На наш взгляд, экспертам стоит дополнительно обучаться цифровой гигиене, это позволит повысить их эффективность.

В современную эпоху производство информации стало молниеносным, а между потребителями и источниками данных практически нет никаких фильтров. Бельгийский кибернетик Франсис Хейлиген считает, что в результате все мы попали в шквал «нерелевантных, неясных и просто ложных информационных фрагментов», которые он в своем исследовании называет «информационным смогом» [9].

Ученые утверждают, что, когда объем информации превышает нашу способность ее обработать, происходит информационная перегрузка. Исследования показывают, что при перегрузке эффективность мышления падает: человек легче отвлекается, становится более раздражительным и лишается способности принимать взвешенные решения [10]. Для эксперта недопустимо такое состояние.

Другим важным аспектом обучения экспертов цифровой гигиене будет безопасность. В узком понимании под «цифровой гигиеной» будем понимать «систематическое применение технических мер предосторожности, предпринимаемых пользователями с целью обеспечения конфиденциальности личной информации, безопасности и безопасности конфиденциальных данных от преступлений с применением современных информационно-коммуникационных технологий» [1].

Соблюдение мер безопасности в информационной среде, а также, пропаганда знаний основ кибербезопасности должны стать неотъемлемой частью сертификации эксперта, причем безотносительно независимый это эксперт, или же работающий на государственную организацию.

Ошибочно воспринимать проблематику кибербезопасности как сугубо техническую. По данным недавнего исследования компании Proofpoint, производящей решения для безопасности электронной почты, менее 1% всех атак эксплуатируют уязвимости систем. Остальные используют человеческий фактор. Другими слова-

ми, технические средства предупреждения и мониторинга атак успешно совершенствуются, искусственный интеллект и средства автоматизации позволят быстро реагировать на большинство инцидентов, но человек остается человеком [11].

Одной из самых распространенных на сегодняшний день угроз является фишинг, который может повлечь нарушение анонимности и приватности, целостности цифрового образа.

По данным Netjaves group фишинговые кампании, основанные на вредоносных программах, активно развиваются с начала марта. С середины января 2020 года наблюдалось увеличение количества регистраций доменов, связанных с COVID-19, причем в конце февраля этот показатель значительно вырос. Большой февральский всплеск регистрации доменов является вероятным показателем того, что злоумышленники осознали потенциал COVID-19 как вектора развития атак.

Так, вредоносный файл .ark был обнаружен на веб-сайте правительства Ирана. Министерство здравоохранения Ирана разослало жертвам сообщения с рекомендациями загрузить приложение, поскольку оно содержало информацию о мониторинге симптомов COVID-19. Файл .ark позже был идентифицирован как шпионское ПО, предназначенное для сбора информации о пользователях [12].

В контексте нашей статьи, отметим, что игнорирующий правила цифровой безопасности эксперт может своими действиями раскрыть личную информацию.

В рамках такого вида правовой экспертизы, как судебная, эксперт может работать с разной информацией, в том числе и конфиденциальной. Если произойдет «утечка» из-за нарушения экспертом правил цифровой гигиены, то, по нашему мнению, следует проработать также вопросы ответственности эксперта.

В современных условиях установление строгих правил цифровой гигиены должно быть обязательным в работе эксперта.

В заключение отметим, что динамика цифровизации бесспорно является преимуществом как для граждан, так и правовой системы отдельного государства, однако, на данном этапе своего становления, необходимо обязательное условие сохранения абсолютно всех процедур и в офлайн.

Таким образом, вопрос цифровизации правовой экспертизы остается достаточно проблемным и требует системного и комплексного взаимодействия представителей как правовой сферы, так и сферы IT.

Библиографический список

1. *Козырева А.А.* Определение термина "кибергигиена" и возможность его применения в правовом поле // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-termina-kibergigiena-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-pravovom-pole> (дата обращения: 23.06.2020).

2. См.: *Ковалева Е.* Диджитализация правосудия: временно или навсегда? // URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/14/didzhitalizaciya_pravosudiya_vremenno_ili_navsegda (дата обращения: 11.06.2020).

3. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

4. *Мамитова Н.В.* Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юриличе-

ские науки. – 2019. – № 4 (22). – С. 13–20 // URL: https://www.muiv.ru/vestnik/pdf/un_2019_4_22_13_20.pdf (дата обращения: 23.06.2020).

5. Панельная дискуссия с участием представителей IT-индустрии //URL: <http://government.ru/news/39995/> (дата обращения: 11.07.2020).

6. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» //URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 11.06.2020).

7. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера //URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/223> (дата обращения: 11.06.2020).

8. Privacy by Design. 7 основополагающих принципов (Энн Кавукиан (Ann Cavoukian), Ph.D. Уполномоченный по вопросам информации и защиты конфиденциальности // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31633216#pos=1;-16 (дата обращения: 23.06.2020).

9. Francis Heylighen Complexity and Information Overload in Society: why increasing efficiency leads to decreasing control // <http://pcp.vub.ac.be/Papers/Info-overload.pdf> (дата обращения: 11.06.2020).

10. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40685-018-0069-z> (дата обращения: 11.06.2020).

11. URL: <https://www.proofpoint.com/sites/default/files/gtd-pfpt-us-tr-human-factor-2019.pdf> (дата обращения: 11.06.2020).

12. URL: <https://www.herjavecgroup.com> (дата обращения: 11.06.2020).

13. Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // URL: <https://base.garant.ru/12184522/>

Для цитирования: Мамитова Н.В., Петренко А.В. Цифровизация правовой экспертизы в современную эпоху после covid-19 // Теория государства и права. – 2020. № 3-1 (19-1). – С. 84–89. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.025

Natalia V. Mamitova*
Alexander V. Petrenko**

DIGITALIZATION OF LEGAL EXPERTISE IN THE MODERN ERA AFTER COVID-19

Annotation. *Digitalization of the surrounding reality has become an integral part of the modern world. The article is devoted to the analysis of the problems of digitalization of legal expertise in the modern era. Including after*

---

* **Mamitova Natalia Viktorovna**, Professor of the Department of State Science of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: nvmamitova@mail.ru

** **Petrenko Alexander Viktorovich**, teacher of the State Budgetary Institution of the Rostov Region “Regional Center for Revealing and Support of Gifted Children” Steps of Success”, Candidate of Law. E-mail: Fides333@mail.ru

the pandemic Covid-19, this served as a sharp impetus in this direction. The article reveals the problems of digital security, digital hygiene experts. An innovation is being put forward – the creation of the Unified State Digital Expert Platform.

Keywords: *digitalization, legal expertise, digital hygiene, cybersecurity, Covid-19, expert, digital technologies, a unified state digital expert platform.*

Over the past years, there has been a tendency to digitalize the surrounding reality. Scientists and practitioners discuss the digitalization of the state, economic sectors, and the justice system. This becomes a necessary condition for the qualitative development of society, the competitiveness of the state, including in the world political arena. New technologies affect many areas of human life. S.M. Vorobiev and S.A. Komarov correctly note that "Against the background of the ongoing informational changes, the worldview, thinking, psychology, culture and communication of people are changing. By the will of fate, we become directly dependent on the processes of information transmission, its processing and transmission methods" [3, p. 26].

Digitalization involves the creation of fundamentally new models using digital entities, objects of the physical world; this process cannot be considered divorced from the economy and economic relations, as is customary for the previous processes of technological change; digitalization can also result in high savings on previously inaccessible costs to minimize costs, as well as the emergence of even more qualified labor. It becomes obvious that the process under consideration is more demanding on the external infrastructure, as well as the presence of the designated conditions filling it.

The legal framework in Russia has changed in line with new trends. For example, Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 introduced an article on digital rights into the Civil Code [6]. An equally important milestone in this direction can be considered the adoption of the Federal Law of the Russian Federation dated 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signatures" [13], which regulates relations in the use of electronic signatures in civil transactions, the provision of state and municipal services, the performance of state and municipal functions, when performing other legally significant actions, including in cases established by other federal laws.

However, the Covid-19 pandemic, which affected almost every state, served as a sharp impetus in this direction.

So, on May 11, 2020, an online conference entitled "Online Justice – Shock – Denial – Breakthrough" was held, where the discussion was built around two areas of digitalization of justice: electronic document management and online meetings. Lawyers noted both the pros and cons of the new format of court sessions. Among the main shortcomings, the impossibility of ensuring justice for absolutely everyone was noted, given the digital illiteracy of part of the country's population.

In the context of digital justice, the issue of developing and launching an integrated information system for the Russian legal profession was raised, on the basis of which a register of all lawyers will be created, access to most state websites and online trials, etc. will be provided. Digitalization of the legal profession will make public services for lawyers available around the clock and everyone day.

The Russian Ministry of Justice is preparing a bill that will allow the parties to participate in court hearings from home or office via the Internet [2].

On July 10, 2020, in the Innopolis Special Economic Zone, a panel discussion was held on the development of public-private partnerships for the information technology industry, government support for the IT industry in the field of personnel and education, and the development of domestic solutions in the field of cybersecurity. Chairman of the Government of the Russian Federation M.V. Mishustin pointed out that “the digital development of society requires a new state policy that will meet modern trends” and “the main thing that should be noted is the pervasive nature of digitalization” [5].

Thus, we understand that the digitalization process will inevitably cover all areas of the state, including legal expertise, taking into account digital and post-image trends.

In the post-pandemic era, many changes will occur in the surrounding reality. Now there are many new challenges associated with the development of digital culture, the transformation of the labor market, the changing role of data in management activities and the digitalization of the legal space.

In the context of the digitalization of legal expertise, we should talk primarily about experts who were able to change their work experience during the Covid-19 pandemic, taking into account the rules of the digital world.

By legal expertise we mean the activities of authorized persons to study objects of the legal sphere, carried out in the established procedural form and based on general principles and norms of law, the results of which are enshrined in a special act – a conclusion and are necessary for making legally significant decisions in order to eliminate conflicts in the interests of society and the state. Note that the object of legal expertise can be informational. In our opinion, digitalization of legal expertise is an important component of the concept of a “digital state” – a new type of state based on the use of digital technologies. The main direction in the reform of public administration should be the construction of “the state as a platform”. A platform is a set of interacting hardware and operating systems, under the control of which various application programs and tools for their development operate. The idea of “platform state” means a deeply integrated single digital control system [4].

Based on the above, it will be relevant to create a Unified State Digital Expert Platform. It should be integrated into the expert community.

This platform should become not just a separate site, but a full-fledged resource, in the creation of which interagency structures would be involved. So, it might be worth implementing an anomaly detection system in public procurement processes. In addition, it is necessary to analyze data on civil servants and the procedure for their recruitment, data on administrative sanctions against civil servants.

Thus, it will allow for more effective fight against corruption. One of the problems of anti-corruption activities has always been the high latency of corruption. The presence in the Unified State Digital Expert Platform of a special section for citizens' complaints will make it possible to identify the facts of corruption and develop more advanced methods of combating corruption. In addition, such a platform can systematize the positions of independent experts who conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts or draft regulatory legal acts.

When working with such a platform, one should take into account the experience of international organizations and international legislation. Information processes should take place subject to the Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data [7]. The work of the Unified Digital Expert Platform should reflect:

- strict requirements in relation to the principles of proportionality, data minimization and the legality of processing;
- expansion of the types of confidential data, which will include genetic and biometric data;
- obligation to declare data breach;
- a higher degree of transparency in data processing;
- solutions that become especially relevant in connection with the development of artificial intelligence;
- increasing the accountability of data operators;
- the requirement to apply the principle of "Designed confidentiality".

This concept proceeds from the fact that confidentiality, that is, the protection of personal information, cannot be ensured solely by compliance with regulations; rather, protecting personal information should ideally become one of the highest priorities (indeed, the "default rule") in any organization's operations. "Designed privacy" covers a whole triad of applications: 1) information systems; 2) business practice; 3) devices, equipment, facilities and network infrastructure [8].

The principles of "Designed Confidentiality" are applicable to all types of personal information, but in particular – to strictly confidential data, which is especially important in the activities of experts when conducting legal due diligence;

- application of data protection principles to all processes, depending on national security requirements;
- a clear regime of transboundary flows is given;
- the foundations of international cooperation.

Taking into account the last point, it will be important, in our opinion, the fact that such a platform will increase interstate interaction, exchange experience in the legal and technical aspects of conducting examinations in the digital space.

Certainly, there will be a number of problems. For example, the issues of digital literacy and digital hygiene remain relevant, since due to the Covid-19 pandemic, many specialists were forced to restructure their work abruptly, missing a number of knowledge and skills that are important in the new reality.

The digital space has its own hygiene rules. Internet use and information consumption should be treated in the same way as consumption in the physical world.

Digital hygiene is a broad concept. It includes the study of the impact of digitalization on a person, the development of standards and measures for the information protection of citizens and measures to improve the information environment. In our opinion, experts should receive additional training in digital hygiene, this will increase their effectiveness.

In the modern era, the production of information has become lightning fast, and there are practically no filters between consumers and data sources. Belgian cyberneticist Francis Heiligen believes that as a result we all fell into a flurry of "irrelevant, obscure and simply false information fragments", which he calls "information smog" in his research [9].

Scientists argue that when the amount of information exceeds our ability to process it, information overload occurs. Studies show that when overloaded, the efficiency of thinking decreases: a person is more easily distracted, becomes more irritable and loses the ability to make informed decisions [10]. Such a state is unacceptable for an expert.

Another important aspect of educating digital hygiene experts will be safety. In the narrow sense of "digital hygiene" we mean "the systematic application of technical precau-

tions taken by users in order to ensure the confidentiality of personal information, safety and security of confidential data from crimes using modern information and communication technologies" [1].

Compliance with security measures in the information environment, as well as the promotion of knowledge of the basics of cybersecurity, should become an integral part of the certification of an expert, moreover, this is an independent expert, or working for a government organization.

It is a mistake to perceive cybersecurity issues as purely technical. According to a recent study by email security company Proofpoint, less than 1% of all attacks exploit system vulnerabilities. The rest use the human factor. In other words, technical means of preventing and monitoring attacks are being successfully improved, artificial intelligence and automation means will allow a quick response to most incidents, but a person remains a person [11].

One of the most widespread threats today is phishing, which can violate anonymity and privacy, and the integrity of the digital image.

According to the Herjavec group, malware-based phishing campaigns have been actively developing since early March. Since mid-January 2020, there has been an increase in the number of COVID-19-related domain registrations, with a significant increase in late February. The large spike in domain registrations in February is a likely indicator that attackers have realized the potential of COVID-19 as an attack vector.

For example, a malicious .apk file was found on the Iranian government website. Iran's Ministry of Health sent out messages to victims advising them to download the app as it contained information on monitoring COVID-19 symptoms. The .apk file was later identified as spyware designed to collect information about users [12].

In the context of our article, we note that an expert who ignores digital security rules can disclose personal information by his actions.

Within the framework of this type of legal examination, as a forensic one, an expert can work with various information, including confidential. If there is a "leak" due to an expert's violation of the rules of digital hygiene, then, in our opinion, the issues of the expert's responsibility should also be worked out.

In modern conditions, the establishment of strict rules for digital hygiene should be mandatory in the work of an expert.

In conclusion, we note that the dynamics of digitalization is undoubtedly an advantage for both citizens and the legal system of a separate state, however, at this stage of its formation, it is necessary to preserve absolutely all procedures offline.

Thus, the issue of digitalization of legal expertise remains quite problematic and requires systematic and complex interaction of representatives of both the legal sphere and the IT sphere.

Bibliographic list

1. Kozyreva A.A. Definition of the term "cyberhygiene" and the possibility of its application in the legal field // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 7 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-termina-kibergigiena-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-pravovom-pole> (date accessed: 23.06.2020).

2. See: Kovaleva E. Digitalization of Justice: Temporarily or Permanently? // URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/14/didzhitalizaciya_pravosudiya_vremenn_ili_navsegda (date accessed: 11.06.2020).

3. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.
4. Mamitova N.V. Digital state: problems of construction in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2019. No. 4 (22). P. 13–20 // URL: [https://www.muiv.ru/ vestnik / pdf / un / yn_2019_4_22_13_20.pdf](https://www.muiv.ru/vestnik/pdf/un/yn_2019_4_22_13_20.pdf) (date accessed: 23.06.2020).
5. Panel discussion with the participation of representatives of the IT industry // URL: <http://government.ru/news/39995/> (date of access: 07/11/2020).
6. Federal Law No. 34-FZ of 18.03.2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (date of access: 11.06.2020).
7. Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/223> (date of access: 11.06.2020).
8. Privacy by Design. 7 Fundamental Principles (Ann Cavoukian, Ph.D. Information and Privacy Commissioner // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31633216#pos=1;-16 (date of access: 23.06.2020).
9. Francis Heylighen Complexity and Information Overload in Society: why increasing efficiency leads to decreasing control // <http://pcp.vub.ac.be/Papers/Info-overload.pdf> (date accessed: 11.06.2020).
10. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40685-018-0069-z> (date accessed: 11.06.2020).
11. URL: <https://www.proofpoint.com/sites/default/files/gtd-pfpt-us-tr-human-factor-2019.pdf> (date accessed: 11.06.2020).
12. URL: <https://www.herjavecgroup.com> (date accessed: 11.06.2020).
13. Federal Law of the Russian Federation dated 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // URL: <https://base.garant.ru/12184522/>

For citation: Mamitova N.V., Petrenko A.V. Digitalization of legal expertise in the modern era after covid-19 // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 88–93.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.025

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В данной статье автор, говоря в общем о положительном введении восстановительного правосудия в казахстанское судопроизводство, останавливается на медиации как одном из альтернативных способов примирения в уголовном процессе. Медиация в уголовном процессе применяется на практике реже, чем по гражданским делам. Автор приводит собственные доводы в отношении расширения применения медиации на досудебной стадии уголовного производства, поднимает вопрос о возмещении вреда при применении медиации. Автор обосновывает предложения по совершенствованию медиации в уголовном процессе, направленные на ее усиление и расширение применения.

Ключевые слова: медиация, примирение, уголовно-правовой конфликт, медиационное соглашение, уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса.

В юридической литературе верно отмечается, что «в последнее время в законодательстве ряда стран повилось специальное законодательство, регулирующее общественные отношения при осуществлении медиации» [15, с. 50]. Достаточно сослаться на Закон Республики Казахстан «О медиации», от 28.01.2011 г. [2], Федеральный закон от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в Российской Федерации [16]. При этом нужно учесть, что изменение законодательства осуществлялось согласно Директиве № 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах», принятой в Страсбурге 21 мая 2008 г. [17].

Термином «медиация» (от лат. – «mediare» – посредничать) называются переговоры между спорящими сторонами при участии и под руководством нейтрального третьего лица – медиатора (посредника), не имеющего права выносить обязательное для сторон решение. Данному термину тождественны понятия «посредничество», «примирительные процедуры», «согласительные процедуры» [17].

С обретением независимости в Республике Казахстан постепенно стали пересматривать понимание тех общественно опасных деяний, за которые привлекали к уголовной ответственности. Ревизии подверглась в целом уголовная политика государства, которая досталась в наследие от общего советского прошлого. Как совершенно справедливо отмечает Т.В. Чернышова, «как следствие повышения роли принципа гуманизма в уголовном процессе» [1], а также в целях оптимизации судебного процесса современному уголовному судопроизводству стали известны альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов.

---

* Мицкая Елена Владимировна, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург); профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова (Республика Казахстан, Шымкент). E-mail: elenamits@inbox.ru

В результате одним из новшеств в казахстанском судопроизводстве стала медиация. Законом Республики Казахстан о медиации определены споры (конфликты), по которым возможно применение медиации, – это «возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [2, ст. 27].

За почти девять лет уже накопился достаточный опыт практической реализации медиации в казахстанском уголовном судопроизводстве, позволяющий четко определить отличие медиации от примирения, есть ли проблемные вопросы в механизме её реализации, что можно улучшить.

Вопрос о применении медиации на досудебной стадии уголовного судопроизводства и прекращении уголовного преследования относится к числу дискуссионных.

Так, Законом Республики Казахстан о медиации определены условия ее применения. В ч. 2 ст. 20 данного закона закреплено то, что «медиация при урегулировании споров, возникающих из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, может быть применена как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства». [2] Под «иными правоотношениями» следует понимать и уголовно-правовые.

Далее в ч. 4 этой же статьи закрепляется положение о добровольном порядке применения медиации и уточняется, что «предложение стороне обратиться к медиации может быть сделано по просьбе другой стороны, судом или органом уголовного преследования». Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан к ним относит «органы (должностные лица) уголовного преследования – прокурор (государственный обвинитель), следователь, орган дознания, дознаватель» (п. 23 ст. 7) [3].

Ст. 24 Закона Республики Казахстан о медиации разъясняет особенности ее применения в уголовном судопроизводстве. В ч. 4 данной статьи установлена обязанность лиц, осуществляющих медиацию, строго придерживаться сроков ее проведения согласно установленным Уголовно-процессуальным кодексом срокам досудебного и судебного производства.

Таким образом, из всего этого следует признание Законом Республики Казахстан о медиации возможности ее применения как на досудебной стадии уголовного судопроизводства, так и на судебной стадии. Однако, применение медиации на досудебной стадии еще не означает прекращения уголовного преследования.

Так, ч. 3 ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [3], закрепляющая полномочия следователя, не указывает среди них право следователя на прекращение преследования в порядке применения медиации. Получается, что Законом о медиации закрепляется возможность ее применения на досудебной стадии уголовного производства. А по факту следователь не может выносить постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или же о прекращении уголовного дела в отношении виновного лица, прямо указывая о применении процедуры медиации.

В силу устранения такого положения необходимо дополнить полномочия следователя обязанностью прекратить уголовное преследование при поступлении к нему заключенного медиативного соглашения сторон.

На досудебной стадии производство по уголовному делу не приостанавливается при наличии заключенного сторонами договора о медиации. Закрепление за следователем полномочия прекратить уголовное преследование при поступлении к нему заключенного медиативного соглашения сторон позволит также снизить нагрузку на суды, на что в последнее обращается пристальное внимание судей, и уберечь потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) от бюрократической машины судебного производства. Вполне возможно, что прекращение уголовного преследования на досудебной стадии позволит повысить число желающих прибегнуть к медиации, тем самым уменьшить число лиц, обращающихся к традиционному рассмотрению уголовного дела в суде.

Уголовная медиация на досудебной стадии лишь упрощает процесс рассмотрения дела в суде. Но не всегда исключает судебную стадию рассмотрения уголовного дела. Вот почему высказывается мнение о том, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан имеет потенциал для расширения примирения сторон посредством медиации и усиление применения медиации на досудебной стадии уголовного производства «ответило бы еще одному из основных направлений совершенствования уголовно-процессуального права, заключающемся в упрощении и повышении эффективности уголовного процесса, в том числе упрощении порядка досудебного производства». [4]

Медиацию нельзя считать равнозначной примирению. Это нетождественные понятия. Однако, не все разделяют мнение о возможности прекращения уголовного преследования в порядке медиации на досудебной стадии уголовного производства.

Так, Давлетов А.А., Братчиков Д.А. анализируя возможности введения в уголовное производство Российской Федерации медиации, отмечают, что в порядке примирения следователь, дознаватель с согласия руководителя следственного органа или прокурора имеют право прекратить уголовное дело в соответствии со ст. 25 УПК РФ [5]. Однако, в силу того, что уголовное дело прекращается по нереабилитирующим основаниям «с фактическим признанием виновности лица в совершении преступления, но без вынесения приговора и наличия судимости» [5], его прекращение не допускается в досудебном производстве.

Действительно, в силу Конституций и Уголовно-процессуальных кодексов правосудие совершается как в РФ, так и в РК исключительно судом. Есть и другие мнения в отношении того какой быть медиации в российском уголовном процессе. В частности, А.А. Арутюнян считает, что медиация может применяться на досудебной стадии уголовного производства и может явиться основанием для прекращения уголовного дела как на досудебной стадии, так и на судебной. Причем с оговоркой о том, что «медиация на досудебной стадии может также стать основанием для применения в дальнейшем упрощенного порядка принятия судом решения в связи с достижением примирительного соглашения, если дело не может быть прекращено по основаниям, предусмотренным законом, в связи с совершением преступления не впервые» [6, с. 14]. На сегодняшний момент вопрос расширения медиации на досудебной стадии в казахстанском уголовном процессе очень актуален [7].

Однако, вернёмся к казахстанскому варианту применения медиации в уголовном процессе.

Прекращение уголовного преследования при применении медиации осуществляется в РК в судебной стадии уголовного производства, но за исключением тех лиц, которые перечисляются в ч. 2 ст. 68 УПК РК.

Так, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РК орган уголовного преследования при наличии соответствующих обстоятельств в пределах своей компетенции вправе прекратить уголовное преследование с освобождением лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных частями 2, 3 ст. 68 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением». В таких случаях освобождению от уголовной ответственности подлежат несовершеннолетние; беременные женщины; женщины, имеющие малолетних детей; мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей; женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет; мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, впервые совершившие тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, если они примирились с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладили причиненный вред (ч. 2 ст. 68 УПК РК).

Под преступлением, совершенным впервые, согласно Нормативному постановлению Верховного Суда РК «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» понимается деяние, которое лицо фактически совершает в первый раз, либо деяние, совершенное не в первый раз, но если за ранее совершенное преступление лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности или полностью освобождено от наказания, либо судимость была погашена или снята [8].

Если же лицо, совершившее два и более преступлений (в случаях неоднократности или реальной совокупности преступлений), и не за одно из которых не было привлечено к уголовной ответственности, нельзя считать лицом, совершившим преступление впервые. При этом не имеет значения, в одном производстве либо в самостоятельных уголовных делах осуществляется уголовное преследование за каждое из этих деяний [8].

Часть 3 ст. 68 УПК РК устанавливает, что в случаях, когда уголовным правонарушением причинен вред охраняемым законом интересам общества и государства, лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, или, перечисленное в ч. 2 данной статьи, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно чистосердечно раскаялось и загладило вред, причиненный охраняемым законом интересам общества или государства.

Суд при обнаружении обстоятельств, позволяющих не осуществлять уголовное преследование, вправе постановить обвинительный приговор с освобождением от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 36 УПК РК).

В данной связи целесообразным видится внести дополнения не только в ст. 60 УПК РК, закрепив полномочия следователя о вынесении постановления об освобождении лица от уголовной ответственности при предоставлении ему заключенного медиационного соглашения, но и ч. 1 ст. 36 «Обстоятельства, позволяющие не осуществлять уголовное преследование» дополнить тем, что при обнаружении обстоятельств, не позволяющих осуществлять уголовное преследование, орган уголовного преследования обязан на досудебной стадии уголовного производства выносить постановление о прекращении уголовного дела.

Часть 1 ст. 36 «Обстоятельства, позволяющие не осуществлять уголовное преследование» УПК РК возможно изложить в следующей редакции:

«1. Орган уголовного преследования при наличии соответствующих обстоятельств в пределах своей компетенции вправе прекратить уголовное преследование

с освобождением лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных частью первой статьи 65, статьями 66, 67, частями второй, третьей статьи 68, частями первой, третьей статьи 83, а также примечаниями статей 441, 442, 444 – 448, 453 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Орган уголовного преследования при наличии соответствующих обстоятельств обязан на досудебной стадии уголовного производства выносить постановление о прекращении уголовного дела.

Суд в таких случаях вправе постановить обвинительный приговор с освобождением от уголовной ответственности.».

Введение медиации призвано минимизировать конфликтность участников уголовно-правового спора. На основе добровольности и партнерства медиация позволяет сторонам конфликта самим принимать вариант окончательного решения по существу конфликта, но при этом обязательным условием должно быть заглаживание вреда (ч. 1 ст. 68 УК РК) [9].

Сейчас медиационное соглашение предполагает различные варианты возмещения вреда, причиненного любым правонарушением, включая и частичные выплаты, рассрочку или отсрочку возмещения вреда, но только не уголовным. Потому как УК РК однозначно устанавливает основание освобождения от уголовной ответственности – заглаживание причиненного вреда (ст. 68 УК РК).

Нормативное постановление Верховного Суда РК «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» разъясняет, каким должно быть заглаживание вреда. Во-первых, оно должно быть реальным. Во-вторых, оно должно предшествовать примирению сторон и принятию решения об освобождении лица, совершившего уголовное правонарушение, от уголовной ответственности.

Возможность постепенного возмещения вреда потерпевшему, отсрочки возмещения вреда для тех лиц, кто находится в затруднительном материальном положении, УК РК не предусмотрена. В данной связи, с целью усиления уголовно-процессуальных гарантий примирения путем медиации необходимо внести в ст. 68 УК РК возможность рассрочки и отсрочки возмещения вреда. Кроме того, это расширит возможности медиации, не ограничивая стороны медиации коротким промежутком времени для исполнения обязательства по возмещению вреда.

На практике возникают ситуации, когда для полного возмещения причиненного вреда может быть просто недостаточно времени. Тогда возникает необходимость приостановить производство, но на строго установленный законом срок. По истечении этого времени производство по делу должно быть возобновлено. Предложение Ж. Жакупова президента ОО «Международный правозащитный центр» предусмотреть в законодательстве приостановление производства по делу не только до окончания процедуры медиации, но и до выполнения условий медиативного соглашения заслуживает внимания [10].

Таким образом, медиация, являясь альтернативным способом разрешения правового конфликта при помощи посредника-медиатора, судя по показателям судебной практики, уже достаточно прочно вошла в жизнь казахстанского судопроизводства. Однако, львиная доля медиации пока приходится на гражданские дела [11; 12; 13, с. 153]. Институт медиации в уголовном процессе нуждается в глубоком исследовании и устранении имеющихся проблем [14, с. 153].

Дискуссионность таких вопросов о применении медиации в уголовном процессе и в судопроизводстве в целом как расширение применения медиации на досудеб-

ной стадии уголовного производства, рассрочка и отсрочка возмещения вреда, оплата расходов по медиации, закрепление ответственности за неисполнение соглашения о медиации, введение отдельной главы в УПК РК, регламентирующей применение медиации должна найти дальнейшее обсуждение среди практиков, что позволит совершенствовать действующие нормы законодательства о медиации с целью усиления возможностей восстановительного правосудия в Казахстане.

Библиографический список

1. Чернышова Т.В. Примирение в праве: понятие и виды: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2012. – 18 с.
2. О медиации [Текст]: Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV // Вестник Парламента РК. – 2011. – № 2 (2579).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. – Алматы: Юрист, 2015. – 356 с.
4. Мухамадиева Г.Н., Баяндина М.О. Институт медиации в уголовном процессе // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2015. – № 1. – С. 356–360.
5. Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 168 – 179.
6. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2012. – 262 с.
7. Мицкая Е.В. Досудебная медиация по уголовным делам: состояние и перспективы развития // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – Астана. – 2019. – № 4 (58). – С. 71–80.
8. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года № 4 «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // <http://adilet.zan.kz> (дата обращения 22.04.2020).
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. – Алматы, 2014.
10. Жакупов Ж. Исполнение соглашений, заключенных в процедуре медиации, в государствах – участниках СНГ [Электронный ресурс] // <https://www.zakon.kz> (дата обращения 22.04.2020).
11. Касенова Б. О примирительных процедурах [Электронный ресурс] // <https://www.zakon.kz> (дата обращения 22.04.2020).
12. Ввести обязательное досудебное примирение в РК [Электронный ресурс] // <https://tengrinews.kz/battleopinions/112/> (дата обращения 26.04.2020).
13. Мицкая Е.В. К вопросу о примирении по уголовным делам посредством медиации // Теория государства и права. – 2018. – № 4 (12). – С. 149–156.
14. Мицкая Е.В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2018. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 103–121.
15. Бижан Н.Р., Комаров С.А. Внедрение медиации в процессе формирования правового государства // Юридическая мысль. – 2012. – № 6 (74). – С. 50–54.
16. См.: Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

17. См.: Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Официальный журнал: ОЖ N L 136, 24.5.2008. P. 3–8.

Для цитирования: Мицкая Е.В. Применение медиации в разрешении правовых конфликтов в Казахстане // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 95–101.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026

Elena V. Mitskaya*

USE OF MEDIATION TO PERMIT CRIMINAL LAW CONFLICT IN KAZAKHSTAN

Annotation. *In this article, the author, speaking in general about the positive introduction of restorative justice in Kazakhstan's legal proceedings, dwells on mediation as one alternative means of reconciliation in the criminal procedure. Mediation in the criminal procedure is used in practice less often than in civil cases. The author gives his own reasons for expanding the use of mediation in the pre-trial stage of criminal proceedings, raises the issue of compensation for harm in the use of mediation. The author substantiates the proposals on the improvement of mediation in the criminal procedure, aimed at its strengthening and expansion of use.*

Keywords: *mediation, reconciliation, criminal-legal conflict, mediation agreement, criminal procedure, criminal trial stages.*

In the legal literature, it is rightly noted that “recently, in the legislation of a number of countries, special legislation has been introduced that regulates public relations in the implementation of mediation” [15, p. 50]. Suffice it to refer to the Law of the Republic of Kazakhstan “On Mediation”, dated January 28, 2011 [2], Federal Law dated July 27, 2010 “On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)” in the Russian Federation [16]. It should be borne in mind that the change in legislation was carried out in accordance with Directive No. 2008/52 / EC of the European Parliament and of the Council “On some aspects of mediation (mediation) in civil and commercial matters”, adopted in Strasbourg on May 21, 2008 [17].

The term “mediation” (from lat. – “mediare” – to mediate) refers to negotiations between the disputing parties with the participation and under the guidance of a neutral third party – a mediator (mediator) who has no right to make a decision binding on the parties. This term is identical to the concepts of “mediation”, “conciliation procedures” and “conciliation procedures” [17].

With gaining independence in the Republic of Kazakhstan, they gradually began to revise their understanding of those socially dangerous acts for which they had been prosecuted. The criminal policy of the state, which inherited from the common Soviet past, was subjected to audits as a whole. As T.V. quite rightly notes Chernyshova, “as a consequence of the increasing role of the principle of humanism in the criminal process” [1], as well as in

---

* Mitskaya Elena Vladimirovna, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg); Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of M. Auezov South Kazakhstan State University (the Republic of Kazakhstan, Shymkent). E-mail: elenamits@inbox.ru

order to optimize the judicial process, modern criminal proceedings have known alternative ways of resolving criminal law conflicts.

As a result, mediation has become one of the innovations in Kazakhstani legal proceedings. The Law of the Republic of Kazakhstan on mediation defines disputes (conflicts) over which mediation is possible – these are “arising from civil, labor, family and other legal relations involving individuals and (or) legal entities, as well as those considered during criminal proceedings in cases of crimes of small and medium gravity, criminal offenses, unless otherwise provided by the laws of the Republic of Kazakhstan, and relations arising from the execution of enforcement proceedings” [2].

For more than six years, sufficient experience has already accumulated in the practical implementation of mediation in the Kazakhstani criminal proceedings, which allows us to clearly determine the difference between mediation and reconciliation, are there any problematic issues in the mechanism of its implementation, which can be improved.

The issue of the use of mediation at the pre-trial stage of criminal proceedings and the termination of criminal prosecution is among the debate.

So, the Law of the Republic of Kazakhstan on mediation defines the conditions for its application. In h. 2 Article 20 of this law, it is enshrined that “mediation in the settlement of disputes arising from civil, labor, family and other legal relations involving individuals and (or) legal entities can be applied both before going to court, and after the start of the trial” [2]. Under the “other legal relations” should be understood and criminal law.

Further, in part 4 of the same article, the provision on the voluntary procedure for applying mediation is fixed and it is specified that “a proposal to a party to resort to mediation can be made at the request of the other party, by a court or criminal prosecution body”. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan includes “criminal prosecution authorities (officials) – the prosecutor (public prosecutor), investigator, inquiry body, and interrogator” (Section 23, Article 7) [3].

Art. 24 of the Law of the Republic of Kazakhstan on mediation clarify the features of its application in criminal proceedings. Part 4 of this article establishes the obligation of persons engaged in mediation to strictly adhere to the terms of its conduct in accordance with the terms of the pre-trial and judicial proceedings established by the Code of Criminal Procedure.

Thus, from all this, the Law of the Republic of Kazakhstan on mediation recognizes the possibility of its use both at the pre-trial stage of criminal proceedings and at the judicial stage. However, the use of mediation at the pretrial stage does not mean the end of the criminal prosecution.

So, part 3 of article 60 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan [3], securing the powers of an investigator, does not indicate among them the investigator’s right to terminate prosecution in the manner of applying mediation. It turns out that the Law on Mediation establishes the possibility of its application at the pre-trial stage of criminal proceedings. And in fact, the investigator cannot make a decision on the release of a person from criminal liability or on the termination of the criminal case against the guilty person, directly indicating the application of the mediation procedure.

By virtue of the elimination of such a provision, it is necessary to supplement the investigator’s authority with the obligation to terminate the criminal prosecution upon receipt of the concluded mediation agreement of the parties.

At the pre-trial stage, criminal proceedings are not suspended in the presence of a mediation agreement concluded by the parties. Securing the investigator’s authority to

terminate criminal prosecution upon receipt of a mediated agreement between the parties will also reduce the burden on the courts, which is the last attention of judges, and save the victim and the suspect (accused) from the bureaucratic judicial process. It is possible that the termination of the criminal prosecution at the pre-trial stage will increase the number of people who want to resort to mediation, thereby reducing the number of people who turn to the traditional criminal case in court.

Criminal mediation at the pre-trial stage only simplifies the process of considering a case in court. But it does not always exclude the judicial stage of criminal proceedings. That is why the opinion is expressed that the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan has the potential to expand reconciliation of the parties through mediation and to strengthen the use of mediation at the pre-trial stage of criminal proceedings “would respond to one of the main directions of improving criminal procedure law, which consists in simplifying and increasing the effectiveness of the criminal process, including the simplification of pre-trial proceedings” [4].

Mediation cannot be considered equivalent to reconciliation. These are not identical concepts. However, not everyone shares the opinion about the possibility of ending the criminal prosecution in mediation at the pre-trial stage of criminal proceedings.

So, Davletov A.A., Bratchikov D.A. analyzing the possibilities of introducing mediation into the criminal proceedings of the Russian Federation, it is noted that, as a matter of conciliation, the investigator, interrogating officer, with the consent of the head of the investigating authority or prosecutor, have the right to terminate the criminal case in accordance with Art. 25 Code of Criminal Procedure [5]. However, due to the fact that the criminal case is terminated on non-rehabilitating grounds “with the actual recognition of the guilt of a person in committing a crime, but without a sentence and criminal record” [5], its termination is not allowed in pre-trial proceedings.

Indeed, by virtue of the Constitution and the Code of Criminal Procedure, justice is carried out both in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan exclusively by the court. There are other opinions as to what kind of mediation to be in the Russian criminal process. In particular, A.A. Harutyunyan believes that mediation can be applied at the pre-trial stage of criminal proceedings and can be the basis for terminating the criminal case both at the pre-trial stage and at the court stage. Moreover, with the proviso that “mediation at the pre-trial stage may also become the basis for the application of a further simplified procedure for a court to make a decision in connection with reaching a conciliation agreement, if the case cannot be dismissed on the grounds provided by law, in connection with the commission of a crime for the first time” [6, p. 14]. At present, the issue of expanding mediation at the pre-trial stage in the Kazakhstani criminal process is very relevant [7].

However, we will return to the Kazakhstani version of the use of mediation in the criminal process.

Termination of criminal prosecution in the application of mediation is carried out in the Republic of Kazakhstan in the judicial stage of criminal proceedings, but with the exception of those persons who are listed in part 2 of article 68 Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan.

So, according to the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, the criminal prosecution body, if there are appropriate circumstances within its competence, has the right to terminate the criminal prosecution with the release of a person from criminal liability in the cases provided for in parts 2, 3 of Art. 68 “Exemption from criminal liabil-

ity in connection with reconciliation". In such cases, minors are subject to exemption from criminal liability; pregnant women; women with young children; men raising single children alone; women fifty eight and over; men aged sixty three or over who committed a serious crime for the first time, not related to causing death or serious harm to human health, if they reconciled with the victim, the applicant, including through mediation, and made amends for the harm (Part 2 of Art. 68 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan).

A crime committed for the first time, in accordance with the Normative Decree of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On Judicial Practice for the Application of Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan", means the act that the person actually commits for the first time, or the act committed not for the first time, but if for a previously committed a person was released from criminal liability in the manner prescribed by law or completely released from punishment, or a criminal record was canceled or withdrawn [8].

If the person who committed two or more crimes (in cases of repeated or real aggregate crimes), and for none of which was brought to criminal liability, can not be considered the person who committed the crime for the first time. It does not matter, in one proceeding or in independent criminal cases, criminal prosecution is carried out for each of these acts [8].

Part 3 of Art. 68 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan establishes that in cases where a criminal offense has caused harm to the interests of society and the state protected by law, a person who has committed a criminal offense or a crime of little or medium gravity, not related to causing death, or, listed in paragraph 2 of this article, may be exempted from criminal liability if it has sincerely repented and made amends for the harm caused to the interests of society or the state protected by law.

Upon the discovery of circumstances allowing not carrying out criminal prosecution, the court has the right to order a conviction with exemption from criminal liability (part 1 of article 36 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan).

In this regard, it seems appropriate to make additions not only to Art. 60 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, securing the powers of the investigator to issue a decision on the release of a person from criminal liability upon providing him with a concluded mediation agreement, but also part 1 of article 36 "circumstances allowing not to carry out criminal prosecution" shall be supplemented by the fact that upon the discovery of circumstances that do not allow criminal prosecution, the criminal prosecution body is obliged to issue a decision on the termination of the criminal case at the pre-trial stage of criminal proceedings.

Part 1 of Art. 36 "Circumstances Preventing Criminal Prosecution" of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan may be stated as follows:

"1. The criminal prosecution body, if there are relevant circumstances, within its competence, has the right to terminate the criminal prosecution with the release of the person from criminal liability in the cases provided for in the first part of Article 65, Articles 66, 67, parts two, three of Article 68, parts one, three of Article 83, and also the notes of Articles 441, 442, 444–448, 453 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

The criminal prosecution body, in the presence of relevant circumstances, is obliged to issue a decision on the termination of the criminal case at the pre-trial stage of criminal proceedings.

In such cases, the court has the right to decide on a guilty verdict with exemption from criminal liability."

The introduction of mediation is designed to minimize the conflict of parties to the criminal law dispute. On the basis of voluntariness and partnership, mediation allows the parties to the conflict to take the final decision on the merits of the conflict themselves, but at the same time the smoothing of harm should be a prerequisite (part 1 of article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) [9].

Now the media agreement provides for various options for compensation for damage caused by any offense, including partial payments, installments or deferred compensation for harm, but not criminal. Because the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan clearly establishes the basis for exemption from criminal liability – the smoothing out of harm (Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan).

The normative resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan “On judicial practice on the application of Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan” clarifies what should be done to mitigate the damage. First, it must be real. Secondly, it must precede the reconciliation of the parties and the adoption of a decision on the release of the person who committed the criminal offense from criminal liability.

The possibility of gradual compensation of harm to the victim, deferral of compensation for harm to those who are in a difficult financial situation of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is not provided. In this regard, in order to strengthen the criminal procedural guarantees of reconciliation through mediation, it is necessary to introduce art. 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the possibility of installment and deferral of compensation for harm. In addition, this will expand the possibilities of mediation without limiting the parties to mediation with a short period of time to fulfill the obligation to compensate for harm.

In practice, situations arise when there may simply not be enough time to fully compensate for the harm caused. Then it becomes necessary to suspend production, but for a period strictly established by law. After this time, the proceedings should be resumed. Zhakupov’s proposal of the president of the International Human Rights Center NGO to stipulate in the legislation the suspension of the proceedings not only until the end of the mediation procedure, but also until the conditions of the mediation agreement are fulfilled [10].

So, mediation, as an alternative way to resolve a legal conflict with the help of a mediator, judging by the indicators of judicial practice, has already quite firmly entered the life of Kazakhstani legal proceedings. However, the lion's share of mediation is still in civil matters [11; 12; 13, p. 153]. The institution of mediation in the criminal process needs in-depth research and the elimination of existing problems [14, p. 153].

The debatability of such questions about the use of mediation in criminal proceedings and in court proceedings as a whole, such as the expansion of the use of mediation at the pre-trial stage of criminal proceedings, installment and deferral of compensation for harm, payment of mediation expenses, consolidation of responsibility for failure to fulfill the mediation agreement, the introduction of a separate chapter in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan, regulating the use of mediation should find further discussion among practitioners, which will improve the current legislation on mediation in order to strengthen the possibilities of restorative justice in Kazakhstan.

Bibliographic list

1. Chernyshova T.V. Reconciliation in law: concept and types: abstract dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01. Moscow, 2012. 18 p.

2. On mediation [Text]: Law of the Republic of Kazakhstan dated January 28, 2011 No. 401-IV // Gazette of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2011. No. 2 (2579).
3. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V. Almaty: Lawyer, 2015. 356 p.
4. Muhamadiev G.N., Bayandina M.O. Institute of mediation in the criminal process // Bulletin of KazNU. The series is legal. 2015. No. 1. P. 356–360.
5. Davletov A.A., Bratchikov D.A. The problem of the use of mediation in the criminal process of Russia [Electronic resource] // Russian legal journal. 2014. No. 5. P. 168–179.
6. Harutyunyan A.A. Mediation in criminal proceedings: the dissertation ... of a candidate of legal sciences: 12.00.09. Moscow, 2012. 262 p.
7. Mitskaya E.V. Pre-trial mediation in criminal matters: state and development prospects // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. Astana. No. 4 (58). 2019. P. 71–80.
8. The normative resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated June 21, 2001 No. 4 "On judicial practice for the application of Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan" [Electronic resource] // <http://adilet.zan.kz> (appeal date 04/22/2020).
9. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V. Almaty, 2014.
10. Zhakupov J. Execution of agreements concluded in the mediation procedure in the CIS member states [Electronic resource] // <https://www.zakon.kz> (accessed date 04/22/2020).
11. Kassenova B. On the conciliation procedures [Electronic resource] // <https://www.zakon.kz> (accessed date 04/22/2020).
12. Introduce mandatory pre-trial reconciliation in the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // <https://tengrinews.kz/battleopinions/112/> (appeal date 04/26/2020).
13. Mitskaya E.V. On the issue of reconciliation in criminal matters through mediation // Theory of State and Law. 2018. No. 4. P. 149–156.
14. Mitskaya E.V. Mediation in the criminal process of the Republic of Kazakhstan // Scientific. Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branch of Ros. Acad. Sciences, 2018. T. 18. Vol. 3. P. 103–121.
15. Bizhan N.R., Komarov S.A. The introduction of mediation in the process of forming a legal state // Legal thought. 2012. No. 6 (74). P. 50–54.
16. See: Federal Law "On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162.
17. See: Directive 2008/52 / EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Official Journal: OЖ N L 136, 24.5.2008, p. 3–8.

For citation: Mitskaya E.V. The use of mediation in the resolution of legal conflicts in Kazakhstan // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 101–106.

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026

КАТЕГОРИЯ «ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** В статье анализируются различные подходы к пониманию категории «публичный интерес» в их историческом развитии. Рассматривается, каким образом соотносятся частный и публичный интерес, а также делаются выводы о том, почему категория «публичный интерес» имеет особое значение для законодательства и правоприменительной практики, в том числе в сфере конкурентного права.*

***Ключевые слова:** публичный и частный интерес, публичный интерес, антимонопольное регулирование, конкурентное право, антимонопольный орган, ФАС России, Европейский Суд по правам человека.*

Вопрос о том, что представляет собой «публичный интерес», на протяжении многих веков занимает умы ученых в совершенно разных научных сферах: социологии, философии, праве, психологии и экономике. Обобщенно можно сказать о том, что в настоящее время термины «публичный интерес», «общественный интерес» и «общественное благо» зачастую рассматриваются как тождественные и используются при описании некой коллективной ценности, соблюдение и защита которой должна быть ключевой целью государства. Отметим, что общественный интерес, как считают С.А. Комаров и А.В. Малько, является элементом правовой психологии [27, с. 181].

Однако возникает ряд справедливых вопросов: а что вообще формирует такую ценность? Что представляет собой интерес в принципе? Какой интерес приобретает статус публичного? Является ли публичный интерес простой суммой частных интересов? Может ли публичный интерес не разделяться большинством, но все равно обеспечиваться и защищаться государством?

Прежде, чем рассмотреть существующие подходы к определению «публичного интереса», необходимо проанализировать, что представляет собой родовая категория «интерес» и как она развивалась исторически.

Подходы к пониманию категории «интерес». Категория «интерес» является одной из базовых категорий, которая помогает раскрыть связь между объективными закономерностями и действиями определенных лиц. Как справедливо отмечал А. Г. Здравомыслов, категория интереса используется «для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий» [1].

Одними из первых исследователей понятия «интерес» были французские просветители. Так, Д. Дидро в своем труде «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» определял интерес как «нечто полезное или нужное», например, для государства или частного лица. К. Гельвеций отмечал, что именно интерес лежит в основе человеческих мыслей и поступков. Н. М. Мусаев отмечает, что интересы

---

* Решетникова Стефания Борисовна, старший преподаватель кафедры конкурентного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юрист антимонопольной практики компании «Пепеляев Групп». E-mail: reshetnikovasb@gmail.com

выступают побудительными мотивами поступков людей, что неоднократно подчеркивалось в философских трудах: так, Гельвеций указывал, что люди не идут против течения их интересов, а Гольбах отмечал, что ни один смертный не лишен интересов, которые представляют собой «то, что каждый из нас считает необходимым для своего счастья» [2].

В трудах французских философов XVIII века интерес определялся как одна из наиболее значимых побудительных черт человека, через которую можно было бы объяснить его действия и поступки [3]. П.-С. Дюпон де Немур писал, что вера физиократов в естественность общественного интереса вела к идее создания государства, главной целью которого было служить всеобщему благу и процветанию, это было бы государство, в котором власть находилась бы в полном согласии интересов с народом. Таким образом, физиократы полагали, что на согласии интересов нации основывается сила правительства, которому народ подчиняется не из-за наличия каких-либо механизмов принуждения, а в силу веры в общий интерес [4]. Физиократы верили, что если люди начнут действовать в общих интересах, как в природе это делают муравьи или пчелы, они научатся получать такую же выгоду.

Несколько позднее, в конце XVIII – начале XIX веков в правовой мысли начинает завоевывать популярность идея общественного договора, разработанная Г. Гроцием, и в дальнейшем развиваемая Дж. Локом, Ш. Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Особое внимание следует обратить на взгляды Ж.-Ж. Руссо, по мнению которого одним из наиболее значимых естественных благ является свобода, которая должна охраняться при помощи законов. Однако люди, объединяясь в гражданское общество, отказываются от своей свободы в пользу общей воли, в формировании которой все члены общества участвуют в равной степени. В таком случае получается, что народ является носителем публичных интересов – общей воли, общего блага [5].

И. Бентам, являющийся сторонником теории утилитаризма, писал, что частный интерес личности при интеграции в социальную группу может быть нивелирован групповыми интересами. По его мнению, общность интересов, благодаря просвещению, будет развиваться, и в итоге приведет к развитию законодательства, являющегося выражением общего интереса или общего наказания [6]. Согласно И. Канту, интерес – это то, благодаря чему разум становится причиной, определяющей волю. Интерес свойственен только разумным существам, и он не может быть сведен только к чувственной составляющей. В своих поступках человек руководствуется интересами долга и нравственности [6].

Р. Фон Иеринг, автор теории права как юридически защищенного интереса, отмечал, что интерес – это практическая основа права в субъективном смысле, без интереса невозможно существование права, при этом в объективном смысле защита интереса является основной целью права [7].

Рассуждая об интересе, Г. В. Ф. Гегель утверждал, что интерес является одним из ключевых элементов философии духа, с помощью которого философ познает сущность деятельности человека, поскольку действия и поступки человека всегда обусловлены его потребностями и интересами. Содержанием интереса, согласно Г. Гегелю, является удовлетворение потребностей, и интерес, преобразовавшись в объективное целое из субъективного состояния, завершается. Гегель затронул проблемы баланса частного и публичного интереса, указав, что в наиболее благоприятном положении государство оказывается тогда, когда общая цель и частные интересы народа согласованы [8].

Исследование категории интереса можно встретить и в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В частности, К. Маркс утверждал, что все то, за что борется человек, связано с его интересом [9]. Ф. Энгельс также подчеркивал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» [10]. Интересы могут меняться в зависимости от типа производственных отношений, поскольку развитие производственных отношений и производительных сил обуславливают уровень разделения труда, который, в свою очередь, лежит в основе интереса. О том, что интересы порождаются экономическими отношениями, также писали В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

Следует отметить, что интерес нашел свое отражение и в религиозных нормах. В этом контексте можно обратить внимание, например, на нормы шариата. Считается, что установленные Аллахом нормы учитывают любой интерес, и нет такого интереса, который не был бы отражен в тексте Корана или Сунны. В исламском праве приведена определенная классификация интересов: интересы – ценности, без которых невозможно существование человека (например, к ним относятся честь, достоинство, жизнь, собственность); интересы – ценности, которые упрощают жизнь; интересы – ценности, устраняющие заботу о насущном и помогающие стремиться к высшим идеалам [11].

Все многообразие подходов в обобщенном виде можно разделить на три основные концепции в отношении природы интереса, в соответствии с которыми интерес является либо субъективным явлением, либо объективным явлением, либо единством данных явлений.

В соответствии с первой концепцией, интерес представляет собой особую направленность сознания. Данная концепция в основном разделяется представителями науки психологии, но и философы, и юристы также являются сторонниками этого подхода, определяя интерес как осознанную потребность.

Вторая концепция подразумевает, что интерес – это явление, связанное с бытием предмета, не сводящееся к воле и сознанию. Так, Г. Е. Глезерман отмечает, что при понимании интереса необходимо установить три элемента: а) формирование интереса как явления объективного; б) отражение интересов в сознании людей; в) реализация интересов в деятельности людей [12].

Третья концепция предполагает, что с одной стороны интерес имеет объективную базу, так как он основан на материальных потребностях, а с другой стороны – интерес всего в той или иной степени отражается в сознании и приобретает в нем форму определенных целей [12].

Представляется, что третья концепция в наибольшей степени определяет категорию «интерес» в условиях современности.

Подходы к пониманию категории «публичный интерес». В отношении определения «публичного интереса» также не сложилось единой концепции.

Т. М. Бендитт предлагает рассматривать два основных подхода к определению «публичного интереса», который он связывает с работами Дж. Бентама и Ж.-Ж. Руссо. Так, Дж. Бентам рассматривает публичные (общественные) интересы как сумму интересов лиц, формирующих данное общество. Ж.-Ж. Руссо же определяет «публичный интерес» через его взаимосвязь с концепцией “*volonté générale*” (общей воли).

Следовательно, имеется два основных подхода.

Первый – основан на определении публичного интереса как суммы частных интересов, то есть через количественные концепции объединения индивидуальных интересов, здесь публичный интерес будет определяться большинством.

Второй подход состоит в том, что публичный интерес рассматривается как нечто больше, чем просто сумма частных интересов, как особое специфичное явление, представляющее собой самостоятельную ценность, в данном случае публичный интерес совершенно не обязательно будет означать совпадение интересов большинства частных лиц [13].

Т. М. Бендитт также предлагает рассматривать публичный интерес еще через два общих подхода: распределительный и коллективный. Распределительный подход аналогичен уже рассмотренному нами утилитарному подходу (то есть пониманию публичного интереса как простой суммы частных интересов), в то время как коллективный подход указывает, что публичный интерес является таковым не потому, что отвечает совокупным интересам членов общества, а потому, что способствует интересам всего общества, т. е. интересам любого лица [13].

В то же время в некоторых философских учениях существование «публичных интересов» как согласованных интересов большинства в принципе ставится под сомнение в силу невозможности достижения консенсуса и, соответственно, публичного интереса из-за различных интересов индивидов (постмодернизм), либо из-за разделения общества на антагонистические классы (марксизм), что также делает консенсус невозможным, либо потому, что нет никаких других интересов, кроме частных, и любое вмешательство, оправданное под эгидой публичного интереса, идет вразрез с индивидуальными свободами (либертарианство) [14].

Обратим внимание на то, как «публичный интерес» определяется в отечественной доктрине.

В духе утилитарной концепции высказывается В. Ф. Яковлев, который отмечает, что публичный интерес представляет собой не столько интересы государства, сколько совокупность интересов отдельных его граждан [15].

Аналогичный подход разделяет Е. И. Спектор, которая предлагает под публичными интересами понимать интересы масс, неопределенного круга лиц при условии, что они идентичны по своему содержанию для данного круга лиц. Таким образом, публичный интерес представляет собой «суммарное отражение частных интересов» [16].

А. В. Маслаков указывает, что предметом публичного интереса является благо, необходимое или весьма желательное «для полноценного функционирования и развития общества, отдельных социальных групп». При этом ученый отмечает, что нельзя в качестве публичных интересов признавать интересы корпораций или больших социальных объединений, если они противоречат фундаментальным ценностям, а при их реализации могут быть нарушены законные интересы всей остальной части общества или даже всего общества в целом [17]. Таким образом, автор выступает против того, чтобы определять публичный интерес как сумму частных интересов. Значит, его позиция так же отвечает второму подходу к определению публичного интереса, основанному на идеях Ж.-Ж. Руссо.

С ним соглашается А. Ю. Ломаев, который утверждает, что «публичный интерес не является простой суммой частных интересов, поскольку содержит в себе не только частные интересы различных групп, но и государственный интерес» [18].

Схожей позиции придерживается Ю. А. Крохина, которая отмечает, что к публичному интересу относятся все общезначимые, то есть предназначенные для обеспечения деятельности всех институтов гражданского общества, интересы [19].

Ю. А. Тихомиров отмечает, что публичный интерес «отражает в концентрированной форме весь спектр интересов в обществе» и является общесоциальным, обязательно признаваемым и обеспечиваемым государством [20].

Интересная концепция разработана О. Е. Финогентовой совместно с А. Ю. Ломаевым. Они предлагают рассматривать в качестве публичного интереса «взаимобусловленный интерес общества и государства, сущностные социально-нравственные установки и политико-правовые правила разумной и справедливой организации общества, которые признаны государством и обеспечены правом» [3].

В американской политической науке можно встретить своеобразное определение публичного интереса, предложенное Фрэн Дж. Сорауфом, который рассматривает публичный интерес в четырех ипостасях: как «общепринятую ценность», «мудрость или высший интерес», «моральный императив» и «баланс интересов» [21].

Публичный интерес важен и для экономики, а точнее – для сферы ее правового регулирования. Понятие «общественный интерес» в данном случае обычно упоминается в дискуссиях о степени законного вмешательства государства в экономические процессы, свободный рынок и право частной собственности. Сегодня активно обсуждается, например, насколько при принудительной выдаче лицензии на лекарственные препараты, спасающие от тяжелых болезней, публичный интерес превагирует над частными интересами разработчиков в отношении данного патента, обусловленными капитальными материальными вложениями и годами научных разработок. И подобных примеров значительное множество.

Существенное значение публичный интерес имеет и для международного права. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) обозначил в качестве публичного интереса, например, интерес в восстановлении суверенитета и единства государства в деле по иску принца Лихтенштейна к Германии о возврате конфискованных в конце Второй мировой войны картин [22], а также интерес к прекращению гражданской войны в деле, связанном с задержанием турецкого самолета в Ирландии [23].

Выводы. Термин «общественный интерес» в силу многообразия его значений и различных контекстов, в которых он используется, является поливалентным; его значение постоянно уточняется и видоизменяется для различных областей юридической практики.

Определение конкретного интереса как частного или публичного не является чисто объективным процессом оценки; оно в определенной степени зависит от идей и философской ориентации человека, его интерпретирующего. Соответственно, вопрос о различии частного и публичного интереса является не только чисто юридическим, но и в значительной степени политическим и экономическим вопросом. Четкая грань между частными и публичными интересами не может быть проведена с математической точностью и определенностью, поскольку эта грань изначально расплывчата и изменчива во времени.

Примером этого может служить сложившаяся в настоящее время ситуация, когда многие государства были вынуждены закрыть заведения общественного питания, ограничить свободу передвижения граждан для того, чтобы предотвратить распространение новой коронавирусной инфекции и тем самым обеспечить публичный интерес в обеспечении жизни и здоровья граждан. Однако в другой ситуации, в условиях мирного времени и при спокойной эпидемиологической обстановке подобные ограничения вряд ли могут быть оправданы защитой публичных интересов.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что природа публичного интереса в действительности носит контекстуальный характер. В том или ином обществе, на том или ином историческом этапе в качестве публичного интереса могут восприниматься совершенно разные вещи. Если в современной России защита и развитие конкуренции является публичным интересом, закрепленным в Конституции РФ, то в СССР конкуренция отсутствовала в принципе, а публичные интересы скорее выражались в укреплении монополий.

В то же время можно предположить, что несмотря на существенный разброс представлений о публичном интересе и их изменчивости, все различные понятия «публичного интереса» имеют общий знаменатель: публичный интерес представляет собой нечто важное, значимое для всего государства или общества, при этом публичный интерес может представлять собой консенсус частных, интересов большинства лиц, консенсус определенной группы лица или лица, определяющего направления осуществления власти. Представляется, что публичный интерес не перестает быть публичным интересом, например, в тоталитарном государстве: просто содержание понятие публичного интереса по наполнению будет существенно отличаться от понятия публичного интереса, который обеспечивается и реализуется в демократических государствах.

Еще И. А. Покровский отмечал, что интересы общества зачастую оказываются в противоречии с интересами отдельных лиц, и это порождает вопрос: всегда ли публичные интересы должны ставиться над интересами частными, или есть какие-то непоколебимые частные интересы, имеющие для государства абсолютное значение? [24].

Например, остро стоит вопрос о соотношении интересов частных и публичных стоит в отношении геномных преобразований эмбриона. И хотя публичный интерес в новых научных разработках, в перспективе способных улучшить уровень жизни и вывести медицину на новый уровень, кажется достаточно весомым, сама идея вмешательства в биологическую природу человека, особенно в условиях «расколотого мира» кажется достаточно тревожной [25].

В данном случае остро ставится вопрос: а не являются ли частные интересы человеческой личности, ее уникальность и неповторимость как раз такими непоколебимыми ценностями, в отношении которых публичный интерес не может превалировать? Законодательная база, закрепляющая правовое регулирование геномных преобразований, будет разработана только после решения дилеммы о преобладании частного либо публичного интереса над другим.

Проблема поиска баланса между частными и публичными интересами, и даже между разными публичными интересами остро стоит и в сфере антимонопольного регулирования [26]. Основной публичный интерес в антимонопольной сфере – защита конкуренции, и многие законопроекты последних лет, упираясь на превалирование данного публичного интереса, предлагают ввести положения, прямо подавляющие иные интересы: интерес в защите тайны связи (поскольку антимонопольные органы стремятся получать соответствующую информацию без решения суда, напрямую, оправдывая это необходимостью более эффективных мер для защиты конкуренции), интерес в неприкосновенности частной собственности (антимонопольные органы лоббируют возможность выемки при проведении внеплановых проверок), интересы правообладателей (некоторые запреты антимонопольного законодательства не распространяются сейчас на интеллектуальную собственность,

но законопроект об устранении данных «иммунитетов» находится в стадии активной разработки). И снова поднимается вопрос: когда публичный интерес в защите конкуренции превалирует обоснованно?

Обозначенные проблемы демонстрируют, что выделить единственно верное понимание «публичного интереса» крайне сложно. Публичным интересом одновременно может называться интерес определенного государства, который не поддерживается большинством населения, и интерес, являющийся объективно общим благом для всего народа и разделяемый им. При этом при конфликте публичных интересов между собой или при конфликте частного и публичного интереса зачастую действительно сложно определить, какой из интересов более значим и возможно ли в данном случае обеспечить их баланс.

Правильно осознавать, что представляет собой публичный интерес в обществе, к которому мы принадлежим, необходимо. Поскольку, как можно установить из анализа всех подходов к определению категории интереса, действия лица обусловлены его интересами, воплощаемыми в объективную форму поступков (и здесь особенно хочется согласиться с позицией Гегеля), то от того, что понимается в конкретном обществе под публичными интересами и какие ценности охватываются данной категорией, насколько публичный интерес считается более значимым, чем интересы частные, зависит и государственная политика, и законотворчество, и правоприменительная практика, что имеет особенное значение, в частности, для конкурентного права.

Библиографический список

1. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 74 с.
2. Мусаев Н. М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. – Сер.: Право. – 2000. – № 1. – С. 137–142.
3. *Финогентова, О. Е.* Проблемы реализации правовой категории «публичный интерес» в российском праве: монография / О. Е. Финогентова, А. Ю. Ломаев. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – 105 с.
4. Dupont de Nemours. De l'origine et des progres d'une science nouvelle // Gallica BnF [website]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k800625>. textelImage (дата обращения: 05.05.05).
5. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/441987> (дата обращения: 05.05.2020).
6. *Бакаева О.Ю., Погодина Н.А.* О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – С. 36–47.
7. *Иеринг, Р.* Интерес и право. – Ярославль: Тип. Губ. зем. управы, 1880. – 268 с.
8. *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет. – М., 1972. – Т. 2. – 630 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – 736 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 18. – 890 с.
11. *Абдель Ваххаб Халлаф.* Источники исламского шариата и отражение в праве интересов человека // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. – М., 1999. – Т. 1. – С. 730–740.
12. *Глезерман Г. Е.* Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. – 1966. – № 10. – С. 25–27.

13. Theodore M. Benditt, The Public Interest [Электронный ресурс] // URL: <https://www.jstor.org/stable/2264914> (дата обращения 05.05.2020).
14. Cordoba, Manuel Benanet F. Public Interest in Political Philosophy. A Necessary Ethical and Regulatory Concept for Territorial Planning [Электронный ресурс] // URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/3321108/2.pdf>
15. Яковлев, В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.
16. Публичные и частные интересы в финансовом праве: Монография / Рук. авт. колл. Е.И. Спектор. – М., 2013. – 290 с.
17. Маслаков А. В. Надзор как процессуальная форма защиты публичных интересов: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – 180 с.
18. Ломаев А.Ю. Публичный интерес как правовая категория / А.Ю.Ломаев // Вестник Самарского юридического института. – 2012. – № 1 (6). – С. 97–101.
19. Крохина Ю.А. Финансовое право России: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2015. – 624 с.
20. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. – 2000. – № 4 (41). – С. 70–79.
21. Eriko Fukumoto and Barry Bozeman. Public Values Theory: What Is Missing? The American Review of Public Administration 49:6, P. 635–648.
22. Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v Germany, Application No. 42527/98, 12 July 2001, Section 69 // European University Institute [сайт] // URL: http://panoramaiskusstv.ru/upload/iblock/f09/f09705a2cb7186bd49_020c429a407_36a.pdf; Комаров С.А., Лантева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.
23. Bosphorus Hava Yollari Turizm in Ticaret Anonim Şirketi v Ireland, Application No 45036/98, 30 June 2005, Section 48 // European University Institute [сайт]. URL: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/AcademyofEuropeanLaw/CourseMaterialsHR/HR2009/DeWet/DeWetBackgroundReadingCase3.pdf>
24. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2020. – С. 8.
25. Попова О.В. Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 3. – С. 25–30.
26. Ершова И.В. Малое и среднее предпринимательство: приглашаем на интерактивную экспертную площадку // Lex Russica. – 2017. – № 9 (130) сентябрь. – С. 156–186; Писенко К.А. Проблемные факторы в публично-правовом обеспечении баланса интересов в сфере антимонопольной политики в контексте евразийской интеграции // Юрист. – 2018. – № 3. – С. 40–48.
27. См.: Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М, 1999. – 448 с.

Для цитирования: Решетникова С.Б. Категория «публичный интерес» в российском праве // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 107–114.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.027

CATEGORY "PUBLIC INTEREST" IN RUSSIAN LAW

Annotation. *The article analyzes various approaches to understanding the category of "public interest" in their historical development. The article examines how frequent and public interest are related, and also draws conclusions about why the category of "public interest" is of particular importance for legislation and law enforcement practice, including in the field of competition law.*

Key words: *public and private interest, public interest, antitrust regulation, competition law, antitrust authority, the FAS of Russia, European Court of Human Rights.*

The question of what constitutes a "public interest" has occupied the minds of scientists in completely different scientific fields for many centuries: sociology, philosophy, law, psychology and economics. In general, we can say that at present the terms "public interest", "public interest" and "public good" are often considered identical and are used to describe a certain collective value, the observance and protection of which should be the key goal of the state. Note that the public interest, according to S.A. Komarov and A.V. Malko, is an element of legal psychology [27, p. 181].

However, a number of fair questions arise: what generally forms such a value? What is of interest in principle? What interest is acquiring the status of public? Is public interest simply the sum of private interests? Can a public interest not be shared by the majority, but still be supported and protected by the state? Before considering the existing approaches to the definition of "public interest", it is necessary to analyze what the generic category "interest" is and how it has developed historically.

Approaches to understanding the category of "interest". The category "interest" is one of the basic categories that help to reveal the relationship between objective laws and the actions of certain individuals. As A. G. Zdravomyslov rightly noted, the category of interest is used "to designate the real reasons for social and individual actions" [1].

One of the first researchers of the concept of "interest" was French educators. So, D. Diderot in his work "Encyclopedia, or Explanatory Dictionary of Sciences, Arts and Crafts" defined interest as "something useful or necessary", for example, for a state or a private person. K. Helvetius noted that it is interest that lies at the basis of human thoughts and actions. N.M. Musaev notes that interests act as incentives for the actions of people, which has been repeatedly emphasized in philosophical works: for example, Helvetius pointed out that people do not go against the course of their interests, and Holbakh noted that not a single mortal is deprived of the interests that represent it is "what each of us considers necessary for our happiness" [2].

In the works of French philosophers of the 18th century, interest was defined as one of the most significant motivating features of a person, through which one could explain his actions and deeds [3]. P.-S. Dupont de Nemours wrote that the belief of the physiocrats in the naturalness of public interest led to the idea of creating a state whose main goal was to

---

* **Reshetnikova Stefania Borisovna**, Senior Lecturer, Department of Competition Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Lawyer in the antimonopoly practice of the Pepeliaev Group. E-mail: reshetnikovasb@gmail.com

serve the common good and prosperity, it would be a state in which the government would be in full agreement with the interests of the people. Thus, the physiocrats believed that the strength of the government is based on the consent of the interests of the nation, to which the people obey not because of the presence of any coercive mechanisms, but because of the belief in the common interest [4]. Physiocrats believed that if people began to act in the common interest, as ants or bees do in nature, they would learn to receive the same benefit.

Somewhat later, at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, the idea of a social contract, developed by G. Grotius, and further developed by J. Lock, C. L. Montesquieu and J.-J. Russo. Particular attention should be paid to the views of J.-J. Rousseau, in whose opinion one of the most significant natural goods is freedom, which must be protected by laws. However, people, uniting in a civil society, give up their freedom in favor of a common will, in the formation of which all members of society participate equally. In this case, it turns out that the people are the bearer of public interests – the common will, the common good [5].

I. Bentham, who is a supporter of the theory of utilitarianism, wrote that the private interest of an individual during integration into a social group can be leveled out by group interests. In his opinion, the community of interests, thanks to education, will develop, and as a result will lead to the development of legislation that is an expression of common interest or common punishment [6].

According to I. Kant, interest is what makes the mind the cause that determines the will. Interest is inherent only in intelligent beings, and it cannot be reduced only to the sensory component. In his actions, a person is guided by the interests of duty and morality [6].

R. von Iering, the author of the theory of law as a legally protected interest, noted that interest is the practical basis of law in a subjective sense, without interest the existence of law is impossible, while in an objective sense, protection of interest is the main goal of law [7].

Arguing about interest, GVF Hegel argued that interest is one of the key elements of the philosophy of spirit, with the help of which the philosopher learns the essence of human activity, since the actions and deeds of a person are always conditioned by his needs and interests. The content of interest, according to Hegel, is the satisfaction of needs, and interest, having transformed into an objective whole from a subjective state, ends. Hegel touched on the problems of balancing private and public interest, pointing out that the state is in the most favorable position when the general goal and private interests of the people are coordinated [8].

The study of the category of interest can be found in the works of K. Marx and F. Engels. Marx argued that everything that a person fights for is related to his interest [9]. Engels also stressed that "the economic relations of each given society are manifested primarily as interests" [10]. Interests can vary depending on the type of production relations, since the development of production relations and productive forces determine the level of division of labor, which, in turn, underlies interest. V. I. Lenin and G. V. Plekhanov also wrote that interests are generated by economic relations.

It should be noted that interest is reflected in religious norms as well. In this context, one can pay attention, for example, to Sharia norms. It is believed that the norms established by Allah take into account any interest, and there is no such interest that would not be reflected in the text of the Qur'an or Sunnah. Islamic law provides a certain classification of interests: interests are values without which human existence is impossible (for example, they include honor, dignity, life, property); interests – values that make life easier; interests – values that eliminate concern for the vital and help to strive for higher ideals [11].

Theory of State and Law

All the variety of approaches in a generalized form can be divided into three basic concepts in relation to the nature of interest, in accordance with which interest is either a subjective phenomenon, or an objective phenomenon, or the unity of these phenomena.

In accordance with the first concept, interest is a special focus of consciousness. This concept is mainly shared by representatives of the science of psychology, but both philosophers and lawyers are also supporters of this approach, defining interest as a conscious need.

The second concept implies that interest is a phenomenon associated with the existence of an object, not limited to will and consciousness. So, G. Ye. Glezerman notes that in understanding interest, it is necessary to establish three elements: a) the formation of interest as an objective phenomenon; b) reflection of interests in the minds of people; c) realization of interests in the activities of people [12].

The third concept assumes that, on the one hand, interest has an objective basis, since it is based on material needs, and on the other hand, the interest of everything is reflected in consciousness to one degree or another and takes the form of certain goals in it [12].

It seems that the third concept determines to the greatest extent the category of "interest" in the conditions of our time.

Approaches to understanding the category of "public interest". With regard to the definition of "public interest", there is also no single concept.

T.M. Benditt proposes to consider two main approaches to the definition of "public interest", which he connects with the works of J. Bentham and J.-J. Russo. So, J. Bentham considers public (public) interests as the sum of the interests of the persons forming a given society. J.-J. Rousseau defines "public interest" through its relationship with the concept of "volonté générale" (common will).

Hence, there are two main approaches.

The first one is based on the definition of public interest as the sum of private interests, that is, through quantitative concepts of uniting individual interests, here the public interest will be determined by the majority.

The second approach is that public interest is considered as something more than just the sum of private interests, as a special specific phenomenon that is an independent value, in this case public interest will not necessarily mean the coincidence of interests of the majority of private individuals [13].

TM Benditt also suggests considering public interest through two more general approaches: distributive and collective. The distributive approach is similar to the utilitarian approach we have already considered (that is, understanding the public interest as a simple sum of private interests), while the collective approach indicates that the public interest is such not because it meets the collective interests of members of society, but because it contributes to the interests the whole society, ie, the interests of any person [13].

At the same time, in some philosophical teachings, the existence of "public interests" as the agreed interests of the majority is in principle called into question due to the impossibility of reaching a consensus and, accordingly, public interest due to different interests of individuals (postmodernism), or because of the division of society into antagonistic classes (Marxism), which also makes consensus impossible, either because there are no interests other than private interests, and any intervention justified under the aegis of the public interest runs counter to individual freedoms (libertarianism) [14].

Let's pay attention to how "public interest" is defined in the domestic doctrine.

In the spirit of the utilitarian concept, VF Yakovlev expresses himself, who notes that public interest is not so much the interests of the state as the totality of interests of its individual citizens [15].

A similar approach is shared by EI Spektor, who suggests that by public interests we understand the interests of the masses, of an indefinite circle of persons, provided that they are identical in their content for a given circle of persons. Thus, the public interest is a "summary reflection of private interests" [16].

A. V. Maslakov points out that the subject of public interest is a good that is necessary or highly desirable "for the full functioning and development of society, individual social groups." At the same time, the scientist notes that it is impossible to recognize the interests of corporations or large social associations as public interests if they contradict fundamental values, and their implementation may violate the legitimate interests of the rest of society or even the entire society as a whole [17]. So, the author opposes defining the public interest as the sum of private interests. This means that his position also corresponds to the second approach to the definition of public interest, based on the ideas of J.-J. Russo.

A. Yu. Lomaev agrees with him, who argues that "public interest is not a simple sum of private interests, since it contains not only the private interests of various groups, but also the state interest" [18].

A similar position is adhered to by Yu. A. Krokhhina, who notes that the public interest includes all generally significant, that is, those intended to ensure the activities of all institutions of civil society, interests [19].

Yu. A. Tikhomirov notes that public interest "reflects in a concentrated form the entire spectrum of interests in society" and is general social, necessarily recognized and ensured by the state [20].

An interesting concept was developed by A. Yu. Lomaev together with O. E. Fionogentova: the authors propose to consider as a public interest "the interdependent interest of society and the state, essential social and moral attitudes and political and legal rules for a reasonable and just organization of society, which are recognized by the state and provided with the right" [21].

In American political science, one can find a kind of definition of public interest, proposed by Fran J. Sorauf, who considers public interest in four aspects: as "generally accepted value", "wisdom or higher interest", "moral imperative" and "balance of interests" [22] ...

Public interest is also important for the economy, or rather, for the sphere of its legal regulation. The concept of "public interest" in this case is usually mentioned in discussions about the degree of legal interference of the state in economic processes, the free market and the right to private property. Today, it is being actively discussed, for example, to what extent public interest prevails over the private interests of developers in relation to this patent, due to capital investments and years of scientific development, in the compulsory issuance of a license for drugs that save from serious illnesses. And there are many similar examples.

Public interest is also essential for international law. The European Court of Human Rights (ECHR) has designated as a public interest, for example, an interest in restoring the sovereignty and unity of the state in the case of the Prince of Liechtenstein's claim against Germany for the return of paintings confiscated at the end of World War II [23], as well as an interest in ending the civil war in the case of the arrest of a Turkish plane in Ireland [24].

Conclusions. The term "public interest", due to the variety of its meanings and the different contexts in which it is used, is polyvalent; its meaning is constantly being refined and modified for various areas of legal practice.

Defining a particular interest as private or public is not a purely objective evaluation process; it depends to a certain extent on the ideas and philosophical orientation of the person interpreting it. Accordingly, the question of the difference between private and public interest is not only a purely legal, but also to a large extent a political and economic issue. A clear line between private and public interests cannot be drawn with mathematical precision and certainty, since this line is initially vague and changeable over time.

An example of this is the current situation, when many states were forced to close public catering establishments, restrict the freedom of movement of citizens in order to prevent the spread of a new coronavirus infection and thereby ensure a public interest in ensuring the life and health of citizens. However, in a different situation, in peacetime and in a calm epidemiological situation, such restrictions can hardly be justified by the protection of public interests.

Based on this, we can conclude that the nature of public interest is actually contextual in nature. In this or that society, at this or that historical stage, completely different things can be perceived as public interest. If in modern Russia the protection and development of competition is a public interest enshrined in the Constitution of the Russian Federation, then in the USSR there was no competition in principle, and public interests were rather expressed in the strengthening of monopolies.

At the same time, it can be assumed that despite the significant scatter of ideas about public interest and their variability, all the various concepts of "public interest" have a common denominator: public interest is something important, significant for the entire state or society, while public interest can represent the consensus of private, the interests of the majority of persons, the consensus of a certain group of a person or person who determines the direction of the exercise of power. It seems that public interest does not cease to be a public interest, for example, in a totalitarian state: just the content of the concept of public interest in terms of content will differ significantly from the concept of public interest, which is provided and implemented in democratic states.

Even I.A. Pokrovsky noted that the interests of society are often in conflict with the interests of individuals, and this raises the question: should public interests always be placed above private interests, or are there some unshakable private interests that are of absolute importance to the state? [25].

For example, the question of the balance of private and public interests is acute in relation to the genomic transformations of the embryo. And although the public interest in new scientific developments that in the long term can improve the standard of living and bring medicine to a new level seems to be quite weighty, the very idea of interfering with the biological nature of man, especially in the conditions of the "split world", seems to be quite alarming [26]. In this case, the question is posed: are not the private interests of the human person, its uniqueness and inimitability just such unshakable values, in respect of which the public interest cannot prevail? The legal framework that secures the legal regulation of genomic transformations will be developed only after solving the dilemma about the prevalence of private or public interest over another.

The problem of finding a balance between private and public interests, and even between different public interests, is also acute in the field of antitrust regulation [27]. The main public interest in the antimonopoly sphere is the protection of competition, and many bills of recent years, resting on the prevalence of this public interest, propose to introduce provisions that directly suppress other interests: interest in protecting the secrecy of communication (since the antimonopoly authorities seek to obtain relevant information

without a court decision, directly justifying this by the need for more effective measures to protect competition), interest in the inviolability of private property (the antimonopoly authorities are lobbying for the possibility of seizure during unscheduled inspections), the interests of rightholders (some prohibitions of the antimonopoly legislation do not now apply to intellectual property, but the bill on the elimination of these "immunities" is under active development). Once again, the question is raised: When does the public interest in protecting competition reasonably prevail?

The identified problems demonstrate that it is extremely difficult to single out the only correct understanding of the "public interest". Public interest can simultaneously be called the interest of a certain state, which is not supported by the majority of the population, and an interest that is objectively a common good for the entire people and is shared by them. At the same time, in the event of a conflict of public interests between themselves or in a conflict of private and public interest, it is often really difficult to determine which of the interests is more significant and whether it is possible in this case to ensure their balance.

It is necessary to understand correctly what constitutes a public interest in the society to which we belong. Since, as can be established from the analysis of all approaches to determining the category of interest, the actions of a person are conditioned by his interests, embodied in the objective form of actions (and here I especially want to agree with Hegel's position), then on what is understood in a particular society as public interests and what values are covered by this category, how much public interest is considered more significant than private interests, government policy, lawmaking, and law enforcement practice depend, which is of particular importance, in particular, for competition law.

Bibliographic list

1. Zdravomyslov A.G. The problem of interest in sociological theory. Leningrad: Publishing house Leningrad University, 1964. 74 p.
2. Musaev N.M. The concept of interest, its types and the ratio of public and private interest // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named by N.N. Lobachevsky. Ser.: Right. 2000. No. 1. P. 137–142.
3. See: Finogentova, O.E. Problems of implementation of the legal category "public interest" in Russian law: monograph / O.E. Finogentova, A. Yu. Lomaev. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 105 p.
4. Dupont de Nemours. De l'origine et des progres d'une science nouvelle // Gallica BnF [website]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k800625.texteImage> (date accessed: 05.05.05).
5. Rousseau J.-J. On the social contract or the principles of political law // EBS Yurayt [site]. URL: <https://urait.ru/bcode/441987> (date of access: 05/05/2020).
6. Bakaeva O.Yu., Pogodina N.A. On the relationship between private and public interests // Journal of Russian law. 2011. No. 4. P. 36–47.
7. Iering, R. Interest and law. Yaroslavl: Type. Lips. land council, 1880. 268 p.
8. Hegel GWF Works of different years. Moscow, 1972. T. 2. 630 p.
9. Marx K., Engels F. Works. Moscow: Gospolitizdat, 1955. T. 1. 736 p.
10. Marx K., Engels F. Works. Moscow: Gospolitizdat, 1960. T. 18. 890 p.
11. Abdel Wahhab Hallaf. Sources of Islamic Sharia and the reflection of human interests in law // Anthology of world legal thought: In 5 volumes. Moscow, 1999. T. 1. P. 730–740.
12. Glezerman G. E. Interest as a sociological category // Problems of Philosophy. 1966. No. 10. P. 25–27.

13. Theodore M. Benditt, The Public Interest [Electronic resource] // URL: <https://www.jstor.org/stable/2264914> (date of access 05.05.2020).
14. Cordoba, Manuel Benanet F. Public Interest in Political Philosophy. A Necessary Ethical and Regulatory Concept for Territorial Planning [Electronic resource] // URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/3321108/2.pdf> (accessed 05/05/2020).
15. Yakovlev V. F. Russia: economics, civil law (theory and practice) / V.F. Yakovlev. Moscow: RITs ISPI RAN, 2000. 224 p.
16. Public and private interests in financial law: Monograph / Guides. ed. call E.I. Spector. Moscow, 2013. 290 p.
17. Maslakov A. V. Supervision as a procedural form of protection of public interests: dis. ... Cand. jurid. sciences. Samara, 2010. 180 p.
18. Lomaev A.Yu. Public interest as a legal category / A.Yu. Lomaev // Bulletin of the Samara Law Institute. 2012. No. 1 (6). P. 97–101.
19. Krokhnina Yu.A. Financial law of Russia: Textbook for universities. Moscow: Norma, 2015. 624 p.
20. Tikhomirov Yu.A. Administrative discretion and law // Journal of Russian law. 2000. No. 4 (41). P. 70–79.
21. Eriko Fukumoto and Barry Bozeman. Public Values Theory: What Is Missing? The American Review of Public Administration 49: 6. P. 635–648.
22. Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v Germany, Application No. 42527/98, 12 July 2001, Section 69 // European University Institute [site] // URL: <http://panoramaiskusstv.ru/upload/iblock/f09/f09705a2cb7186bd49020c429a40736a.pdf>; Komarov S.A., Lapteva I.V., Titenkov D.I. Human rights and legal infiltration of the norms of the Convention and decisions of the European Court of Human Rights into the legal system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed. / Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow-St. Petersburg: Publishing house of the Law Institute (St. Petersburg), 2015. 426 p.
23. Bosphorus Hava Yollari Turizm in Ticaret Anonim Şirketi v Ireland, Application No. 45036/98, 30 June 2005, Section 48 // European University Institute [website]. URL: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/AcademyofEuropeanLaw/CourseMaterialsHR/HR2009/DeWet/DeWetBackgroundReadingCase3.pdf>
24. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. Moscow: Statut, 2020. P. 8.
25. Popova O.V. Study of ethical problems of genetics in the Russian philosophical tradition (to the history of the idea of biotechnological design of man) // Knowledge. Understanding. Skill. 2017. No. 3. P. 25–30.
26. Ershova I. The Small and medium-sized businesses: we invite you to the interactive expert platform // Lex Russica. No. 9 (130) September 2017. P. 156–186; Pisenko K.A. Problematic Factors in Public Law Ensuring the Balance of Interests in the Sphere of Antimonopoly Policy in the Context of Eurasian Integration // Lawyer. 2018. No. 3. P. 40–48.
27. See: Komarov S.A., Malko A.V. Theory of State and Law. Study guide. A short textbook for universities. Moscow: Publishing group NORMA-INFRA • M, 1999. 448 p.

For citation: Reshetnikova S.B. The category of "public interest" in Russian law // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 115–121. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.027

ОБ ОСНОВАНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «МЕХАНИЗМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

***Аннотация.** Статья посвящена анализу подходов к исследованию понятия «механизм освобождения от юридической ответственности». Обосновывается, что данный механизм выступает самостоятельным блоком в механизме правового регулирования, который начинает «работать» при наличии соответствующих оснований. Автор исходит из инструментального подхода к понятию механизм правового регулирования (МПР) в целом, и механизма освобождения от юридической ответственности – в частности.*

Делается вывод о необходимости, как в теоретическом, так и практическом аспектах разработки понятия «механизм освобождения от юридической ответственности», уточнения его объема, содержания, соотношения со смежными правовыми понятиями, обосновывается при этом его комплексный характер.

***Ключевые слова:** механизм правового регулирования; юридическая ответственность; основания освобождения от ответственности; юридические факты; инструментальная теория права; механизм освобождения от юридической ответственности.*

Институт освобождения от юридической ответственности исследуется в современной юридической науке в тесной связи с представлениями о сущности государства и государственного принуждения, о природе права, его принципах, правах личности и пределах индивидуальной свободы. Существенное место в ней занимает учение об эффективности соответствующего института, о целесообразности и пределах его применения, о возможностях использовать нормы об освобождении от юридической ответственности в общезначимых и индивидуальных интересах [11].

Представление о праве в целом и его институтах в частности как о средстве достижения определенного социального эффекта, безусловно, не являются новыми. Они характерны для позитивистской юриспруденции и вполне коррелируют потребностям теории и практики государственного управления и правовой политики. Как отмечает В.Б. Исаков, «зная механизм, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе. А значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев» [9, с. 176].

---

* *Степнова Юлия Павловна*, аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Самарский государственный экономический университет». E-mail: julia.stepnova@gmail.com

Научный руководитель – *Липинский Дмитрий Анатольевич*, профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Заметим, что подобный подход получил в последние годы в самых разных областях правового знания. В литературе можно встретить исследования «механизма правового воздействия» [2], «механизма защиты прав и свобод человека и гражданина» [4, с. 524], «механизма правообразования», «правового механизма экологического аудита» [14], «административно-правового механизма», «конституционного механизма» и т.д. [7; 15].

Что касается института освобождения от юридической ответственности, то в исследуемой области наблюдается неоднозначная тенденция. С одной стороны, сами по себе инструментальные исследования достаточно распространены. С другой стороны, они крайне редко концептуализируются через формирование соответствующего понятийного ряда. Между тем, за любым правовым институтом всегда следует ряд основных правовых категорий, которые, в той или иной степени, подходят ко всем аспектам изучаемого явления [6, с. 134].

Исключений не много. В диссертационном исследовании М.Ю. Троицкой обосновывается необходимость исследования «механизма реализации института освобождения от юридической ответственности» и предлагается определение соответствующего понятия. Автор предлагает следующее его определение: объективированный на нормативном уровне, системно организованный комплекс юридических средств, необходимый и достаточный для достижения цели освобождения от ответственности [17, с. 8].

В рамках настоящей работы мы не ставим перед собой цель критической оценки сформированного М.Ю. Троицкой определения. Нам представляется, что сама идея, сформулированная автором, описывать процесс реализации института юридической ответственности через понятие «механизм», несомненно, заслуживает одобрения и развития. Как отмечал в свое время С.С. Алексеев, правовое регулирование всегда осуществляется «посредством особого, свойственного только праву механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая или санкционируя юридические нормы» [3, с. 146].

Необходимость конкретизации и широкого использования в научном обороте понятия «механизм освобождения от юридической ответственности» определяет, на наш взгляд, несколько факторов.

Первый. Методологическая позиция, согласно которой право рассматривается как средство социального регулирования, упорядочения общественных отношений, своеобразный инструмент, служащий удовлетворению определенных целей. В теории права практически аксиоматическим является представление о том, что освобождение от юридической ответственности всегда имеет целевую установку, обусловленную необходимостью достижения целей самой ответственности [12, с. 17], следовательно, описание системы средств достижения подобной цели, используя понятие «механизм» соответствует и академическим, и практическим задачам.

Второй. Представление о праве и его институтах как о системе формально определенных, установленных или санкционированных в порядке, определенном государстве, формально определенных правил поведения. При таком подходе, необходимо исследовать, как подобные формальные, абстрактные предписания трансформируются в права и обязанности, в фактическое состояние общественных отношений. Как образно замечает Е.В. Матвеева, правовой механизм отражает движение права от «бумажной» нормы к реализации ее на практике [13, с. 23]. С.С. Алексеев более точно указывал, что в понятии «механизм правового регулирования» раскры-

ваются исходные юридические начала правового регулирования, а юридический инструментальный непосредственно связывается через регулятивные функции права с объективными требованиями социальной жизни [3, с. 150].

Согласимся с М.Ю. Троицкой в том, что использование понятие «механизм освобождения от юридической ответственности» дает возможность рассматривать сам институт освобождения от юридической ответственности как юридическую конструкцию, модель, «получившую прописку» как в нормах права, так и в общественных отношениях, а, следовательно, интерпретировать его в логике: отношение – конструкция – норма [17, с. 15].

Третий. Комплексный характер понятия «правовой механизм». Под комплексностью, в данном случае, мы понимаем полноту, системность понятия, охватывающего и описывающего целый ряд иных явлений.

Например, К.В. Шундигов, рассматривая механизм правового регулирования, пишет, «это комплексная категория, которая представляет собой совокупность всех правовых средств, организованных последовательным образом, при помощи которой обеспечивается результативное специально-юридическое воздействие на общественные отношения» [18, с. 54]. С.А. Комаров считает, что механизм правового регулирования выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений. При этом, правовое регулирование представляет собой длящийся процесс, который состоит из стадий, в каждой из которых работают *особые юридические средства*, в совокупности составляющие механизм правового регулирования [10, с. 468].

Заметим, что на наши представления о структуре механизма освобождения от юридической ответственности во многом «накладываются» дискуссионные моменты определения структуры механизма правового регулирования. А.З. Долова отмечает, что к числу элементов механизма правового регулирования в научной литературе обычно относят юридические нормы, субъективные права и обязанности (правоотношения), акты применения права и акты реализации прав и обязанностей [8, с. 7]. Помимо такой традиционной элементной базы, в структуру механизма правового регулирования предлагается включать юридические факты [8, с. 8], законные интересы [16], правовое сознание, правовую культуру, принципы права, процесс правотворчества [1, с. 54], правовую политику [10, с. 465] и т.д.

Вопрос о собственно элементной структуре механизма правового регулирования в целом и механизма освобождения от юридической ответственности в частности во многом зависит от авторской позиции по вопросу понятия права, правового регулирования и т.д. Например, С.А. Комаров под правовым регулированием общественных отношений понимает лишь одну из форм воздействия права на общественные отношения – воздействие при помощи специфически-правовых средств: норм права, правоотношений, актов реализации [10, с. 466]. В рамках настоящего исследования мы не ставим перед собой задачу их анализа и описания всей полноты дискуссии по соответствующей проблеме. На наш взгляд, сам факт существования множественности точек зрения, не отменяет главного – с помощью понятия «механизм правового регулирования» как единая система описываются разнородные правовые средства, правовые явления, существование и реализация которых направлены к единой цели.

Четвертый. К этой группе отнесем комплекс «практических» соображений, о которых речь шла выше. Анализ конкретных правовых средств (норм, актов, ин-

ституты), системы субъектов, уполномоченных такие средства создавать и применять, результативности использования отдельных правовых инструментов – база для правового мониторинга и правовой политики [5, с. 71], на которой можно строить правотворческие решения, адекватные конкретной социально-экономической ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости, как в теоретическом, так и практическом аспектах разработки понятия «механизм освобождения от юридической ответственности», уточнения его объема, содержания, соотношения со смежными правовыми понятиями.

Библиографический список

1. *Абдулаев М. И.* Теория государства и права: учебник. – М., 2004. – 624 с.
2. *Абдулаев М. И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права: учебник. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.; *Комаров С.А.* Механизм правового воздействия / Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Т. 3. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 92–113.
3. *Алексеев С. С.* Теория права. – Харьков, 1994. – 307 с.
4. *Болгова В.В., Жеребцова Е.Е.* Мифы и реальность современной социально-экономической политики (на примере защиты конституционного права на труд) // *European Social Science Journal*. – 2014. – № 4-2 (43). – С. 524–530.
5. *Болгова В.В., Новопавловская Е.Е.* Формирование основ экономической правовой политики в интерпретационной практике Конституционного Суда РФ // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2016. – № 1. – С. 71–76.
6. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976. – 320 с.
7. *Гончаров В.В., Пефтиев И.И.* О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // *Юридический мир*. – 2010. – № 7. – С. 41–45.
8. *Долова А.З.* Юридические факты в трудовом праве: монография. – М.: Проспект, 2009. – 280 с.
9. *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования. Проблемы теории государства и права. – М., 1987. – 275 с.
10. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс). – М.: Юрайт, 2020. – 506 с.
11. *Липинский Д.А.* Принципы справедливости и гуманизма юридической ответственности // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2003. – № 36. – С. 63–75.
12. *Липинский Д.А.* О взаимосвязи функций и целей юридической ответственности // *Закон и право*. – 2004. – № 2. – С. 17–20.
13. *Матвеева Е. В.* Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии // *Экологическое право*. – 2010. – № 2. – С. 23.
14. *Пономарев М.В.* Правовой механизм экологического аудита // *Журнал российского права*. – 2010. – № 8. – С. 106–110.
15. *Селюков А.Д.* Финансово-правовые механизмы государственного управления // *Финансовое право*. – 2010. – № 7. – С. 2–8.

16. Субочев В.В. Законные интересы как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Право и политика. – 2007. – № 2. – С. 14–25.

17. Троицкая М.Ю. Институт освобождения от юридической ответственности и механизм его реализации в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 23 с.

18. Шундиков К.В. Механизм правового регулирования. – Саратов, 2001. – 208 с.

Для цитирования: Степнова Ю.П. Об основаниях исследования понятия «механизм освобождения от юридической ответственности» // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 122–126. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.029

Y. P. Stepnova*

ON THE STUDY'S BASIS OF THE CONCEPT OF "THE MECHANISM OF RELEASE FROM LEGAL RESPONSIBILITY"

Annotation. *The article is devoted to the analysis of approaches to the study of the concept of "mechanism of release from legal responsibility". It is substantiated that this mechanism acts as an independent block in the mechanism of legal regulation, which begins to "work" if there are appropriate grounds. The author proceeds from the instrumental approach to the concept of the mechanism of legal regulation (MNR) in general, and the mechanism of exemption from legal liability, in particular.*

It is concluded that it is necessary, both in the theoretical and practical aspects of the development of the concept of "mechanism of release from legal responsibility", clarification of its scope, content, correlation with related legal concepts, while substantiating its complex nature.

Key words: *mechanism of legal regulation; legal liability; grounds for exemption from liability; legal facts; instrumental theory of law; mechanism of release from legal responsibility.*

The institution of exemption from legal responsibility is investigated in modern legal science in close connection with ideas about the essence of the state and state coercion, the nature of law, its principles, individual rights and the limits of individual freedom. An essential place in it is occupied by the doctrine of the effectiveness of the relevant institution, the feasibility and limits of its application, and the possibilities to use the rules on exemption from legal responsibility in generally significant and individual interests [11].

The idea of law in general and its institutions in particular as a means of achieving a certain social effect is certainly not new. They are characteristic of positivist jurisprudence and fully correlate with the needs of the theory and practice of public administration and legal policy. As noted by V. B. Isakov, "knowing the mechanism, a lawyer can imagine what links will go through the process of translating the rule of law into practice, what stops and failures may occur in this process. This means that he is able to propose a scien-

---

* **Stepnova Yulia Pavlovna**, post-graduate student of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Samara State Economic University". E-mail: julia.stepnova@gmail.com

Scientific adviser – **Lipinsky Dmitry Anatolyevich**, Professor of the department of magistracy of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

tifically grounded plan to increase the efficiency of legal regulation by strengthening its main links" [9, p. 176].

Note that a similar approach has been received in recent years in various areas of legal knowledge. In the literature, one can find studies of the "mechanism of legal influence" [2], "the mechanism for protecting the rights and freedoms of man and citizen" [4, p. 524], "legal mechanism", "legal mechanism of environmental audit" [14], "administrative and legal mechanism", "constitutional mechanism", etc. [7; 15].

As for the institution of exemption from legal responsibility, an ambiguous trend is observed in the studied area. On the one hand, instrumental research itself is quite widespread. On the other hand, they are rarely conceptualized through the formation of the corresponding conceptual series. Meanwhile, any legal institution is always followed by a number of basic legal categories, which, to one degree or another, are suitable for all aspects of the phenomenon under study [6, p. 134].

There are not many exceptions. In the dissertation research M.Yu. Troitskaya substantiates the need to study the "mechanism for implementing the institution of exemption from legal responsibility" and proposes a definition of the corresponding concept. The author proposes the following definition: objectified at the normative level, systemically organized complex of legal means, necessary and sufficient to achieve the goal of exemption from liability [17, p. 8].

Within the framework of this work, we do not set ourselves the goal of a critical assessment of what M.Yu. Troitskaya's definition. It seems to us that the very idea, formulated by the author, to describe the process of implementing the institution of legal responsibility through the concept of "mechanism" undoubtedly deserves approval and development. As noted in his time S.S. Alekseev, legal regulation is always carried out "by means of a special mechanism inherent only to law, designed to legally guarantee the achievement of the goals set by the legislator when issuing or authorizing legal norms" [3, p. 146].

The need for concretization and widespread use in scientific circulation of the concept of "mechanism of exemption from legal responsibility" determines, in our opinion, several factors.

First. The methodological position, according to which law is considered as a means of social regulation, ordering social relations, a kind of instrument serving to meet certain goals. In the theory of law, almost axiomatic is the idea that release from legal responsibility always has a target setting, conditioned by the need to achieve the goals of responsibility itself [12, p. 17], therefore, the description of the system of means to achieve such a goal using the concept of "mechanism" corresponds to both academic and practical tasks.

Second. The concept of law and its institutions as a system of formally defined, established or sanctioned in the manner determined by the state, formally defined rules of conduct. With this approach, it is necessary to investigate how such formal, abstract prescriptions are transformed into rights and obligations, into the actual state of social relations. As E.V. Matveev, the legal mechanism reflects the movement of law from a "paper" norm to its implementation in practice [13, p. 23]. S.S. Alekseev pointed out more accurately that the concept of "mechanism of legal regulation" reveals the initial legal principles of legal regulation, and the legal tools are directly linked through the regulatory functions of law with the objective requirements of social life [3, p. 150].

We agree with M.Yu. Troitskaya, the use of the concept of "the mechanism of release from legal responsibility" makes it possible to consider the very institution of release from legal responsibility as a legal structure, a model that "received a residence permit" both in

the rule of law and in public relations, and, consequently, interpret it in logic: relation – construction – norm [17, p. 15].

Third. The complex nature of the concept of "legal mechanism". By the complexity in this case, we mean the completeness, consistency of the concept that embraces and describes a number of other phenomena.

For example, K.V. Shundikov, considering the mechanism of legal regulation, writes, "this is a complex category, which is a collection of all legal means, organized in a sequential manner, with the help of which an effective special-legal impact on social relations is ensured" [18, p. 54]. S.A. Komarov believes that the mechanism of legal regulation expresses the active side of the process of translating the normative nature of law into the orderliness of social relations. At the same time, legal regulation is a continuing process, which consists of stages, in each of which special legal means operate, which together constitute a mechanism of legal regulation [10, p. 468].

Note that our ideas about the structure of the mechanism of release from legal responsibility are largely "superimposed" by the discussion points of determining the structure of the mechanism of legal regulation. A.Z. Dolova notes that the elements of the mechanism of legal regulation in the scientific literature usually include legal norms, subjective rights and obligations (legal relations), acts of application of law and acts of implementation of rights and obligations [8, p. 7]. In addition to such a traditional element base, it is proposed to include legal facts in the structure of the legal regulation mechanism [8, p. 8], legitimate interests [16], legal consciousness, legal culture, principles of law, the process of lawmaking [1, p. 54], legal policy [10, p. 465], etc.

The question of the actual elemental structure of the mechanism of legal regulation in general and the mechanism of exemption from legal responsibility in particular largely depends on the author's position on the concept of law, legal regulation, etc. For example, S.A. Komarov under the legal regulation of public relations understands only one of the forms of the impact of law on public relations – the impact using specific legal means: the rule of law, legal relations, acts of implementation [10, p. 466]. Within the framework of this study, we do not set ourselves the task of analyzing them and describing the entirety of the discussion on the corresponding problem. In our opinion, the very fact of the existence of a plurality of points of view does not negate the main thing – with the help of the concept of "mechanism of legal regulation" as a single system, heterogeneous legal means, legal phenomena, the existence and implementation of which are directed towards a single goal, are described.

Fourth. This group includes a set of "practical" considerations, which were discussed above. Analysis of specific legal means (norms, acts, institutions), the system of subjects authorized to create and apply such means, the effectiveness of the use of certain legal instruments – the basis for legal monitoring and legal policy [5, p. 71], on which one can build law-making decisions adequate to a specific socio-economic situation.

So, we can conclude that it is necessary, both in theoretical and practical aspects, to develop the concept of "mechanism of release from legal responsibility", to clarify its scope, content, correlation with related legal concepts.

Bibliographic list

1. Abdulaev M.I. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2004. 624 p.
2. Abdulaev M.I., Komarov S.A. Problems of the theory of state and law: textbook. SPb.: Piter, 2003. 576 p.; Komarov S.A. The mechanism of legal impact / General theory of

state and law. Academic course in 3 volumes / Ed. ed. M.N. Marchenko. 4th ed., rev. and add. T. 3. Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. P. 92–113.

3. Alekseev S. S. Theory of law. Kharkov, 1994. 307 p.
4. Bolgova V.V., Zherebtsova E.E. Myths and reality of modern socio-economic policy (on the example of the protection of the constitutional right to work) // European Social Science Journal. 2014. No. 4-2 (43). P. 524–530.
5. Bolgova V.V., Novopavlovskaya E.E. Formation of the foundations of economic legal policy in the interpretive practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2016. No. 1. P. 71–76.
6. Vasiliev A.M. Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of the theory of law. Moscow, 1976. 320 p.
7. Goncharov V.V., Peftiev, I.I. On some issues of the constitutional and legal mechanism for the realization by citizens of the Russian Federation of the right to an alternative civil service // Legal world. 2010. No. 7. P. 41–45.
8. Dolova A.Z. Legal facts in labor law: monograph. Moscow: Prospect, 2009. 280 p.
9. Isakov V. B. The mechanism of legal regulation. Problems of the theory of state and law. Moscow, 1987. 275 p.
10. Komarov S.A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs / S. A. Komarov. 9th ed., rev. and add. (Series: Bachelor and Master. Academic course). Moscow: Yurayt, 2020. 506 p.
11. Lipinsky D.A. Principles of Justice and Humanism of Legal Responsibility // Bulletin of the Volga University named by V.N. Tatishchev. 2003. No. 36. P. 63–75.
12. Lipinsky D.A. On the relationship of functions and goals of legal responsibility // Zakon i pravo. 2004. No. 2. P. 17–20.
13. Matveeva E.V. Legal mechanism for the implementation of environmental rights of citizens in Russia and Germany: terminology issues // Environmental law. 2010. No. 2. P. 23.
14. Ponomarev M.V. Legal mechanism of environmental audit // Journal of Russian law. 2010. No. 8. P. 106 – 110.
15. Selyukov A.D. Financial and legal mechanisms of public administration // Financial law. 2010. No. 7. P. 2–8.
16. Subochev V.V. Legitimate interests as an integral element of the legal regulation mechanism // Law and Politics. 2007. No. 2. P. 14–25.
17. Troitskaya M.Yu. The Institute for the Exemption from Legal Liability and the Mechanism of Its Implementation in Russian Legislation: Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2012. 23 p.
18. Shundikov K.V. The mechanism of legal regulation. Saratov, 2001. 208 p.

For citation: Stepnova Yu.P. On the study's basis of the concept of "mechanism of release from legal responsibility" // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 126–129.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.029

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ США В XVIII-XX ВВ.

***Аннотация.** Статья посвящена изучению правового положения коренного населения США в XVIII-XX вв. Изучив научную литературу, нормативно-правовые акты, автор проводит анализ правового положения коренного населения США в XVIII-XX вв., выявляет особенности дискриминации индейцев на каждом из этапов развития США.*

***Ключевые слова:** США, расизм, правовое положение населения, дискриминация.*

Правовой статус коренного населения Соединенных Штатов Америки неоднократно становился предметом исследования самых разных ученых. Не со всеми выводами исследователей Америки можно согласиться, так уже после прочтения первых строк одного из произведений А. Токвиля можно обоснованно усомниться в некоторых течениях его мысли и высказываниях. Например: «Среди множества новых предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий людей» [1, с. 27].

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что реальное равенство условий существования людей в США всегда было весьма эфемерно. Подтверждением тому может служить расовая сегрегация, официально существовавшая с момента принятия в 1865 году 13-й поправки к американской конституции. Так, в отношении негров власти США не были в состоянии гарантировать права, предоставленные им законом, не только в XIX веке. Существует мнение, что некоторые ее проявления встречаются и сегодня. О признаках этого свидетельствуют: отдельные общественные места, отдельные школы, отдельный общественный транспорт, существовавшие до 1970-х годов, а также многое другое, что ныне происходит в США на расовой почве.

Не стоит забывать и об индейских резервациях, являвшихся способом захвата территории и выселения индейцев с их земель, появившихся в США еще 29 августа 1758 года на территории нынешнего штата Нью-Джерси. В те дни индейцев лишили земель неоднократно опробованным и, по сути, совершенно законным способом. Когда бывшие европейцы изъявляли желание получить еще неосвоенные земли, занятые каким-либо индейским народом, правительство Соединенных Штатов Америки в большинстве случаев посылало к коренному населению особое посольство. «Белые» призывали индейцев продать им свои земли и жить на другой территории.

После таких высказываний взамен предлагалось огнестрельное оружие, одежда из шерсти, алкоголь, медные и стеклянные украшения, зеркала. Если при виде всех этих богатств они все же колебались, им намекали, что они не могут не дать согласия и что вскоре даже правительство будет не в состоянии гарантировать их права. При помощи убеждения и принуждения индейцев вынуждали покидать свои

земли. Они заселяли новые территории, но по прошествии определенного времени белые настигали их и там. Так, были приобретены целые провинции, причем по весьма низкой цене.

Некоторые исследователи полагали, что индейская раса была обречена на гибель, и при всеобъемлющем распространении бывших европейцев на континенте, прекратит свое существование. Они также считали, что у индейцев в Америке было два пути: либо завоевание, либо приобщение к европейской цивилизации и последующая ассимиляция. Безусловно, это так, но А. Токвиль при всей точности описания проблем индейцев не заострял внимание на пагубности политики местных властей по отношению к коренному населению и не осуждал «белых» американцев за средства и методы, применяемые к индейцам для варварского захвата их земель.

По сути дела имел место геноцид целого народа в разнообразных формах. А. Токвиль не критикует за это англо-американцев, позиционирует себя как стороннего наблюдателя. Он приводит два способа решения проблемы – вооруженное сопротивление или цивилизация. Под последним он понимает заимствование культурных и нравственных ценностей, культуры труда и земледелия, субординации и подчинение американским властям, забывая упомянуть о незаконном переселении так называемых «цивилизованных индейцев».

В штате Джорджия многие из этих «цивилизованных индейцев» являлись владельцами больших ферм и кирпичных домов, правда, это нисколько не помешало их выселению силой. Разумеется, «белым» американцам не были нужны конкуренты в таких прибыльных сферах, как производство товаров и сельское хозяйство, тем более в лице представителей расы «краснокожих». Целью граждан США было удовлетворение нужд растущей и развивающейся промышленности, а также – расширение сельхозугодий. Индейцев из Джорджии заставили добираться до нового места жительства пешком на территорию, где сейчас располагается штат Оклахома. В результате погибло около 4000 индейцев из племени чероки. И в данном случае мы видим то, что очередная неудачная попытка оправдать своего кумира – «белого народа» Америки, снова провалилась и не соответствует суровым реалиям действительности того времени.

А. Токвиль объяснял легкую и неравноценную, по сути, грабительскую скупку огромных территорий, на которых проживали индейцы, в обмен на оружие и дешевые предметы быта невежеством самих индейцев, наличием лишь сиюминутных потребностей и отсутствием у них стратегического мышления как такового. Но в его труде нет ни слова критики в адрес тех представителей «самой демократичной страны», которые пользовались естественной отсталостью знаний представителей индейского народа, тех граждан, которые раз за разом, из года в год скупали земли у индейцев и сгоняли их с только что заселенных территорий.

Неоднозначно и высказывание А. Токвиля о том, когда он отметил саркастически, что, в отличие от испанцев шестнадцатого столетия, в девятнадцатом веке: «В Соединенных Штатах поведение американцев по отношению к туземцам проникнуто глубочайшей любовью к соблюдению форм и законности» [1, с. 252]. Мы могли бы добавить здесь, что то же самое происходило и в двадцатом столетии. Он даже утверждал, что именно голод вынуждал индейские племена покидать обжитые земли. Но не стоит забывать, что именно «белые» американцы уничтожали животных, являвшихся важным источником пищи для индейцев [2, с. 44]. Хотя потом А. Токвиль признал, что имело место не только убеждение, но и принуждение, называя

политику федерального правительства недостаточно добросовестной. Под этим он подразумевает нежелание и бездействие при вытеснении племен чероки и криков с земель, гарантированных договорами от 1790 и 1791 годов.

Увы, А. Токвиль признал геноцид, но не осуждал его, так как в то время было бы некорректно критиковать американцев за то же самое, к чему были причастны и Франция, и Испания, а именно – к истреблению индейцев. Максимум – краткое упоминание о негативной роли испанцев по отношению к коренным жителям Америки. Его бы неправильно поняли – как можно критиковать выгодное, и мало затратное расширение своих территорий?

Мы можем легко найти ответ на вопрос: в каких провинциях Канады говорят на французском языке. Общее число канадцев, говорящих на французском – около 7 миллионов человек, то есть около 20 % населения всей страны. Подавляющее большинство граждан Канады, говорящих на французском языке, проживает в таких провинциях, как Квебек, Нуво-Брансуик и Онтарио. Но найдем ли мы там хотя бы один регион, где большинство населения использует язык индейцев?

В недавнем прошлом «некоторые ученые, такие как Дженнингс и Роберт Ф. Берхофер использовали политическую мифологию, которая долго служила, чтобы оправдать южноафриканскую практику апартеида, что находит некую параллель с политической мифологией Америки относительно истории местных народов. Действительно, эта та же самая форма официальной лжи обычно подкрепляет фальсификацию истории, написанную завоевателями колониальных и постколониальных обществ во всем мире» [3, с. 25].

В наши дни лишь около 20 % индейцев используют в повседневной жизни не только английский язык. Конечно же, можно сослаться на разрыв культурных связей между поколениями индейцев, можно найти другое оправдание, но факты говорят сами за себя, и они свидетельствуют вовсе не в пользу США, Англии, Испании и Франции.

Например, в 1825 году Верховным судом США была подтверждена действительность доктрины, в соответствии с которой права на земли принадлежали их открывателям – представителям «белого» населения. Индейцы же сохраняли право проживания на этих землях, но не получали права собственности [4]. На основании данной доктрины уже в 1830 г. принят «Закон о переселении индейцев», жертвами которого становятся «пять цивилизованных племён». Имело место открытое проявление расизма и шовинизма. В 1850 году неравенство индейцев с белыми американцами было вновь закреплено на законодательном уровне. Тогда же щедро финансировалось создание отрядов для выселения индейцев, с последующим их уничтожением [5, с. 20].

На местном уровне практиковались награды за убитых индейцев. Причем, размер вознаграждения за скальп «краснокожего» с 1855 по 1861 годы возрос в пять раз. Между 1852 и 1860 гг., под «американским наблюдением», местное население Калифорнии снизилось с 85 000 до 35 000, что составляет приблизительно 60 процентов [6, с. 93–94].

Вышеупомянутая убыль населения наблюдалась в течение восьми лет после первых губернаторских требований, направленных против индейцев. К 1890 году число индейцев снизилось в два раза: 80 процентов уроженцев, которые остались в живых, были истреблены. Меньше 18 000 калифорнийских индейцев все еще были живы, и их число продолжало понижаться. В конце 1840-ых и 1850-ых гг. современник тех событий наблюдал, как «белые американцы начали свое разъяренное напа-

дение на индейцев, расстреливая их, как волков, мужчин, женщин, и детей, везде, где они могли найти их». И он же пояснил, что «эта война нужна для истребления аборигенов, начатая в действительности после экспедиции Колумба, и, продолжаясь по сей день, постепенно способствует исчезновению индейской расы» [3, с. 146].

Венцом и олицетворением «равенства в правах» всех народов, населяющих Америку, стал закон 1867 года «О переселении индейцев в резервации». В 1871 году власти США уже официально, не скрывая своих истинных намерений, решили, что никакие соглашения с индейцами больше не требуются и ни одно индейское, в том числе и цивилизованное племя и не может рассматриваться как государство или независимый народ. Индейцам, проживающим на территории резерваций, было запрещено исповедовать свою религию. Недостаточное снабжение жителей резерваций продуктами питания, низкий уровень жизни, болезни, попустительство чиновников привели к значительному снижению численности населения [7, с. 15].

После появления Генерального акта о распределении в 1887 году некоторым индейцам были переданы неплодородные земельные участки для осуществления сельскохозяйственной деятельности. К 1934 году размер территории, принадлежащей индейцам, сократился более чем в два раза. Безусловно, нельзя забывать тот факт, что в 1980 году некоторые индейские племена добились выплат от федерального правительства США, вследствие достигнутого мирового соглашения. Некоторые племена подавали иски и получали компенсацию в размере 122 миллионов долларов. К сожалению, такие случаи были единичными. Более того, уже с 1982 по 1985 годы федеральные субсидии индейским племенам были сокращены в два раза [7, с. 78].

Увы, «справедливость» и «демократия» восторжествовали лишь в 2009 году, когда Конгресс США включил в закон о расходах на оборону заявление о принесении официальных извинений индейцам США за «множество случаев насилия, плохого обращения и пренебрежения, которым подвергались коренные народы со стороны граждан Соединённых Штатов». Вот только резервации индейцев существуют и по сей день, а по прошествии 152 лет в США их насчитывается около 300. В них, под предлогом заботы о нуждах коренного населения Соединённых Штатов, концентрируется социально-экономическая отсталость и фактически прилагаются все усилия к тому, чтобы все индейское население вымерло как можно быстрее. Сомнительно, что их ликвидируют в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с фр. / Предисл. Г. Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
2. Стукалин Ю. В. Индейцы Дикого Запада в бою. Хороший день, чтобы умереть! – М.: Яуза, Эксмо, 2012. – 300 с. [Электронный ресурс] // URL: [https://books.google.ru/books?id=IXnkpnezgJ8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage &q&f=false](https://books.google.ru/books?id=IXnkpnezgJ8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false) (дата обращения: 26.06.2020).
3. Stannard David E. American Holocaust: The Conquest of the New World. New York: Oxford University Press, 1993. 416 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://book.cc/book/2858779/361729> (дата обращения: 26.06.2020).
4. Johnson & Graham's Lessee V. McIntosh, 21 U. S. at 596. 1823. P. 543. [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/21/543/> (дата обращения: 26.06.2020).

5. Kickingbird Kirke et al. Indian Sovereignty // Native American Sovereignty / Edited with an introduction by John R. Wunder. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1999. P. 1–60. [Электронный ресурс] // URL: <http://en.bookfi.net/book/1101665> (дата обращения: 26.06.2020).

6. Koning Hans. The conquest of America. New York: Monthly Review Press, 1993. 150 p. [Электронный ресурс] // URL: <http://en.bookfi.net/book/1409250> (дата обращения: 26.06.2020).

7. Стельмах, В. Г. и др. Тропюю слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В. Г. Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. – М.: Мысль, 1990. – 316 с.

Для цитирования: *Тимонин М.А.* О правовом положении коренного населения США в XVIII–XX вв. // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). С. 130–134.

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.028

М.А. Timonin*

ON THE LEGAL SITUATION OF INDIGENOUS PEOPLE OF THE USA IN THE XVIII-XX CENTURIES

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal situation of the native population of the USA in the XVIII-XX centuries. Having studied scientific literature, regulatory acts, the author analyses the legal situation of the native population of the USA in the XVIII-XX centuries, reveals the features of discrimination of Indians at each stage of the development of the USA.*

Keywords: *USA, racism, legal status of the population, discrimination.*

The legal status of the indigenous people of the United States of America has repeatedly been the subject of research by a variety of scholars. Not all the conclusions of American researchers can be agreed, so after reading the first lines of A. Tocqueville's work, one can reasonably doubt some of his movements of thought and statements. For example: "Among the many new subjects and phenomena that attracted my attention during my stay in the United States, I was most struck by the equality of people's conditions" [1, p. 27].

First of all, it must be emphasized that the real equality of living conditions of people in the United States has always been very ephemeral. This can be confirmed by racial segregation, which has officially existed since the adoption of the 13th amendment to the American constitution in 1865. So, in relation to blacks, the US authorities were not able to guarantee the rights granted to them by law, not only in the 19th century. There is an opinion that some of its manifestations are still found today. The signs of this are evidenced by: separate public places, separate schools, separate public transport that existed before the 1970s, as well as much more that is now happening in the United States on racial grounds.

Do not forget about Indian reservations, which were a way to seize territory and evict Indians from their lands, which appeared in the United States on August 29, 1758 in the territory of the present state of New Jersey. In those days, the Indians were deprived of

---

* *Timonin Maxim Anatolyevich*, Master's student of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University. E-mail: timonin.maxim2011@yandex.ru

Theory of State and Law

---

land in a repeatedly tested and, in fact, completely legal way. When former Europeans expressed a desire to obtain undeveloped land occupied by an Indian people, the Government of the United States of America in most cases sent a special embassy to the indigenous population. The White called on the Indians to sell their lands to them and live in another territory. After such statements, firearms, wool clothes, alcohol, copper and glass jewelry, mirrors were offered in return. If, in the form of all these riches, they still hesitated, they were hinted that they could not give consent and that soon even the government would not be able to guarantee their rights. With the help of persuasion and coercion, the Indians were forced to leave their lands. They settled new territories, but after a certain time the whites overtook them there. So, entire provinces were purchased, and at a very low price.

Some researchers believed that the Indian race was doomed to death, and with the comprehensive spread of former Europeans on the continent, would cease to exist. They also believed that the Indians in America had two ways: either conquering or joining European civilization and subsequent assimilation. Of course, this is true, but Tocqueville, while accurately describing the problems of the Indians, did not focus on the pernicious policies of local authorities towards the indigenous population and did not condemn the "white" Americans for the means and methods used by the Indians to barbarically seize their lands. In fact, there was genocide of an entire people in various forms. Tocqueville does not criticize the Anglo-Americans for this, positions himself as an outside observer. He cites two ways to solve the problem – armed resistance or civilization. By the latter, he means borrowing cultural and moral values, a culture of labor and agriculture, subordination and subordination to the American authorities. But the author forgets to mention the illegal relocation of the so-called "civilized Indians." In Georgia, many of these "civilized Indians" were owners of large farms and brick houses, however, this did not prevent their eviction by force. Of course, the "white" Americans did not need competitors in such profitable areas as the production of goods and agriculture, especially in the person of representatives of the "red-skinned" race. The goal of US citizens was to meet the needs of a growing and developing industry, as well as to expand farmland. Indians from Georgia were forced to get to their new place of residence on foot to the territory where the state of Oklahoma is now located. As a result, about 4,000 Cherokee Indians died. And in this case, we see that another unsuccessful attempt to justify his idol – the "white people" of America, failed again and does not correspond to the harsh realities of the time.

He explained the easy and unequal, in fact, predatory purchase of huge territories in which the Indians lived, in exchange for weapons and cheap household items, the ignorance of the Indians themselves, the presence of only momentary needs and their lack of strategic thinking as such. But in the work of A. Tocqueville there is not a word of criticism of those representatives of the "most democratic country" who enjoyed the natural backwardness of the knowledge of representatives of the Indian people, those citizens who, time and again, bought land from the Indians from year to year and drove them from the newly settled territories. It is also ambiguous that Alexis de Tocqueville stated when he noted sarcastically that, unlike the Spaniards of the sixteenth century, in the nineteenth century: "In the United States, the behavior of Americans towards natives is imbued with the deepest love of observance of forms and legality" [1, p. 252]. We could add here that the same thing happened in the twentieth century. He even claimed that it was hunger that forced the Indian tribes to leave the inhabited lands. But do not forget that it was the "white" Americans who destroyed animals that were an important source of food for the Indians [2, p. 44]. Although then the same author admitted that there was not only persua-

sion but also coercion. He only called the policy of the federal government not fair enough. By this he means unwillingness and inaction in displacing the Cherokee tribes and cries from the lands guaranteed by treaties of 1790 and 1791.

Alas, Tocqueville recognized the genocide, but did not condemn it, since at that time it would be incorrect to criticize the Americans for the same thing that France and Spain were involved in, namely, the extermination of the Indians. Maximum – a brief mention of the negative role of the Spaniards in relation to the indigenous people of America. It would be misunderstood – how can you criticize the profitable and low-cost expansion of your territories?

We can easily find the answer to the question: in which provinces of Canada they speak French. The total number of Canadians speaking French is about 7 million people, that is, about 20% of the population of the whole country. The vast majority of Canadian French speakers live in provinces such as Quebec, Nouveau Brunswick and Ontario. But will we find at least one region where the majority of the population uses the Indian language?

In the recent past, "some scholars such as Jennings and Robert F. Berhofer have used political mythology, which has long served to justify the South African practice of apartheid, which finds some parallel with America's political mythology regarding the history of local peoples. Indeed, this same form of official lies usually reinforces the falsification of history written by the conquerors of colonial and post-colonial societies around the world" [3, p. 25]. Today, only about 20% of Indians use more than English in everyday life. Of course, you can refer to the breakdown of cultural ties between generations of Indians, you can find another excuse, but the facts speak for themselves and they do not serve at all in favor of the USA, England, Spain and France.

For example, in 1825, the US Supreme Court confirmed the validity of the doctrine, according to which the rights to land belonged to their discoverers – representatives of the "white" population. The Indians retained the right of residence on these lands, but did not receive ownership [4]. Based on this doctrine, already in 1830 the "Law on the Resettlement of Indians" was adopted, the victims of which are "five civilized tribes." There was an open manifestation of racism and chauvinism. In 1850, Indian inequality with white Americans was re-established at the legislative level. At the same time, the creation of detachments for the eviction of Indians was generously funded, followed by their destruction [5, p. 20].

At the local level, awards for killed Indians were practiced. Moreover, the amount of remuneration for the "red-skinned" scalp from 1855 to 1861 increased five times. Between 1852 and 1860, under "American surveillance," the local population of California fell from 85,000 to 35,000, which is approximately 60 percent [6, p. 93–94]. The aforementioned population decline was observed for eight years after the first gubernatorial demands against the Indians. By 1890, the number of Indians had halved: 80 percent of the natives who survived were exterminated. Fewer than 18,000 California Indians were still alive, and their numbers continued to decline.

In the late 1840s and 1850s a contemporary of those events watched as "white Americans launched their angry attack on the Indians, shooting them like wolves, men, women, and children, wherever they could find them". And he explained that "this war is necessary for the extermination of the aborigines, begun in reality after the expedition of Columbus, and, continuing to this day, gradually contributes to the disappearance of the Indian race" [3, p. 146].

The 1867 law "On the Resettlement of Indians on the Reservation" became the crown and personification of "equality in rights" of all peoples living in America. In 1871, the US authorities officially, without hiding their true intentions, decided that no agreements with the Indians were anymore required and no Indian, including a civilized tribe, could be considered as a state or an independent people. Indians living on reservations were prohibited from professing their religion. The lack of food supplies for the residents of the reservations, low standard of living, diseases, connivance of officials led to a significant decrease in the population [7, p. 15]. After the advent of the General Distribution Act in 1887, some Indians were given infertile land for agricultural activities. By 1934, the size of the territory belonging to the Indians had more than halved. Of course, we must not forget the fact that in 1980 some Indian tribes received payments from the US federal government, as a result of a settlement agreement. Some tribes filed lawsuits and received compensation in the amount of \$122 million. Unfortunately, such cases were isolated. Moreover, already from 1982 to 1985, federal subsidies to Indian tribes were halved [7, p. 78].

Alas, "justice" and "democracy" prevailed only in 2009, when the US Congress included in the defense spending law a statement to formally apologize to the US Indians for "many cases of violence, ill-treatment and neglect to which indigenous peoples were subjected by citizens of the United States." Only Indian reservations still exist today, and after 152 years in the United States there are about 300 of them. Under the pretext of caring for the needs of the indigenous people of the United States, they concentrate socio-economic underdevelopment and, in fact, make every effort to make the entire Indian population extinct as quickly as possible. It is doubtful that they will be eliminated in the near future.

Bibliographic list

1. Tocqueville Alexis de. Democracy in America: Per. from fr. /Preface. G. J. Lasky. Moscow: Progress, 1994. 554 p.
2. Stukalin Yu. V. Indians of the Wild West in battle. A good day to die! Moscow: Yauza, Eksmo, 2012. 300 [1] p. [Electronic resource] // URL: <https://books.google.ru/books?id=IXnkpnezgJ8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed date: 26.06.2020).
3. Stannard David E. American Holocaust: The Conquest of the New World. New York: Oxford University Press, 1993. 416 p. [Electronic resource] // URL: <https://b-ok.cc/book/2858779/361729> (accessed date: 06.26.2020).
4. Johnson & Graham's Lessee V. McIntosh, 21 U. S. at 596. 1823. P. 543. [Electronic resource] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/21/543/>
5. Kickingbird Kirke et al. Indian Sovereignty // Native American Sovereignty / Edited with an introduction by John R. Wunder. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1999. P. 1–60 [Electronic resource] // URL: <http://en.bookfi.net/book/1101665>
6. Koning Hans. The conquest of America. New York: Monthly Review Press, 1993. 150 p. [Electronic resource] // URL: <http://en.bookfi.net/book/1409250> (accessed date: 06.26.2020).
7. Stelmakh V. G. et al. The path of tears and hopes: (Book about the modern Indians of the USA and Canada) / V. G. Stelmakh, V. A. Tishkov, S. V. Cheshko. Moscow: Thought, 1990. 316 p.

For citation: Timonin M.A. On the legal status of the indigenous population of the United States in the XVIII-XX centuries //Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 134–137.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация:** автор статьи исследует содержание понятия «правовая культура», составляющие ее компоненты и основные признаки. На основе сравнительно-правового анализа научной литературы по выбранной теме, автор выделяет ряд наиболее важных функций правовой культуры на современном этапе государственно-правового развития. При этом в тексте научной статьи делается упор на проблематику этого социального-правового явления в современном российском обществе. Из всего спектра проблем правовой культуры в Российской Федерации подробно раскрываются наиболее распространённые и существенные из них, а именно правовой нигилизм и правовой идеализм. Автором статьи делается вывод о тенденциях развития правовой культуры в России.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовой нигилизм, правовой идеализм, кризис правовой культуры.*

В целях определения понятия и содержания дефиниции «правовая культура» следует исходить, в первую очередь, из понятия самой культуры, которое в переводе с латинского языка «cultura» означает: «воспитание, обрабатывание, возделывание, развитие» [10, с. 114]. Исходя из этого, можно провести параллель между культурой в общем смысле и правовой культурой, так как правовая культура также показывает степень воспитания, развития, с правовой стороны, как и отдельного человека, так и общества в целом. Можно сказать, что правовая культура – это своеобразное отражение качественного состояния правовой жизни [3, с. 185]. Она совершенствует правовую организацию жизни людей.

В связи с тем, что в научной юридической литературе, нет единого мнения по поводу однозначного толкования понятия «правовая культура», многие авторы формулируют и трактуют его по-разному. Одну из наиболее четких формулировок, даёт нам С.А. Комаров, полагая, что правовая культура – это совокупность представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц [6, с. 416–417]. По мнению В. П. Сальникова правовая культура – это совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в её реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики [12, с. 508]. А. В. Попова отмечает, что «под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни обще-

---

* *Устьян Эмиль Ашотович*, студент Юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: emilustyan@yandex.ru

Научный руководитель – *Попова Анна Владиславовна*, профессор Департамента международного и публичного права ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

ства, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [9, с. 279–280].

Правовая культура является социальным явлением, так как она формируется в обществе, и её нельзя представить в отрыве от индивидов, она является результатом взаимодействия людей. Как и любое сложное социальное явление [3, с. 185] правовая культура имеет свою структуру, в которую включены следующие компоненты.

1. Познавательный (гносеологический) компонент, который «охватывает» правовую информированность граждан, знание законов, их образованность в сфере юриспруденции. Для формирования правовой культуры любого уровня (правовая культура общества, правовая культура индивида) необходим определённый набор знаний в области права.

2. Ценностно-ориентационный компонент, включающий в себя готовность исполнять и соблюдать законы, правовые ценности, правовые ориентации, правовые установки. В целом определяет направленность правовой активности.

3. Компонент деятельности, объединяющий в своём содержании правовую деятельность: использование своих законных прав, исполнение своих юридических обязанностей, противодействие тем, кто пытается нарушить его личные или права других людей.

Н. И. Матузов считает, что правовая культура имеет следующие черты: 1) приемлемый уровень правосознания; 2) знание действующих законов страны; 3) соблюдение, исполнение или использование этих законов; 4) убеждение в необходимости, полезности, целесообразности законов и иных правовых актов, внутреннее согласие с ними; 5) осознание своих прав и обязанностей, свободы и ответственности; 6) правовая активность, т.е. целенаправленная инициативная деятельность субъекта по противодействию беззаконию, поддержанию правопорядка в обществе. По его мнению, суть правовой культуры всецело отражает следующая формула: знать – уважать – соблюдать [4, с. 123].

Так как понятие правовой культуры является достаточно широким, из-за этого возникают сложности с определением её важнейших признаков. Обобщая высказываемые в научной литературе точки зрения, можно выделить наиболее существенные из них, когда правовая культура:

1) имеет аксиологическую основу, то есть своеобразным базисом правовой культуры являются правовые ценности;

2) носит уникальный характер, когда каждому обществу, каждому отдельному человеку характерен свой индивидуальный уровень правовой культуры (этот уровень выражается в знании законов, в понимании законов, в соблюдении законов, в знании своих прав, в знании своих правовых обязанностей и т. д.);

3) характеризует правовой аспект развитости общества;

4) зависит от существующего состояния нравственности и морального уровня общества;

5) выступает одной из главных предпосылок возникновения, функционирования и развития гражданского общества и правового государства;

6) отражает уровень правопорядка в обществе;

7) связана с качественным развитием культуры общества и уровнем его правового воспитания.

Особое значение для понимания правовой культуры имеют ее функции, к числу которых следует отнести: а) *ценностная* функция формирует правовые ценности индивида и обществе; б) *познавательная* функция, когда индивид узнаёт и познаёт необходимые правовые нормы; в) *регулятивная* функция, обеспечивающая нормальное существование общества; г) *коммуникативная* функция, которая обеспечивает согласование личных, групповых и общественных интересов и создаёт диалог между субъектами права [7, с. 17].

Всё вышеперечисленное: структура, признаки и функции правовой культуры, без малейшего сомнения важнейшие основы правовой культуры, базис этого социального явления. На наш взгляд, особую значимость приобретают вопросы правового воспитания, ведь от того, насколько граждане осведомлены о своих правах, насколько они могут их реализовать, зависит их уровень правовой культуры. А. М. Дроздова считает, что главной целью правового воспитания является то, что полученные индивидом правовые знания и умения должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем и во внутреннюю потребность, а также привычку соблюдать закон [5, с. 75].

Применительно к российской правовой действительности вопросы правовой культуры индивида, общества являются приоритетными особенно сегодня, когда народ сделал поистине исторический выбор по вопросам поправок в Конституцию Российской Федерации 1993 года [2]. Несмотря на пройденный исторический путь многонациональным народом России, несмотря на геополитическое значение Российской Федерации и её вклад мировую историю, мировую культуру, и наконец, мировую правовую систему, на наш взгляд именно сегодня в российском обществе можно наблюдать определённый кризис правовой культуры. Так, значительное число граждан Российской Федерации, к сожалению, не обладает достаточным уровнем правовой культуры, достаточным уровнем правосознания даже на таком уровне, чтобы элементарно защитить свои права. Это доказывает и многие статистические исследования, к примеру, согласно результатам исследования правовой грамотности населения РФ, которое проводила Национальная Юридическая Служба Амулекс совместно с аналитическим центром НАФИ, подавляющее большинство опрошенных россиян (74%), права которых были нарушены в повседневной жизни, ничего не предпринимают для их защиты [15].

Главная и системообразующая проблема правовой культуры российского общества является, на наш взгляд, правовой нигилизм, сущность которого заключается в постепенном отчуждении индивида, в частности, и общества, в целом, от правовых ценностей, выражающегося в недооценке права как важнейшего общественного института, его игнорирования со стороны не только отдельных личностей, но и государственных и общественных структур [7, с. 13–14]. По мнению А. В. Малько и В. Л. Кулапова, необходимо различать пассивную и активную форму правового нигилизма, при этом первая проявляется в безразличии к праву или недооценке его значения и роли права в жизни общества; а вторая представляет наибольшую угрозу, выражаясь во враждебном отношении к праву. Сторонники активного нигилизма считают, что право это не нужный обществу институт, который только мешает и препятствует, поэтому его нужно устранить, а также всячески пропагандируют исключительность своего видения права и его сущности. [3, с. 183].

Нельзя не обратить внимание на то, что правовой нигилизм присутствует на определённом уровне практически в каждой стране мира. Одной из главных особен-

ностей стран с развитой правовой культурой общества является то, что они уже довольно давно борются с этой проблемой, и борются довольно успешно.

На наш взгляд, недостаточный уровень правовой культуры, а вместе с этим достаточно высокий уровень правового нигилизма можно связать со следующей особенностью: вследствие развала Советского Союза, произошли огромные изменения во всех сферах общественной жизни, многие из которых негативно сказались не только на материальном благосостоянии граждан РФ и граждан других стран ранее входящих в СССР, но и, прежде всего, на доверии к государству, как социальному защитнику интересов своих граждан, оплоту социальной справедливости. В связи с этим, большой процент населения граждан нашей страны и граждан бывших республик, входящих в состав СССР, относящихся к старшему поколению, не могут полностью принять всех этих кардинальных перемен, многие из них до сих пор, относятся к ним с большим недоверием и, в первую очередь к большему числу законодательной базы, подчас, плохо составленным нормативным правовым актам с точки зрения юридической техники, что затрудняет их понимание большинством россиян, что не может не сказаться на росте правового нигилизма.

Другой важной причиной роста уровня правового нигилизма в сознании граждан РФ, является правовой нигилизм непосредственно работников и руководителей органов государственной власти. Суть такого вида нигилизма заключается в том, что чиновники забывают свою главную цель – работать на благо России, на благо российского общества во имя его процветания. И вместо этого начинают на благо своих личных интересов и потребностей. Следствием этого являются: коррупция, хищение средств, и превышение своих полномочий, бюрократизация и т.д. Примером коррупционного скандала последних лет следует назвать задержание 14 ноября 2016 г. министра экономического развития Российской Федерации А. В. Улюкаева по факту получения взятки в размере двух миллионов долларов [16]. Следует отметить, что согласно исследованию «Transparency International» – неправительственная международная организация, которая проводит независимые исследования уровня коррупции в разных странах мира, главным критерием этого исследования является «ИВК» – индекс исследования коррупции. По состоянию на 2019 г. Российская Федерация, согласно исследованию «Transparency International», занимает 137 место по уровню коррупции [17]. Не было ни дня, чтобы в средствах массовой информации не упомянули хотя бы одного дела, связанного с превышением полномочий работниками государственных органов. 3 июля 2020 г. по подозрению в хищении 40 миллионов рублей была задержана замглавы Минобрнауки М. Б. Лукашевич [18].

Полагаем необходимым в целях дальнейшего улучшения механизма правового регулирования по противодействию коррупции в Российской Федерации, предложить дополнение в Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за ответственностью расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [1], заключающиеся в: а) расширении списка лиц, подпадающих под проверку правоохранительных органов; б) внесении в федеральный закон четко определенного понятия «близкие родственники» подозреваемых (родители подозреваемых, родные братья и сестры подозреваемых, сводные братья и сестры подозреваемых, двоюродные братья и сестры подозреваемых и т.д.); в) определении их состава для улучшения качества проверок.

Следует отметить, что на территории постсоветского пространства, такая практика стала активно применяться. В некоторых государствах, которые не так

давно были республиками в составе СССР принимаются и действуют аналогичные нормативные правовые акты. К примеру, в республике Армения 11 мая 2020 г., президентом страны был подписан закон «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение». Принятый закон, предусматривает возможность без приговора суда изымать имущество полученное незаконным путём [19].

Резонанс в обществе вызывает и то, что многим чиновникам свойственно такое поведение, которое никак не может соотноситься с их должностями и званиями. Ярким примером этого служит бывший замглавы Минпромторга Дмитрий Овсянников. Заместитель министра начал ругаться матом и браниться с сотрудниками аэропорта Ижевска, отказываясь предъявить документы [20]. Все эти примеры способствуют росту правового нигилизма в обществе, уровня недоверия граждан государственным должностным лицам, неверия в силу права, в его справедливость, объективность и правомерность. Поэтому, в первую очередь для преодоления правового нигилизма в российском обществе, необходимо побороть правовой нигилизм внутри самих государственных органов. Данной задаче, отчасти, может служить переход на систему взаимодействия граждан и государства посредством искусственного интеллекта. Так, в проекте цифровой стратегии Москва «Умный город – 2030» [21] ставится целью «централизованное, сквозное и прозрачное управление городом с использованием Искусственного интеллекта». Можно ли будет таким образом повысить уровень правовой культуры граждан Москвы покажет только будущее.

Особое значение имеют предпринимаемые попытки «размывания» правовой культуры в молодежной среде в результате роста стихийных форм социализации. Данное явление отнюдь не носит безобидный характер и имеет далеко идущие последствия для развития российского общества. Молодёжь, выходя из сферы влияния традиционных агентов социализации (институтов семьи и образования), попадает под влияние масс-медиа, Интернета и групп сверстников («групп равных») [14]. Здесь формируется «альтернативная» картина мира, в большинстве случаев деформирующая сознание молодёжи. Именно невозможность выдерживать конкуренцию со стихийными агентами социализации и формирует проблему деформации правовой культуры современной молодёжи. В качестве наглядного примера, можно привести действия молодых людей, которые загрузили на сайт «Бессмертного полка» фотографии нацистских лидеров. В канун великого праздника – 75-летия окончания Великой Отечественной Войны, рядом с нашими отцами, дедами и прадедами были фотографии нацистских преступников. Этот поступок нельзя оправдать. Неужели за это сражались наши предки? К сожалению, в современном мире, некоторые представители молодёжи, в погоне за популярностью в Интернете совершают такие поступки [22], а иногда даже и преднамеренно искажают историю ВОВ, занижают роль советского солдата. Такие «вбросы» и формируют альтернативную картину мира.

Одновременно нарастает активность криминального мира, ставшего одним из идеологических элементов массовой культуры потребления. В молодежной среде становится «модным» пренебрежительно относиться к законам, нарушать их, «вершить» суд собственными руками, проявлять агрессию, мстительность. Взрослое общество в этих условиях утрачивает контроль над процессом социализации молодёжи, её воспитания, социального развития. В этой связи перспективы формирования правовой культуры у большинства современной российской молодёжи неоднозначны [13, с. 114].

Антиподом правового нигилизма является правовой идеализм, который наряду с последним представляет собой форму деформации правосознания, оказывающим влияние на общественную и индивидуальную правовую культуру. Сущность правового идеализма заключается в том, что граждане переоценивают роль права и его возможностей, считая, что благодаря ему можно решить все проблемы общества. Также, правовой идеализм в России характерен тем, что многие граждане чересчур «превозносят» значимость своих индивидуальных прав и умаляя необходимость соблюдения коллективных прав и юридических обязанностей, что существуют только их личные права [8, с. 179]. По нашему мнению, одной из самых значимых причин развития правового идеализма, является принятие законодателями чрезмерного количества нормативно-правовых актов, зачастую в неполной мере проработанных, в действительности не учитывающих пределы правового воздействия, механизм реализации которых крайне затруднён [11, с. 33–41].

При принятии таких нереальных для качественного исполнения нормативных правовых актов, законодатели вероятно не берут во внимание то, что не все общественные отношения могут регулироваться нормами права [5, с. 75–76]. Но нельзя и не упомянуть, что даже, несмотря на одновременное распространение как правового нигилизма, так и правового идеализма, в российском обществе можно заметить медленные, но крайне важные тенденции положительного характера, к примеру тенденцию повышения, уровня влияния гражданского общества среди граждан Российской Федерации. К примеру, благодаря активным действиям и поддержке гражданского общества, был освобождён журналист Иван Голунов [23].

В завершении хотелось бы сказать, что уровень правовой культуры – это один из наиболее точных и реальных показателей развития как отдельного взятого индивида, так и государства в целом. К сожалению, в российском обществе проблема низкого уровня правовой культуры достаточно остро стоит в наши дни, имеются как объективные, так и субъективные причины. В связи с этим, одной из приоритетных задач дальнейшего становления государственно-правового развития должна стать кампания по увеличению темпов качественного развития правовой культуры российского общества. И если эта цель будет достигнута, то Российская Федерация, российское общество выйдет на принципиально новый уровень своего исторического и культурного развития, на основе приращенности правовым ценностям и принципам построения гражданского общества.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Российская газета, 2012, 5 декабря.
2. Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» // Российская газета, 2020, 4 июля.
3. Малько А.В., Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, В.Л. Кулапов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
4. Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, Н.И. Матузов. – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
5. Дроздова, А.М. Значение правовой культуры для процесса формирования профессионального правосознания юриста / А.М. Дроздова // Теория государства и права. – 2020. – № 3. – С. 69–86.

6. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры /С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

7. *Марченко М.Н.* Правовая культура как социологическая категория // Вестник Московского университета. – Серия 11. – Право. – 2013. – № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya>

8. *Милиус А.В.* Понятие и сущность правового нигилизма и правового идеализма в юридической науке // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 175–182.

9. *Попова А. В.* Теория государства и права: учебное пособие / А.В. Попова. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 365 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). ISBN 978-5-16-014069-8 (print) ISBN 978-5-16-106612-6 (online).

10. *Романов Э. В., Лелецкий А.В., Лабунин К.А.* Понятие культуры // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 33 (83). – С. 114–116.

11. *Ручкина Г.Ф., Попова А.В.* Экспертиза правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: проблемы теории и практики // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 33–41 (DOI: 10.31857/S013207690002071-0).

12. *Сальников В.П.* Правовая культура // Общая теория государства и права. Академический курс. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 3. – М.: Инфра-М, 2016. – 527 с.

13. *Чумаков А.Э.* Особенности правовой культуры российского общества // В сб.: Научные исследования как основа инновационного развития общества. – Уфа: Издательство: ООО "ОМЕГА САЙНС", 2019. – С. 112–115.

14. *Шкляр Т. Л., Попова А.В.* Гибридная реальность: психологический и правовой аспект / Т.Л. Шкляр, А.В. Попова // Креативная экономика. – 2018. – Т. 12. – № 9. – С. 1331–1344 (DOI: 10.18334/ce.12.9.39330).

15. Результаты всероссийского исследования правовой грамотности // URL: <http://blog.amulex.ru/pravogramma> (дата обращения 10.07.2020).

16. Арестован Алексей Улюкаев. Обобщение // URL: <https://www.interfax.ru/russia/537038> (дата обращения 10.06.2020).

17. Россия в Индексе восприятия коррупции-2019. // URL: <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html>. (дата обращения 10.07.2020).

18. Полиция задержала замглавы Минобрнауки за хищение // URL: <https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5eff4a2a9a7947427b3784c4> (дата обращения 10.07.2020).

19. Президент Армении подписал закон об изъятии имущества без приговора суда // URL: <https://ria.ru/20200511/1571288122.html> (дата обращения 10.07.2020).

20. Овсянникова уволили из Минпромторга после скандала в аэропорту // URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/04/2020/5e90ae0b9a7947e9d452142d> (дата обращения 04.07.2020).

21. Проект цифровой стратегии Москва Умный город – 2030 URL: https://2030.mos.ru/netcat_files/userfiles/documents_2030/concept.pdf (дата обращения: 18.06.2020)

22. «Мы пошутили»: кто поставил портрет Гитлера на сайте "Бессмертного полка" // URL: <https://ria.ru/20200516/1571557691.html> (дата обращения 10.07.2020).

23. Журналиста Ивана Голунова отпустили из полиции // URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2019/5cffd8339a7947079ddee55> (дата обращения 14.06.2020).

Для цитирования: Устьян Э.А. Проблемы правовой культуры в современном российском обществе // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 138–145.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.030

E.A. Ustyan*

PROBLEMS OF LEGAL CULTURE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. *The author analyzes the very concept of legal culture, the components of legal culture and its main features. Having analyzed the essence of the concept and the main features of legal culture, the author identifies a number of its most important functions. At the same time, the text of the scientific article focuses on the problems of this social and legal phenomenon in modern Russian society. Of the entire spectrum of problems of legal culture in the Russian Federation, the most widespread and essential of them, namely legal nihilism and legal idealism, are revealed in detail.*

The author of the article makes a conclusion about the trend of development of legal culture in Russia.

Keywords: *legal culture, legal nihilism, legal idealism, crisis of legal culture.*

In order to define the concept and content of the definition of "legal culture", one should proceed, first of all, from the concept of culture itself, which translated from the Latin language "cultura" means: "education, processing, cultivation, development" [10, p. 114]. Based on this, it is possible to draw a parallel between culture in a general sense and legal culture, since legal culture also shows the degree of education, development, from the legal side, both of an individual and society as a whole. We can say that legal culture is a kind of reflection of the qualitative state of legal life [3, p. 185]. It improves the legal organization of people's lives.

Due to the fact that in the scientific legal literature, there is no consensus about the unambiguous interpretation of the concept of "legal culture", many authors formulate and interpret it in different ways. One of the clearest formulations is given by S.A. Komarov, believing that legal culture is a set of ideas of a particular community of people about the right, its implementation, about the activities of state bodies, officials [6, p. 416–417]. According to V.P. Salnikov, legal culture is a set of all positive components of legal activity in its real functioning, which embodied the achievements of legal thought, legal technique and practice [12, p. 508]. A. V. Popova notes that "legal culture is understood as the qualitative state of the legal life of society conditioned by all the social, spiritual, political and economic

---

* **Emil A. Ustyan**, student of faculty of law Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: emilustyan@yandex.ru

Scientific adviser – **Anna V. Popova**, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru

system, expressed in the achieved level of development of legal activity, legal acts, legal awareness and, in general, in the level of legal development of the subject (person, various groups, the entire population), as well as the degree of guarantee by the state and civil society of freedoms and human rights" [9, p. 279–280].

Legal culture is a social phenomenon, since it is formed in society, and it cannot be presented in isolation from individuals, it is the result of human interaction. Like any complex social phenomenon [3, p. 185] legal culture has its own structure, which includes the following components.

4. Cognitive (epistemological) component, which "covers" the legal awareness of citizens, knowledge of laws, their education in the field of jurisprudence. To form a legal culture at any level (legal culture of society, legal culture of an individual), a certain set of knowledge in the field of law is required.

5. The value-orientational component, which includes the readiness to comply with and comply with laws, legal values, legal orientations, legal attitudes. In general, it determines the direction of legal activity.

6. The component of the activity, which unites in its content legal activity: the use of one's legal rights, the fulfillment of one's legal obligations, counteraction to those who try to violate their personal or the rights of other people.

N.I. Matuzov believes that the legal culture has the following features: 1) an acceptable level of legal awareness; 2) knowledge of the current laws of the country; 3) observance, execution or use of these laws; 4) conviction of the necessity, usefulness, expediency of laws and other legal acts, internal agreement with them; 5) awareness of their rights and obligations, freedom and responsibility; 6) legal activity, i.e. purposeful initiative activity of the subject to counteract lawlessness, maintain law and order in society. In his opinion, the essence of legal culture is fully reflected by the following formula: to know – to respect – to comply [4, p. 123].

Since the concept of legal culture is quite broad, because of this, difficulties arise with the definition of its most important features. Summarizing the points of view expressed in the scientific literature, we can single out the most essential of them when the legal culture:

1) has an axiological basis, that is, legal values are a kind of basis for legal culture;

2) is unique in nature, when each society, each individual person has its own individual level of legal culture (this level is expressed in knowledge of laws, in understanding laws, in observance of laws, in knowledge of their rights, in knowledge of their legal obligations, etc.).);

3) characterizes the legal aspect of the development of society;

4) depends on the existing state of morality and the moral level of society;

5) acts as one of the main prerequisites for the emergence, functioning and development of civil society and the rule of law;

6) reflects the level of law and order in society;

7) is associated with the qualitative development of the culture of society and the level of its legal education.

Of particular importance for understanding legal culture are its functions, which should include: a) the value function forms the legal values of the individual and society; b) cognitive function, when the individual learns and cognizes the necessary legal norms; c) a regulatory function that ensures the normal existence of society; d) communicative function, which ensures the coordination of personal, group and public interests and creates a dialogue between subjects of law [7, p. 17].

All of the above: structure, features and functions of legal culture, without the slightest doubt the most important foundations of legal culture, the basis of this social phenomenon. In our opinion, the issues of legal education are of particular importance, because the level of legal culture depends on how citizens are aware of their rights, how much they can exercise them. A. M. Drozdova believes that the main goal of legal education is that the legal knowledge and skills acquired by an individual should turn into a personal conviction, into a solid installation to strictly follow legal regulations, and then into an internal need, as well as the habit of observing the law [5, p. 75].

With regard to the Russian legal reality, the issues of the legal culture of the individual and society are of priority, especially today, when the people made a truly historic choice on the issues of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 1993 [2]. Despite the historical path traveled by the multinational people of Russia, despite the geopolitical significance of the Russian Federation and its contribution to world history, world culture, and finally, the world legal system, in our opinion, it is today in Russian society that a certain crisis of legal culture can be observed. Significant number of citizens of the Russian Federation, unfortunately, do not have a sufficient level of legal culture, a sufficient level of legal awareness, even at such a level, to simply protect their rights. This is proved by many statistical studies, for example, according to the results of a study of the legal literacy of the population of the Russian Federation, which was conducted by the National Legal Service Amuleks in conjunction with the analytical center NAFI, the overwhelming majority of the surveyed Russians (74%), whose rights were violated in everyday life, do nothing to protect them [15].

The main and system-forming problem of the legal culture of Russian society is, in our opinion, legal nihilism, the essence of which is the gradual alienation of the individual, in particular, and society, as a whole, from legal values, expressed in the underestimation of law as an important social institution, its ignorance with sides of not only individuals, but also state and public structures [7, p. 13–14]. According to A.V. Malko and V.L. Kulapov, it is necessary to distinguish between passive and active forms of legal nihilism, while the former manifests itself in indifference to law or underestimation of its significance and the role of law in the life of society; and the second poses the greatest threat, expressed in a hostile attitude towards the law. Supporters of active nihilism believe that law is not an institution necessary for society, which only hinders and hinders, therefore it must be eliminated, and also in every possible way promote the exclusiveness of their vision of law and its essence [3, p. 183].

It is impossible not to pay attention to the fact that legal nihilism is present at a certain level in almost every country in the world. One of the main features of countries with a developed legal culture of society is that they have been struggling with this problem for quite some time, and they are struggling quite successfully.

In our opinion, the insufficient level of legal culture, and at the same time a sufficiently high level of legal nihilism, can be associated with the following feature: as a result of the collapse of the Soviet Union, huge changes took place in all spheres of public life, many of which negatively affected not only the material well-being of the citizens of the Russian Federation and citizens of other countries that were formerly part of the USSR, but also, above all, on trust in the state, as a social protector of the interests of its citizens, a stronghold of social justice. In this regard, a large percentage of the population of citizens of our country and citizens of the former republics of the USSR belonging to the older generation cannot fully accept all these cardinal changes, many of them still treat them with great dis-

trust and, first of all, to a large number of legal frameworks, sometimes poorly drafted normative legal acts from the point of view of legal technique, which makes it difficult for the majority of Russians to understand them, which cannot but affect the growth of legal nihilism.

Another important reason for the growth of the level of legal nihilism in the minds of the citizens of the Russian Federation is legal nihilism of the employees and heads of state authorities directly. The essence of this type of nihilism is that officials forget their main goal – to work for the good of Russia, for the good of Russian society in the name of its prosperity. And instead, they start out for the benefit of their personal interests and needs. The consequences of this are: corruption, embezzlement of funds, and abuse of one's authority, bureaucratization, etc. An example of a corruption scandal in recent years is the arrest on November 14, 2016 of the Minister of Economic Development of the Russian Federation A. V. Ulyukayev after receiving a bribe in the amount of two million dollars [16]. It should be noted that according to a study by Transparency International, an international nongovernmental organization that conducts independent studies of the level of corruption in different countries of the world, the main criterion of this study is the CPI – the corruption research index. As of 2019, the Russian Federation, according to a study by Transparency International, ranks 137th in terms of corruption [17]. There was not a day when the media did not mention at least one case related to abuse of authority by employees of state bodies. On July 3, 2020, on suspicion of embezzling 40 million rubles, the deputy head of the Ministry of Education and Science M. B. Lukashevich was arrested [18].

We believe it is necessary, in order to further improve the mechanism of legal regulation against corruption in the Russian Federation, to propose an addition to the Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ "On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income" [1] consisting in: a) expanding the list of persons subject to verification by law enforcement agencies; b) introduction of a clearly defined concept of "close relatives" of suspects into the federal law (parents of suspects, siblings of suspects, half-brothers and sisters of suspects, cousins of suspects, etc.); c) determining their composition to improve the quality of inspections.

It should be noted that on the territory of the post-Soviet space, this practice has become actively used. In some states that were not so long ago republics within the USSR, similar normative legal acts are adopted and are in effect. For example, in the Republic of Armenia on May 11, 2020, the President of the country signed the law "On confiscation of property of illegal origin." The adopted law provides for the possibility of seizing property obtained illegally without a court verdict [19].

A resonance in society is also caused by the fact that many officials are characterized by such behavior, which can in no way be correlated with their positions and titles. A striking example of this is the former deputy head of the Ministry of Industry and Trade Dmitry Ovsyannikov. The deputy minister began to swear and swear at the employees of the Izhevsk airport, refusing to show documents [20]. All these examples contribute to the growth of legal nihilism in society, the level of citizens' distrust of state officials, disbelief in the power of law, in its justice, objectivity and legality. Therefore, first of all, in order to overcome legal nihilism in Russian society, it is necessary to overcome legal nihilism within the state bodies themselves. This task, in part, can be used by the transition to a system of interaction between citizens and the state through artificial intelligence. Thus, in the draft digital strategy Moscow "Smart City – 2030" [21], the goal is "centralized, end-to-end and transparent city management using Artificial Intelligence". Only the future will show whether it will be possible to raise the level of legal culture of Moscow citizens in this way.

Of particular importance are the attempts being made to “erode” the legal culture among the youth as a result of the growth of spontaneous forms of socialization. This phenomenon is by no means harmless and has far-reaching consequences for the development of Russian society. Young people, leaving the sphere of influence of traditional agents of socialization (family and educational institutions), fall under the influence of the mass media, the Internet and peer groups (“equal groups”) [14]. Here an “alternative” picture of the world is formed, which in most cases deforms the consciousness of young people. It is the inability to compete with the spontaneous agents of socialization that forms the problem of deformation of the legal culture of modern youth. As an illustrative example, one can cite the actions of young people who uploaded photographs of Nazi leaders to the website of the Immortal Regiment. On the eve of the great holiday – the 75th anniversary of the end of the Great Patriotic War, there were photographs of Nazi criminals next to our fathers, grandfathers and great-grandfathers. This act cannot be justified. Did our ancestors fight for this? Unfortunately, in the modern world, some have introduced young people, in pursuit of popularity on the Internet, they commit such acts [22], and sometimes even deliberately distort the history of the Second World War, underestimate the role of the Soviet soldier. Such “stuffing” and form an alternative picture of the world.

At the same time, the activity of the criminal world is growing, which has become one of the ideological elements of mass consumer culture. In the youth environment, it is becoming “fashionable” to disdain the laws, break them, “administer” the court with their own hands and show aggression, vindictiveness. Under these conditions, adult society loses control over the process of socialization of young people, their upbringing, and social development. In this regard, the prospects for the formation of legal culture among the majority of modern Russian youth are ambiguous [13, p. 114].

The antipode of legal nihilism is legal idealism, which, along with the latter, is a form of deformation of legal consciousness that affects the public and individual legal culture. The essence of legal idealism lies in the fact that citizens overestimate the role of law and its possibilities, believing that thanks to it it is possible to solve all the problems of society. Also, legal idealism in Russia is characterized by the fact that many citizens overestimate the importance of their individual rights and belittling the need to observe collective rights and legal obligations, that there are only their personal rights [8, p. 179]. In our opinion, one of the most significant reasons for the development of legal idealism is the adoption by legislators of an excessive number of normative legal acts, often incompletely worked out, in fact, do not take into account the limits of legal impact, the implementation mechanism of which is extremely difficult [11, p. 33–41].

When adopting such normative legal acts that are unrealistic for high-quality execution, legislators probably do not take into account the fact that not all social relations can be regulated by the rules of law [5, p. 75–76]. But one cannot fail to mention that even despite the simultaneous spread of legal nihilism and legal idealism, one can notice slow, but extremely important positive trends in Russian society, for example, a tendency to increase the level of influence of civil society among citizens of the Russian Federation. For example, thanks to the active actions and support of civil society, journalist Ivan Golunov was released [23].

In conclusion, I would like to say that the level of legal culture is one of the most accurate and real indicators of the development of both an individual individual and the state as a whole. Unfortunately, in Russian society, the problem of a low level of legal culture is quite acute today, there are both objective and subjective reasons. In this regard, one of the priority tasks of the further formation of state and legal development should be a campaign to increase the rate of qualitative development of the legal culture of Russian society. And if

this goal is achieved, then the Russian Federation, Russian society will reach a fundamentally new level of their historical and cultural development, based on adherence to legal values and principles of building a civil society.

Bibliographic list

1. Federal Law of December 3, 2012 No. 230-FZ "On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income" // Rossiyskaya Gazeta, 2012, December 5.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 03.07.2020 No. 445 "On the official publication of the Constitution of the Russian Federation as amended" // Rossiyskaya Gazeta, 2020, July 4.
3. Malko A.V., Kulapov V.L. Theory of state and law: textbook / A.V. Malko, V.L. Kulapov. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 384 p.
4. Malko A.V., Matuzov N.I. Theory of state and law: textbook / A.V. Malko, N.I. Matuzov. Moscow: Jurist, 2004. 245 p.
5. Drozdova A.M. The value of legal culture for the process of forming a professional legal consciousness of a lawyer // Theory of State and Law. 2020. No. 3. P. 69–86.
6. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for undergraduate and graduate programs / S. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).
7. Marchenko M.N. Legal culture as a sociological category // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2013. No. 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya>
8. Milius A.V. The concept and essence of legal nihilism and legal idealism in legal science // Leningrad legal journal. 2011. No. 2. P. 175–182.
9. Popova, A. V. Theory of state and law: textbook / A.V. Popova. Moscow: INFRA-M, 2018. 365 p. (Higher education: Bachelor's degree).
10. Romanov E. V., Leletskiy A. V., Labunin K. A. The concept of culture // Questions of science and education. 2019. No. 33 (83). P. 114–116.
11. Ruchkina G.F., Popova A.V. Examination of the law-making activity of federal executive bodies of the Russian Federation: problems of theory and practice // State and law. 2018. No. 10. P. 33–41 (DOI: 10.31857 / S013207690002071-0).
12. Salnikov V.P. Legal culture // General theory of state and law. Academic course. / Resp. ed. M.N. Marchenko. T. 3. Moscow: Infra-M, 2016. 527 p.
13. Chumakov A.E. Features of the legal culture of Russian society // In collection: Science-intensive research as the basis of innovative development of society. Ufa: Publisher: OOO OMEGA SIGHTS, 2019. P. 112–115.
14. Shklyar T. L., Popova A. V. Hybrid reality: psychological and legal aspect / T.L. Shklyar, A.V. Popova // Creative Economy. 2018. T. 12. No. 9. P. 1331–1344 (DOI: 10.18334 / ce.12.9.39330).
15. Results of the All-Russian study of legal literacy // URL: <http://blog.amulex.ru/pravogramma> (date of treatment 07/10/2020).
16. Alexey Ulyukaev was arrested. Generalization // URL: <https://www.interfax.ru/russia/537038> (date of treatment 06/10/2020).
17. Russia in the Corruption Perceptions Index-2019. // URL: <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatinya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html>. (date of treatment 07/10/2020).

18. The police detained the deputy head of the Ministry of Education and Science for embezzlement // URL: <https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5eff4a2a9a7947427b> <https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5eff4a2a9a7947427b3784c4> (date of treatment 07/10/2020).

19. The President of Armenia signed the law on the seizure of property without a court verdict // URL: <https://ria.ru/20200511/1571288122.html> (date of treatment 07/10/2020).

20. Ovsyannikov was fired from the Ministry of Industry and Trade after the scandal at the airport // URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/04/2020/5e90ae0b9a7947e9d452142d> (date of appeal 04.07.2020).

21. Draft digital strategy Moscow Smart City – 2030 URL: https://2030.mos.ru/netcat_files/userfiles/documents_2030/concept.pdf (date of access: 18.06.2020)

22. "We were joking": who put the portrait of Hitler on the site of the "Immortal Regiment" // URL: <https://ria.ru/20200516/1571557691.html> (date of access 07/10/2020).

23. Journalist Ivan Golunov was released from the police // URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2019/5cffd8339a7947079ddeb55> (date of treatment 06/14/2020).

For citation: Ustyan E.A. Problems of legal culture in modern Russian society // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 145–151. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.030

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Е.А. Войтович*

УДК 342.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031

ПАРЛАМЕНТ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** Статья раскрывает систему взаимодействия высших органов государственной власти в Австралийском Союзе и их влияние друг на друга. Автор анализирует основы конституционно-правового регулирования взаимоотношений Парламента и Генерал-губернатора как представителя Королевы и как главы исполнительной власти. Автором освещается вопрос влияния Парламента на судебную ветвь власти. В работе затрагиваются вопросы взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти.*

***Ключевые слова:** Австралийский Союз, Австралия, Сенат, Парламент Австралийского Союза, Конституция Австралии, Генерал-губернатор, Правительство Австралийского Союза, исполнительная власть.*

Введение. Формирование теории разделения властей пришлось на период революций XVIII века в Англии и Франции и произошло это благодаря трудам мыслителей Нового времени Джона Локка, Шарля Луи Монтескье. Ими был заложен теоретический фундамент принципа, который нашел свое отражение в конституциях США и Франции. В течение XIX – XX веков теория разделения властей завоевывала все более широкие позиции, со временем трансформировавшись в один из основополагающих принципов конституционного строя демократических государств, который означает, исключение монополизации государственной власти, либо сосредоточение ее «в одних руках». Система сдержек и противовесов позволяет не допустить концентрацию власти в одних руках, что соответствует принципам демократии. Независимость трех ветвей власти не означает полной их изоляции друг от друга, а напротив предполагает тесное взаимодействие всех органов государственной власти [8, с. 74–77].

Теория разделения властей возникает и начинает материализовываться лишь на той стадии развития общества и государства, когда созревают все необходимые предпосылки для активного участия широких слоев общества в социально-политической жизни и политических процессах страны; среди интеллектуальных слоев общества идет усиленный поиск путей и средств создания надежных гарантий прав и свобод подданных или граждан; предпринимаются попытки ограждения их, а вместе с ними всего общества и государства от возможной узурпации всей госу-

---

* **Войтович Елена Андреевна**, преподаватель кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. E-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

дарственной власти со стороны, как отдельных лиц, так и отдельных органов государства [4, с. 363].

Материалы и методы. При написании статьи были использованы работы австралийских ученых в области конституционного права, а также ряд нормативно-правовых актов, регулирующих рассматриваемые в статье вопросы. Методологическую основу исследования составили общенаучные, общелогические и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил обеспечить объективность и полноту исследуемых явлений, были использованы общенаучные методы (системный, структурно-функциональный, конкретно-исторический, сравнительно-правовой), общие методы теоретического анализа (анализ, обобщение, сравнение, абстракция, аналогия, моделирование и т. д.) и методы частной науки (сравнительное право, технико-правовой анализ, конкретизация, интерпретация и т. д.) [2, с. 32–40].

Исследование. Конституция Австралии устанавливает классическое разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. И хотя прямое указание на такое разделение отсутствует, такой вывод можно сделать, основываясь на структуре Конституции [3, с. 69–82].

В соответствии с первой главой Конституции – законодательная власть в Союзе принадлежит федеральному Парламенту [9]. Исполнительная власть в соответствии со второй главой Конституции, принадлежит Монарху Великобритании, Королеве Елизавете II, а осуществляется – Генерал-губернатором [1, с. 63–81]. В связи с невозможностью постоянного присутствия на территории государства и невозможности участия в повседневной деятельности страны монарх назначает Генерал-губернатора, являющегося представителем Короны в Австралии. Такое положение закреплено во второй статье Конституции Австралийского Союза. Назначение Генерал-губернатора производится Королевой по рекомендации Премьер-министра. Генерал-губернатор назначает членов Федерального Исполнительного совета, являющегося консультационным органом. В третьей главе «Судебная власть» ведущая роль отводится Верховному суду Австралийского Союза.

Парламент Австралийского Союза занимает центральное место в системе высших органов власти Союза. На основании первой статьи Конституции Парламент состоит из Королевы и двух палат, Сената и Палаты представителей.

Палата представителей состоит из ста пятидесяти одного члена (по состоянию на 2019 год), избираемых на срок не более трех лет с момента первого заседания Палаты, по мажоритарной системе абсолютного большинства с преференциальным голосованием.

Сенат состоит из семидесяти шести сенаторов, избираемых вне зависимости от количества населения штатов, по двенадцать – от каждого из шести штатов и по два – от каждой материковой территории, по пропорциональной избирательной системе с единственным передаваемым голосом. Сенаторы от штатов избираются сроком на шесть лет, при этом ротация происходит каждые три года. Четыре сенатора, которые представляют Австралийскую столичную и Северную территории избираются сроком на три года [10].

Законотворческая функция Парламента реализуется им в рамках законодательной процедуры, в которую вовлечены как все члены Парламента, члены Правительства, так и Генерал-губернатор на основании конституционных норм и Регламентов палат.

Полномочия Генерал-губернатора урегулированы ст. 56 Конституции где закреплено, что голосование по законопроекту, принятие или выдвижение законопроекта по вопросам ассигнования доходов или денежных средств не производится, если цель, для которой выделяются средства, не была одобрена Генерал-губернатором на текущей сессии в палате, где было выдвинуто такое предложение. В соответствии со ст. 58 Конституции после того как законопроект был принят обеими Палатами Парламента Генерал-губернатор утверждает законопроект либо вносит поправки. Здесь необходимо отметить, что поскольку Генерал-губернатор действует по рекомендации Федерального исполнительного Совета, членами которого на основании шестьдесят второй статьи Конституции являются назначаемые Генерал-губернатором министры, которые в свою очередь на основании шестьдесят четвертой статьи Конституции обязаны быть сенаторами или членами Палаты представителей, то можно сказать, что поправки, предлагаемые Генерал-губернатором фактически вносятся исполнительной властью.

Еще одно полномочие Генерал-губернатора в отношении законодательного процесса закреплено в сто двадцать восьмой статье Конституции, предусматривающей право Генерал-губернатора вынести на всенародное голосование законопроект об изменении Конституции в случаях, когда одна из Палат Парламента не согласовала такое изменение.

При разрешении законодательных конфликтов между палатами Парламента Генерал-губернатор на основании пятьдесят седьмой статьи Конституции вправе осуществить единовременный роспуск обеих палат Парламента и назначить новые выборы, после чего – созвать совместное совещание обеих палат вновь избранного Парламента для окончательного урегулирования законодательного конфликта.

Кроме полномочий прямо или косвенно, связанных с законодательным процессом у Генерал-губернатора существует еще ряд полномочий в отношении Парламента Австралийского Союза. Так в соответствии с пятой статьей Конституции по своему усмотрению вправе определять сроки проведения сессий Парламента, объявлять перерыв в работе Парламента, а также распустить Палату представителей. В соответствии с тридцать второй статьей Конституции назначает всеобщие выборы, а на основании сорок второй статьи Конституции Генерал-губернатор лично или, уполномочив какое-либо лицо, принимает присягу каждого вновь избранного парламентария.

Президент Сената на основании семнадцатой статьи Конституции обязан письменно уведомить Генерал-губернатора о своей отставке. В случае отсутствия Президента Сената в пределах Союза, сенаторы письменно уведомляют об отставке Генерал-губернатора. Также в случае отсутствия Президента Сената и возникновении случайной вакансии в этот период в соответствии с двадцать первой статьей Конституции Генерал-губернатор уведомляет губернатора соответствующего штата о возникновении такой вакансии. При возникновении случайной вакансии в Палате представителей и отсутствии Спикера в этот период времени на основании тридцать третьей статьи Конституции назначает дополнительные выборы в Палату представителей.

Представительная функция Парламента реализуется обеими палатами, каждая из которых формируется выборным путем. Однако при этом, избирательные системы для каждой из палат различны, и использование пропорциональной избирательной системы для выборов в Сенат позволяет более точно отражать предпочте-

ния населения штатов, в отличие от Палаты представителей, формируемой на основе мажоритарной избирательной системы [5, с. 165].

Формирование Правительства в Австралийском Союзе осуществляется исключительно одной палатой – Палатой представителей. Необходимо отметить отсутствие конституционно закрепленных норм, которые бы регулировали порядок формирования Правительства Австралийского Союза. В таком вопросе Австралия опирается на Вестминстерские традиции и по аналогии с Великобританией формирование Правительства осуществляется на основе конституционных обычаев. Единственная конституционная норма, отражающая взаимосвязь Парламента и Правительства – это обязанность министров быть членами Парламента, установленная в ст. 64 Конституции Австралии.

Политическая партия, которая получает большинство на выборах в нижнюю палату, формирует Правительство. Поскольку количество депутатов составляет сто пятьдесят один члена палаты Представителей, соответственно партия, которая будет формировать Правительство должна получить как минимум семьдесят шесть мест. На выборах 2019 года Либерально-национальная коалиция получила 77 голосов и соответственно сформировала Правительство. Самая многочисленная партия Либерально-национальной коалиции – Либеральная партия Австралии, лидер которой Скотт Моррисон был назначен Премьер-министром. Заместителем Премьер-министра стал лидер второй по величине партии в коалиции – Национальной партии Австралии – Майкл Маккормак.

Палата Представителей, наделенная контрольными полномочиями, вправе вынести резолюцию порицания или объявить вотум недоверия, после чего Правительство уходит в отставку. То есть, Правительство осуществляет деятельность до тех пор, пока сохраняет поддержку большинства Палаты представителей. У Сената такие полномочия отсутствуют. Но также можно сказать, что и Правительство обладает существенным влиянием на Палату представителей, поскольку большинство Палаты представителей и Правительство это одна и та же политическая партия, которая при строгой партийной дисциплине поддерживает инициативы исполнительной власти. При этом, необходимо отметить, что правом законодательной инициативы в основном пользуются члены Правительства, и именно Правительство чаще всего выступает инициатором новых законопроектов.

В отличие от Палаты представителей Сенат наделен более широкими контрольными полномочиями в отношении исполнительной власти, реализуемыми специальными комитетами. О чем говорит, например, наличие в Сенате комитета, контролирующего делегированное законодательство, единственного в Парламенте Австралийского Союза, обладающего такими эксклюзивными полномочиями. Существенное значение имеет и полномочие блокировать законопроекты, инициированные в нижней палате, в том числе финансовые и бюджетные.

Взаимоотношения с судебной властью Парламента на основании семьдесят первой статьи Конституции выражаются в праве Парламента принимать соответствующее законодательство о создании судов и наделении их федеральной юрисдикцией. Так в 1903 году Парламентом был принят Закон о судебной власти 1903 года [11], в котором была закреплена юрисдикция и полномочия Высокого суда. В 1976 году был учрежден новый суд на основании Закона о Федеральном суде Австралии [12]. В 1975 году был учрежден Семейный суд [13], а затем был принят Закон о Федеральном окружном суде Австралии 1999 года [14]. Однако назначения су-

дей производится Генерал-губернатором, и только при наличии существенных оснований

в процедуре освобождения от должности судей принимает участие Парламент (обе палаты).

Результаты исследования. Автором проанализированы конституционно-правовые нормы, закрепляющие систему сдержек и противовесов в Австралийском Союзе. Рассмотрены особенности взаимодействия главы государства и главы исполнительной власти Австралийского Союза – Генерал-губернатора с Парламентом. Раскрыты положения Конституции о взаимодействии Парламента и судебной власти.

Автором доказана центральная роль Парламента в системе высших органов власти Австралийского Союза. Раскрыты системы взаимодействия Парламента и других ветвей власти, а также влияние главы государства и исполнительной ветви власти на Парламент. В этой связи автор выделил две основные группы полномочий Генерал-губернатора, которые могут быть разделены на две группы: королевские прерогативы и полномочия, установленные Конституцией Австралийского Союза.

Заключение. Парламент Австралийского Союза занимает центральное место в системе высших органов государственной власти. Однако, необходимо отметить, что полномочия Парламента в отношении судебной власти не являются значительными. Взаимоотношения Парламента и судебной ветви власти заключаются в праве Парламента создавать федеральные суды, определять из полномочия и юрисдикцию. Тогда как назначение судей на основании семьдесят второй статьи Конституции происходит без участия Парламента, а вот прекращение возможно только по ходатайству обеих палат Парламента при наличии на то оснований.

Наоборот, в области контрольных полномочий Парламент обладает широкой компетенцией. В данном вопросе необходимо отметить сильную позицию – Сената, наделенного существенными контрольными и оценочными полномочиями в отношении деятельности органов исполнительной власти.

У Генерал-губернатора в отношении Парламента есть ряд полномочий, которые он осуществляет как глава государства, и как глава исполнительной ветви власти, так как за Генерал-губернатором сохраняются полномочия, являющиеся королевскими прерогативами. И поскольку ни должность Премьер-министра, ни процедура формирования Правительства формально в Конституции не закреплены, а осуществляются с помощью конституционных обычаев, фактически Премьер-министром производится формирование Правительства и назначение министров, которые входят и в Федеральный Исполнительный Совет, по рекомендации которых и действует Генерал-губернатор. Таким образом, Генерал-губернатор взаимодействует с Парламентом как глава государства и как глава исполнительной власти.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей Liber amicorum в честь д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права; [науч. ред. И.А.Ракитская]. – М.: МГИМО-Университет, 2018.

2. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

3. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – 4-е изд., переаб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
4. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
5. Современное зарубежное избирательное право : монография / под ред. А.Г. Орлова, Е.А. Кремянской; МГИМО (У) МИД России, каф. конституционного права. – М.: МГИМО-Университет, 2013.
6. *Хабриева, Т. Я.* Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2019.
7. *Чиркин, В. Е.* Верхняя палата современного парламента: сравнительно-правовое исследование / В.Е. Чиркин. – Москва: НОРМА, 2009.
8. *Чиркин, В.Е.* Законодательная власть: монография / В. Е. Чиркин. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020.
9. Commonwealth of Australia Constitution Act. An Act to constitute the Commonwealth of Australia. 1900 [Electronic resource] / The Museum of Australian Democracy at Old Parliament House – Mode of access: http://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/cth1_doc_1900.pdf.
10. Parliament of Australia. [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.aph.gov.au>.
11. Judiciary Act 1903 Act No. 6 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012C00176>.
12. Federal Court of Australia Act 1976 No. 156 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342>
13. Family Law Act 1975 No. 53 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C-00182>.
14. Federal Circuit Court of Australia Act 1999 No. 193 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00370>.

Для цитирования: *Войтович Е.А.* Парламент Австралийского Союза в системе высших органов государственной власти // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 152–157. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031

Elena A. Voytovich*

The Parliament of the Australian Commonwealth in the system the highest organs of state power

Annotation. *The article is devoted to the system of interaction of the highest organs of state power of the Australian Commonwealth and their influence on each other. The author analyses the foundations of the constitutional and legal regulation of the relations between the Parliament and the Governor-General as a representative of the Queen and as the Chief Executive. The author covers the question of the influence of Parliament on the judicial branch of government. Issues of interaction between executive and legislative authorities are touched upon in the work.*

---

* **Voytovich Elena Andreevna**, Lecturer of the Department of Constitutional Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

Keywords: *Commonwealth of Australia, Australia, The Senate, The Parliament of the Commonwealth, Governor-General of Australia, Constitution of Commonwealth of Australia, representative democracy.*

Introduction.

The formation of the theory of the separation of powers fell on the period of the revolutions of the 18th century in England and France and this happened thanks to the works of modern thinkers John Locke and Charles Louis Montesquieu. They laid the theoretical foundation of the principle, which is reflected in the constitutions of the United States and France. During the 19th – 20th centuries, the theory of the separation of powers gained more and more broad positions, eventually transforming into one of the fundamental principles of the constitutional system of democratic states, which means the exclusion of monopolization of state power, or its concentration “in one hands”. The system of checks and balances makes it possible to prevent the concentration of power in one hand, which is consistent with the principles of democracy. The independence of the three branches of government does not mean their complete isolation from each other, but, on the contrary, presupposes close interaction of all government bodies [8, p. 74–77].

The theory of the separation of powers appears and begins to materialize only at that stage of development of society and the state when all the necessary prerequisites for the active participation of broad strata of society in the socio-political life and political processes of the country are ripe; among the intellectual strata of society there is an intensified search for ways and means of creating reliable guarantees of the rights and freedoms of subjects or citizens; attempts are being made to protect them, and together with them the entire society and the state from the possible usurpation of all state power by both individuals and individual state bodies [4, p. 363].

Materials and methods.

When writing the article, the works of Australian scientists in the field of constitutional law were used, as well as a number of regulatory legal acts regulating the issues considered in the article. The methodological basis of the study was formed by general scientific, general logical and specific scientific methods of cognition. The dialectical method made it possible to ensure the objectivity and completeness of the phenomena under study, general scientific methods (systemic, structural-functional, specific historical, comparative legal), general methods of theoretical analysis (analysis, generalization, generalization, comparison, abstraction, analogy, modeling, etc.) were used and methods of private science (comparative law, technical and legal analysis, concretization, interpretation, etc.) [2, p. 32–40].

Study.

The Australian Constitution establishes the classic division of power into three branches: legislative, executive and judicial. And although there is no direct indication of such a division, such a conclusion can be made based on the structure of the Constitution [3, p. 69–82].

In accordance with the first chapter of the Constitution, the legislative power in the Union belongs to the federal Parliament [9]. Executive power, in accordance with the second chapter of the Constitution, belongs to the Monarch of Great Britain, Queen Elizabeth II, and is exercised by the Governor-General [1, p. 63–81]. Due to the impossibility of a permanent presence on the territory of the state and the impossibility of participating in the daily activities of the country, the monarch appoints a Governor-General who is the representative of the Crown in Australia. This provision is enshrined in the second article of the Australian Constitution. The appointment of the Governor General is made by the

Theory of State and Law

Queen on the recommendation of the Prime Minister. The Governor General appoints the members of the Federal Executive Council, which is the advisory body. The third chapter, "The Judiciary," takes the lead in the Supreme Court of the Commonwealth of Australia.

The Parliament of the Commonwealth of Australia is central to the Union's highest government system. According to the first article of the Constitution, Parliament consists of the Queen and two chambers, the Senate and the House of Representatives.

The House of Representatives consists of one hundred and fifty-one members (as of 2019), elected for a term of no more than three years from the date of the first meeting of the House, by a majoritarian system of absolute majority with preferential voting.

The Senate consists of seventy-six senators, elected regardless of state population, twelve from each of the six states and two from each mainland, in a proportional electoral system with a single transferable vote. State Senators are elected for a six-year term, with rotation every three years. The four senators who represent the Australian Capital and Northern Territories are elected for a term of three years [10].

The legislative function of the Parliament is implemented by it within the framework of the legislative procedure, which involves both all members of Parliament, members of the Government, and the Governor-General on the basis of constitutional norms and the Rules of the Chambers.

The powers of the Governor-General are regulated by Art. 56 of the Constitution, which stipulates that voting on a bill, the adoption or nomination of a bill on the allocation of income or funds shall not be made if the purpose for which the funds are allocated was not approved by the Governor General at the current session in the House where such a proposal was made. In accordance with Art. 58 of the Constitution, after a bill has been passed by both Houses of Parliament, the Governor-General approve the bill or amend it. It should be noted here that since the Governor-General acts on the recommendation of the Federal Executive Council, whose members, on the basis of the sixty-second article of the Constitution, are ministers appointed by the Governor-General, who, in turn, on the basis of the sixty-fourth article of the Constitution are obliged to be senators or members of the House of Representatives, then it can be said that the amendments proposed by the Governor-General are actually made by the executive branch.

Another power of the Governor-General in relation to the legislative process is enshrined in article one hundred and twenty-eighth of the Constitution, which provides for the right of the Governors General to put to a popular vote a bill to amend the Constitution in cases where one of the Houses of Parliament has not agreed on such a change.

When resolving legislative conflicts between the chambers of Parliament, the Governor-General, on the basis of the fifty-seventh article of the Constitution, has the right to carry out a one-time dissolution of both chambers of Parliament and call new elections, after which – to convene a joint meeting of both chambers of the newly elected Parliament for the final settlement of the legislative conflict.

In addition to the powers directly or indirectly related to the legislative process, the Governor General has a number of other powers over the Parliament of the Commonwealth of Australia. Thus, in accordance with the fifth article of the Constitution, at its discretion, it has the right to determine the timing of sessions of the Parliament, to announce a break in the work of Parliament, and also to dissolve the House of Representatives. In accordance with the thirty-second article of the Constitution, he calls general elections, and on the basis of the forty-second article of the Constitution, the Governor-General, personally or by authorizing a person, takes the oath of every newly elected parliamentarian.

The President of the Senate, on the basis of the seventeenth article of the Constitution, is obliged to notify the Governor-General of his resignation in writing. In the absence of the President of the Senate within the Union, the senators shall notify in writing of the resignation of the Governor-General. Also, in the absence of the President of the Senate and the occurrence of an accidental vacancy during this period, in accordance with the twenty-first article of the Constitution, the Governor-General shall notify the Governor of the relevant state of the occurrence of such a vacancy. In the event of an accidental vacancy in the House of Representatives and the absence of the Speaker during this period of time, on the basis of the thirty-third article of the Constitution, appoint additional elections to the House of Representatives.

The representative function of the Parliament is carried out by both chambers, each of which is formed by elections. However, at the same time, the electoral systems for each of the chambers are different, and the use of a proportional electoral system for elections to the Senate makes it possible to more accurately reflect the preferences of the population of the states, in contrast to the House of Representatives, which is formed on the basis of the majority electoral system [5, p. 165].

The formation of the Government in the Australian Union is carried out exclusively by one house – the House of Representatives. It should be noted that there are no constitutionally enshrined norms that would regulate the formation of the Australian Government. In this matter, Australia relies on the Westminster traditions and, by analogy with Great Britain, the formation of the Government is carried out on the basis of constitutional customs. The only constitutional provision that reflects the relationship between Parliament and Government is the duty of ministers to be members of Parliament, established in article sixty four of the Australian Constitution.

The political party that wins the majority in the elections to the lower house forms the Government. Since the number of deputies is one hundred and fifty-one members of the House of Representatives, respectively, the party that will form the Government should receive at least seventy-six seats. In the 2019 elections, the National Liberal Coalition received seventy-seven votes and formed a government accordingly. The largest party in the Liberal-National Coalition is the Liberal Party of Australia, whose leader Scott Morrison was named Prime Minister. The leader of the second largest party in the coalition, the National Party of Australia, Michael McCormack, became Deputy Prime Minister.

The House of Representatives, vested with supervisory powers, has the power to issue a resolution of censure or a vote of no confidence, after which the Government resigns. That is, the Government operates as long as it retains the support of the majority of the House of Representatives. The Senate does not have such powers. But it can also be said that the Government has significant influence over the House of Representatives, since the majority of the House of Representatives and the Government are one and the same political party, which, with strict party discipline, supports the initiatives of the executive branch. At the same time, it should be noted that the right of legislative initiative is mainly enjoyed by members of the Government, and it is the Government that most often initiates new bills.

In contrast to the House of Representatives, the Senate is endowed with broader control powers over the executive, exercised by special committees. This is evidenced, for example, by the presence in the Senate of a committee overseeing delegated legislation, the only one in the Australian Parliament that has such exclusive powers. The power to block bills initiated in the lower house, including financial and budgetary ones, is also essential.

Theory of State and Law

The relationship with the judiciary of the Parliament on the basis of Art. 71 of the Constitution are expressed in the right of Parliament to pass appropriate legislation on the creation of courts and vesting them with federal jurisdiction. So, in 1903, the Parliament adopted the Law on Judicial Power of 1903 [11], which established the jurisdiction and powers of the High Court. In 1976, a new court was established under the Australian Federal Court Act [12]. The Family Court was established in 1975 [13] and then the Australian Federal District Court Act 1999 [14] was passed. However, the appointment of judges is made by the Governor-General, and only if there are substantial grounds, Parliament (both chambers) participates in the procedure for dismissing judges.

Research results.

The author has analyzed the constitutional and legal norms that secure the system of checks and balances in the Australian Union. The features of interaction between the head of state and the head of the executive branch of the Australian Union – the Governor-General with the Parliament are considered. The provisions of the Constitution on the interaction of the Parliament and the judiciary are revealed.

The author has proved the central role of Parliament in the system of the highest authorities of the Australian Union. The systems of interaction between the Parliament and other branches of government, as well as the influence of the head of state and the executive branch of government on the Parliament are revealed. In this regard, the author has identified two main groups of powers of the Governor-General, which can be divided into two groups: royal prerogatives and powers established by the Constitution of the Commonwealth of Australia.

Conclusion.

The Parliament of the Commonwealth of Australia is central to the highest government system. However, it should be noted that the powers of Parliament in relation to the judiciary are not significant. The relationship between Parliament and the judiciary lies in the right of Parliament to create federal courts, to determine from the powers and jurisdiction. Whereas the appointment of judges on the basis of the seventy-second article of the Constitution occurs without the participation of Parliament, but termination is possible only at the request of both chambers of Parliament, if there are grounds for that.

On the contrary, the Parliament has broad competence in the area of control powers. In this issue, it is necessary to note the strong position of the Senate, which is endowed with significant control and evaluation powers in relation to the activities of executive authorities.

The Governor-General has a number of powers with respect to Parliament, which he exercises both as head of state and as head of the executive branch of government, since the Governor-General retains powers that are royal prerogatives. And since neither the position of the Prime Minister, nor the procedure for forming the Government is formally enshrined in the Constitution, but is carried out with the help of constitutional customs, in fact, the Prime Minister forms the Government and appoints ministers who are also part of the Federal Executive Council, on whose recommendation the General acts – the governor. So, the Governor-General interacts with Parliament as head of state and as head of the executive branch.

Bibliographic list

1. Topical issues of constitutional law: collection of articles. scientific. articles Liber amicorum in honor of Doctor of Law, prof. Yu.I. Leibo / Moskow state insitute international relations (university) Ministry foreign cases Russian Federation, department of constitutional law; [scientific. ed. IA Rakitskaya]. Moscow: MGIMO-University, 2018.

2. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for undergraduate and graduate programs / S.A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 504 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).
3. Constitutional law of foreign countries: textbook / under total ed. M.V. Baglay, Yu.I. Leibo, L.M. Entin. 4th ed., Rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016.
4. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Moscow: TK Welby, Publishing house Prospect, 2004.
5. Modern foreign electoral law: monograph / ed. A.G. Orlova, E.A. Kremyanskaya; MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia, dept. constitutional law. Moscow: MGIMO-University, 2013.
6. Khabrieva, T. Ya. Theory of modern constitution / T. Ya. Khabrieva, VE Chirkin. Moscow: Norma, 2019.
7. Chirkin, V. Ye. The upper chamber of the modern parliament: a comparative legal study / V.E. Chirkin. Moscow: NORMA, 2009.
8. Chirkin, V.E. Legislative power: monograph / V.E. Chirkin. Moscow: Norm: INFRA-M, 2020.
9. Commonwealth of Australia Constitution Act. An Act to constitute the Commonwealth of Australia. 1900 [Electronic resource] / The Museum of Australian Democracy at Old Parliament House. Mode of access: http://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/cth1_doc_1900.pdf.
10. Parliament of Australia. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.aph.gov.au>.
11. Judiciary Act 1903 Act No. 6 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012C00176>
12. Federal Court of Australia Act 1976 No. 156 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342>
13. Family Law Act 1975 No. 53 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C00182>.
14. Federal Circuit Court of Australia Act 1999 No. 193 // <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00370>.

For citation: Voitovich E.A. Parliament of the Australian Union in the system of supreme government bodies // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (00). P. 157–162.

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КАК ГАРАНТИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье с приведением примеров из судебной практики доказывается тезис о том, что квалифицированная юридическая помощь является гарантией эффективной судебной защиты в области социального обеспечения граждан. Предложено авторское определение понятия «квалифицированная юридическая помощь», приводятся аргументы в пользу повышения финансовой заинтересованности адвокатов при оказании бесплатной юридической помощи, предлагаются пути оптимизации социально-обеспечительного законодательства РФ.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, судебная практика, дефекты правового регулирования социально-обеспечительного законодательства, адвокат.

Согласно ст. 8 Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.) каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1996 г.) устанавливает в ст. 2, что каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными, законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства.

Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь в России является необходимой гарантией судебной защиты.

В силу положений ст. 48 Конституции РФ юридическая помощь в случаях, предусмотренных законом, оказывается бесплатно и должна быть квалифицированной [22, ст. 48]. Ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о бесплатной юридической помощи) определяет категории граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и случаи оказания такой помощи. Бесплатная юридическая помощь представляет собою разновидность социальных услуг, предоставляемых населению в соответствии с законодательством РФ о социальном обслуживании граждан, среди которых инвалиды I и II групп, дети-инвалиды, дети-сироты, ветераны и другие категории граждан, нуждающихся в социальной защите со стороны государства.

---

* Гусев Алексей Юрьевич, преподаватель Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин Института права Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Москва), кандидат юридических наук, федеральный судья. E-mail: judgegusev@mail.ru.

Государственные юридические бюро и адвокаты, являющиеся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, представляют в судах, государственных и муниципальных органах, организациях интересы граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках этой системы. При этом юридические услуги, оказанные в таких случаях адвокатами, оплачиваются за счет государства (ст. 21 Закона о бесплатной юридической помощи).

Вместе с тем, исходя из положений п. 10 ст. 18 данного Закона, размер и порядок оплаты труда адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсации их расходов на оказание такой помощи, определяются субъектами РФ.

Например, в соответствии с постановлением Правительства Ярославской области от 26 декабря 2012 г. №1518-п «О бесплатной юридической помощи в Ярославской области» [2] размер оплаты труда адвокатов, оказывающих правовое консультирование в устной форме, составляет 300 руб., правовое консультирование в письменной форме – 500 руб., составление жалоб – 900 руб., представление интересов граждан в государственных или муниципальных органах за один день участия – 500 руб., представление интересов в суде за один день участия – 1250 руб.

Аналогичные размеры оплаты труда адвоката при оказании бесплатной юридической помощи имеют место и в других субъектах РФ [3].

Такие размеры оплаты значительно ниже рыночных, что, к сожалению, отражается на заинтересованности профессиональных юристов оказывать такую помощь на высоком профессиональном уровне.

Еще в 2015 г. Морщакова Т. Г. указывала на необходимость внесения изменений в правовое регулирование оплаты труда адвокатов в случаях оказания бесплатной юридической помощи, увеличение ее размера, субсидирование со стороны государства [4, с. 60–72]. Несмотря на то, что прошло более пяти лет, такое предложение является актуальным и сейчас.

В 2020 г. претензии к качеству оказываемых адвокатами услуг имелись у Счетной Палаты РФ. Так, аудиторы поставили под сомнение качество юридической помощи, оказываемой защитниками по назначению, аргументировав свою позицию в опубликованном докладе [5].

В качестве устранения выявленных проблем ведомство предложило, в частности, законодательно закрепить понятие «квалифицированная юридическая помощь», разработать обязательные для всех адвокатов стандарты оказания такой помощи. В связи с последним представители Федеральной палаты адвокатов РФ обоснованно возразили, что в действующем российском законодательстве закреплен механизм оценки надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей, который обеспечивает соблюдение необходимого баланса конституционно значимых ценностей и отвечает конституционным и международно-правовым стандартам справедливого правосудия. При этом инструменты такой оценки в силу специфики деятельности, не могут быть строго формализованы и реализуются через профессиональное экспертное мнение квалификационной комиссии адвокатской палаты [6].

Адвокаты профессионально независимы при оказании юридической помощи от органов государственной власти, а принятие адвокатом порученной ему юридической работы означает необходимость выполнения ее квалифицированно и добросовестно [7].

Несмотря на аргументированные возражения российских адвокатов проблемы, на которые указали аудиторы Счетной Палаты РФ, имеют место, свидетельством чему может быть переговорный процесс о повышении ставок оплаты труда адвокатам в Нижегородской области в 2019 г.

Адвокаты, не удовлетворенные размером государственной субсидии на оплату их труда, отказывались в 2020 г. подавать заявления об участии в системе бесплатной юридической помощи. В предложенных условиях Совет Палаты адвокатов Нижегородской области не рекомендовал президенту палаты подписывать соглашение на будущий год [8]. Взаимные переговоры органов государственной власти Нижегородской области и Палаты адвокатов Нижегородской области в итоге завершились принятием 9 января 2020 г. постановления № 7 Правительства Нижегородской области [9], которым были установлены повышенные тарифные ставки за услуги, оказанные адвокатами в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи. Так, размер платы труда адвокатов, оказывающих правовое консультирование в устной форме, вырос до 675 руб., правовое консультирование в письменной форме – 1050 руб., составление запросов, справок, ходатайств – 1050 руб., представление интересов в суде первой инстанции за один день участия – 1950 руб., в судах апелляционной и кассационной инстанции – 1500 руб.

Тезис о том, что квалифицированная юридическая помощь является гарантией эффективной судебной защиты, находит практическое подтверждение в отдельных судебных постановлениях. Грамотно составленное с правовой точки зрения обращение в суд о признании либо восстановлении нарушенного права гражданина в области социального обеспечения и профессионально подготовленная правовая позиция в суде позволяют восстановить такое право.

Так, истец О., проживающая в Республике Хакасия, оказавшись в трудной жизненной ситуации, обратилась в юридическую консультацию с просьбой помочь ей защитить право на пенсионное обеспечение. Право граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи закреплено в п. 6 ст. 3 Закона Республики Хакасия от 5 октября 2012 г. № 82-ЗРХ «Об оказании бесплатной юридической помощи в Республике Хакасия» [10].

По правилам п. 9 ч. 1 ст. 7 данного Закона государственные юридические бюро и адвокаты, являющиеся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, осуществляют правовое консультирование в устной и письменной формах граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи. Для них составляются заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера в случае назначения, перерасчета и взыскания трудовых пенсий по старости.

Адвокатом П. истцу на высоком профессиональном уровне была оказана бесплатная юридическая помощь в виде составления искового заявления, участия адвоката в судебных заседаниях. Итогом стало решение Абаканского городского суда, которым иск О. к Государственному учреждению – управлению пенсионного фонда РФ в г. Абакане был удовлетворен, ответчик был обязан включить спорные периоды работы истца в специальный и общий трудовой стаж, заявителю назначено требуемое пенсионное обеспечение. Судебным постановлением взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя [11].

Квалифицированно оказанная юридическая помощь позволила признать право на получение досрочной пенсии по старости работнику, которому территориальным органом Пенсионного фонда РФ было отказано в социальном обеспечении, несмотря на представление работником сведений, что он длительное время осуществлял трудовую деятельность во вредных условиях труда.

Адвокат, к которому обратился истец С., профессионально подготовил исковое заявление и обосновал правовую позицию в суде. Решением пенсионного органа истцу С. было отказано в назначении пенсионного обеспечения, период его работы с 17 мая 2012 г. по 27 ноября 2018 г. на предприятии, осуществлявшем химическое производство, не был включен в его специальный страховой стаж.

В данный период истец С. работал на этом предприятии в должности аппаратчика синтеза. Однако работодатель, не подтвердил факт его работы в особо вредных условиях труда, уплата повышенных страховых взносов за работников, работающих в особых условиях, не производилась, не была проведена и специальная оценка условий труда.

Адвокат, оказывая правовую помощь, привел доводы о том, что в силу закона и, учитывая заключение представленной в суд государственной экспертизы условий труда, должность С. относится к Списку № 1, утвержденному постановлением Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10 «Об утверждении Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение» [12], в связи с чем идентификация потенциально вредных и (или) опасных производственных факторов с целью установления класса условий труда не должна проводиться в отношении указанной должности.

В силу ст. 8 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» [13] обязанность по предоставлению сведений в Пенсионный фонд РФ лежит на работодателе.

Неисполнение же работодателем обязанности по предоставлению сведений в уполномоченные органы Пенсионного фонда РФ по уплате страховых взносов по соответствующим тарифам по оценке условий труда не должно ущемлять конституционное право истца на пенсионное обеспечение, ставить его в неравное положение с иными лицами, обладающими аналогичными правами, и иметь неблагоприятные последствия для заявителя при реализации права на пенсию [14].

Итогом квалифицированно оказанной юридической помощи явилось то, что право гражданина на социальное обеспечение было защищено судом. Так, решением Гаврилов-Ямского районного суда Ярославской области от 17 января 2020 г. Государственное учреждение – Управление Пенсионного фонда РФ в г. Ростове Ярославской области (межрайонное) было обязано включить в стаж работы истца С., дающий право на назначение досрочной страховой пенсии по старости в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [15], периоды работы на химическом предприятии в качестве аппаратчика синтеза. Истцу С. с момента обращения в пенсионный орган была назначена досрочная страховая пенсия по старости, с ответчика в пользу истца взысканы судебные расходы в виде государственной пошлины и оплаты услуг адвоката [16].

В российском социально-обеспечительном законодательстве до настоящего времени не устранен дефект закона, связанный с регулированием вопроса о включении в специальный стаж таких нестраховых периодов как курсы повышения ква-

лификации, учебные отпуска, позволяющие работнику претендовать на досрочное назначение страховой пенсии по старости, установленной ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

Указанный пробел закона в постановлении Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 516 (ред. от 25.03.2013) «Об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”» [17] разрешен судебной практикой [18]: последняя считает правомерным включение таких нестраховых периодов как курсы повышения квалификации и учебные отпуска в специальный стаж, необходимый для назначения досрочной пенсии по старости.

Юридическая помощь, оказанная юристом квалифицированно, с одной стороны, помогает защитить социально-обеспечительные права гражданина, с другой – опосредованно, добиваясь вынесения судом правоприменительного акта (судебного решения), которым признается право гражданина на социальное обеспечение, преодолевать пробелы действующего законодательства РФ.

Например, решением Гаврилов-Ямского районного суда Ярославской области от 13 марта 2020 г. удовлетворены иски требования истца К., осуществлявшей более 30 лет лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения. Государственное учреждение – Управление Пенсионного фонда РФ в г. Ростове Ярославской области (межрайонное) было обязано включить в стаж работы истца С., дающий право на назначение досрочной страховой пенсии по старости, периоды прохождения курсов повышения квалификации. Истцу С. с момента обращения в пенсионный орган была назначена досрочная страховая пенсия по старости, с ответчика в пользу истца взысканы судебные расходы в виде государственной пошлины и оплаты услуг адвоката [19].

Аналогичное решение об удовлетворении исковых требований педагога, которому Государственное учреждение – Управление Пенсионного фонда РФ в Шипуновском районе Алтайского края (межрайонное) было отказано во включении в специальный стаж курсов повышения квалификации, принято 17 декабря 2018 г. Шипуновским районным судом Алтайского края. Решение суда оставлено без изменения судом апелляционной инстанции [20].

Проведенный опрос юристов территориальных органов Пенсионного фонда РФ показывает, что они считают назревшей необходимостью разрешения на законодательном уровне указанного дефекта закона путем включения рассматриваемых периодов в специальный страховой стаж.

Дефект законодательного регулирования п. 5 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 516, может быть устранен путем дополнения его такими периодами как учебные отпуска, а также периодом прохождения повышения квалификации.

Выплата за счет средств Пенсионного фонда РФ издержек, связанных с рассмотрением гражданских дел (в т. ч. оплата государственной пошлины, представительских расходов), взыскиваемых российскими судами в пользу истцов в случае удовлетворения иска, безусловно, свидетельствует о расходовании денежных средств фонда не в соответствии с целями пенсионного обеспечения граждан, что можно избежать путем внесения приведенных выше законодательных изменений.

Действующее законодательство РФ не содержит легального определения понятия «квалифицированная юридическая помощь» и в этой части считаем, что вывод аудиторов Счетной палаты РФ верен.

Невозможно определить, квалифицировано ли оказана юридическая помощь, если закон не содержит такого определения.

Исследовав доктринальные дефиниции понятия «квалифицированная юридическая помощь» [21] и, принимая во внимание, что такая помощь должна оказываться в соответствии с требованиями закона, лицами, имеющими высшее юридическое образование, под «квалифицированной юридической помощью» следует понимать «профессиональную деятельность лица, имеющего высшее юридическое образование, по принятию установленных законом возможных и необходимых способов, средств защиты прав, свобод, законных интересов обратившегося за защитой гражданина или юридического лица в целях восстановления нарушенного права либо проведение консультации по правовому вопросу».

В целях повышения качества юридических услуг, оказанных в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, повышения социальной защищенности граждан, обеспечения эффективности судебной защиты прав отдельных категорий граждан в области социального обеспечения, предлагаем на федеральном уровне разработать методические рекомендации по вопросу определения субъектами РФ размера, порядка оплаты труда адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсации их расходов на оказание такой помощи.

По нашему мнению, данные методические рекомендации должны включать положения, содержащие сведения, касающиеся, в частности:

- минимального размера тарифов на отдельные виды юридических услуг с правом субъектов РФ увеличивать их размер на основе соглашений, заключаемых с адвокатской палатой субъекта РФ;

- установления доплат в более значительном размере на случай положительных судебных решений (так называемый «гонорар успеха»).

Высказанные предложения по оптимизации законодательства РФ, совершенствованию способов защиты права, безусловно, будут способствовать предупреждению нарушений прав граждан со стороны органов, уполномоченных государством осуществлять социальное обеспечение граждан, упростят и ускорят процесс отстаивания прав и интересов граждан в соответствующих органах.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

2. Постановление Правительства Ярославской области от 26 декабря 2012 г. №1518-п «О бесплатной юридической помощи в Ярославской области» // Документ-Регион, 2012, 28 декабря.

3. См., например: постановление Правительства Тюменской области от 16 января 2012 г. №1-п «О компенсации расходов адвокатам, оказывающим бесплатную юридическую помощь отдельным категориям граждан Российской Федерации, проживающих в Тюменской области» // <http://admtumen.ru> (дата обращения: 10.06.2020); постановление Правительства Вологодской области от 21 мая 2012 г.

№ 472 «Об утверждении размера и порядка оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам...» // URL: // <http://minjust.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2020) и др.

4. См.: *Морцакова Т.Г.* Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5. – С. 60–72.

5. См.: *Корня А.* Счетная палата усомнилась в качестве работы адвокатов по назначению // Ведомости, 2020, 25 февраля.

6. Счетная палата поставила под сомнение качество юрпомощи, оказываемой защитниками по назначению // Адвокатская газета, 2020, № 5 (310), 1–15 марта.

7. См.: Статья 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003) // Российская газета, 2005, 5 октября. (В силу ст. 18.1 Кодекса профессиональной этики адвоката добросовестное исполнение адвокатом профессиональных обязанностей при безусловном соблюдении норм настоящего Кодекса является основанием для его поощрения).

8. См.: Заседание совета ПАНО // Нижегородский адвокат. – 2020. – № 1. – С. 5.

9. См.: постановление Правительства Нижегородской области от 9 января 2020 г. № 7 «О внесении изменений в Порядок оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам Российской Федерации на территории Нижегородской области в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсации их расходов на оказание бесплатной юридической помощи, утвержденный постановлением Правительства Нижегородской области от 24 декабря 2012 г. № 932» // www.consultant.ru.

10. Закон Республики Хакасия от 5 октября 2012 г. № 82-ЗРХ «Об оказании бесплатной юридической помощи в Республике Хакасия» // Вестник Хакасии, 2012, 15 октября.

11. См.: Определение Верховного суда Республики Хакасия от 11 ноября 2014 по делу № 33-2806/2014 (документ официально опубликован не был) // www.consultant.ru.

12. Сборник нормативных актов по пенсионному обеспечению. – М.: «Экономика», 1992.

12. Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 14. – Ст. 1401.

13. См.: Решение по делу № 2-5/2020 // Официальный сайт Гаврилов – Ямского районного суда Ярославской области // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru (дата обращения: 15.06.2020).

14. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52. – Ст. 6965.

15. См.: Решение по делу № 2-5/2020 // Официальный сайт Гаврилов – Ямского районного суда Ярославской области // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru (дата обращения: 15.06.2020).

16. Постановление Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 516 (ред. от 25.03.2013) «Об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2872.

17. В 2004 г. в Обзорах кассационной и надзорной практики по гражданским делам, подготовленных Пермским областным судом (Обзор кассационной и надзорной практики по гражданским делам за 2004 г., подготовленных Пермским областным судом 4 апреля 2005 г. и СПС «КонсультантПлюс») и Кассационной практики Верховного суда Республики Коми по гражданским делам за август 2008 г. указывалось, что поскольку в период прохождения курсов повышения квалификации и учебных отпусков за работниками сохранялось место работы (должность), производилась выплата заработной платы, уплачивались страховые взносы, в необходимости повышения квалификации заинтересован работодатель, суды обоснованно признавали, что данные периоды подлежат включению в специальный стаж в календарном исчислении // См.: Обзор кассационной практики Верховного суда Республики Коми по гражданским делам за август 2008 г. // www.consultant.ru.

18. См.: Решение по делу № 2-101/2020 // Официальный сайт Гаврилов – Ямского районного суда Ярославской области // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru. (дата обращения: 15.06.2020).

19. См.: Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 6 марта 2019 г. по делу № 33-2185/2019 // Документ официально опубликован не был // www.consultant.ru.

20. См., например: Амельков Н.С. Понятие квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 525–529; Печерский В.В. Юридическая помощь и юридическая услуга // Юридическая наука и практика: вопросы теории и истории: сборник КГУ. – Казань, 2004. – С. 27; Кашковский В.С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 24.

21. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.

Для цитирования: Гусев А.Ю. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия судебной защиты: вопросы теории и практики // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 163–170. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.032

Alexey Yu. Gusev*

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE AS GUARANTEE OF JUDICIAL PROTECTION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *The article with examples from judicial practice proves the thesis that qualified legal assistance is a guarantee of effective judicial protection in the field of social security of citizens. The author's definition of "qualified legal assistance" is proposed, arguments are made in favor of increasing the financial interest of lawyers in providing free legal assistance, and ways to optimize the social security legislation of the Russian Federation are suggested.*

---

* **Gusev Alexey Yuryevich**, Lecturer, Department of General and Interdisciplinary Legal Disciplines, Institute of Law, Research University Higher School of Economics (Moscow), Ph.D. in Law, Federal Judge. E-mail: judgegusev@mail.ru.

Theory of State and Law

Keywords: *qualified legal aid, judicial practice, defects in legal regulation of social security legislation, lawyer.*

According to Art. 8 of the Universal Declaration of Human Rights (December 10, 1948), everyone has the right to effective redress by the competent national courts in the event of a violation of his fundamental rights conferred on him by the constitution or law.

The International Covenant on Civil and Political Rights (December 16, 1996) establishes in Art. 2 that each State party to the present Covenant undertakes to ensure that the right to legal protection for any person claiming such protection is established by the competent judicial, administrative, legislative authorities or any other competent authority provided for by the legal system of the State.

The constitutional right to qualified legal assistance in Russia is a necessary guarantee of judicial protection.

By virtue of the provisions of Art. 48 of the Constitution of the Russian Federation, legal assistance in cases stipulated by law is provided free of charge and must be qualified [22, Art. 48]. Art. 20 of the Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" [1] (hereinafter – the Law on Free Legal Aid) defines the categories of citizens eligible for free legal aid within the framework of the state system of free legal assistance, and cases of providing such assistance. Free legal aid is a kind of social services provided to the population in accordance with the legislation of the Russian Federation on social services for citizens, including people with disabilities of I and II groups, disabled children, orphans, veterans and other categories of citizens in need of social protection from the state ...

State legal bureaus and lawyers, which are members of the state system of free legal aid, represent in courts, state and municipal bodies, organizations the interests of citizens who are entitled to receive free legal aid under this system. At the same time, legal services provided in such cases by lawyers are paid for by the state (Article 21 of the Law on Free Legal Aid).

However, based on the provisions of paragraph 10 of Art. 18 of this Law, the amount and procedure for remuneration of lawyers who provide citizens with free legal aid within the framework of the state system of free legal aid, and compensation for their costs for providing such assistance, are determined by the constituent entities of the Russian Federation.

For example, in accordance with the Decree of the Government of the Yaroslavl Region of December 26, 2012 No. 1518-p "On Free Legal Aid in the Yaroslavl Region" [2], the salary of lawyers providing oral legal advice is 300 rubles, in writing – 500 rubles, drafting complaints – 900 rubles, representing the interests of citizens in state or municipal bodies in one day of participation – 500 rubles, representing interests in court in one day of participation – 1250 rubles.

Similar amounts of remuneration for a lawyer in the provision of free legal aid are also found in other constituent entities of the Russian Federation [3].

Such rates of payment are significantly lower than market rates, which, unfortunately, reflect on the interest of professional lawyers to provide such assistance at a high professional level.

Back in 2015, TG Morshchakova pointed out the need to amend the legal regulation of the remuneration of lawyers in cases of free legal aid, an increase in its size, subsidies from the state [4, p. 60–72]. Despite the fact that more than five years have passed, such a proposal is still relevant now.

In 2020, the Accounts Chamber of the Russian Federation had claims to the quality of the services provided by lawyers. So, the auditors questioned the quality of the legal assistance provided by the appointed defenders, arguing their position in a published report [5].

In order to eliminate the identified problems, the department proposed, in particular, to legislate the concept of "qualified legal assistance", to develop standards for the provision of such assistance that are mandatory for all lawyers. In connection with the latter, representatives of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation reasonably objected that the current Russian legislation enshrines a mechanism for assessing the proper performance of a lawyer's professional duties, which ensures compliance with the necessary balance of constitutionally significant values and meets constitutional and international legal standards of fair justice. At the same time, the tools of such an assessment, due to the specifics of the activity, cannot be strictly formalized and are implemented through the professional expert opinion of the qualification commission of the bar association [6].

Lawyers are professionally independent in the provision of legal assistance from public authorities, and the acceptance by a lawyer of the legal work entrusted to him means the need to perform it in a qualified and conscientious manner [7].

Despite the well-reasoned objections of Russian lawyers, the problems pointed out by the auditors of the Accounts Chamber of the Russian Federation do exist, as evidenced by the negotiation process on increasing the rates of wages for lawyers in the Nizhny Novgorod region in 2019.

Lawyers, dissatisfied with the size of the state subsidy for their wages, refused in 2020 to apply for participation in the free legal aid system. Under the proposed conditions, the Council of the Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod Region did not recommend the president of the chamber to sign an agreement for the next year [8]. Mutual negotiations between the state authorities of the Nizhny Novgorod region and the Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod region eventually ended with the adoption on January 9, 2020 of Resolution No. 7 of the Government of the Nizhny Novgorod Region [9], which established increased tariff rates for services rendered by lawyers within the framework of the state system of free legal aid. Thus, the salary of lawyers providing oral legal advice increased to 675 rubles, legal advice in writing 1050 rubles, preparation of inquiries, certificates, petitions 1050 rubles, representation of interests in the court of first instance in one day participation – 1950 rubles, in the courts of appeal and cassation – 1500 rubles.

The thesis that qualified legal assistance is a guarantee of effective judicial protection finds practical confirmation in individual court decisions. A competently drafted from a legal point of view, an appeal to the court for the recognition or restoration of the violated right of a citizen in the field of social security and a professionally prepared legal position in court make it possible to restore such a right.

So, plaintiff O., who lives in the Republic of Khakassia, having found herself in a difficult life situation, turned to legal advice with a request to help her protect her right to pension benefits. The right of citizens who find themselves in difficult life situations to receive all types of free legal aid within the framework of the state system of free legal aid is enshrined in paragraph 6 of Art. 3 of the Law of the Republic of Khakassia dated October 5, 2012 No. 82-3PX "On the provision of free legal aid in the Republic of Khakassia" [10].

According to the rules of clause 9, h. 1, Art. 7 of this Law, state legal bureaus and lawyers participating in the state system of free legal aid carry out legal advice in oral and written forms of citizens entitled to receive free legal aid within the framework of the state

system of free legal aid. For them, statements, complaints, petitions and other documents of a legal nature are drawn up in the event of the appointment, recalculation and collection of old-age labor pensions.

Attorney P. provided the plaintiff at a high professional level with free legal assistance in the form of drawing up a statement of claim, participation of a lawyer in court hearings. The result was the decision of the Abakan City Court, by which O.'s claim against the State Institution – the Pension Fund of the Russian Federation in Abakan was satisfied, the defendant was obliged to include the disputed periods of the plaintiff's work in the special and general seniority, and applicant was assigned the required pension provision. The court order recovered court costs for the payment of the representative's services [11].

Qualified legal assistance rendered made it possible to recognize the right to receive an early old-age pension to an employee who was denied social security by the territorial body of the Pension Fund of the Russian Federation, despite the employee's information that he worked for a long time in harmful working conditions.

The lawyer to whom the plaintiff S. applied, professionally prepared a statement of claim and substantiated his legal position in court. By the decision of the pension body, plaintiff S. was denied the appointment of a pension, the period of his work from May 17, 2012 to November 27, 2018 at the enterprise that carried out chemical production was not included in his special insurance experience.

During this period, plaintiff S. worked at this enterprise as a synthesis apparatus operator. However, the employer did not confirm the fact of his work in especially hazardous working conditions, the payment of increased insurance premiums for workers working in special conditions was not made, and a special assessment of working conditions was not carried out.

The lawyer, providing legal assistance, argued that by virtue of the law and, taking into account the conclusion of the state examination of working conditions submitted to the court, the position of S. refers to List No. 1, approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the USSR No. 10 dated January 26, 1991 " On the approval of the Lists of industries, jobs, professions, positions and indicators that give the right to preferential pension provision" [12], in connection with which the identification of potentially harmful and (or) hazardous production factors in order to establish the class of working conditions should not be carried out in relation to the specified positions.

By virtue of Art. 8 of the Federal Law of April 1, 1996 No. 27-FZ "On individual (personalized) accounting in the compulsory pension insurance system" [13], the employer is responsible for providing information to the RF Pension Fund.

Failure by the employer to fulfill the obligation to provide information to the authorized bodies of the Pension Fund of the Russian Federation for the payment of insurance premiums at the appropriate rates for assessing working conditions should not infringe on the constitutional right of the plaintiff to pension benefits, put him in an unequal position with other persons with similar rights, and have unfavorable consequences for the applicant in the exercise of the right to a pension [14].

The result of the qualified legal assistance provided was that the right of a citizen to social security was protected by the court. So, by the decision of the Gavrilov-Yamskiy District Court of the Yaroslavl Region dated January 17, 2020, the State institution – the Office of the Pension Fund of the Russian Federation in the city of Rostov, Yaroslavl Region (interdistrict) was obliged to include the plaintiff S. old age in accordance with paragraph 1 of h. 1 of Art. 30 of the Federal Law of December 28, 2013 No. 400-FZ "On Insurance Pensions" [15], the periods of work at a chemical enterprise as a synthesis apparatus operator.

Claimant S. from the moment he applied to the pension authority was assigned an early insurance old-age pension, and court costs were collected from the defendant in favor of the plaintiff in the form of a state fee and payment for the services of a lawyer [16].

The Russian social security legislation has not yet eliminated a defect in the law related to the regulation of the issue of including such non-insured periods as advanced training courses, study leaves, allowing an employee to qualify for an early appointment of an old-age insurance pension established by Art. 30 of the Federal Law of December 28, 2013 No. 400-FZ "On Insurance Pensions".

The specified gap in the law in the decree of the Government of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 516 (as amended on 03/25/2013) "On approval of the Rules for calculating periods of work, giving the right to early appointment of an old-age labor pension in accordance with Articles 27 and 28 of the Federal Law" On labor pensions in the Russian Federation "" [17] is permitted by judicial practice [18]: the latter considers it legitimate to include such non-insured periods as advanced training courses and study leaves in the special length of service required for the appointment of an early retirement pension.

Legal assistance provided by a lawyer in a qualified manner, on the one hand, helps to protect the social security rights of a citizen, on the other hand, indirectly, seeking the issuance of an enforcement act (court decision) by the court, which recognizes the citizen's right to social security, to overcome the gaps in the current legislation of the Russian Federation.

For example, the decision of the Gavrilov-Yamskiy District Court of the Yaroslavl Region dated March 13, 2020 satisfied the claims of the plaintiff K., who had been carrying out medical and other activities to protect public health in healthcare institutions for more than 30 years. The state institution – the Office of the Pension Fund of the Russian Federation in the city of Rostov, Yaroslavl Region (interdistrict) was obliged to include S. in the length of service of the plaintiff, giving the right to the appointment of an early insurance old-age pension, periods of advanced training. Plaintiff S. from the moment of appeal to the pension body was assigned an early insurance old-age pension, from the defendant in favor of the plaintiff, court costs were collected in the form of a state fee and payment for the services of a lawyer [19].

A similar decision to satisfy the claims of the teacher, who was refused inclusion in the special experience of advanced training courses by the State Institution – the Office of the Pension Fund of the Russian Federation in the Shipunovsky District of the Altai Territory (interdistrict), was made on December 17, 2018 by the Shipunovsky District Court of the Altai Territory. The decision of the court was upheld by the court of appeal [20].

A survey of lawyers of territorial bodies of the Pension Fund of the Russian Federation shows that they consider it urgent to resolve this defect of the law at the legislative level by including the periods under consideration in a special insurance experience.

A defect in legislative regulation of clause 5 of the Rules for calculating periods of work, giving the right to early assignment of an old-age retirement pension, approved by the Government of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 516, can be eliminated by supplementing it with periods such as study leaves, as well as the period of passage advanced training.

Payment at the expense of the Pension Fund of the Russian Federation of the costs associated with the consideration of civil cases (including payment of the state duty, entertainment expenses), collected by the Russian courts in favor of the plaintiffs in the event of

the satisfaction of the claim, undoubtedly indicates that the funds of the fund were not spent in accordance with the purpose of providing pension to citizens, which can be avoided by introducing the above legislative changes.

The current legislation of the Russian Federation does not contain a legal definition of the concept of "qualified legal assistance" and in this part we believe that the conclusion of the auditors of the Accounts Chamber of the Russian Federation is correct.

It is impossible to determine whether legal aid was rendered qualified if the law does not contain such a definition.

Having studied the doctrinal definitions of the concept of "qualified legal assistance" [21] and, taking into account that such assistance should be provided in accordance with the requirements of the law, persons with a higher legal education, "qualified legal assistance" should be understood as "professional activities of a person who has higher legal education, on the adoption of the possible and necessary methods established by law, means of protecting the rights, freedoms, legitimate interests of a citizen or legal entity who applied for protection in order to restore the violated right, or consulting on a legal issue.

In order to improve the quality of legal services provided within the framework of the state system of free legal aid, increase the social protection of citizens, ensure the effectiveness of judicial protection of the rights of certain categories of citizens in the field of social security, we propose to develop methodological recommendations at the federal level on the issue of determining by the constituent entities of the Russian Federation the size, payment procedure the labor of lawyers who provide citizens with free legal aid within the framework of the state system of free legal aid, and compensation for their costs of providing such assistance.

In our opinion, these guidelines should include provisions containing information concerning, in particular:

- the minimum amount of tariffs for certain types of legal services with the right of the constituent entities of the Russian Federation to increase their size on the basis of agreements concluded with the bar association of the constituent entity of the Russian Federation;
- the establishment of additional payments in a larger amount in case of positive court decisions (the so-called "success fee").

The proposals made on optimizing the legislation of the Russian Federation, improving the methods of protecting rights, will undoubtedly help to prevent violations of citizens' rights by the bodies authorized by the state to provide social security for citizens, simplify and accelerate the process of defending the rights and interests of citizens in the relevant bodies.

Bibliographic list

1. Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.
2. Decree of the Government of the Yaroslavl region of December 26, 2012 No. 1518-p "On free legal aid in the Yaroslavl region" // Document-Region. December 28, 2012. No. 109-v.
3. See, for example: the resolution of the Government of the Tyumen region of January 16, 2012 No. 1-p "On compensation of expenses to lawyers providing free legal assistance to certain categories of citizens of the Russian Federation living in the Tyumen region" // [http:// admtyumen. ru](http://admtyumen.ru) (date accessed: 10.06.2020); Resolution of the Govern-

ment of the Vologda Oblast No. 472 dated May 21, 2012 "On approval of the size and procedure for remuneration of lawyers providing free legal assistance to citizens ..." // URL: // <http://minjust.gov.ru> (date of access: 10.06. 2020), etc.

4. See: T.G. Morshchakova. Constitutional foundations of the organization and reform of the system of qualified legal aid in the Russian Federation // Comparative constitutional review. 2015. No. 5. P. 60–72.

5. See: A. Root, the Accounts Chamber doubted the quality of the work of attorneys by appointment // Vedomosti. 2020. 25 February.

6. The Accounts Chamber questioned the quality of the legal aid provided by the defenders by appointment // Advokatskaya Gazeta, 2020, No. 5 (310), March 1–15.

7. See: Article 5 of the Code of Professional Ethics of a Lawyer (adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) // Rossiyskaya Gazeta, 2005, October 5. By virtue of Art. 18.1 of the Code of Professional Ethics of a Lawyer, the conscientious performance of a lawyer's professional duties with unconditional observance of the norms of this Code is the basis for his encouragement.

8. See about this: ANSP board meeting // Nizhny Novgorod attorney. 2020. No. 1. P. 5.

9. See: Resolution of the Government of the Nizhny Novgorod Region of January 9, 2020 No. 7 "On Amending the Procedure for Remuneration of Lawyers Providing Free Legal Aid to Citizens of the Russian Federation in the Territory of the Nizhny Novgorod Region within the framework of the state system of free legal aid, and compensation for their expenses. for the provision of free legal aid, approved by the Resolution of the Government of the Nizhny Novgorod Region dated December 24, 2012 No. 932".

10. Law of the Republic of Khakassia dated October 5, 2012 No. 82-3PX "On the provision of free legal aid in the Republic of Khakassia" // Bulletin of Khakassia, 2012, 15 October.

11. See: Determination of the Supreme Court of the Republic of Khakassia dated November 11, 2014 in case No. 33-2806 / 2014 (the document was not officially published) // SPS "ConsultantPlus".

12. Collection of normative acts on pension provision. M., "Economics", 1992.

13. Federal Law of April 1, 1996 No. 27-FZ "On individual (personified) accounting in the system of compulsory pension insurance" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 14. Art. 1401.

14. See: Decision in case No. 2-5 / 2020 // Official website of Gavrilov – Yamskiy District Court of the Yaroslavl Region // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru (date accessed: 15.06.2020).

15. Federal Law of December 28, 2013 No. 400-FZ "On Insurance Pensions" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 52. Art. 6965.

16. See: Decision in case No. 2-5 / 2020 // Official website of Gavrilov – Yamskiy District Court of the Yaroslavl Region // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru (date accessed: 15.06.2020).

17. Decree of the Government of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 516 (as amended on March 25, 2013) «On approval of the Rules for calculating periods of work, giving the right to early appointment of an old-age retirement pension in accordance with Articles 27 and 28 of the Federal Law "On labor pensions in the Russian Federation"» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 28. Art. 2872.

18. In 2004, in the Reviews of cassation and supervisory practice in civil cases prepared by the Perm Regional Court (Review of cassation and supervisory practice in civil

cases for 2004, prepared by the Perm Regional Court on April 4, 2005 and the SPS ConsultantPlus) and The cassation practice of the Supreme Court of the Komi Republic for Civil Cases for August 2008 indicated that since during the period of advanced training courses and study vacations, the employees retained their place of work (position), were paid wages, paid insurance premiums, employer, the courts reasonably recognized that these periods should be included in the special length of service in calendar terms. – See: Review of the cassation practice of the Supreme Court of the Komi Republic on civil cases for August 2008 // SPS "ConsultantPlus".

19. See: Decision in case No. 2-101 / 2020 // Official website of Gavrilov – Yamskiy District Court of the Yaroslavl Region // www.gavrilov-yamsky.jrs.sudrf.ru (date of access: 15.06.2020).

20. See: Appellate ruling of the Altai Regional Court of March 6, 2019 in case No. 33-2185 / 2019 // The document was not officially published // ATP ConsultantPlus.

21. See, for example: Amelkov NS. The concept of qualified legal assistance in criminal proceedings in Russia // Young scientist. 2013. No. 6. S. 525–529; Pechersky V.V. Legal aid and legal service // Legal science and practice: questions of theory and history: collection of KSU. Kazan, 2004.S. 27; Kashkovsky V.S. Legal aid as a legal category and social and legal phenomenon: theory and practice: Author's abstract. diss. ... Cand. jurid. nauk, Tambov, 2009. P. 24.

22. See: Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed., Rev. and add. // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurayt", 2019. 333 p.

For citation: Gusev A.Yu. Constitutional right to qualified legal assistance as a guarantee of judicial protection: theory and practice // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 170–177. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.032

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ: ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ

***Аннотация.** Данная статья посвящена теоретическому анализу идеи глобального конституционализма как социальной концепции. В ней авторы конкретизировали, обосновали и ввели в научный оборот новое социальное понятие «глобальный конституционализм», которое определяется через призму понятий «глобализация» и «конституционализм» как социально детерминированная и предвзятая отклоняющаяся форма восприятия и объяснения действительности. Это социальное явление есть знание системно-философского и политико-правового характера, основанное на фундаментальных демократических ценностях всего мира о необходимости межгосударственного сотрудничества, о государственной и общественной жизни в планетарном масштабе в соответствии с идеологическими основами современного этапа развития капитализма в мире.*

***Ключевые слова:** глобальный конституционализм; проблемы содержания; типология; социально-философский; неолиберализм; неоконсерватизм; неомарксизм; антимондиализм; миросистемный анализ; неоанархизм.*

Введение. Понятие «глобальный конституционализм» активно используется в социально-философской и юридической учебной и научной литературе последнего десятилетия, а также часто используется в международных и национальных правовых актах, что требует концептуального анализа данной категории для включения ее в категориальный аппарат, используемый в философии. Это понятие тесно связано и вытекает из более общих понятий «глобализация» и «конституционализм». Однако последнее, в условиях глобализации, стало предметом особого развития в философской и юридической литературе сравнительно недавно, примерно с начала XXI века, и нуждается в дальнейшем глубоком изучении.

Основной текст. В контексте глобализации примерно с начала XXI века становится актуальным специальный анализ в философской и юридической литературе сравнительно новых явлений и идей [1].

Подход к определению понятия «глобализация» в современной отечественной и зарубежной литературе неоднозначен и широк. Это вызвано рядом причин.

---

* **Гончаров Виталий Валерьевич**, доцент кафедры государственного и международного права Кубанский государственный аграрный университет имени И. Трубилин, кандидат юридических наук. E-mail: niipgergo2009@mail.ru.

** **Савченко Марина Сергеевна**, заведующая кафедрой государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Трубилин, доктор юридических наук, профессор. E-mail: niipg2010@mail.ru.

*** **Савченко Андрей Анатольевич**, юрист, кандидат юридических наук (Краснодар). E-mail: niipg2010@mail.ru.

Во-первых, данное понятие вошло в терминологический научный оборот лишь в 80-х годах XX века. Сам термин «глобализация», использовавшийся некоторыми учеными и ранее, был популяризован в научной литературе лишь в мае 1983 года известным американским экономистом Теодором Левиттом в статье «Globalization of Market» в журнале «Harvard Business Review», который определил «глобализацию» как сферу деятельности глобальных компаний, возникшую «в результате новой коммерческой реальности – появления глобальных рынков для стандартизированных потребительских товаров на невообразимой шкале масштаба» [135].

Во-вторых, само понятие «глобализация» трактуется неоднозначно учеными-филологами, а также по-разному определяется в словарях. И, как следствие, терминологическая нечеткость порождает массу проблем.

Большинство словарей рассматривают понятие «глобализация» через призму понятия «глобальный» (франц. global – всеобщий, от лат. globus – шар), понимая под этим: «универсальность» [69]; «всемирный, полный, всеобщий и всесторонний охват» [71, 72, 86,]; привязку к «территории всего земного шара» [89].

Однако, некоторые ученые-филологи определяют «глобализацию» как длящийся процесс, в котором участвуют различные субъекты. Так, составители Оксфордского словаря понимают под «глобализацией»: «Процесс, при котором предприятия или другие организации, развивают свое международное влияние и начинают работать на международном уровне...» [138]. Авторы Большого толкового словаря русского языка считают, что глобализация – «широкое распространение влияния какого-либо процесса, явления за пределы какой-либо страны или за пределы какого-либо вида деятельности» [46].

Некоторые ученые-филологи персонифицируют понятие «глобализации», увязывая его с деятельностью отдельных стран (например, США). В частности, Словарь иностранных слов трактует глобализацию, с одной стороны, как «термин, вошедший в обиход с начала 1985 г. («доктрина Рейгана»), означающий, что США имеют право вмешиваться в войны, идущие в странах третьего мира и «зонах жизненных интересов США», а с другой стороны, «как распространение каких-либо национальных явлений (например, экономических связей) за пределы страны» [38].

Отдельные филологи осуществляют толкование понятия «глобализация», отсылая к международным или национальным законам, которые породили глобализационные процессы в мире. Так, Толковый словарь английского языка напрямую связывает понятие глобализации с соглашением 1951 года, положившим начало созданию Европейского объединения угля и стали [116]. Не вносят определенности и общего подхода в определение понятия «глобализация» толковые словари в рамках отдельных наук. Так, Политологический словарь определяет глобализацию как «начавшуюся в 1990-е гг. активизацию процесса усиления взаимосвязанности мира, всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран, различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена ...» [76].

По мнению составителей политического словаря, глобализация, с одной стороны, представляет собой «процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена ...» [77], а с другой стороны «является механизмом внедрения наднациональных финансовых структур во внутренние экономики суверенных государств» [77].

Таким образом, налицо, как минимум, пять подходов в филологическом определении понятия «глобализации»: пространственно-географический, когда глобализация понимается как всеобщий, полный и универсальный охват чем-либо всей территории земного шара; понимание глобализации как длящегося процесса, при котором какие-либо явления, либо субъекты, расширяют поле своей деятельности да абсолютных масштабов; как стирание границ и различий путем гомогенизации и универсализации каких-либо явлений или процессов; как персонифицированная деятельность определенных субъектов международных отношений (в частности, США как государства); как политико-правовое явление укрупнения и слияния каких-либо субъектов, закрепленное в нормах международного и национальных правовых систем.

В-третьих, термин «глобализация» по-разному рассматривается в различных отраслях науки. Так, существует несколько научных подходов в определении глобализации с экономической точки зрения.

1) Ряд авторов рассматривает глобализацию как длящийся процесс. При этом, как справедливо отмечает М. Арчер: «Данный процесс ... приводит к охватывающему весь мир связыванию структур, культур и институтов» [114]. В рамках этого подхода в толковании глобализации имеются две точки зрения относительно временных рамок возникновения и осуществления процесса глобализации.

Одни ученые считают, что глобализация в экономике процесс относительно молодой, начавшийся во второй половине 20-го века, и окончившийся моментом развала СССР и СЭВ, когда капиталистическая система стала глобальной в буквальном смысле на всем земном шаре [21, 29, 56, 70].

Так, по мнению В.Г. Булова: «Глобализация – процесс, начавшийся во второй половине двадцатого столетия и связанный с появлением современных средств транспорта и информации, когда мир превратился в так называемую «глобальную деревню» [21]. При этом, М.Г. Делягин справедливо отмечает: «Данный процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства ... стал возможен только во второй половине 20 века... на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» [29].

По мнению И.И. Лукашук, процесс глобализации носит всемирный характер, «взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему» [54].

Другие сторонники данного подхода считают, что глобализация как экономический процесс, явление достаточно древнее, насчитывающее несколько столетий [9, 20, 143]. В частности, С.Н. Бабурин считает: «Глобализация – это действительно системно-эволюционный общепланетарный процесс интеграции и обретения целостности человечества, созидания не только планетарной общности цивилизации, но и единой глобальной социоприродной системы «человек – общество – природа» на принципах коэволюции» [9].

Действительно, попытки глобализации экономической системы осуществлялись на всех этапах развития мировой капиталистической системы, когда она расширялась, захватывая все новые рынки сбыта производимой продукции, вовлекая в свою орбиту все новые и новые государства. Еще В.И. Ленин справедливо отмечал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей

территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [51]. Этот процесс отчасти был замедлен в XX веке в результате образования СССР и экономического блока социалистических государств (СЭВ), когда последние выступали в роли прямых конкурентов капиталистической экономической системы.

2) Некоторые авторы рассматривают глобализацию в качестве высшей формы развития экономической взаимосвязи и взаимозависимости стран и регионов в мире, их интеграции [3, 10, 73]. Этим достигается, по мнению ряда экономистов, «единое мировое правовое поле ... создаются ... единые мировые органы управления» [65]; «осуществляется... интернационализация хозяйственной жизни ... в масштабах всего мира» [73]. При этом, ряд экономистов рассматривает глобализацию как процесс стирания национальных и региональных границ в экономике. В частности, А.Ю. Баранова отмечает: «Глобализация мировой экономики – преобразование мирового пространства в единую зону, где свободно перемещаются товары и услуги, капитал, рабочая сила, где беспрепятственно распространяются и внедряются инновации, стимулируя развитие современных институтов и отлаживая механизмы их взаимодействия. Глобализация подразумевает образование единого (всеобщего) международного экономического, правового и культурно-информационного пространства» [10]. Вследствие этого, по мнению В.М. Кулагина, глобализация выступает в роли нового качества взаимосвязи и взаимозависимости человечества [47].

Действительно, степень интеграции национальных экономик и их взаимозависимость в современном мире исключительно велики, что позволяет сделать предположение о том, что экономическая глобализация выступает в роли единой формы и совокупности стандартов осуществления подобного взаимодействия.

3) Ряд экономистов рассматривает глобализацию как естественное развитие человеческого общества, которое стремится к организации своей жизнедеятельности по единообразным стандартам, руководствуясь едиными правовыми нормами, обычаями, традициями [64]. Так, по мнению В.Н. Добренкова: «Глобализация ... в широком значении ... – это объективная закономерность, в соответствии с которой все современное общество развивается независимо от воли и сознания составляющих его людей ... историческая тенденция современной эпохи» [30]. Представляется, что глобализация является следствием объективной закономерности в развитии капиталистической экономической системы, которая на финальном этапе своего существования формирует единое финансово-экономическое поле для деятельности хозяйствующих экономических субъектов.

4) По мнению некоторых ученых, глобализация выступает в роли формы становления и укрепления транснациональных корпораций в мировом масштабе [9, с. 24–25]. При этом, глобальные корпорации в рамках данного научного подхода рассматриваются в качестве приоритетной (основной) силы, которая стоит над национальными государственными политическими структурами, а также международными правительственными и не правительственными организациями.

Однако, исследование взаимозависимости крупнейших транснациональных корпораций, проведенное Швейцарским федеральным технологическим институтом в Цюрихе показало, что всего лишь 147 транснациональных корпораций контролирует более 40% мирового рынка, при этом, 20 из них составляют ядро капиталистической системы и контролируются всего лишь несколькими десятками семей [15]. Таким образом, можно предположить, что транснациональные корпорации являются лишь организационно-правовой формой финансово-экономического контроля

над процессами глобализации, осуществляемого ограниченным количеством богатейших семей человечества.

5) Ряд ученых экономистов рассматривает глобализацию в экономике в качестве следствия развития научно-технического прогресса в масштабах всего мира, а также информационного этапа научно-технической революции (НТР) [12, 34, 59, 95]. Так, по мнению Н.В. Мамон и А.С. Завьяловой: «Они наделяют понятие глобализации статусом «одного из главных направлений мирового развития на этапе становления информационного общества», считают Интернет «символом глобализационных процессов», подчеркивают все возрастающий вес в жизни человечества охватывающих весь мир разного рода транснациональных организаций, корпораций, движений, отмечают «глобализацию финансово-кредитной сферы и возникновение геоэкономики» [58].

Представляется, что глобализация, действительно, во многом обусловлена развитием научно-технического прогресса, но является не его следствием, так как на всем протяжении развития человечества осуществлялся поэтапный переход экономики на все новые и новые уровни технологического уклада (вплоть до современного перехода на шестой технологический уклад) и при этом глобализация в мировой экономической жизни отсутствовала.

6) Ряд авторов считает глобализацию в экономике следствием установления в мировой политике однополярной модели с гегемонией США, основывающейся на его военном могуществе [21, 37, 53, 73]. Так, по мнению В.И. Спиридоновой: «Глобализация – стремление экономико-финансовых надмировых (или транснациональных) структур объять весь мир под предлогом достижения максимальной эффективности производственной деятельности» [93]. При этом, представляется, что США выступают скорее в роли своеобразного «мирового жандарма», который своей военной мощью обеспечивает поддержку транснациональным экономическим структурам, а также формируемым ими наднациональным и надправительственным органам управления и контроля.

7) Некоторые экономисты приписывают глобализации революционный характер. В частности, Дж. Сакс называет глобализацию «подлинной экономической революцией», которая совершилась к концу 20 века за неполные 15 лет [83]. О революционном характере глобализации, по мнению, К. Аннана (бывшего генерального секретаря ООН) свидетельствует то обстоятельство, что она коренным образом перестроила современную человеческую эпоху, причем «не только способы освоения мира, но и способы нашего общения друг с другом» [5]. Представляется, что глобализация экономической капиталистической системы является скорее не революционным, а естественным эволюционным этапом ее развития, обусловленным глобальным расширением капиталистической экономики до мировых масштабов.

8) Ряд экономистов отрицает объективный характер глобализации как экономического явления, считая, что она носит искусственный характер [127]. Как справедливо отмечает С. Вукичевич: «Глобализация – общее социальное изменение, общественный эксперимент, который охватывает всю территорию современной социальной реальности» [28]. Действительно, представляется, что глобализация с экономической точки зрения стала возможной после того как капиталистическое финансово-экономическое пространство расширилось после развала СССР и СЭВ до масштабов всего земного шара (и этот развал социалистического экономического лагеря как конкурента капиталистическому Западу носил субъективный характер,

так как осуществлялся путем внешнего воздействия (например, искусственного падения цен на углеводороды в 70–80 годах 20-го века). После того, как в финансово-экономическое пространство оказалось вовлечено все человечество, усиливавшиеся противоречия в развитии капиталистической системы стали разрешать в рамках глобализационной концепции путем экспорта издержек из капиталистического Центра в периферийные развивающиеся государства и государства с переходной экономикой (например, Российскую Федерацию). Этот процесс также отчасти носит субъективный характер.

Представляется, что с учетом анализа представленных выше концепций, глобализацию с экономической точки зрения можно определить как этап развития капиталистической экономической системы, характеризующийся формированием единого общемирового финансово-экономического пространства, сопровождающийся регионализацией мировой экономики, ее интенсификацией и конвергенцией национальных экономик, становлением и укреплением транснациональных компаний, а также формированием единых управляющих центров регулирования и контроля.

Существует несколько научных подходов в определении глобализации как политико-правовой категории.

1) Ряд ученых рассматривает глобализацию как политический процесс [59, 90]. Так, В.И. Добренев отмечает, что «Глобализация – род политики (геополитики), направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир (планету); ... она является субъективной интерпретацией, сознательно конструируемой политическими акторами в угоду своим целям, которые реализуются в совокупности практических действий» [30]. Действительно, глобализация как политико-правовой процесс заключается в навязывании одними субъектами мировой политики своей политической воли другим субъектам. Однако, данная политическая воля является лишь формой оформления экономических интересов властвующих субъектов мировой политики (государств, транснациональных корпораций, их объединений).

2) По мнению некоторых ученых юристов, глобализация является формой общепланетарной интеграции общественно-политической надстройки в национальных государствах. Так, по мнению М.Н. Марченко, посредством глобализации осуществляется интеграция в мировом масштабе государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей [60]. М.П. Яценко считает, что глобализация выступает при этом формой организации исторического процесса [111]. Действительно, посредством глобализации политические и правовые системы в отдельных странах существенно изменяются. Однако, речь не идет

о добровольной и равноправной интеграции данных систем, повсеместно происходит навязывание властвующими субъектами мировой политики своей политической воли подвластным субъектам.

3) Ряд юристов и политологов определяет глобализацию через революционный подход, когда глобализация представляется как революционный переход политической и правовой системы в национальных государствах на качественно новый уровень [36]. Так, по мнению Р. Хестанова: «Глобализация – это не только разрушение некоторых традиционных структур, но создание новых, более сложных и разнообразных» [105]. Однако, представляется, что разрушение традиционных политико-

правовых институтов в национальных государствах не является революцией, так как данный процесс не сопровождается переходом экономической системы в обществе в данных странах на качественно новый этап своего развития, наоборот, подобное поглощение и вестернизация политико-правовых институтов в отдельных государствах ведет к их деградации и потере эффективности.

4) По мнению некоторых юристов и политологов, глобализация является следствием естественной эволюции мировой политико-правовой системы [111, 112]. По мнению В.М. Кулагина, с падением СССР глобализации подвержены все государства современного мира [47]. Однако, представляется, что вывод о естественности глобализации политико-правовой системы в национальных государствах надуманный, и она не носит всеобщего характера. Ведь продолжают существовать и активно развиваться государства, активно игнорирующие глобализацию западного образца (Иран, КНДР, Куба и т.д.).

5) Ряд авторов рассматривает глобализацию через призму универсализации общественно-политических и правовых связей и отношений. Как отмечают П. Эбурдин и Д. Нэсбитт, это позволяет привести стили и формы жизни в обществе в масштабах всей планеты к общему знаменателю [68]. По мнению некоторых ученых, глобализация при этом выступает в роли коммуникационной платформы с универсальными стандартами построения и функционирования политико-правовых институтов и систем [19]. При этом сторонники данной концепции игнорируют тот факт, что подобная универсализация осуществляется во многом путем навязывания западных стандартов поведения остальным странам – участникам мировой политики.

6) Некоторые ученые рассматривают глобализацию как форму распространения или навязывания демократических ценностей и институтов всему миру, включая его насильственную вестернизацию [13]. По мнению Д. Хелда: «Глобализация является глубоко дифференцированным процессом, который находит свое выражение во всех ключевых областях социальной деятельности (включая политическую, военную, законодательную, экологическую, криминальную и т.д.)» [104]. Представляется, что данная точка зрения на глобализацию как политико-правовую категорию соответствует реальным целям деятельности международных и неправительственных политических институтов, которые под предлогом достижения максимальной эффективности мировой экономики и защиты прав человека по сути защищают экономические интересы транснациональных компаний, государств «золотого миллиарда» и их правящих политических классов.

7) Некоторые ученые относятся скептически к самому существованию феномена глобализация, считая его искусственно выдуманным термином, не отражающим современные реалии развития мировой политической и правовой системы [73, с. 9, 58]. А. Зиновьев справедливо отметил в начале XXI века: «Слово «глобализация» изобретено как идеологическая маскировка войны, которую западный мир во главе с США ведет за господство над всем человечеством. Одним из важнейших компонентов этой войны является идеологическое оболванивание человечества в том духе, какой желателен для глобализаторов, то есть идеологическая глобализация» [31]. Действительно, глобализация выступает как идеологическая маскировка экспансии западного понимания политико-правового устройства мира и форма навязывание Западом своих интересов всему миру.

Таким образом, глобализация с политико-правовой точки зрения представляет собой этап развития мировой общественно-политической надстройки капиталисти-

ческого финансово-экономического базиса, характеризующийся экспансией Запада в общепланетарном масштабе путем навязывания последним национальным государствам своих государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей с целью защиты и продвижения собственных финансово-экономических интересов и потребностей посредством формирования единых управляющих центров регулирования и контроля.

Как социально-философская категория глобализация рассматривается в рамках различных социальных концепций.

Так, сторонники неоконсервативной концепции (Ирвинг Кристол, Уильям Кристол, Норман Подгорец, Лео Штраус, Фрэнсис Фукуяма, Роберт Каган, Збигнев Бжезинский) активно использовали термин глобализации, так как она позволяла оправдать использование США своей военной и экономической мощи по всему миру для подавления и уничтожения враждебных США политических режимов и установления демократии [14, 75, 107, 132, 140].

Фактически же речь шла о попытке идеологического прикрытия всесторонней Западной экспансии в планетарном масштабе. В частности, И. Кристол в своей книге «Неоконсерватизм: автобиография идеи» пишет о том, что сохранение современной демократии, ядром которой является США, невозможно без продолжения экономического роста. В условиях кризиса капитализма достижение экономического роста возможно лишь путем защиты и продвижения экономических интересов Запада в масштабах всего мира. При этом, экспансия Запада, обосновываемая экономической философией развития, которая и составляют суть современных процессов глобализации, нуждается в прикрытии различными политико-философскими, морально-философскими и даже религиозными аргументами [133].

Ф. Фукуяма, в свою очередь, в период своей приверженности неконсервативным идеям (до 2004 года) в своей книге «Конец истории и последний человек» обосновывает военную силу в качестве основного метода поддержания мирового порядка [121]. Именно он в ряде своих работ определил основные принципы неоконсерватизма в контексте глобализационных процессов в мире, которые условно можно сформулировать как: 1) подчиненное положение национальных государств мировому либерально-демократическому сообществу в связи с зависимостью внешней политики национальных государств от характера их внутренних режимов; 2) США в деле продвижения демократических ценностей должны играть роль «мирового жандарма», используя всю свою военную мощь; 3) международное право и международные институты не являются приоритетными в деятельности США по продвижению демократических ценностей и не должны сковывать Запад; 4) демократические ценности и права человека приоритетны над сиюминутными запросами общества [122, 123, 124].

У. Кристол и Р. Каган ужесточили данные принципы в 1996 году в неконсервативной программе тремя императивами: необходимостью постоянной милитаризации США; пропагандой патриотизма и милитаристских ценностей в Западном обществе; «моральной ясностью», согласно которой США обязаны наносить превентивные удары по любым национальным государствам, препятствующим распространению американских ценностей (демократии, рыночной экономики, уважение к свободе) [129].

Таким образом, сторонники неконсервативной концепции используют глобализацию исключительно в качестве технологии общепланетарной экспансии капи-

талистической системы под контролем и предводительством Запада в лице транснациональных корпораций, государственно-политических и финансово-экономических элит.

Сторонники неолиберальной концепции (Роберт Манделл, Маркус Флеминг, Александр Рюстов, Милтон Фридман, Зигмунт Бауман) [126] также активно используют термин глобализации в связи с тем, что основной идеей неолиберализма выступает интенсификация и распространение свободного рынка в мировом масштабе и во всех сферах жизни общества. Таким образом, можно считать, что именно всеобъемлющая глобализация и является основной идеей неолиберальной социальной концепции.

Неолибералы рассматривают глобализацию, как процесс поэтапного перехода национальных государств от патронажа своих внутригосударственных интересов к осознанию приоритета интересов «сообщества цивилизованных стран», которое формируется благодаря взаимному проникновению экономик различных государств, формирования международной финансово-экономической системы, доминирования в ней транснациональных компаний, роста конкуренции хозяйствующих субъектов.

Так, З. Бауман, утверждает, что сущность идеи глобализации состоит в неопределенности, неуправляемости и самостоятельности происходящих в мире социально-экономических и политических процессов, когда отсутствуют единые центры, пульты управления, советы директоров или центральные офисы глобальных экономических процессов [11].

Российские неолибералы также считают, что глобализация в современном мире является основной движущей силой его развития, трансформации и обновления. В частности, А.И. Уткин дает такое определение этому понятию: «Глобализация – это слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на новой легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, на технологической революции, на приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, на основе коммуникационного сближения, планетарной научной революции, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернационального образования» [96].

Однако, в последнее десятилетие ряд западных политиков, философов и экономистов подвергли неолиберальную социальную концепцию жесткой критике, особенно в части глобализации свободного рынка и ухода государства от решения социальных проблем населения. По мнению Дж. Сороса именно распространение неолиберальных идей по всему земному шару может повлечь возникновение социально-экономического кризиса в глобальном масштабе [91, 92]. Дж. Стиглиц еще в начале 21-го века предупреждал о том, что уже имеются тревожные тенденции в развитии глобализации, свидетельствующие о начале данного кризиса [94]. Пол Кругман в оценке влияния неолиберализма в процессах глобализации был еще более категоричен, заявляя о том, что свободный рынок, восхваляемый неолибералами, является большой ложью, прикрывающей процессы экспорта издержек капиталистического развития Запада на мировую периферию [49].

Действительно, о степени эффективности неолиберальных концепций на развитие национальных экономик мы могли наблюдать во второй половине XX – начале XXI века по деятельности Международного валютного фонда, Всемирного банка, а также Всемирной торговой организации, по рецептам которых осуществлялось

реформирование финансово-экономического сектора в государствах Латинской Америки, странах Восточной Европы, включая Российскую Федерацию. Результатом подобных реформ явилось падение уровня ВВП, жизни населения, а также утрата способности производства данными странами технически сложной, наукоемкой продукции, соответствующей технологиям пятого и шестого технологических укладов.

Свой взгляд на формулирование понятия глобализации имеют сторонники классического либерализма, современные либертарианцы и неоанархисты (Мюррей Ротбард, Людвиг фон Мизес, Фридрих Август фон Хайек) [63, 82, 126]. В частности, сторонники классического либерализма настаивают на том, что процессы глобализации не должны ущемлять гражданские права, политические и экономические свободы граждан в национальных государствах. В тоже время, ряд авторов, например, Ф. Хайек, лукавят относительно невмешательства государства в реализацию экономических прав и свобод граждан, заявляя с агрессивностью, обычно присущей неоконсерваторам, о необходимости и неизбежности использования насилия в тех случаях, когда имеется угроза реализации данных свобод [101]. Причем право осуществления оценки данных угроз мифическим свободам, а также принятия решения о применении насилия, авторы данных концепций оставляют не за народами национальных государств, в которых наблюдаются попытки ущемления политических и экономических прав и свобод граждан, а за западными государствами и их политическими элитами.

Ряд неоанархистов, в частности, М. Ротбард, идеализируют капитализм эпохи глобализма, считая, что именно глобализация позволит придать капитализму полное выражение анархизма: «Капитализм – это наиболее полное выражение анархизма, а анархизм наиболее полное выражение капитализма» [119]. При этом, умалчивается тот факт, что процессы глобализации экономики осуществляются целенаправленно в интересах транснациональных корпораций, стран Запада, финансово-промышленных элит, а не в интересах простого населения.

Авторы неомарксистских концепций и новые левые (сторонники Франкфуртской школы (Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Вальтер Беньямин, Юрген Хабермас, Оскар Негт), школы праксиса, ряда других) [33, 67, 100], в целом негативно воспринимают современные процессы глобализации, относя ее к форме экспансии капитализма в мировых масштабах.

Авторы концепции мир-системного анализа (теории мировых систем) (Иммануил Валлерстайн, Андре Гундер Франк, Самир Амин, Джованни Арриги, Теотониус Сантус, А.И. Фурсов, А.В. Каратаев) [4, 7, 23, 98, 113, 118, 125] считают, что глобализация представляет собой длившийся в течение нескольких веков процесс капиталистической экспансии, завершившийся к началу XXI века поглощением всех национальных государств и образованием единой мировой капиталистической системы, возглавляемой Западом, опирающейся на единую систему труда в рамках мирового рынка, переживающей системные циклические кризисы, не отождествляемой

с каким-либо государством, представленной странами «центра», «периферии» и «квазипериферии», взаимодействующими на экономической основе. Всемирная капиталистическая система, по мнению И. Валлерстайна, носит исторически временной характер, может быть замещена другой мировой системой, так как находится в состоянии кризиса, ведущему к такому переходу, однако направление перехода пока еще не определено [22].

Представляется, что концепция миросистемного анализа достаточно полно и комплексно определяет условия и признаки глобализации как социально-философского явления, но при этом, она, во-первых, не в состоянии пока спрогнозировать дальнейшее развитие мировой финансовой и политической системы, во-вторых, не предлагает способов защиты национальных государств и обществ от негативных последствий глобализации; в-третьих, не разрабатывает инструментария участия широких масс населения в процессах противодействия негативным последствиям осуществляемой глобализации, предлагая им роль наблюдателей, что играет на руку глобальным финансово-экономическим и государственно-политическим элитам.

Неоднозначно воспринимают глобализацию и религиозные социальные концепции. Так, традиционный ислам шиитского толка настороженно относится к процессам глобализации. Духовный лидер Ирана С.М. Хаменеи отмечает: «Тот процесс глобализации (то есть завоевания мира), который сейчас изображают как историческое предопределение, можно назвать сатанинской глобализацией... Истинный правитель глобальной деревни (если правильно употреблять этот термин) – не человек, а его Создатель. Он – защитник прав человека, демократии и свободы на практике, а не просто в теории, и считает убийство даже одного индивида равным уничтожению всего человеческого рода» [99].

Ряд мусульманских философов и богословов считает, что следует различать глобализацию как естественный процесс духовного сближения и единения народов и глобализацию как форму экономической и культурной экспансии Запада. В частности, Г. Ансари отмечает: «Навязываемый сегодня вариант глобализации уже стал причиной возникновения конфликтов во всемирном масштабе. И это не могло не вызвать естественного сопротивления народов. Глобализация (как естественный процесс универсализации жизнедеятельности народов планеты) и глобализация – миростроительство (как искусственно продвигаемый процесс) являются двумя разными процессами» [6]. Однако, на деле, такой подход в определении понятия глобализации сводится к тому, что исламские философы и богословы, отвергая западные концепции глобализации, в основном, отстаивают точку зрения относительно того, что глобализация неизбежна и должна быть осуществлена, но в качестве религиозной и культурной основы подобной глобализации должен выступать исключительно ислам.

Сторонники радикального ислама при этом предлагают радикальные способы подобной глобализации (вплоть до физического уничтожения не мусульман), которые по своей циничности и жестокости не уступают неоконсервативным и неолиберальным западным концепциям. По мнению Виктора Маллета, благодаря такой позиции в исламской философии и богословии в XXI веке и произошла глобализация экстремизма в лице ИГИЛ [57].

В развитии процессов глобализации особенно хотелось бы отметить роль Ватикана, выступающего во многом от имени «старых» континентальных элит, являющегося одним из главных инструментов капиталистической глобализации современности. Глобализация в понимании Римской католической церкви осуществлялась практически на всем протяжении ее существования, начиная с Крестовых походов, и заключается в навязывании западных ценностей остальному миру. Данная экспансия осуществляется различными способами: от мягкой силы до поощрения прямого военного вмешательства в судьбу тех или иных национальных государств. Папский престол этого и не отрицает, в частности, Папа Римский Франциск напрямую говорит о третьей мировой войне, по его мнению, уже ведущейся [61]. Более то-

го, Папский престол одним из первых способствовал созданию эффективного инструмента осуществления глобализационной экспансии – Всемирного Совета Церквей – реальной целью деятельности которого является уничтожение национального духовного кода в отдельных государствах с последующим подчинением Римской католической церкви.

С учетом анализа вышеназванных подходов в определении глобализации как социально-философской категории, представляется, что она представляет собой идеологическую основу современного этапа развития капитализма в мире, обосновывает минимизацию негативных последствий в развитии капиталистической системы путем экспорта издержек от центра (ядра) к ее периферии, опирается на единую систему разделения труда в рамках мирового рынка, направлена на обеспечение развития мирового капиталистического финансово-экономического базиса и его общественно-политической надстройки, осуществляется путем военно-политической, финансово-экономической, культурно-творческой и информационной экспансии Запада в общепланетарном масштабе посредством навязывания при помощи сформированных единых управляющих центров регулирования и контроля национальным государствам западных государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей с целью защиты и продвижения финансово-экономических интересов и потребностей.

В современной отечественной и зарубежной научной и учебной литературе понятие «конституционализма» используется достаточно активно, однако отсутствует единообразное понимание содержания и пределов его применения [139]. В западных социально-философских и правовых источниках понятие «конституционализма» известно давно. Общепринятым считается, что термин «конституционализм» был «введен в научный оборот в конце XVIII – начале XIX века для обозначения главным образом американской доктрины верховенства писаной конституции над обычными законами» [39].

В российской социально-философской и правовой литературе термин «конституционализм» долгое время не получал широкого использования. Как справедливо отмечал академик О.Е. Кутафин: «В дореволюционной литературе ему предпочитали такое понятие, как «конституционное государство». В советский период этот термин длительное время связывали лишь с зарубежными странами. И только в постсоветский период термин «конституционализм» стал использоваться достаточно широко, хотя главным образом лишь в исследованиях, специально ему посвященных» [50]. Действительно, и на сегодняшний день термин «конституционализм» в основном активно используется в рамках юридической науки, хотя и предпринимаются попытки его комплексного исследования в рамках иных социально-политических и философских наук [35, 78].

Неоднозначно рассматривают понятие «конституционализма» и отечественные и зарубежные ученые-филологи. Так, с точки зрения составителей Оксфордского словаря, конституционализм представляет собой «соблюдение конституционной формы правления» [135]. Дореволюционные филологи, как правило, давали определение конституционализму через призму понятия «конституция». Так, в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» конституционализм определялся как «система управления государством, основанная на конституционных началах» [106], а в словаре под редакцией А.Д. Михельсона – как «систему ограниченной формы правления и приверженность к ней» [66]. Ряд современных словарей

русского языка также определяет понятие «конституционализма» как «форму правления, основанную на конституции» [97].

Не вносят определенности и общего подхода в определение понятия «конституционализм» и толковые словари в рамках отдельных наук. По мнению авторов – составителей «Энциклопедического словаря конституционного права» конституционализм – «сложная общественно-политическая и государственно-правовая категория, основу которой составляют идеалы конституционной демократии (то есть демократии, базирующейся на наличии конституции как особом документе государства и общества), наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и система защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом» [109]. «Юридический словарь» трактует конституционализм как «теорию и практику организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией» [110]. Авторы-составители «Социологического словаря» определяют конституционализм как «тип управления государством, осуществляемый на основе закона, конституции, характеризующийся наличием: высшего законодательного органа, избираемого населением; ответственности правительства перед законодательным органом или главой государства; всеобщего избирательного права; института демократических прав и свобод, правосудия» [88].

Таким образом, существует следующие подходы в филологическом определении понятия конституционализм: как системы управления государством, основанной на конституционных началах; как сложной общественно-политической и государственно-правовой категории, основанной на идеалах конституционной демократии; как формы правления, основанной на конституционно определенных принципах; как теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией.

Представляется, что термин «конституционализм» преимущественно используется в политико-правовом и социально-философском контексте. В рамках иных наук его использование носит ситуационный характер и, как правило, обусловлено необходимостью экономического обоснования тех или иных концепций, идей, ценностей, которые составляют содержательную основу конституционализма.

Так, с экономической точки зрения конституционализм рассматривается рядом ученых в контексте конституционной экономики [84]. Американский экономист Ричард МакКинзи еще в 1982 году обосновал зависимость уровня развития конституционализма в тех или иных государствах от состояния развития их экономики [134]. Таким образом, конституционализм в рамках экономических теорий трактуется шире, чем в политико-правовых концепциях, не ограничиваясь объяснением конституционализма как формы применения и использования конституции страны в жизни общества и государственном устройстве. Это во многом обусловлено тем, что в английском языке понятие «конституции» шире, чем, например, в русском, и обозначает не только основной закон страны, но и широкую сеть нормативных документов, регулирующих деятельность акционерных обществ и компаний, некоммерческих фондов и организаций и т.п.

Как политико-правовая категория конституционализм определяется в рамках следующих политико-правовых концепций.

1) Ряд ученых политологов и юристов рассматривают конституционализм как политическую систему. Так, Р.А. Ромашов считает, что конституционализм пред-

ставляет собой политическую систему реально действующей конституции, которая ограничивает государственную власть, легитимизируя ее, утверждая ее правомерность, повышая авторитет государственной власти в обществе не силовым, а социально выработанным методом, что позволяет объединить и взаимно уравновесить социально-политические интересы государства и гражданского общества, не допуская необоснованного вмешательства со стороны кого бы то ни было в сферу конституционных прав и свобод [81].

Представляется, что данный подход несколько идеализирует конституционализм, так как, во-первых, сама конституция является продуктом сознательной деятельности людей, ее составивших, и, следовательно, создавалась в интересах тех социально-политических классов и слоев в обществе, которым принадлежит власть в данном национальном государстве (а не в интересах большинства), а во-вторых, нормы конституции являются наименее изменчивыми нормами права в силу сложной процедуры принятия основных законов страны и внесения в них изменений, что имеет своим следствием устаревание содержащихся в них правил организации жизнедеятельности общества и государства.

В связи с этим, А.Н. Медушевский считает, что «конституционализм может интерпретироваться как осознание обществом социального конфликта, как метод инструментального разрешения этого социального конфликта и, наконец, как определенный феномен политической системы» [62]. В тех странах, где власть в обществе принадлежит узкой прослойке населения, конституционно-правовые нормы эскалируют конфликт, защищая финансово-экономические и политико-правовые интересы властвующих классов и групп населения. В странах с относительно однородным населением конституционно-правовые нормы сглаживают потенциально возникающие социальные конфликты и защищают общество от внешнего негативного воздействия. Кроме того, ряд ученых рассматривают институт конституционализма как правовое основание социальной солидарности [2], что позволяет сплотить общество для решения общих задач, обеспечив ему поступательное развитие.

2) По мнению некоторых ученых конституционализм представляет собой форму общественно-политического устройства в современных государствах. Так, В.И. Крусс считает, что конституционализм не только отражает политико-правовое видение того, как должно быть устроено государственно организованное общество, но и влияет на совершенствование правового мышления [48].

Некоторые авторы склонны считать конституционализм скорее политической, чем правовой системой. В частности, И.А. Кравец отмечает: «Конституционализм является важнейшим фактором развития демократических государств в конце XX века. Как явление мировой политико-правовой культуры он сформировался при переходе от традиционного к индустриальному обществу. Он сохраняет значение нормативной основы демократического развития к информационному обществу (постиндустриальное развитие), несовместимому с тоталитарным порядком и требующему свободного обмена информацией. Политико-правовая система конституционализма, являясь важной институциональной и процедурной гарантией становления, развития и функционирования институтов гражданского общества, выступает как условие построения правового государства в России» [43].

Представляется, что определение конституционализма как политико-правового явления позволяет разработать механизм взаимной коммуникации общества

и государственного механизма с целью повышения эффективности правового регулирования общественных отношений. Например, в реалиях современного российского конституционализма это позволит обеспечить паритетность власти и гражданского общества, исключив возможность чиновничьего произвола.

Ряд зарубежных авторов считает, что «государственный механизм ... и его политическая организация являются конституционными в той мере, в которой они содержат организационные механизмы контроля власти для защиты интересов и свобод граждан, в том числе и тех из них, которые могут оказаться в меньшинстве» [139]. Данный подход позволяет осуществить разграничение легитимных (чья деятельность соответствует законным интересам, правам и свободам большинства населения) и легальных (формально соответствующих действующему законодательству и конституции (основному закону) политико-правовых режимов.

3) Ряд ученых определяют конституционализм как форму государственного правления, отождествляя его с деятельностью исполнительных органов власти [80]. Представляется, что данный подход излишне идеализирует деятельность государственного механизма, который формально вынужден в своей деятельности руководствоваться основным законом страны, но имеет, во-первых, возможности для игнорирования некоторых конституционно-правовых норм, а во-вторых, может всегда воспользоваться процедурами внесения изменений в конституционное законодательство.

4) Некоторые авторы считают, что конституционализм не следует рассматривать упрощенно как форму организации власти в стране в соответствии с ее основным законом, а считают, что он является сложной категорией (системой знаний), посредством которой осуществляется построение общественной жизни в стране и государственного аппарата на основе системы демократических институтов, ценностей и идеалов. Так, В.Т. Кабышев подчеркивает: «Конституционализм выступает в науке российского конституционного права как синтезированное понятие, воплощающее наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики: это и конституционная доктрина, сама конституция и пределы ее реализации, это и конституционная культура носителей власти и всего населения» [32]. По мнению Р.А. Ромашова конституционализм представляет собой сложную систему, которая объединяет в качестве своих структурных элементов «идейную доктрину, действующее законодательство и юридическую практику» [81, с. 96].

Действительно, не стоит сознательно упрощать феномен конституционализма, сводя его до формального следования государственного аппарата в своей деятельности конституционно-правовым нормам, так как их действенность во-многом зависит от тщательности разработки правовой доктрины конституционализма, уровня правовой культуры в обществе, и степени обеспечения общественного контроля за соблюдением чиновниками действующего законодательства.

5) Ряд ученых отождествляет конституционализм с формой государственного устройства на основе конституции (основного закона). Так, по мнению Ю.Ю. Веревиной конституционализм и конституция соотносятся как общее и частное [26]. Ряд зарубежных авторов, в свою очередь, определяет конституционализм как «совокупность идей, взглядов и образцов поведения, сформированных в принцип, согласно которому власть правительства проистекает из Основного закона и ограничена им» [117].

Однако, как справедливо замечает Ю.М. Тодик: «Следует учитывать, что наличие конституции еще не означает существования конституционализма как массового политического движения, заинтересованного в обеспечении в стране демократического конституционного строя. Соотношение конституции и конституционализма тесно связано с проблемой конституционности самой конституции, то есть с тем, насколько конституционный текст соответствует принципам гуманизма, справедливости, демократизма, обеспечения прав и свобод личности» [87]. Таким образом, понятие конституционализма значительно шире понятия конституции, так как подразумевает, что организация общественного и государственного устройства в конкретном национальном государстве должна учитывать общепризнанные нормы и принципы международного права, соблюдать и защищать права, свободы и законные интересы человека и гражданина.

6) Некоторые ученые придерживаются нормативистской концепции в определении понятия конституционализма [136]. Так, Н.В. Витрук относит конституционализм к нормативно-правовой системе [27]. Однако, данная позиция подвергается справедливой критике немецкого исследователя С. Войта, который считает, что хотя «конституционализм является нормативной концепцией, её не следует смешивать с конституцией «de facto», используемой в любом обществе. Конституционализм – многоуровневая система, которая функционально выходит за рамки конституции и вообще права, отражает особенности менталитета и бытия народа» [45].

По мнению В.В. Богатырева конституционализм вообще следует считать фундаментальной основой формирующегося глобального права [17]. Действительно, конституционализм характеризуется как сложное понятие, глубоко укоренившееся в историческом опыте, согласно которому должностные лица, осуществляющие государственные полномочия, в своей деятельности ограничены высшим законом. Конституционализм провозглашает целесообразность законности вне зависимости от желания и мнения самих государственных служащих. Поэтому можно сказать, что краеугольным камнем конституционализма является осознание обществом необходимости организации и деятельности государства согласно основному закону (конституции) страны. В связи с этим, Н.В. Варламова справедливо отмечает: «Сегодня в теории конституционализма ... конкурируют два подхода – позитивистский ... согласно которому конституционализм произведен от конституции и соответственно наличествует в любом государстве, где она есть ... и непозитивистский ... где конституционализм представляет собой систему ... институциональных гарантий прав человека и фактически отождествляет его с концепцией правового государства ... Такой конституционализм может быть только реальным; в противном случае (если власть фактически не ограничена соответствующими конституционными предписаниями) его просто нет» [25].

7) Некоторые ученые определяют конституционализм как систему ценностей, «которые невозможно представить отдельно друг от друга, поэтому от того, в какой степени и какими методами реализуется любой из конституционных принципов, зависит как обеспечение остальных, так и судьба конституционализма в целом» [55]. В рамках данного подхода в определении конституционализма ряд авторов считает, что конституционализм представляет собой продукт развития человеческой цивилизации в целом, а не совокупность политико-правовых доктрин, идей, взглядов какого-либо национального государства в отдельности. Так, А.Г. Пархоменко считает, что «несомненным приоритетом конституционализма являются такие ценности цивилиза-

ции, как: права, свободы человека и гражданина; народовластие; суверенитет (народный, национальный, государственный); парламентаризм; политический плюрализм; многопартийность; разнообразие форм собственности и многие другие» [74].

Данная концепция подкрепляется и опытом существования сложных государственных объединений, в частности, Европейского Союза. Так, Г. Хольцингер, председатель Конституционного Суда Австрии, делает вывод о том, что в современной Европе конституционализм представляет собой сложное явление, основывающееся на двух системах ценностей (национальной и всеевропейской) [103].

Однако, некоторые ученые совершенно справедливо отмечают, что конституционализм представляет собой скорее идеальную модель, доктрину, в которых воплощены представления о конституционном государстве, их конституционное оформление, а также политико-правовая практика реализации таких идей и закрепляющих их норм (в отличие от конституционного строя, являющегося реальным общественно-государственным устройством конкретного национального государства) [18].

Таким образом, конституционализм с политико-правовой точки зрения можно определить в качестве сложного общественно-политического и государственно-правового явления, представляющего собой систему политико-правовых доктрин, идей и взглядов относительно теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствии с идеалами конституционной демократии.

Как социально-философская категория конституционализм рассматривается в рамках различных социально-философских концепций.

Так, неоконсервативные концепции уделяют конституционализму достаточно пристальное внимание, так как выступают за сильное государство, обеспечивающее соблюдение действующих законов, а также прав, свобод и законных интересов граждан. Данное требование, по мнению И. Кристола, и составляет основу содержания конституционализма как принципа организации и функционирования современного демократического государства [130].

Несмотря на то, что консерваторы выступают за свободный рынок, приоритет общественного мнения над индивидуальным, они, тем не менее, считают необходимым построение государственного механизма на основе демократических принципов, которые должны соответствовать букве и духу закона, так как иначе государство потеряет эффективность в своей деятельности. Особенно это касается стран Запада, которые, по их мнению, являются оплотом демократии и гарантом развития капиталистической системы в современном мире. В этой связи Ф. Фукуяма в ряде своих работ отмечал, что мировой порядок в XXI веке во многом будет зависеть от стабильности системы государственного управления в США, ее соответствия конституционным нормам, идеалам и принципам, основанным на идеалах демократии, а также готовности Запада отстаивать интересы демократии в мире в том числе и силовым путем [123, 124]. Отчасти, это обусловлено трепетным отношением американских неоконсерваторов к писаной конституции, которая была принята достаточно давно (в XVIII веке) и содержит небольшой объем основного текста и поправок. По их мнению, ценности американской демократии, содержащиеся в Конституции США носят универсальный характер, являясь приоритетными над нормами международного права и национальным законодательством других стран.

В рамках современного либерализма конституционализм выступает его политико-правовым выражением в ходе перехода к индустриальному обществу. Как справедливо отмечает И.А. Кравец: «Как политико-правовая программа либерализма конституционализм представляет собой совокупность принципов и институтов, которые приводят к уничтожению абсолютизма, возникновению представительного образа правления, демократизации общественной жизни и внедрению правовых методов регулирования общественных отношений. Борьба за конституционализм становится необходимым атрибутом либеральной политики. Исторически конституционализм был связан с возникновением массового общества, борьбой в политической сфере – за всеобщее избирательное право, в гражданской – движением за гражданские права и равноправие» [44]. Таким образом, конституционализм выступает в рамках концепции либерализма своеобразной формой организации управления обществом, осуществляемого в интересах классов и групп населения, контролирующими экономические богатства мира.

Неолиберальные концепции трактуют конституционализм более широко, чем неоконсервативные [102]. Под ним понимается система организации государственной и общественной жизни в стране на основе сложной системы идеалов, принципов, концепций, норм и правил, в которых воплощены представления современного общества о конституционном правовом демократическом государстве.

Основное отличие понимания конституционализма на национальном и международном уровне у неоконсерваторов и либералов состоит в том, что неоконсерваторы считают конституционные ценности американской демократии приоритетными над нормами права иных государств и международным правом, что обусловлено ролью США как «мирового жандарма», обеспечивающего торжество демократии в мировом масштабе и защиту ее ценностей, а неолибералы, напротив, считают, что нормы международного права должны инкорпорировать весь положительный опыт конституционной демократии Запада (в основном – США).

По мнению неолибералов, распространение идеалов либеральной демократии и рынка, создание международных организаций, развитие международного права и сотрудничества должно осуществляться с позиции «мягкой силы», то есть, не путем насильственного навязывания их военно-экономической мощью США и НАТО, а через создание международных институтов (ООН, ВТО, МВФ и т.д.), принятие норм международного права и т.п.

В связи с этим, зарубежные и отечественные неолибералы сосредоточили усилия на исследовании экономической составляющей концепции конституционализма (конституционной экономике) [102], справедливо полагая, что правильно организованная и сбалансированная экономическая капиталистическая модель, подкрепленная военно-экономической мощью США и НАТО, а также контролируемые ими международными политическими институтами, является гораздо более весомой гарантией незыблемости конституционных идеалов капиталистической демократии, чем писанные нормы права на национальном и международном уровне.

Однако либеральная и неолиберальная трактовка конституционализма, являющаяся классическим его определением, все чаще подвергается жесткой критике. В частности, неомарксистские концепции отвергают ценность конституционализма как политико-правового феномена [4, 8, 24].

Во-первых, они считают, что в рамках существующей системы конституционализма в современных государствах власть сосредоточена в руках узкой прослойки

населения, ее узурпировавшей. Это позиция неомарксистов основывается на трактовке содержания и роли государства и правовой системы, данной классиками марксизма-ленинизма (К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным). Так, Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» определял государство как «продукт общества на известной ступени развития ... и признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [108].

Во-вторых, неомарксисты не считают конституционализм как ценность государственно организованного общества на капиталистической стадии его развития, когда государственный аппарат контролируется угнетающими классами. По их мнению, необходимо и неизбежно уничтожение классовых противоречий и буржуазного конституционализма, являющегося формой институциализации буржуазного «порядка». Так, В.И. Ленин считал, что непримиримые классовые противоречия могут быть разрешены исключительно революционным путем: «Если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая над обществом и «все более и более отчуждающая себя от общества», то явно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено» [52]. Таким образом, конституционализм в современном буржуазном капиталистическом обществе определяется неомарксистами как такая форма общественно-государственного устройства, которая позволяет до известной степени разрешать непримиримые классовые противоречия в интересах властвующих классов.

Традиционный ислам (шиитского и суннитского толка) до определенных пределов принимает концепцию конституционализма и использует его в философском объяснении принципов государственного и общественного устройства национальных исламских государств. Отчасти, это обусловлено тем, что ряд основных исламских государств (Иран, Турция) образовались как республики в результате насильственного свержения монархических режимов. При этом было осуществлено принятие конституций как основных законов в данных государствах [40]. Однако, Конституция Исламской Республики Иран исходит из того, что данный документ был принят как следствие Исламской революции исключительно в качестве создания условий «для продолжения революции в стране и за её пределами и ... развития отношений с другими исламскими и народными движениями в целях ... образования единой мировой исламской уммы» [41]. То есть, Конституция как высший нормативно-правовой акт Ирана рассматривается как временный документ, позволяющий институционализировать систему государственного и общественного устройства до момента всемирной победы исламской революции и образования мировой исламской уммы, после чего отпадет необходимость в использовании светских государственно-правовых институтов, во-многом заимствованных на Западе. Кроме того, Ираном был воспринят из западной концепции конституционализма целый ряд по-

литико-правовых институтов, например, институт президентства, который был имплементирован в сложную систему иранского государственно-политического механизма [79].

Отношение монархических государств к концепции конституционализма двояко. В тех из них, в которых имеются писанные (в частности, Бельгия) или неписанные (например, Великобритания) конституции, конституционализм является важным государственно образующим политико-правовым институтом.

Причем, фактически доктрина конституционализма в конституционных монархиях слабо отличается от конституционной доктрины республиканских государств. Например, Конституция Бельгии – основной закон Королевства Бельгия – закрепляет основные демократические институты и права (свободы) человека и гражданина: «запрет на сословные ограничения»; «свободу слова»; «свободу печати»; «право на достойную жизнь»; «право на бесплатное образование» и т.п. [115]. В ряде неконституционных и теократических монархий (в частности, Ватикане) концепцию конституционализма, как сознательного ограничения всевластия монарха игнорируют.

Под конституционализмом как социально-философской категорией следует понимать систему знаний политико-правового характера, основанную на фундаментальных демократических ценностях, обосновывающую необходимость организации государственной и общественной жизни в соответствии с идеалами конституционной демократии.

Глобальному конституционализму как социальной концепции присущ ряд признаков, к которым можно отнести следующие:

Во-первых, как и любая другая социальная концепция глобальный конституционализм представляет собой совокупность взглядов, идей, замыслов, способов понимания общественно-государственного устройства, структурированных в определенную систему знаний [42].

Во-вторых, с учетом специфики институтов «глобализации» и «конституционализма», на базе которых основывается социальная концепция глобального конституционализма, она является системой знаний социально-философского и политико-правового характера, обладающей специфическим собственным терминологическим и методологическим аппаратом.

В-третьих, данная система знаний основана на фундаментальных общемировых демократических ценностях, так как разработка принципов формирования и функционирования института конституционализма в контексте глобализации осуществлялась повсеместно.

В-четвертых, фундаментальные общемировые демократические ценности, составляющие основу глобального конституционализма как социальной концепции, состоят в создании условий организации межгосударственной, государственной и общественной жизни в общепланетарном масштабе в соответствии с идеологической основой современного этапа развития капитализма в мире.

В-пятых, сущность идеологической основы современного этапа развития капитализма в мире состоит в обосновании минимизации негативных последствий в развитии капиталистической системы путем экспорта издержек от центра (ядра) к ее периферии.

В-шестых, целями социальной концепции глобального конституционализма является обеспечение развития мирового капиталистического финансово-

экономического базиса и его общественно-политической надстройки, а также защита и продвижение финансово-экономических интересов и потребностей Запада.

В-седьмых, достижение цели социальной концепции глобального конституционализма обеспечивается военно-политической, финансово-экономической, культурно-творческой и информационной экспансией Запада в общепланетарном масштабе посредством силового, финансово-экономического и культурного навязывания иным национальным государствам западных государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей при помощи сформированных единых управляющих центров регулирования и контроля.

Таким образом, глобальный конституционализм как социальная концепция функционирует в качестве социально обусловленной и тенденциозно-абerratивной формы восприятия и объяснения действительности, являясь системой знаний социально-философского и политико-правового характера, основанной на фундаментальных общемировых демократических ценностях относительно необходимости организации межгосударственной, государственной и общественной жизни в общепланетарном масштабе в соответствии с идеологической основой современного этапа развития капитализма в мире.

Выводы. Глобальный конституционализм как социальная концепция представляет собой систему знаний социально-философского и политико-правового характера, основанную на фундаментальных общемировых демократических ценностях относительно необходимости организации межгосударственной, государственной и общественной жизни в общепланетарном масштабе в соответствии с идеологической основой современного этапа развития капитализма в мире.

В рамках глобального конституционализма как социальной концепции обосновывается минимизация негативных последствий в развитии мировой капиталистической системы путем экспорта издержек от ее центра (ядра) к периферии.

При этом, мировая капиталистическая система опирается на единую систему разделения труда в рамках мирового рынка, направлена на обеспечение развития мирового капиталистического финансово-экономического базиса и его общественно-политической надстройки, осуществляется путем военно-политической, финансово-экономической, культурно-творческой и информационной экспансии Запада в общепланетарном масштабе посредством навязывания при помощи сформированных единых управляющих центров регулирования и контроля национальным государствам западных государственно-правовых, общественно-политических институтов, принципов, связей, отношений, идей с целью защиты и продвижения финансово-экономических интересов и потребностей.

Библиографический список

1. Азнагулова Г., Комаров С.А. Правовая политика национальных государств в условиях глобализации и интеграции: статья // В сб.: «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» /Материалы XV Лихачевских чтений / – СПб., 2015. – С. 527–529.

2. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности: монография. – М.: Проспект, 2016. – 552 с.

3. Аллахвердян А.Г. Наука в условиях глобализации / под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. – М.: Логос, 2009. – 520 с.

4. *Амин Самир*. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. – М.: «Европа», 2007. – 168 с.
5. *Аннан К.* Обновление ООН: программа реформ // *Международная жизнь*. – 1998. – № 4. – С. 24.
6. *Ансари Г.* Приветствие // *Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева, В.И. Юртаева*. – М.: РУДН, 2007. – С. 11–12.
7. *Арриги Д.* Глобализация и историческая макросоциология // *Прогнозис*. – 2008. – № 2. – С. 57–72.
8. *Арриги Д.* Глобальное правление и гегемония в современной миросистеме // *Прогнозис*. – 2008. – № 3. – С. 3–17.
9. *Бабурин, С.Н.* Глобализация в перспективе устойчивого развития: Монография / С.Н. Бабурин, М.А. Мунтян, А.Д. Урсул; РГТЭУ. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
10. *Баранова, А.Ю.* Мировая экономика и финансовые отношения в условиях глобализации / А.Ю. Баранова. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – С. 7.
11. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
12. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
13. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
14. *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. The choice: global domination or global leadership / Пер. с англ. Е.А. Нарочницкой, Ю.Н. Кобякова. – М.: Международные отношения, 2004. – 287 с.
15. Бизнес, деньги, политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://top-rating.info/catalog/1/11> (дата обращения: 01.05.2019).
16. *Богатырев В.В.* Глобализация права: дисс ... докт. юрид. наук. – Владимир, 2012. – 404 с.
17. *Богатырев В.В.* Принцип конституционализма как фундаментальная основа формирующегося глобального права // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. – Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1 (3). – С. 5–12.
18. *Богданова Н.А.* Категория «конституционализм» в науке конституционного права // *Российский конституционализм: проблемы и решения*. – М., 1999. – С. 135–138.
19. *Борзых, С.В.* Концепция глобализации: Монография / С.В. Борзых. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – С. 44.
20. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 123 с.
21. *Буров В.Г.* Китайский взгляд на государство в условиях глобализации / В.Г. Буров // *Судьба государства в эпоху глобализации: отв. ред. Шевченко В.Н.* – М., 2005. – 201 с.
22. *Валлерстайн И.* После либерализма / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
23. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / Пер с англ. П. М. Кудюкина / под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

24. *Валлерстайн И.* Год 2008: смерть неолиберальной глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1786.html (дата обращения: 15.08.2020).
25. *Варламова Н.В.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.igpran.ru/public/publiconsite/IV%20Chteniya%20pamyati%20VSNersesyanca.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).
26. *Веревкина Ю.Ю.* Взаимоотношения конституции и конституционализма в России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М.: Институт государства и права РАН, 2013. – 199 с.
27. *Витрук Н.В.* Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // В сб.: Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. – Ч. I. – Томск, 1999. – С. 3–22.
28. *Вукичевич С.* Глобализация. Природа человека и природа человеческого общества (инспирирующее отражение социологического анализа В.И. Добренькова) // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 33.
29. *Делягин, М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд. / М.Г. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
30. *Добреньков, В.И.* Глобализация и Россия: Социологический анализ / В.И. Добреньков. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 3.
31. *Зиновьев А.* Идеологическая глобализация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/zinoviev_glob.html (дата обращения: 01.05.2019).
32. *Кабышев В.Т.* Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 63.
33. *Каллиникос Алекс.* Антикапиталистический манифест. – М.: «Праксис». – 2005. – 192 с.
34. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
35. *Кокотов А.Н., Сони́на Л.В.* Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 131.
36. *Колин К.К.* Информационная глобализация общества и гуманитарная революция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/globalization/informacionnaya-globalizaciya-obshhestva> (дата обращения: 15.08.2020).
37. *Колодко Г.В.* Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Г.В. Колодко; Ввод. глава Р.С. Гринберг. – М.: Магистр, 2012. – С. 39.
38. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. – М., 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worklib.ru/dic> (дата обращения: 15.08.2020).
39. Конституционное право Украины / Под ред. Ю.М. Методики, В.С. Журавского. – К.: Вид. дом «Ин Юре», 2002. – 544 с.
40. Конституция Турецкой Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Turkey&language=r> (дата обращения: 01.05.2019).
41. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=140> (дата обращения: 15.08.2020).

42. Концепция // Большой Энциклопедический словарь. – 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/162970> (дата обращения: 15.08.2020).
43. *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX в. – М., 2000. – С. 10.
44. *Кравец И.А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 561 с.
45. *Кравченко В.В.* Конституционное право Украины. – Изд. 3-е, испр. и доп. – К.: Аттика, 2004. – 512 с.
46. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд-е. – СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhencov/Globalizacija-656> (дата обращения: 15.08.2020).
47. *Кулагин, В.М.* Глобализация и развитие человека / В.М. Кулагин, М.М. Лебедева, А.Ю. Мельвиль // Глобализация: человеческое измерение / под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 11.
48. *Крусс В.* Конституционализм и философия права: к познанию проблемы // Право и жизнь. – 1998. – № 15. – С. 13–14.
49. *Кругман Пол.* Великая ложь. – М.: «АСТ», 2004. – 480 с.
50. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. – М.: «Норма», 2008. – 544 с.
51. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч., т. 27. – С. 387.
52. *Ленин В.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Полн. собр. соч. – Т. 33. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 1–120.
53. *Лисичкин, В.А.* Глобальная империя Зла. / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М.: НТЦ «Форум», 2001. – С. 33.
54. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000. – С. 1.
55. *Магомедова П.Р.* Равенство в доктрине конституционализма // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 717–722.
56. *Мазур, И.И.* Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. – 1328 с.
57. *Маллет В.* Глобализация экстремизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20160202/235247919.html> (дата обращения: 15.08.2020).
58. *Мамон Н.В., Завьялова А.С.* Глобализация: концептуальные основы // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. – 2015. – № 1. – С. 9.
59. *Мартин, Г.П.* Западная глобализации: атака на процветание и демократию / Г.-П. Мартин, Х. Шуманн. – М.: Альпина, 2001. – 335 с.
60. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.
61. *Медвецкий А.* Папа и большая игра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/rol-vatikana-v-tretej-mirovoj-vojne> (дата обращения: 01.05.2019).

62. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1997. – С. 4.
63. *Мизес Л.* Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. – Челябинск: Социум, 2006. – 466 с.
64. *Михайлова М.Д.* Некоторые проблемы глобализации // Международное публичное и частное право. – 2009. – № 3. – С. 8–11.
65. *Михеев В. В.* Логика глобализации и интересы России // Proect Contra. – Т. 4. – 1999. – № 4. – С. 49.
66. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fwords/Konstitucionalizm-17859.html> (дата обращения: 15.08.2020).
67. *Негт О.* Государство и капитал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imperativ.net/imp3/5.html> (дата обращения: 15.08.2020).
68. *Нэбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. – М.: Республика, 1992. – 416 с.
69. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; Рипол Классик, 2002. – С. 269.
70. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности / В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 148 с.
71. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: «А ТЕМП», 2004. – С. 132.
72. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – С. 114.
73. *Осьмова М.Н.* Глобализация мирового хозяйства. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 389 с.
74. *Пархоменко А.Г.* Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. – М., 1998. – С. 3.
75. *Подгорец Н.* Мертва ли доктрина Буша? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kievrus.com> (дата обращения: 15.08.2020).
76. Политическая наука: словарь-справочник. Авт. и сост.: Санжаревский И.И. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Тамбов. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/73812/ГЛОБАЛИЗАЦИЯ> (дата обращения: 15.08.2020).
77. Политический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vslovar.ru/slovo/politicheskij-slovar/globalizacija/32491> (дата обращения: 15.08.2020).
78. *Поярков С.Ю.* Конституционализм как основа рациональной политической системы современного общества // Право и политика. – 2013. – № 13. – С. 1882–1890.
79. *Прокофьев В.Н.* Иранский конституционализм и институт президентства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 70–74.
80. *Пронкин С.В.* Правительственный конституционализм в России: дисс. ... докт. истор. наук. – М.: МГУ, 2012. – 430 с.
81. *Ромашов Р.А.* Современный конституционализм: Вопросы истории и теории: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 125 с.
82. *Ротбард М.* Власть и рынок: Государство и экономика / Пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. – Челябинск: Социум, 2003. – 415 с.

83. *Сакс Дж.* Противоречия глобализации // Независимая газета, 2000, 11 октября.
84. *Саркисян Г., Мхитарян Ж., Нагапетян С.* Конституционализм в контексте конституционной экономики/ в сборнике: Актуальные проблемы экономической теории и практики. Сборник научных трудов. Под редакцией В.А. Сидорова. – Краснодар, 2015. – С. 33–42.
85. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – С. 135.
86. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. I (А-Й). – 1985. – С. 315.
87. *Совгиря А.В., Шуклина Н.Г.* Конституционное право Украины. Полный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Одиссей, 2012. – 544 с.
88. Социологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Konstitucionalizm-3162.html> (дата обращения: 15.08.2020).
89. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1992. – С. 164.
90. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Дж. Сорос. Пер. с англ. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с.
91. *Сорос Дж.* Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса. – М.: «Алышна Бизнес Букс». – 2008. – 202 с.
92. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. – М.: «Алышна Бизнес Букс». – 2004. – 192 с.
93. *Спиридонова, В.И.* Глобализация и национальное государство / В.И. Спиридонова // Судьба государства в эпоху глобализации: отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2005. – С. 5–6.
94. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М.: «Мысль», 2003. – 304 с.
95. *Тоффлер Э.* Революционное богатство (Revolutionary Wealth) / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2007. – 576 с.
96. *Уткин А.И.* Мировой порядок 21 века. – М.: ЭКСМО, 2002. – 512 с.
97. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. – Можайск: Издательство «Буколика», «Издательство РООССА», 2008. – С. 376.
98. *Фурсов А.И.* Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними (Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью?) // De futuro, или История будущего. – М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 255–304.
99. *Хаменеи С.М.* Толкование глобализации в исламе // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.-СПб.-Н.-Й., 2006. – С. 171.
100. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.
101. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu», 1992. – 304 с.
102. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
103. *Хольцингер Г.* Конституционное государство в Европейском союзе // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 35–38.

104. Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. – М.: Праксис, 2004. – С. 14.
105. Хестанов Р. Россия и режим глобального апартеида // Отечественные записки. – 2002. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stranaoz.ru/2002/3/rossiya-i-rezhim-globalnogo-aparteida> (дата обращения: 15.08.2020).
106. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fwords/Konstitucionalizm-17859.html> (дата обращения: 15.08.2020).
107. Штраус Л. Введение в политическую философию. – М., 2000. – 364 с.
108. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Политиздат, 1986. – 639 с.
109. Энциклопедический словарь конституционного права [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/print/constitution/Konstitucionalizm-768.html> (дата обращения: 15.08.2020).
110. Юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/print/legal/Konstitucionalizm-7707.html> (дата обращения: 15.08.2020).
111. Яценко М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса: дис. ... докт. философ. наук. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2010. – 391 с.
112. Железнов Ю.Д. Разница в развитии – естественнонаучная причина глобальных проблем // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 119–120.
113. Amin S. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World. EU. 2007. 168 p.
114. Archer M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity // International Sociology. 1991. Vol. 6. № 2. P. 133.
115. De Belgische Grondwet [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.senate.be/doc/const_nl.html (дата обращения: 15.08.2020).
116. Dictionary of the English language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-английского-языка2/globalization> (дата обращения: 15.08.2020).
117. Don E. Fehrenbacher, Constitutions and Constitutionalism in the Slaveholding South (University of Georgia Press, 1989). 361 p.
118. Dos Santos T. Socialismo o fascismo. El nuevo caracter de la dependencia y el dilema latinoamericano. Buenos Aires, 1973. P. 7–12.
119. «Exclusive Interview With Murray Rothbard» The New Banner: A Fortnightly Libertarian Journal. 25 February 1972.
120. Fleming J.M. «Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates», IMF Staff Papers 9: 369–379, 1962.
121. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992. (перевод Гончарова В.В.).
122. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. Free Press, 1999. P. 55–80.
123. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Cornell University Press, 2004. 137 p.
124. Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy (Yale University Press, 2006). 240 pp.
125. Frank A.G. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? 1993. 352 p.
126. Friedman M. Capitalism and Freedom, 1962. P. 38, 51.

127. Hart Jeffery A. (1997) «Globalization in Question: The International Economy and The Possibilities of Governance, by Paul Hirst and Grahame Thompson», *Indiana Journal of Global Legal Studies*: Vol. 4: Iss. 2, Article 11. Available at: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol4/iss2/11> (дата обращения: 15.08.2020).
128. Hayek F.A. *Law, Legislation and Liberty*, 3 vols. London and Chicago: University of Chicago Press, 1973–1979. 244 p.
129. Kristol W., Kagan R. *Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy* // *Foreign Affairs*. July/August 1996. (перевод Гончарова В.В.).
130. Kristol I. *On the Democratic Idea in America*, New York: Harper, 1972. 149 p.
131. Kristol I. *Neoconservatism: The Autobiography of an Idea*. New York: The Free Press, 1995. P. 37 (перевод Гончарова В.В.).
132. Lash S. *Critique of Information*. London, Thousand Oaks: Sage Publications, 2002. XII+234 p.
133. Levitt T. *Globalization of Market* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets> (дата обращения: 15.08.2020).
134. McKenzie R., ed., 1984. *Constitutional Economics*, Lexington, Mass, vii + 254 pp.
135. *Oxford dictionaries*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/ru> (дата обращения: 15.08.2020) (перевод Гончарова В.В.).
136. Philip P. Wiener, ed., «*Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas*», (David Fellman, «*Constitutionalism*»), vol. 1, pp. 485, 491–492 (1973–74).
137. Podhoretz N. *The Neoconservative Anguish over Reagan's Foreign Policy* // *The New York Times Magazine* (2 May 1982).
138. Rüstow A. *Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik*, т. 1–3, 1950–1957: т. 1: *Ursprung der Herrschaft*, т. 2: *Weg der Freiheit*, т. 3: *Herrschaft oder Freiheit?*; Mundell R. *Monetary Theory: Interest, Inflation and Growth in the World Economy*, 1971. P. 12–30.
139. Scott G. (1999). *Controlling the State: Constitutionalism from Ancient Athens to Today*. Harvard University Press.
140. Wallerstein I. *Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system* // *International Sociology*. V. 15. 2000. № 3. P. 251–267.

Для цитирования: Гончаров В.В., Савченко М.С., Савченко А.А. Глобальный конституционализм как социальное понятие: проблемы содержания // *Теория государств и права*. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 178–205. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.033

Vitaly V. GONCHAROV*,
Marina S. SAVCHENKO**,
Andrey A. SAVCHENKO***

GLOBAL CONSTITUTIONALISM AS A SOCIAL CONCEPT: CONTENT PROBLEMS

---

* **Goncharov, Vitaly V.**, Associate Professor of Department of State and International Law. Kuban State Agrarian University Named after I.T. Trubilin, PhD in Law. E-mail: niipgergo2009@mail.ru.

** **Savchenko, Marina S.** Head of the Department of State and International Law. Kuban State Agrarian University Named after I.T. Trubilin, Doctor of Law, Professor. E-mail: niipg2010@mail.ru.

*** **Savchenko, Andrey A.** Lawyer, PhD in Law. Krasnodar. E-mail: niipg2010@mail.ru.

Annotation. *This article is devoted to the conceptual analysis of the concept of global constitutionalism as a social concept. The purpose of research: to explore the problems of the content of global constitutionalism as a socio-philosophical concept.*

In the research, the author concretized, substantiated, and put into scientific use the concept of global constitutionalism as a social concept, which is defined through the prism of the concepts of "globalization" and "constitutionalism" as a socially determined and biased aberrative form of perception and explanation of reality, which is a social knowledge system -philosophical and political-legal nature, based on fundamental democratic values worldwide about the need for interstate, state and public life in planetary scale in accordance with the ideological basis of the modern stage of development of capitalism in the world.

Keywords: *global constitutionalism; problems of content; typology; socio-philosophical; neoliberalism; neoconservatism; neo-Marxism; antimondialism; world-system analysis; neoanarchism.*

Introduction. The concept of "global constitutionalism" has been actively used in the socio-philosophical and legal educational and scientific literature for the last decade, and is often used in international and national legal acts, which requires a conceptual analysis of this category to include it in the categorical apparatus used in philosophy. This concept is closely related and derived from the more general concepts of "globalization" and "constitutionalism". However, the latter, in the context of globalization, has become a subject of special development in philosophical and legal literature relatively recently, from about the beginning of the 21st century, and needs further deep study.

Main text. In the context of globalization, approximately since the beginning of the 21st century, a special analysis of relatively new phenomena and ideas in the philosophical and legal literature has become relevant [1].

The approach to defining the concept of "globalization" in modern domestic and foreign literature is ambiguous and broad. There are a number of reasons for this.

Firstly, this concept entered the terminological scientific turnover only in the 80s of the 20th century. The term "globalization", used by some scientists earlier, was not popularized in scientific literature until May 1983 by the famous American economist Theodore Levitt in the article "Globalization of Market" in the journal "Harvard Business Review", which defined "globalization" as the sphere of activity global companies, which emerged "as a result of a new commercial reality – the emergence of global markets for standardized consumer goods on an unimaginable scale of scale" (135).

Secondly, the very concept of "globalization" is interpreted ambiguously by philologists, and is also defined differently in dictionaries. And, as a result, terminological fuzziness creates a lot of problems.

Most dictionaries consider the concept of "globalization" through the prism of the concept of "global" (fr. global – universal, from lat. globus – sphere), meaning by this: "universality" [69]; "worldwide, complete, universal and comprehensive coverage" [71; 72; 86]; binding to the "territory of the whole globe" (89).

However, some philologists define "globalization" as a continuing process in which various actors participate. So, the compilers of the Oxford Dictionary understand by "globalization": "The process by which enterprises or other organizations develop their international influence and begin to work at the international level ..." [138]. The authors of the Big

Dictionary of the Russian Language believe that globalization is "the widespread influence of any process, phenomenon outside the borders of any country or outside any type of activity" (48).

Some philologists personify the concept of "globalization", linking it with the activities of individual countries (for example, the United States). In particular, the Dictionary of Foreign Words interprets globalization, on the one hand, as "a term that has come into use since the beginning of 1985 (the "Reagan Doctrine"), meaning that the United States has the right to intervene in wars in third world countries and "zones of vital interests of the USA", and on the other hand, "as the spread of any national phenomena (for example, economic relations) outside the country" [38].

Some philologists interpret the concept of "globalization", referring to international or national laws that gave rise to globalization processes in the world. Thus, the Explanatory English Dictionary directly connects the concept of globalization with the 1951 agreement, which laid the foundation for the creation of the European Coal and Steel Association. Explanatory dictionaries within the framework of individual sciences do not introduce certainty and a general approach to the definition of "globalization" [116]. Thus, the Political Science Dictionary defines globalization as "that began in the 1990s the intensification of the process of strengthening the interconnectedness of the world, the ever-increasing impact on the social reality of individual countries, various factors of international importance: economic and political ties, cultural and information exchange ... " [76].

According to the compilers of the political dictionary, globalization, on the one hand, is "a process of increasing influence on the social reality of individual countries by various factors of international importance: economic and political ties, cultural and information exchange ..." [77], and on the other hand "is a mechanism for introducing supranational financial structures in the internal economies of sovereign states"[77].

So, there are at least five approaches in the philological definition of the concept of "globalization": spatial and geographical, when globalization is understood as universal, complete and universal coverage of the entire territory of the globe; an understanding of globalization as a continuing process in which any phenomena, or entities, expand their field of activity and absolute scale; as erasing boundaries and differences by homogenizing and universalizing any phenomena or processes; as a personified activity of certain subjects of international relations (in particular, the United States as a state); as a political and legal phenomenon of consolidation and merging of any entities, enshrined in the norms of international and national legal systems.

Thirdly, the term "globalization" is treated differently in various branches of science. So, there are several scientific approaches to the definition of globalization from an economic point of view.

1) A number of authors consider globalization as a continuing process. Moreover, as M. Archer rightly notes: "This process ... leads to the linking of structures, cultures and institutions spanning the whole world" [114]. Within the framework of this approach, in the interpretation of globalization, there are two points of view regarding the time frame for the emergence and implementation of the globalization process.

Some scientists believe that globalization in the economy is a relatively young process that began in the second half of the 20th century and ended with the collapse of the USSR and CMEA, when the capitalist system literally became global in the whole world [21; 29; 56; 70].

So, according to V.G. Burov: "Globalization is a process that began in the second half of the twentieth century and is associated with the emergence of modern means of transport and information, when the world turned into the so-called "global village" [21]. At the same time, M.G. Delyagin rightly notes: "This process of formation and subsequent development of a single global financial and economic space ... became possible only in the second half of the 20th century ... based on new, mainly computer technologies"[29].

According to I.I. Lukashuk, the process of globalization is global in nature, "interconnecting national socio-economic entities in a single global economic and social system" [54].

Other proponents of this approach believe that globalization as an economic process, a phenomenon quite ancient, numbering several centuries [9, 20, 143]. In particular, S.N. Baburin believes: "Globalization is really a system-evolutionary planetary process of integration and the attainment of the integrity of mankind, the creation of not only the planetary community of civilization, but also a single global socio-natural system "man – society – nature" based on the principles of co-evolution" [9].

Indeed, attempts to globalize the economic system were carried out at all stages of the development of the world capitalist system, when it expanded, capturing more and more new markets for manufactured products, drawing more and more states into its orbit. More V.I. Lenin rightly noted: "Imperialism is capitalism at the stage of development when monopoly and financial capital dominated, the export of capital has acquired outstanding significance, the world has begun to be divided by international trusts, and the entire territory of the earth has been divided by the largest capitalist countries" [51]. This process was partially slowed down in the 20th century as a result of the formation of the USSR and the economic bloc of socialist states (CMEA), when the latter acted as direct competitors to the capitalist economic system.

2) Some authors consider globalization as the highest form of development of economic interconnection and interdependence of countries and regions in the world, their integration [3; 10; 73]. This is achieved, according to some economists, "a single global legal field ... created ... a uniform world governing bodies" [65]; "The internationalization of economic life is being carried out ... on a global scale" [73]. At the same time, a number of economists consider globalization as a process of erasing national and regional borders in the economy. In particular, A.Yu. Baranova notes: "The globalization of the world economy is the transformation of the world space into a single zone where goods and services, capital and labor freely move, where innovations are freely distributed and introduced, stimulating the development of modern institutions and debugging mechanisms for their interaction. Globalization implies the formation of a single (universal) international economic, legal and cultural information space" [10]. As a result of this, according to V.M. Kulagin, globalization acts as a new quality of the interconnectedness and interdependence of mankind [47].

Indeed, the degree of integration of national economies and their interdependence in the modern world is extremely high, which suggests that economic globalization acts as a single form and set of standards for the implementation of such interaction.

3) A number of economists consider globalization as a natural development of human society, which seeks to organize its life according to uniform standards, guided by common legal norms, customs, and traditions [64]. So, according to V.N. Dobrenkov: "Globalization ... in the broadest sense ... is an objective regularity, according to which the whole of modern society develops independently of the will and consciousness of its constituent people ... the historical trend of the modern era" [30]. It seems that globalization is a consequence of

an objective pattern in the development of the capitalist economic system, which at the final stage of its existence forms a single financial and economic field for the activities of economic entities.

4) According to some scientists, globalization acts as a form of formation and strengthening of transnational corporations on a global scale [9, p. 24–25]. At the same time, global corporations, within the framework of this scientific approach, are considered as

a priority (main) force that stands above national state political structures, as well as international governmental and non-governmental organizations.

However, a research of the interdependence of the largest transnational corporations by the Swiss Federal Institute of Technology in Zurich showed that only 147 transnational corporations control more than 40% of the world market, while 20 of them form the core of the capitalist system and are controlled by only a few dozen families [15]. So, it can be assumed that transnational corporations are only the legal form of financial and economic control over the processes of globalization, carried out by a limited number of the richest families of mankind.

5) A number of scientific economists consider globalization in the economy as a consequence of the development of scientific and technological progress worldwide, as well as the information stage of the scientific and technological revolution (STR) [12, 34,59,95]. So, according to N.V. Mamon and A.S. Zavyalova: "They endow the concept of globalization with the status of "one of the main directions of world development at the stage of the formation of the information society", consider the Internet "a symbol of globalization processes", emphasize the ever-increasing weight in the life of mankind, covering the whole world of various transnational organizations, corporations, movements, note "the globalization of the financial and credit sphere and the emergence of geoeconomics" [58].

It seems that globalization, in fact, is largely due to the development of scientific and technological progress, but is not its consequence, since throughout the development of mankind a phased transition of the economy to ever new levels of technological structure has been carried out (up to the modern transition to the sixth technological structure) and at the same time globalization was absent in world economic life.

6) A number of authors consider globalization in the economy a consequence of the establishment in world politics of a unipolar model with the hegemony of the United States, based on its military power [21; 37; 53; 73]. So, according to V.I. Spiridonova: "Globalization is the desire of economic and financial supramundane (or transnational) structures to embrace the whole world under the pretext of achieving maximum production efficiency" [93]. At the same time, it seems that the United States is more likely to act as a kind of "world gendarme", which, with its military power, provides support to transnational economic structures, as well as to the supranational and governmental bodies of governance and control that they form.

7) Some economists attribute globalization to a revolutionary nature. In particular, J. Sachs calls globalization "a true economic revolution" that took place by the end of the 20th century in less than 15 years [83]. The revolutionary nature of globalization, in the opinion of K. Annan (former UN Secretary General) is evidenced by the fact that she radically restructured the modern human era, moreover, "not only ways to explore the world, but also ways we communicate with each other" [5]. It seems that the globalization of the economic capitalist system is rather not a revolutionary, but a natural evolutionary stage of its development, due to the global expansion of the capitalist economy to a global scale.

8) A number of economists deny the objective nature of globalization as an economic phenomenon, believing that it is artificial [127]. As S. Vukichevich rightly notes: "Globalization is a general social change, a social experiment that covers the entire territory of modern social reality" [28]. Indeed, it seems that globalization from an economic point of view became possible after the capitalist financial and economic space expanded after the collapse of the USSR and CMEA to the scale of the entire globe (and this collapse of the socialist economic camp as a competitor to the capitalist West was subjective, as it was carried out by external influences (for example, the artificial drop in hydrocarbon prices in the 70–80s of the 20th century). Once in the financial and economic spaces was involved the whole of humanity, the growing tension in the development of the capitalist system began allowing in the framework of the concept of globalization by exporting the costs of the capitalist center in the peripheral developing states and countries with economies in transition (such as the Russian Federation). This process is also partly subjective.

It seems that, taking into account the analysis of the above concepts, globalization from an economic point of view can be defined as the stage of development of the capitalist economic system, characterized by the formation of a single global financial and economic space, accompanied by the regionalization of the world economy, its intensification and convergence of national economies, the formation and strengthening of multinational companies, as well as the formation of unified management centers for regulation and control.

There are several scientific approaches to the definition of globalization as a political and legal category.

1) A number of scientists view globalization as a political process [59, 90]. So, V.I. Dobrenkov notes that: "Globalization is a kind of politics (geopolitics) aimed at spreading its cultural influence from a country or several countries to the whole world (planet); ... it is a subjective interpretation, consciously constructed by political actors for the sake of their goals, which are realized in the aggregate of practical actions" [30]. Indeed, globalization as a political and legal process consists in the imposition by one of the subjects of world politics of its political will on other subjects. However, this political will is only a form of formalizing the economic interests of the ruling subjects of world politics (states, transnational corporations, their associations).

2) According to some legal scientists, globalization is a form of planetary integration of the socio-political superstructure in nation-states. So, according to M.N. Marchenko, through globalization, the world-wide integration of state legal, socio-political institutions, principles, relations, relations, ideas are carried out [60]. M.P. Yatsenko believes that globalization is in this case a form of organization of the historical process [111]. Indeed, through globalization, the political and legal systems in individual countries are changing significantly. However, we are not talking about the voluntary and equitable integration of these systems – everywhere the ruling actors of the world politics impose their political will on the subjects.

3) A number of lawyers and political scientists define globalization through a revolutionary approach, when globalization is presented as a revolutionary transition of the political and legal system in nation states to a qualitatively new level [36]. So, according to R. Hestanov: "Globalization is not only the destruction of some traditional structures, but the creation of new, more complex and diverse" [105]. However, it seems that the destruction of traditional political and legal institutions in national states is not a revolution, since this process is not accompanied by the transition of the economic system in society in these countries to a qualitatively new stage of development, on the contrary, such an absorption

and westernization of political and legal institutions in individual states leads to their degradation and loss of efficiency.

4) According to some lawyers and political scientists, globalization is a consequence of the natural evolution of the global political and legal system [111, 112]. According to V.M. Kulagin, with the fall of the Soviet Union, all states of the modern world are subject to globalization [47]. However, it seems that the conclusion about the naturalness of globalization of the political and legal system in national states is far-fetched, and it is not universal. After all, states that actively ignore the Western-style globalization (Iran, North Korea, Cuba, etc.) continue to exist and actively develop.

5) A number of authors consider globalization through the prism of universalization of socio-political and legal ties and relations. As P. Eburdin and D. Nesbitt note, this allows us to bring the styles and forms of life in society on a global scale to a common denominator [68]. According to some scientists, globalization at the same time acts as a communication platform with universal standards for the construction and functioning of political and legal institutions and systems [19]. At the same time, supporters of this concept ignore the fact that such universalization is carried out in many ways by imposing Western standards of behavior on other countries participating in world politics.

6) Some scientists see globalization as a form of spreading or imposing democratic values and institutions around the world, including its violent westernization [3]. According to D. Held: "Globalization is a deeply differentiated process that finds expression in all key areas of social activity (including political, military, legislative, environmental, criminal, etc.)" [104]. It seems that this point of view on globalization as a political and legal category corresponds to the real goals of the activities of international and non-governmental political institutions, which, under the pretext of achieving maximum efficiency of the world economy and protecting human rights, in essence protect the economic interests of transnational companies, states of the "golden billion" and their ruling political classes.

7) Some scientists are skeptical of the very existence of the phenomenon of globalization, considering it an artificially coined term that does not reflect the modern realities of the development of the world political and legal system [73, p. 9, 58]. A. Zinoviev rightly noted at the beginning of the XXI century: "The word" globalization "was invented as an ideological disguise for the war that the Western world, led by the United States, leads to domination of all mankind. One of the most important components of this war is the ideological deception of mankind in the spirit that is desirable for globalizers, that is, ideological globalization" [31]. Indeed, globalization acts as an ideological disguise of the expansion of the Western understanding of the political and legal structure of the world and a form of imposing by the West of its interests on the whole world.

So, globalization from a political and legal point of view is a stage in the development of the global socio-political superstructure of the capitalist financial and economic base, characterized by the expansion of the West on a planetary scale by imposing its state-legal, socio-political institutions, principles, relations on the last nation-states relations, ideas in order to protect and promote their own financial and economic interests and needs through the formation of a single control regulation and control centers.

As a socio-philosophical category, globalization is considered within the framework of various social concepts.

Thus, supporters of the neoconservative concept (Irving Kristol, William Kristol, Norman Podgorets, Leo Strauss, Francis Fukuyama, Robert Kagan, Zbigniew Brzezinski) actively used the term globalization, as it allowed to justify the use of the US military and

economic power around the world to suppress and the destruction of hostile US political regimes and the establishment of democracy [14, 75, 107, 132, 140].

In fact, it was an attempt to ideologically cover comprehensive Western expansion on a planetary scale. In particular, I. Kristol in his book "Neoconservatism: The Autobiography of an Idea" writes that the preservation of modern democracy, the core of which is the United States, is impossible without continued economic growth. Under the conditions of the crisis of capitalism, the achievement of economic growth is possible only by protecting and advancing the economic interests of the West on a global scale. At the same time, the expansion of the West, justified by the economic philosophy of development, which is the essence of modern processes of globalization, needs to be covered by various political, philosophical, moral, philosophical and even religious arguments [133].

F. Fukuyama, in turn, during his commitment to non-conservative ideas (until 2004) in his book "The End of History and the Last Man" justifies military force as the main method of maintaining world order [121]. Exactly F. Fukuyama in several of his works ("The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order", "State-Building: Governance and World Order in the 21st Century", "America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy") defined the basic principles of neoconservatism in the context of globalization processes in the world, which can conditionally be formulated as: 1) the subordinate position of national states to the world liberal democratic community in connection with the dependence of foreign policy of national all states on the nature of their internal regimes; 2) the United States in the promotion of democratic values must play the role of "world gendarme", using all its military power; 3) international law and international institutions are not priority in the United States in promoting democratic values and should not fetter the West; 4) democratic values and human rights are priority over the immediate needs of society [122, 123, 124].

W. Kristol and R. Kagan tightened these principles in 1996 in the non-conservative program with three imperatives: the need for constant militarization of the USA; propaganda of patriotism and militaristic values in Western society; "moral clarity", according to which the USA is obliged to deliver preventive strikes against any nation-state that impedes the spread of American values (democracy, a market economy, respect for freedom) [12].

So, proponents of the non-conservative concept use globalization exclusively as a technology for planetary expansion of the capitalist system under the control and leadership of the West in the face of transnational corporations, state-political and financial-economic elites.

Proponents of the neoliberal concept (Robert Mandell, Marcus Fleming, Alexander Ryustov, Milton Friedman, Zygmunt Bauman) [126] also actively use the term globalization due to the fact that the main idea of neoliberalism is the intensification and spread of the free market on a global scale and in all spheres of society. Thus, it can be considered that it is comprehensive globalization that is the main idea of the neoliberal social concept.

Neoliberals see globalization as a process of a phased transition of nation-states from patronage of their domestic interests to awareness of the priority interests of the "community of civilized countries", which is formed due to the mutual penetration of economies of different states, the formation of the international financial and economic system, the dominance of transnational companies in it, and the growth of competition among businesses subjects.

So, Z. Bauman, argues that the essence of the idea of globalization consists in the uncertainty, uncontrollability and independence of the socio-economic and political processes taking place in the world, when there are no single centers, control panels, boards of directors or central offices of global economic processes [11].

Russian neoliberals also believe that globalization in the modern world is the main driving force behind its development, transformation and renewal. In particular, A.I. Utkin in his book "The World Order of the XXI Century" gives such a definition to this concept: "globalization is the merging of national economies into a single, global system based on the new ease of capital movement, on the new information openness of the world, on the technological revolution, on the commitment of developed industrial countries liberalization of the movement of goods and capital, based on communication rapprochement, the planetary scientific revolution, interethnic social movements, new modes of transport, the implementation of telecommunications technologies, international education" [96].

However, in the last decade, a number of Western politicians, philosophers, and economists have subjected the neoliberal social concept to harsh criticism, especially regarding the globalization of the free market and the state's departure from solving social problems of the population. According to J. Soros, it is precisely the spread of neoliberal ideas around the globe that can lead to the emergence of a socio-economic crisis on a global scale [9, 9]. J. Stiglitz at the beginning of the 21st century warned that there were already alarming trends in the development of globalization, indicating the beginning of this crisis [94]. Paul Krugman, in assessing the impact of neoliberalism in the processes of globalization, was even more categorical, claiming that the free market, praised by neoliberals, is a big lie that covers the process of exporting the costs of capitalist development of the West to the world periphery [49].

Indeed, we could observe the degree of effectiveness of neoliberal concepts for the development of national economies in the second half of the 20th and beginning of the 21st centuries on the activities of the International Monetary Fund, the World Bank, and the World Trade Organization, according to the recipes of which the financial and economic sector was reformed in Latin America, Eastern European countries, including the Russian Federation. The result of such reforms was a drop in the level of GDP, the life of the population, as well as the loss of the ability of these countries to produce technically complex, high-tech products that correspond to the technologies of the fifth and sixth technological structures.

Proponents of classical liberalism, modern libertarians and neoanarchists (Murray Rothbard, Ludwig von Mises, Friedrich August von Hayek) have their own views on the formulation of the concept of globalization [63, 2, 126]. In particular, proponents of classical liberalism insist that globalization processes should not infringe on civil rights, political and economic freedoms of citizens in nation-states. At the same time, a number of authors, for example, F. Hayek, are cunning about the state's non-interference in the realization of economic rights and freedoms of citizens, declaring with aggressiveness, usually inherent in neoconservatives, the necessity and inevitability of using violence in cases where there is a threat to the realization of these freedoms [101]. Moreover, the authors of these concepts do not leave the right to assess these threats to mythical freedoms, as well as to decide on the use of violence, to the nations of national states in which attempts to infringe upon the political and economic rights and freedoms of citizens, but to Western states and their political elites.

A number of neoanarchists, in particular, M. Rothbard, idealize capitalism of the era of globalism, believing that it is globalization that will allow capitalism to be given the full expression of anarchism: "Capitalism is the most complete expression of anarchism, and anarchism is the most complete expression of capitalism" [119]. At the same time, the fact that globalization of the economy is carried out purposefully in the interests of transnational corporations, Western countries, financial and industrial elites, and not in the interests of the common population, is hushed up.

Authors of neo-Marxist concepts and the new left (supporters of the Frankfurt school (Herbert Marcuse, Erich Fromm, Walter Benjamin, Jurgen Habermas, Oscar Negt), praxis schools, and a number of others) [33, 67, 100], generally perceive the modern processes of globalization negatively, referring it to the form of expansion of capitalism in the world scale.

The authors of the concept of world-system analysis (theory of world systems) (Immanuel Wallerstein, Andre Gunder Frank, Samir Amin, Giovanni Arrigi, Teotoniu dos Santos, A.I. Fursov, A.V. Karataev) [4, 7, 23, 98, 113, 118, 125] believe that globalization is for several centuries, the process of capitalist expansion, which ended by the beginning of the 21st century with the takeover of all national states and the formation of a single world capitalist system headed by the West, relying on an unified labor system in the global market, undergoing systemic cycles personal crises that cannot be identified with any state represented by the countries of the "center", "periphery" and "quasi-periphery" interacting on an economic basis. The world capitalist system, according to I. Wallerstein, is historically temporary in nature, can be replaced by another world system, as it is in a state of crisis leading to such a transition, but the direction of the transition has not yet been determined [22].

It seems that the concept of world-system analysis quite fully and comprehensively defines the conditions and signs of globalization as a socio-philosophical phenomenon, but at the same time, firstly, it is not able to predict the further development of the global financial and political system, and secondly, does not offer ways to protect national states and societies from the negative consequences of globalization; thirdly, it does not develop tools for the participation of the broad masses of the population in the processes of countering the negative consequences of ongoing globalization, offering them the role of observers, which plays into the hands of global financial, economic and state-political elites.

Ambiguously perceive globalization and religious social concepts. So, traditional Shiite Islam is wary of globalization processes. The spiritual leader of Iran S.M. Khamenei notes: "The process of globalization (that is, the conquest of the world), which is now depicted as historical predestination, can be called satanic globalization ... The true ruler of a global village (if you use this term correctly) is not a person, but his Creator. He is a defender of human rights, democracy and freedom in practice, and not just in theory, and considers the killing of even one individual equal to the destruction of the entire human race" [99].

A number of Muslim philosophers and theologians believe that globalization should be distinguished as a natural process of spiritual rapprochement and unity of peoples and globalization as a form of economic and cultural expansion of the West. In particular, G. Ansari notes: "The globalization variant imposed today has already caused conflicts on a global scale. And this could not but cause the natural resistance of the peoples. Globalization (as a natural process of universalization of the vital activity of the peoples of the planet) and globalization-peacebuilding (as an artificially promoted process) are two different processes" [6]. However, in fact, such an approach to the definition of globalization boils down to the fact that Islamic philosophers and theologians, rejecting the Western concepts of globalization, basically defend the point of view that globalization is inevitable and should

be implemented, but as a religious and cultural basis for such globalization should be exclusively Islam.

Supporters of radical Islam at the same time offer radical methods of such globalization (up to the physical destruction of non-Muslims), which in their cynicism and cruelty are not inferior to neoconservative and neoliberal Western concepts. According to Victor Mallet, thanks to this position in Islamic philosophy and theology in the 21st century, there was a globalization of extremism in the face of ISIS [57].

In the development of globalization, I would especially like to note the role of the Vatican, speaking largely on behalf of the "old" continental elites, which is one of the main tools of modern capitalist globalization. In the understanding of the Roman Catholic Church, globalization has been carried out almost throughout its existence, starting with the Crusades, and consists in imposing Western values on the rest of the world. This expansion is carried out in various ways: from soft power to encouraging direct military intervention in the fate of one or another national state. The papal throne does not deny this, in particular, Pope Francis directly speaks of the third world war, in his opinion, already ongoing [61]. Moreover, the Pontifical throne was one of the first to contribute to the creation of an effective tool for the implementation of globalization expansion – the World Council of Churches – the real purpose of which is to destroy the national spiritual code in individual states with the subsequent submission of the Roman Catholic Church.

Taking into account the analysis of the above approaches in determining globalization as a socio-philosophical category, it seems that it represents the ideological basis of the modern stage of development of capitalism in the world, substantiates the minimization of negative consequences in the development of the capitalist system by exporting costs from the center (core) to its periphery, is based on a unified system of division of labor within the framework of the world market, aimed at ensuring the development of the world capitalist financial and economic basis and its general political and political superstructure, carried out by the military-political, financial, economic, cultural, creative and information expansion of the West on a planetary scale through the imposition of Western state-legal, socio-political institutions, principles, connections, relationships, ideas in order to protect and promote financial and economic interests and needs.

In modern domestic and foreign scientific and educational literature, the concept of "constitutionalism" is used quite actively, but there is no uniform understanding of the content and limits of its application [139]. In Western socio-philosophical and legal sources, the concept of "constitutionalism" has long been known. It is generally accepted that the term "constitutionalism" was "introduced into scientific circulation at the end of the XVIII – beginning of the XIX centuries to designate mainly the American doctrine of the supremacy of the written constitution over ordinary laws" [39].

In Russian socio-philosophical and legal literature, the term "constitutionalism" has not been widely used for a long time. As rightly noted academician O.E. Kutafin: "In pre-revolutionary literature, he preferred the concept of "constitutional state". In the Soviet period, this term for a long time was associated only with foreign countries. And only in the post-Soviet period, the term "constitutionalism" began to be used quite widely, although mainly only in researches specifically devoted to it" [50]. Indeed, to date, the term "constitutionalism" is mainly used actively in the framework of legal science, although attempts are being made to conduct a comprehensive research of it in the framework of other socio-political and philosophical sciences [35, 78].

The concept of "constitutionalism" and domestic and foreign scientists of philology are controversially considering. So, from the point of view of the compilers of the Oxford Dictionary, constitutionalism is "compliance with the constitutional form of government" [135]. Pre-revolutionary philologists, as a rule, defined constitutionalism through the prism of the concept of "constitution". So, in the "Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language", constitutionalism was defined as "a system of state governance based on constitutional principles", [106] and in the dictionary edited by A.D. Michelson – as "a system of limited form of government and commitment to it" [66]. A number of modern dictionaries of the Russian language also define the concept of "constitutionalism" as a "form of government based on the constitution" [97].

The general approach to the definition of the concept of "constitutionalism" and explanatory dictionaries within the framework of individual sciences do not introduce certainty either. According to the authors – compilers of "the Encyclopedic Dictionary of Constitutional Law", constitutionalism is "a complex socio-political and state-legal category, which is based on the ideals of constitutional democracy (that is, democracy based on the presence of the constitution as a special document of the state and society), the existence of certain institutions power corresponding to the constitution of the political regime and the system of protecting the values of democracy, human and civil rights and freedoms, the constitutional system in whole" [109]. The "Legal Dictionary" interprets constitutionalism as "the theory and practice of organizing state and public life in accordance with the constitution" [110]. The authors-compilers of the "Sociological Dictionary" define constitutionalism as "a type of government, carried out on the basis of law, a constitution, characterized by the presence of: the supreme legislative body elected by the population; the responsibility of the government to the legislature or head of state; universal suffrage; the Institute of Democratic Rights and Freedoms, Justice" [88].

Thus, the following approaches exist in the philological definition of the concept of constitutionalism: as a system of government, based on constitutional principles; as a complex socio-political and state-legal category based on the ideals of constitutional democracy; as a form of government based on constitutionally defined principles; as theories and practices of the organization of state and public life in accordance with the constitution.

It seems that the term "constitutionalism" is mainly used in the political-legal and socio-philosophical context. In the framework of other sciences, its use is situational in nature and, as a rule, is determined by the need for economic justification of certain concepts, ideas, values, which make up the substantive basis of constitutionalism.

So, from an economic point of view, constitutionalism is considered by a number of scientists in the context of constitutional economics [84]. The American economist Richard Mackenzie back in 1984 substantiated the dependence of the level of development of constitutionalism in certain states on the state of development of their economy [134]. Thus, constitutionalism in the framework of economic theories is interpreted more widely than in political and legal concepts, not limited to explaining constitutionalism as a form of application and use of the country's constitution in society and in government. This is largely due to the fact that in English the concept of "constitution" is wider than, for example, in Russian, and denotes not only the basic law of the country, but also a wide network of regulatory documents regulating the activities of joint-stock companies and companies, non-profit foundations and organizations and etc.

As a political and legal category, constitutionalism is defined in the framework of the following political and legal concepts.

1) A number of political scientists and lawyers consider constitutionalism as a political system. So, R.A. Romashov believes that constitutionalism is a political system of a really functioning constitution, which limits state power, legitimizing it, asserting its legitimacy, and increasing the authority of state power in society not by force but by a socially developed method, which allows combining and mutually balancing the socio-political interests of the state and civil society, avoiding unjustified interference by anyone in the sphere of constitutional rights and freedoms [81].

It seems that this approach somewhat idealizes constitutionalism, since, firstly, the constitution itself is a product of the conscious activity of the people who compiled it, and, therefore, was created in the interests of those socio-political classes and stratum in society, which holds power in this national the state (and not in the interests of the majority), and secondly, the norms of the constitution are the least changeable rules of law due to the complicated procedure for adopting the basic laws of the country and making amendments to them, which has As a result, the obsolescence of the rules for organizing the life of society and the state they contain.

In this regard, A.N. Medushevsky believes that "constitutionalism can be interpreted as public awareness of a social conflict, as a method of instrumental resolution of this social conflict and, finally, as a specific phenomenon of the political system" [62]. In those countries where the power in society belongs to a narrow stratum of the population, constitutional and legal norms escalate the conflict, protecting the financial, economic, political and legal interests of the ruling classes and population groups. In countries with a relatively homogeneous population, constitutional norms smooth out potential social conflicts and protect society from external negative influences. In addition, a number of scientists consider the institution of constitutionalism as the legal basis for social solidarity [2], which allows uniting society to solve common problems, ensuring its ongoing development.

2) According to some scientists, constitutionalism is a form of socio-political structure in modern states. So, V.I. Kruss believes that constitutionalism not only reflects a political and legal vision of how a state-organized society should be organized, but also influences the improvement of legal thinking [48].

Some authors tend to consider constitutionalism as a political rather than a legal system. In particular, I.A. Kravets notes: "Constitutionalism is the most important factor in the development of democratic states at the end of the XX century. As a phenomenon of world political and legal culture, it was formed during the transition from traditional to industrial society. It retains the significance of the normative basis of democratic development for the information society (post-industrial development), which is incompatible with the totalitarian order and requires a free exchange of information. The political and legal system of constitutionalism, being an important institutional and procedural guarantee of the formation, development and functioning of civil society institutions, acts as a condition for building a rule of law in Russia" [43].

It seems that the definition of constitutionalism as a political and legal phenomenon allows us to develop a mechanism of mutual communication between society and the state mechanism in order to increase the efficiency of legal regulation of public relations. For example, in the realities of modern Russian constitutionalism, this will ensure the parity of power and civil society, eliminating the possibility of bureaucratic arbitrariness.

A number of foreign authors believe that "the state mechanism ... and its political organization are constitutional to the extent that they contain organizational mechanisms for controlling power to protect the interests and freedoms of citizens, including those who

may be in the minority" [139]. This approach makes it possible to distinguish between legitimate (whose activities correspond to the legitimate interests, rights and freedoms of the majority of the population) and legal (formally relevant to the current legislation and constitution (basic law) political and legal regimes.

3) A number of scientists define constitutionalism as a form of government, identifying it with the activities of the executive authorities [80]. It seems that this approach unnecessarily idealizes the activity of the state mechanism, which is formally forced in its activities to be guided by the main law of the country, but, firstly, has the ability to ignore certain constitutional and legal norms, and secondly, it can always use the procedures for amending the constitutional legislation.

4) Some authors believe that constitutionalism should not be considered simplified as a form of organization of power in the country in accordance with its basic law, but consider it to be a complex category (system of knowledge), through which the construction of public life in the country and the state apparatus is carried out on the basis of a system of democratic institutions, values and ideals. So, V.T. Kabyshev emphasizes: "Constitutionalism appears in the science of Russian constitutional law as a synthesized concept embodying the most significant phenomena of the constitutional system and constitutional practice: this is the constitutional doctrine, the constitution itself and the limits of its implementation, this is the constitutional culture of the authorities and the entire population" [32]. According to R.A. Romashov, constitutionalism is a complex system that combines "ideological doctrine, existing legislation and legal practice" as its structural elements [81, p. 96].

Indeed, one should not consciously simplify the phenomenon of constitutionalism, reducing it to the formal observance of the state apparatus in its activities by constitutional and legal norms, since their effectiveness largely depends on the thoroughness of the development of the legal doctrine of constitutionalism, the level of legal culture in society, and the degree of public control for compliance by officials with the current legislation.

5) A number of scientists identify constitutionalism with the form of government based on the constitution (fundamental law). So, according to Yu. Yu. Verevkina constitutionalism and the constitution are correlated as general and particular [26]. A number of foreign authors, in turn, define constitutionalism as "a set of ideas, views and behaviors formed in the principle that the power of government stems from and is limited to the Basic Law" [117].

However, as Yu.M. Y. M. Todik rightly notes: "It should be borne in mind that the existence of a constitution does not mean the existence of constitutionalism as a mass political movement interested in ensuring a democratic constitutional system in the country. The correlation of the constitution and constitutionalism is closely connected with the constitutionality of the constitution itself, that is, with how the constitutional text complies with the principles of humanism, justice, democracy, ensuring the rights and freedoms of the individual" [87]. So, the concept of constitutionalism is much broader than the concept of constitution, since it implies that the organization of public and state structures in a particular national state must take into account generally recognized norms and principles of international law, observe and protect the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen.

6) Some scientists adhere to a normative concept in the definition of constitutionalism [13]. So, N.V. Vitruk refers constitutionalism to the legal system [27]. However, this position is justly criticized by the German researcher S. Voigt, who believes that although "constitutionalism is a normative concept, it should not be confused with the de facto con-

stitution used in any society. "Constitutionalism is a multi-level system that functionally goes beyond the framework of the constitution and law in general, reflects the peculiarities of the mentality and life of the people" [45].

According to V.V. Bogatyrev constitutionalism in general should be considered the fundamental basis of the emerging global law [17]. Indeed, constitutionalism is characterized as a complex concept, deeply rooted in historical experience, according to which officials exercising state powers are limited in their activity by the supreme law. Constitutionalism proclaims the expediency of legality, regardless of the wishes and opinion of the civil servants themselves. Therefore, we can say that the cornerstone of constitutionalism is the recognition by society of the need to organize and operate the state in accordance with the basic law (constitution) of the country. In this regard, N.V. Varlamova rightly notes: "Today in the theory of constitutionalism ... two approaches are competing – positivist ... according to which constitutionalism is derived from the constitution and accordingly exists in any state where it exists ... and non-positivist ... where constitutionalism is a system ... of institutional guarantees of human rights and actually identifies it with the concept of the rule of law ... Such constitutionalism can only be real; otherwise (if the power is not actually limited by the relevant constitutional requirements) it simply does not exist" [25].

7) Some scientists define constitutionalism as a system of values, "which cannot be represented separately from each other, therefore both the security of the others and the fate of constitutionalism as a whole depend on the extent to which methods are used to implement any of the constitutional principles" [55]. Within the framework of this approach to the definition of constitutionalism, a number of authors believe that constitutionalism is a product of the development of human civilization as a whole, and not a combination of political and legal doctrines, ideas, and views of any national state separately. So, A.G. Parkhomenko believes that "the indisputable priority of constitutionalism is such values of civilization as: rights, freedoms of man and citizen; democracy; sovereignty (national, state); parliamentarism; political pluralism; multi-party system; a variety of forms of ownership and many others" [74].

This concept is also supported by the experience of the existence of complex state associations, in particular, the European Union. So, G. Holzinger, chairman of the Austrian Constitutional Court, concludes that in modern Europe, constitutionalism is a complex phenomenon, based on two value systems (national and pan-European) (2014: 35–38).

However, some scientists quite rightly point out that constitutionalism is more likely an ideal model, a doctrine that embodies the ideas about the constitutional state, their constitutional design, as well as the political and legal practice of implementing such ideas and their norms (unlike the constitutional system, which is a real social-state structure of a particular national state) [103].

So, constitutionalism from a political and legal point of view can be defined as a complex socio-political and state-legal phenomenon, which is a system of political-legal doctrines, ideas and views regarding the theory and practice of organizing state and public life in accordance with the ideals of constitutional democracy.

As a socio-philosophical category, constitutionalism is considered within the framework of various socio-philosophical concepts.

So, neoconservative concepts give constitutionalism quite close attention, since they advocate a strong state that ensures compliance with existing laws, as well as the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. This requirement, according to I. Kristol,

forms the basis of the content of constitutionalism as a principle of organization and functioning of a modern democratic state [130].

Despite the fact that conservatives are in favor of a free market, the priority of public opinion over the individual, they nevertheless consider it necessary to build a state mechanism on the basis of democratic principles that must correspond to the letter and spirit of the law, since otherwise the state will lose effectiveness in its activities. This is especially true of Western countries, which, in their opinion, are the bulwark of democracy and the guarantor of the development of the capitalist system in the modern world. In this regard, F. Fukuyama noted in a number of his works that the world order in the 21st century will largely depend on the stability of the US government system, its compliance with constitutional norms, ideals and principles based on the ideals of democracy, as well as the readiness of the West to defend the interests of democracy in the world, including by force [123, 124]. In part, this is due to the reverent attitude of American neoconservatives to the written constitution, which was adopted a long time ago (in the 18th century) and contains a small amount of the main text and amendments. In their opinion, the values of American democracy contained in the US Constitution are universal in nature, being priority over the norms of international law and the national legislation of other countries.

In the framework of modern liberalism, constitutionalism is its political and legal expression in the transition to an industrial society. As rightly notes I.A. Kravets: "As a political and legal program of liberalism, constitutionalism is a set of principles and institutions that lead to the destruction of absolutism, the emergence of a representative government, the democratization of public life and the introduction of legal methods of regulating public relations. The struggle for constitutionalism is becoming a necessary attribute of liberal politics. Historically, constitutionalism has been associated with the emergence of a mass society, the struggle in the political sphere for universal suffrage, in the civil sphere, for the civil rights and equality" [44]. So, constitutionalism acts within the framework of the concept of liberalism as a peculiar form of organizing the management of society, carried out in the interests of classes and population groups that control the economic wealth of the world.

Neoliberal concepts interpret constitutionalism more widely than neoconservative ones [102]. It is understood as a system of organization of state and public life in the country on the basis of a complex system of ideals, principles, concepts, norms and rules, which embody the ideas of modern society about a constitutional legal democratic state.

The main difference between the understanding of constitutionalism at the national and international levels among neocons and liberals is that the neocons consider the constitutional values of American democracy to be priority over the rules of law of other states and international law, which is due to the role of the United States as a "world policeman", ensuring the triumph of democracy on a global scale and the protection of its values, while neoliberals, on the contrary, believe that international law should incorporate all the positive experience of the constitution of democracy of the West (mainly – USA).

According to neoliberals, the spread of the ideals of liberal democracy and the market, the creation of international organizations, the development of international law and cooperation should be carried out from the perspective of "soft power", that is, not by forcibly imposing them on the military and economic power of the United States and NATO, but through the creation of international institutions (UN, WTO, IMF, etc.), adoption of international law, etc.

In this regard, foreign and domestic neoliberals have focused on the study of the economic component of the concept of constitutionalism (constitutional economy) [102],

Theory of State and Law

---

rightly believing that a properly organized and balanced economic capitalist model, supported by the military and economic power of the United States and NATO, as well as international political institutions controlled by them is a much more significant guarantee of the inviolability of the constitutional ideals of capitalist democracy than those written rules of law at the national and international level.

However, the liberal and neoliberal interpretation of constitutionalism, which is its classic definition, is increasingly criticized. In particular, neo-marxist concepts reject the value of constitutionalism as a political and legal phenomenon [4, 8, 24].

Firstly, they believe that within the framework of the existing system of constitutionalism in modern states, power is concentrated in the hands of a narrow stratum of the population that usurped it. This position of neo-Marxists is based on the interpretation of the content and role of the state and the legal system given by the classics of Marxism-Leninism (K. Marx, F. Engels and V.I. Lenin). So, F. Engels in his work "The Origin of the Family, Private Property and the State" defined the state as "a product of society at a certain stage of development ... and the recognition that this society was entangled in an insoluble contradiction with itself, split into irreconcilable opposites, to get rid of which it is powerless. And so that these opposites, classes with conflicting economic interests, do not devour each other and society in a futile struggle, this requires a force, apparently above society, a force that would moderate the clash, keep it within the boundaries of "order". And this power, originating from society, but putting itself above it, more and more alienating itself from it, is the state" [108].

Secondly, neo-marxists do not consider constitutionalism as the value of a state-organized society at the capitalist stage of its development, when the state apparatus is controlled by the oppressing classes. In their opinion, it is necessary and inevitable to destroy class contradictions and bourgeois constitutionalism, which is a form of institutionalization of bourgeois "order". So, V.I. Lenin believed that irreconcilable class contradictions could be resolved exclusively in a revolutionary way: "If the state is a product of the irreconcilability of class contradictions, if it is a force standing above society and "more and more alienating itself from society", then it is clear that the liberation of the oppressed class it is impossible not only without a violent revolution, but also without destroying the apparatus of state power that the ruling class created and in which this "alienation" is embodied" [52]. Thus, constitutionalism in modern bourgeois capitalist society is defined by neo-marxists as such a form of social-state system that allows to a certain extent to resolve irreconcilable class contradictions in the interests of the ruling classes.

Traditional Islam (Shiite and Sunni persuasion) accepts the concept of constitutionalism to a certain extent and uses it in a philosophical explanation of the principles of state and social structure of national Islamic states. In part, this is due to the fact that a number of the main Islamic states (Iran, Turkey) were formed as republics as a result of the violent overthrow of monarchical regimes. Moreover, the adoption of constitutions as fundamental laws in these states was carried out [40]. However, the Constitution of the Islamic Republic of Iran proceeds from the fact that this document was adopted as a consequence of the Islamic revolution solely as the creation of conditions "for the continuation of the revolution in the country and beyond and ... the development of relations with other Islamic and popular movements in order to ... form a single world Islamic Ummah" [41]. That is, the Constitution as the highest normative legal act of Iran is considered as a temporary document that allows institutionalizing the system of state and public system until the world victory of the Islamic revolution and the formation of the world Islamic Ummah, after which there

will be no need to use secular state legal institutions, in many respects borrowed in the West. In addition, Iran adopted from the Western concept of constitutionalism a number of political and legal institutions, for example, the institution of the presidency, which was implemented in the complex system of the Iranian state and political mechanism [79].

The attitude of monarchist states to the concept of constitutionalism is twofold. In those of them in which there are written (in particular, Belgium) or unwritten (for example, Great Britain) constitutions, constitutionalism is an important state-forming political and legal institution.

Moreover, in fact, the doctrine of constitutionalism in constitutional monarchies is slightly different from the constitutional doctrine of republican states. For example, the Constitution of Belgium, the basic law of the Kingdom of Belgium, enshrines the basic democratic institutions and rights (freedoms) of a person and a citizen: "Prohibition of restrictions"; "Freedom of speech"; "Freedom of the press"; "The right to a decent life"; "Right to free education", etc. [115]. In a number of unconstitutional and theocratic monarchies (in particular, the Vatican), the concept of constitutionalism as a conscious limitation of the sovereignty of the monarch is ignored.

Constitutionalism as a socio-philosophical category should be understood as a system of knowledge of a political and legal nature, based on fundamental democratic values, justifying the need to organize state and public life in accordance with the ideals of constitutional democracy.

Global constitutionalism as a social concept has a number of features, which include the following:

Firstly, like any other social concept, global constitutionalism is a combination of views, ideas, intentions and ways of understanding the social and state structure, structured into a certain knowledge system [42].

Secondly, taking into account the specifics of the institutions of "globalization" and "constitutionalism", on the basis of which the social concept of global constitutionalism is based, it is a system of knowledge of a socio-philosophical and political-legal nature, which has its own specific terminological and methodological apparatus.

Thirdly, this system of knowledge is based on fundamental global democratic values, since the development of the principles of the formation and functioning of the institution of constitutionalism in the context of globalization was carried out everywhere.

Fourthly, the fundamental global democratic values that form the basis of global constitutionalism as a social concept consist in creating the conditions for organizing interstate, state and public life on a global scale in accordance with the ideological basis of the modern stage of development of capitalism in the world.

Fifthly, the essence of the ideological basis of the modern stage of the development of capitalism in the world is to justify the minimization of the negative consequences in the development of the capitalist system by exporting costs from the center (core) to its periphery.

Sixthly, the goals of the social concept of global constitutionalism are to ensure the development of the world capitalist financial and economic base and its socio-political superstructure, as well as to protect and promote the financial and economic interests and needs of the West.

Seventhly, the achievement of the goal of the social concept of global constitutionalism is ensured by the military-political, financial, economic, cultural, creative and informational expansion of the West on a planetary scale through the power, financial-economic and cultural imposition of Western state-legal, socio-political institutions on other national states,

principles, connections, relationships, ideas with the help of the formed single managing centers of regulation and control.

So, global constitutionalism as a social concept functions as a socially determined and biased aberrative form of perception and explanation of reality, being a system of knowledge of a socio-philosophical and political-legal nature, based on fundamental global democratic values regarding the need to organize interstate, state and public life on a global scale in accordance with the ideological basis of the modern stage of development of capitalism in the world.

Conclusion. Global constitutionalism as a social concept is a system of knowledge of socio-philosophical and political-legal nature, based on the fundamental global democratic values regarding the need to organize interstate, state and public life on a planetary scale in accordance with the ideological basis of the modern stage of development of capitalism in the world.

In the framework of global constitutionalism as a social concept, the minimization of negative consequences in the development of the world capitalist system by exporting costs from its center (core) to the periphery is justified.

At the same time, the world capitalist system is based on a single system of division of labor within the global market, is aimed at ensuring the development of the world capitalist financial and economic base and its socio-political superstructure, is carried out through military-political, financial, economic, cultural and creative expansion of the West on a planetary scale through the imposition, with the help of the formed unified control centers of regulation and control of national states for Western state legal, socio-political institutions, principles, relations, relations, ideas in order to protect and promote financial and economic interests and needs.

Bibliographic list

1. Aznagulova G.M., Komarov S.A. Legal policy of national states in the context of globalization and integration: article // In collection: "Modern global challenges and national interests" / Materials of the XV Likhachev readings // St. Petersburg, 2015. P. 527–529.
2. Alabastrova I.A. Constitutionalism as a legal basis for social solidarity: monograph. Sci. ed. Moscow: Prospect, 2016. 552 p.
3. Allakhverdyan A.G. Science in the context of globalization / ed. A.G. Allakhverdyan, N.N. Semenova, A.V. Yurevich. Moscow: Logos, 2009. 520 p.
4. Amin Samir. The virus of liberalism. Permanent war and the Americanization of the world. Moscow: "Europe", 2007. 168 p.
5. Annan K. Renewal of the UN: program of reforms // International life. 1998. No. 4. P. 24.
6. Ansari G. Greetings // Globalization and justice: cb. articles / ed. N.S. Kirabaeva, V.I. Yurtaeva. Moscow: RUDN, 2007. P. 11–12.
7. Arrigi D. Globalization and historical macrosociology // Forecast. 2008. No. 2. P. 57–72.
8. Arrigi D. Global governance and hegemony in the modern world system // Forecast. 2008. No. 3. P. 3–17.
9. Baburin S.N. Globalization in the perspective of sustainable development: Monog // S.N. Baburin, M.A. Muntian, A.D. Ursul. Moscow: INFRA-M, 2011. 496 p.

10. Baranova, A.Yu. World economy and financial relations in the context of globalization / A.Yu. Baranova. Moscow: INFRA-M, 2014. P. 7.
11. Bauman Z. Globalization. Consequences for man and society / Per. from English. Moscow: Ves Mir, 2004. 188 p.
12. Bell D. The Coming Post-Industrial Society: Experience of Social Forecasting / Per. from English. ed. V.L. Inozemtseva / D. Bell. Moscow: Academia, 1999. 783 p.
13. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. / Per. E. D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
14. Brzezinski Z. Choice. World domination or global leadership. The choice: global domination or global leadership / Per. from English. E.A. Narochnitskaya, Yu.N. Kobyakova. Moscow: International relations, 2004. 287 p.
15. Business, money, politics [Electronic resource]. Access mode: <http://top-rating.info/catalog/1/11> (date of access: 01.05.2019).
16. Bogatyrev V.V. Globalization of Law: Dissertation for the degree of Doctor of Law. Vladimir, 2012. 404 p.
17. Bogatyrev V.V. The principle of constitutionalism as a fundamental basis of the emerging global law // Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Legal Sciences. 2015. No. 1 (3). P. 5–12.
18. Bogdanova N.A. Category "constitutionalism" in the science of constitutional law // Russian constitutionalism: problems and solutions. Moscow, 1999. P. 135–138.
19. Borzykh S.V. The concept of globalization: Monograph / S.V. Borzykh. Moscow: INFRA-M, 2013. P. 44.
20. Braudel F. Dynamics of capitalism. Smolensk: Polygram, 1993. 123 p.
21. Burov V.G. Chinese view of the state in the context of globalization / V.G. Burov // The fate of the state in the era of globalization: otv. ed. Shevchenko V.N. Moscow, 2005. 201 p.
22. Wallerstein I. After Liberalism / Ed. B.Yu. Kagarlitsky. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 p.
23. Wallerstein E. Analysis of world systems and the situation in the modern world. / Per from English. P. M. Kudyukin, ed. B. Yu. Kagarlitsky. St. Petersburg: University book, 2001. 416 p.
24. Wallerstein I. Year 2008: the death of neoliberal globalization [Electronic resource]. Access mode: http://scepis.net/library/id_1786.html (date accessed: 15.08.2020).
25. Varlamova N.V. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.igpran.ru/public/publiconsite/IV%20Chteniya%20pamyati%20VSNersesyanca.pdf> (date of access: 15.08.2020).
26. Verevkina Yu.Yu. The relationship of the constitution and constitutionalism in Russia: diss. ... Candidate of legal sciences: 12.00.02. Moscow: Institute of State and Law RAS, 2013. 199 p.
27. Vitruk N.V. The development of constitutionalism in the Russian Federation (in the context of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation) // Problems of development and improvement of Russian legislation: collection of articles. Art. Part I. Tomsk, 1999. P. 3–22.
28. Vukicevic C. Globalization. The nature of man and the nature of the human community (an inspiring reflection of V.I.Dobrenkov's sociological analysis) // Moscow University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2012. No. 1. P. 33.
29. Delyagin M.G. World Crisis: General Theory of Globalization. 3rd ed. / M.G. Delyagin. Moscow: INFRA-M, 2003. 768 p.

30. Dobrenkov V.I. Globalization and Russia: Sociological Analysis / V.I. Dobrenkov. Moscow: INFRA-M, 2006. P. 3.
31. Zinoviev A. Ideological globalization. [Electronic resource]. Access mode: http://www.patriotica.ru/actual/zinoviev_glob.html (date of access: 01.05.2019).
32. Kabyshev V.T. Russian constitutionalism at the turn of the millennium // Jurisprudence. 2001. No. 4. P. 63.
33. Callinicos Alex. Anti-Capital Manifesto. Moscow: "Praxis", 2005. 192 p.
34. Castells M. Information age: economy, society and culture / Per. from English. under scientific. ed. O.I. Shkaratan. Moscow: GU HSE, 2000. 608 p.
35. Kokotov A.N., Sonina L.V. Constitutionalism as a political and legal regime // Russian legal journal. 2001. No. 1. P. 131.
36. Colin K.K. Information globalization of society and humanitarian revolution [Electronic resource]. Access mode: <http://spkurdyumov.ru/globalization/informacionnaya-globalizaciya-obshhestva> (date of access: 15.08.2020).
37. Kolodko G.V. Globalization, transformation, crisis – what's next? / G.V. Kolodko; Input. head R.S. Greenberg. Moscow: Magistr, 2012. P. 39.
38. Komlev N.G. Dictionary of foreign words. Moscow, 2006 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.worklib.ru/dic> (date of access: 15.08.2020).
39. Constitutional law of Ukraine / Ed. Yu.M. Techniques, V.S. Zhuravsky. Kiev: View. House "In Yure", 2002. 544 p.
40. The Constitution of the Turkish Republic [Electronic resource]. Access mode: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Turkey&language=r> (date of access: 01.05.2019).
41. 41. The Constitution of the Islamic Republic of Iran [Electronic resource]. Access mode: <http://constitutions.ru/?p=140> (date accessed: 15.08.2020).
42. Concept // Big Encyclopedic Dictionary. – 2000. [Electronic resource]. Access mode: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/162970> (date of access: 15.08.2020).
43. Kravets I.A. Constitutionalism and Russian statehood at the beginning of the XX century. Moscow, 2000. P. 10.
44. Kravets I.A. Russian constitutionalism: problems of formation, development and implementation. S.-Pb.: Jurid. Center Press, 2004. 561 p.
45. Kravchenko V. V. Constitutional law of Ukraine. Ed. 3rd, corrected. and add. Kiev: Attika, 2004. 512 p.
46. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. 1st ed.: SPb.: Norint, 1998 [Electronic resource]. Access mode: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Globalizacija-656> (date of access: 15.08.2020).
47. Kulagin V.M. Globalization and human development / V.M. Kulagin, M.M. Lebedeva, A. Yu. Melville // Globalization: the human dimension / ed. A.V. Torkunov. Moscow: ROSSPEN. 2002. P. 11.
48. Kruss V. Constitutionalism and philosophy of law: to the knowledge of the problem // Law and life. 1998. No. 15. P. 13–14.
49. Krugman Paul. Great lie. Moscow: "AST", 2004. 480 p.
50. Kutafin O. Ye. Russian constitutionalism. Moscow: "Norma", 2008. 544 p.
51. Lenin V.I. Imperialism as the Highest Stage of Capitalism. Complete Works, ed. 5, vol. 27 . P. 387.
52. Lenin V. State and revolution: The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution / Complete works. 5th ed. T. 33. Moscow: Publishing house of political literature, 1974. P. 1–120.

53. Lisichkin V.A. Global Empire of Evil. / V.A. Lisichkin, L.A. Shelepin. Moscow: STC "Forum", 2001. P. 33.
54. Lukashuk I.I. Globalization, state, law, XXI century. Moscow, 2000. P. 1.
55. Magomedova P.R. Equality in the doctrine of constitutionalism // Administrative and municipal law. 2014. No. 7. P. 717–722.
56. Mazur I.I. Globalistics: Encyclopedia / Ch. ed. I.I. Mazur, A.N. Chumakov; Center for Scientific and Applied Programs "DIALOGUE". Moscow: JSC Publishing House "Raduga", 2003. 1328 p.
57. Mallet V. Globalization of extremism [Electronic resource]. Access mode: <http://inosmi.ru/politic/20160202/235247919.html> (date of access: 15.08.2020).
58. Mamon N.V., Zavyalova A.S. Globalization: Conceptual Foundations // Scientific Bulletin of the Kostroma State Technological University. 2015. No. 1. P. 9.
59. Martin G.P. The Trap of Globalization: Attack on Prosperity and Democracy / G.-P. Martin, H. Schumann. Moscow: Alpina, 2001. 335 p.
60. Marchenko M.N. State and law in the context of globalization. Moscow: Prospect, 2009. 400 p.
61. Medvetskiy A. Dad and the big game [Electronic resource]. Access mode: <http://zavtra.ru/content/view/rol-vatikana-v-tretej-mirovoj-vojne> (date of access: 01.05.2019).
62. Medushevsky A. N. Democracy and Authoritarianism. Russian constitutionalism in a comparative perspective. Moscow, 1997. P. 4.
63. Mises L. Omnipotent Government: Total State and Total War. Chelyabinsk: Socium, 2006. 466 p.
64. Mikhailova M.D. Some problems of globalization // International public and private law. 2009. No. 3. P. 8–11.
65. Mikheev V. The logic of globalization and the interests of Russia // Proect Contra. T. 4. 1999. No. 4. P. 49.
66. Mikhelson A. D. An explanation of 25,000 foreign words that have come into use in the Russian language, with the meaning of their roots [Electronic resource]. Access mode: <http://enc-dic.com/fwords/Konstitucionalizm-17859.html> (date accessed: 15.08.2020).
67. Negt O. State and capital [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imperativ.net/imp3/5.html> (date accessed: 15.08.2020).
68. Nasbitt J., Eburdin P. What awaits us in the 90s. Megatrends. Year 2000. Moscow: Republic, 1992. 416 p.
69. New encyclopedic dictionary. Moscow: Great Russian Encyclopedia; Ripol Classic, 2002. P. 269.
70. Ovchinsky V.S. XXI century against the mafia. Criminal Globalization and the UN Convention against Transnational Organized Crime / V.S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M, 2001. 148 p.
71. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language. V.V. Vinogradov. 4th ed., Add. Moscow: "A TEMP", 2004. P. 132.
72. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Ed. N.Yu. Shvedova. 18th ed., Stereotype. Moscow: Rus. yaz., 1987. P. 114.
73. Osmova M.N. Globalization of the world economy. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2014. 389 p.
74. Parkhomenko A.G. The ideas of Russian constitutionalism and their implementation in the domestic constitutional (state) law. Moscow, 1998. P. 3.

75. Podgorets N. Is the Bush Doctrine Dead? [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kievrus.com> (date of access: 15.08.2020).

76. Political science: a dictionary-reference book. Auth. and comp.: Sanzharevsky I.I. Edition 6, rev. and add. Tambov, 2015 [Electronic resource]. Access mode: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/73812/GLOBALIZATION> (date of access: 15.08.2020).

77. Political dictionary [Electronic resource]. Access mode: <http://vslovare.ru/slovo/politicheskij-slovar/globalizacija/32491> (date accessed: 15.08.2020).

78. Poyarkov S.Yu. Constitutionalism as the basis of a rational political system of modern society // Law and Politics. 2013. No. 13. P. 1882–1890.

79. Prokofiev V.N. Iranian constitutionalism and the institution of the presidency // Constitutional and municipal law. 2016. No. 3. P. 70–74.

80. Pronkin S.V. Governmental constitutionalism in Russia: diss. ... Doctors of historical sciences: 07.00.09. Moscow: MGU, 2012. 430 p.

81. Romashov R.A. Modern constitutionalism: Questions of history and theory: Monograph. Saint Petersburg: St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 125 p.

82. Rothbard M. Power and Market: State and Economy / Per. from English. BS Pinskiy, ed. Gr. Sapova. Chelyabinsk: Socium, 2003. 415 p.

83. Sachs J. Contradictions of globalization // *Nezavisimaya gazeta*, 2000, 11.10.

84. Sarkisyan G., Mkhitarian J., Nagapetyan S. Constitutionalism in the context of constitutional economics / in the collection: Actual problems of economic theory and practice. Collection of scientific papers. Edited by V.A. Sidorov. Krasnodar, 2015. P. 33–42.

85. Dictionary of foreign words. 13th ed., Stereotype. Moscow: Rus. yaz., 1986. P. 135.

86. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. A.P. Evgenieva. 3rd ed., Stereotype. Moscow: Rus. yaz., 1985–1988. T. I. A–Y. 1985. P. 315.

87. Sovgiryia A.V., Shuklina N.G. Constitutional law of Ukraine. Complete course. – 2nd ed., Rev. and add. Kiev: Odyssey, 2012. 544 p.

88. Sociological Dictionary [Electronic resource]. Access mode: <http://encdic.com/sociology/Konstitucionalizm-3162.html> (date accessed: 15.08.2020).

89. Modern dictionary of foreign words. Moscow: Rus. yaz., 1992. P. 164.

90. Soros J. Open Society. Reforming Global Capitalism / J. Soros. Per. from English. – Moscow: Non-profit foundation "Support of culture, education and new information technologies", 2001. 458 p.

91. Soros J. The era of mistakes. The world is on the verge of a global crisis. Moscow: "Alyshna Business Books", 2008. 202 p.

92. Soros J. The bubble of American supremacy. Moscow: "Alyshna Business Books", 2004. 192 p.

93. Spiridonova V.I. Globalization and the nation state / V.I. Spiridonova // The fate of the state in the era of globalization: otv. ed. V.N. Shevchenko. Moscow, 2005. P. 5–6.

94. Stiglitz J. Globalization: Alarming Trends. Moscow: "Thought", 2003. 304 p.

95. Toffler E. Revolutionary Wealth / E. Toffler, H. Toffler. Moscow: AST, 2007. 576 p.

96. Utkin A.I. World order of the 21st century. Moscow: EKSMO, 2002. 512 p.

97. Ushakov D.N. A large explanatory dictionary of the modern Russian language. Muzhaisk: Bukolika Publishing House, ROOSS Publishing House, 2008. P. 376.

98. Fursov A.I. The world we are leaving, the world we are entering, and the world between them (Capital (ism) and Modern – a fight of skeletons over an abyss?) // *De futuro, or the history of the future*. Moscow: Political class; AIRO-XXI, 2008. P. 255–304.

99. Khamenei S.M. The interpretation of globalization in Islam // *Globalistics: an international interdisciplinary encyclopedic dictionary* / Ch. ed. I.I. Mazur, A.N. Chumakov. Moscow; SPb.; N.-Y., 2006. P. 171.
100. Habermas J. Problem of legitimation of late capitalism. Moscow: Praxis, 2010. 272 p.
101. Hayek F.A. Pernicious arrogance. The mistakes of socialism. Moscow: Publishing house "Novosti" with the participation of the publishing house "Catallaxy", 1992. 304 p.
102. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Moscow: Generation, 2007. 288 p.
103. Holzinger G. Constitutional State in the European Union // *Journal of Constitutional Justice*. 2014. No. 2. P. 35–38.
104. Held D. Global transformations: politics, economics, culture / D. Held, D. Goldblatt, E. McGrew, J. Perraton. Moscow: Praxis, 2004. P. 14.
105. Khestanov R. Russia and the global apartheid regime // *Otechestvennye zapiski*. 2002. No. 3 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.stranaoz.ru/2002/3/rossiya-i-rezhim-globalnogo-aparteida> (date of access: 15.08.2020).
106. Chudinov A.N. Dictionary of foreign words included in the Russian language [Electronic resource]. Access mode: <http://enc-dic.com/fwords/Konstitucionalizm-17859.html> (date accessed: 15.08.2020).
107. Strauss L. Introduction to political philosophy. Moscow, 200. 364 p.
108. Engels F. The origin of the family, private property and the state. Moscow: Politizdat, 1986. 639 p.
109. Encyclopedic Dictionary of Constitutional Law [Electronic resource]. Access mode: <http://enc-dic.com/print/constitution/Konstitucionalizm-768.html> (date accessed: 15.08.2020).
110. Legal Dictionary [Electronic resource]. Access mode: <http://enc-dic.com/print/legal/Konstitucionalizm-7707.html> (date accessed: 15.08.2020).
111. Yatsenko M.P. Globalization as a form of organization of the historical process: dis. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11 St. Petersburg: Ros. state ped. un-t them. A.I. Herzen, 2010. 391 p.
112. Zheleznov Yu.D. The difference in development is the natural science cause of global problems // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2005. No. 3. P. 119–120.
113. Amin S. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World. EU. 2007. 168 p.
114. Archer M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity // *International Sociology*. 1991. Vol. 6. No. 2. P. 133.
115. De Belgishe Grondwet [Electronic resource]. Access mode: http://www.senate.be/doc/const_nl.html (date accessed: 15.08.2020).
116. Dictionary of the English language [Electronic resource]. Access mode: <http://www.vokabula.rf/dictionaries/explanatory-dictionaries-english-language2/globalization> (date of access: 15.08).
117. Don E. Fehrenbacher, *Constitutions and Constitutionalism in the Slaveholding South* (University of Georgia Press, 1989). 361 p.
118. Dos Santos T. Socialismo o fascismo. El nuevo caracter de la dependencia y el dilema latinoamericano. Buenos Aires, 1973. P. 7–12.
119. "Exclusive Interview With Murray Rothbard" // *The New Banner: A Fortnightly Libertarian Journal*. February 25, 1972.
120. Fleming J.M. "Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates," *IMF Staff Papers* 9: 369–379, 1962.

Theory of State and Law

---

121. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. – Free Press, 1992 (the translation of V.V. Goncharov).
122. Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. Free Press, 1999. P. 55–80.
123. Fukuyama F. *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Cornell University Press, 2004. 137 p.
124. Fukuyama F. *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy* (Yale University Press, 2006). 240 pp.
125. Frank A.G. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* 1993. 352 p.
126. Friedman M. *Capitalism and Freedom*, 1962. P. 38, 51.
127. Hart Jeffery A. (1997) "Globalization in Question: The International Economy and The Possibilities of Governance, by Paul Hirst and Grahame Thompson", *Indiana Journal of Global Legal Studies*: Vol. 4: Iss. 2, Article 11. Available at: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol4/iss2/11> (date accessed: 15.08.2020).
128. Hayek F.A. *Law, Legislation and Liberty*, 3 vols. London and Chicago: University of Chicago Press, 1973–1979. 244 p.
129. Kristol W., Kagan R. *Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy* // *Foreign Affairs*. July / August 1996. (translated by V.V. Goncharov).
130. Kristol I. *On the Democratic Idea in America*, New York: Harper, 1972. 149 p.
131. Kristol I. *Neoconservatism: The Autobiography of an Idea*. New York: The Free Press, 1995. P. 37 (translated by V.V. Goncharov).
132. Lash S. *Critique of Information*. London, Thousand Oaks: Sage Publications, 2002. XII + 234 p.
133. Levitt T. *Globalization of Market* [Electronic resource]. Access mode: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets> (date accessed: 15.08.2020).
134. McKenzie R., ed. 1984. // *Constitutional Economics*, Lexington, Mass, vii + 254 pp.
135. Oxford dictionaries. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/ru> (date accessed: 15.08.2020) (translation by V.V. Goncharov).
136. Philip P. Wiener, ed., *Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas*, (David Fellman, Constitutionalism), vol. 1, pp. 485, 491–492 (1973–74).
137. Podhoretz N. *The Neoconservative Anguish over Reagan's Foreign Policy* // *The New York Times Magazine* (2 May 1982).
138. Rüstow A. *Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik*, vol. 1–3, 1950–1957: vol. 1: *Ursprung der Herrschaft*, vol. 2: *Weg der Freiheit*, vol. 3: *Herrschaft oder Freiheit?*; Mundell R. *Monetary Theory: Interest, Inflation and Growth in the World Economy*, 1971. P. 12–30.
139. Scott G. (1999). *Controlling the State: Constitutionalism from Ancient Athens to Today*. Published by: Harvard University Press. (DOI: 10.2307/j.ctvjz83jr).
140. Wallerstein I. *Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system* // *International Sociology*. V. 15. 2000. No. 3. P. 251–267.

For citation: Goncharov V.V., Savchenko M.S., Savchenko A.A. Global constitutionalism as a social concept: content problems // *Theory of states and law*. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 205–229. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.033

Комаров С.А.*
Хабибулин А.Г.**

УДК 340
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.034

ЮБИЛЕЙ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МАРЧЕНКО (к 80-летию со дня рождения)*

11 августа 2020 года исполнилось 80 лет со дня рождения в ст. Воронежской Краснодарского края, выдающегося теоретика государства и права, известного учёного в области государственного права, правоведения и политологии **Марченко Михаила Николаевича**.

После окончания средней школы он работал на Краснодарском заводе «Стройдеталь» (1957–1959 гг.), служил в рядах Советской Армии в Закавказском военном округе (1959–1962 гг.).

Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1967 г., поступил в аспирантуру по кафедре теории государства и права. Научным руководителем был заведующий кафедрой теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации Андрей Иванович Денисов.

В 1969–1970 гг. М.Н. Марченко был одним из первых советских аспирантов-юристов, кто проходил научную стажировку в Великобритании (Оксфорд, Кент, Лондонская школа экономики).

В 1971 году окончил аспирантуру по кафедре теории государства и права и защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по теме: «Политическая организация советского общества и её буржуазные «критики»» [1]. В 1972–1975 гг. – ассистент, 1975–1976 гг. – старший преподаватель, 1977–1982 гг. – доцент кафедры.

В 1981 году защитил в МГУ докторскую диссертацию «Политическая система современного буржуазного общества: Политико-правовое исследование» [2]. С 1982 года – профессор кафедры теории государства и права, а с 1985 года и по настоящее

* **Комаров Сергей Александрович**, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

** **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-лейтенант полиции. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

* См. также: <http://naukarus.com/mihailu-nikolaevichu-marchenko-75-let>

время – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ.

В 1982-1992 годах являлся деканом юридического факультета МГУ, в 1992–1996 гг. занимал также должности проректора по учебной работе, заместителя председателя Учёного совета МГУ.

Помимо преподавания в российских вузах, профессор М. Н. Марченко выступал с лекциями в ряде университетов США (Стэнфорд, Хофстра), в Сиднейском университете (Австралия), в Шанхайском университете, Чангчунском университете науки и технологии, Харбинском университете (КНР), в университете Васэда (Япония), в Мексиканском Национальном университете (Мексика), а также в вузах ряда других стран.

В 1985 г. за серию работ по сравнительно-правовому исследованию западных государств и их политических систем (на материалах США, Великобритании, ФРГ и др.) ему была присуждена премия им. М.В. Ломоносова II степени. Несомненная научная ценность этих работ обусловлена, в том числе использованием первоисточников зарубежных авторов.

Им много лет читается основной кафедральный лекционный курс – теория государства и права, спецкурсы – сравнительное правоведение, Право Европейского союза.

Основные направления научных исследований М.Н. Марченко – теоретико-правовые проблемы государства и права, сравнительного правоведения, политологии. Его научные работы отличает творческий подход к разработке фундаментальных теоретико-правовых проблем юридической науки вообще, теории государства и права – в особенности. Он является автором более 350 научных работ, среди которых 23 монографии, учебники, учебные пособия по теории государства и права, федерализму, разделению властей, сравнительному правоведению и политологии по праву Европейского союза.

Первой статьей М.Н. Марченко, увидевшей свет в журнале «Вестник Московского университета» стала в 1978 году публикация «О критериях отбора структурных элементов политической системы общества» [3]. Его же монография «Демократические основы политической организации советского общества» [4], опубликованная в издательстве Московского университета в 1977 году, во многом определила направление последующих научных исследований, содержанием которых стали синтез государствоведения и политологии. Начала формироваться научная школа профессора М.Н. Марченко. Под его научным руководством были защищены ряд кандидатских и две докторские диссертации. Его ученики успешно работают в органах государственной власти федерального и регионального уровней, научных учреждениях и вузах России и стран СНГ.

В 1979 году он издает монографию «Политическая организация советского общества. Теоретические вопросы» [5], в 1981 году – «Политическая система современного буржуазного общества: политико-правовое исследование» [6], в 1985 году выходят «Очерки теории политической системы современного буржуазного общества» [7].

В этих и последующих работах М.Н. Марченко обстоятельно исследовал многие ранее не поднимавшиеся в отечественной теории государства и права и политологии вопросы правовой инфильтрации западных государств и их политических систем к изменяющейся экономической, политической, социальной и духовной сфере

государственной и общественной жизни; эффективности нормативно-правового регулирования бытия политических систем высокоразвитых западных стран; социально-политическая и юридическая ответственность власти, бизнеса в западных странах и др.

В 1995 г. М.Н. Марченко публикует курс лекций по теории государства и права, а в 1996 году авторский учебник «Теория государства и права». Второе издание этого учебника было переведено на китайский язык [8]. Заметной вехой в развитии отечественной науки теории государства и права стал выход вначале двухтомного (1998), а затем и трехтомного Академического курса «Общая теория государства и права». В настоящее время вышло уже 4 издание (2014, 2016), подготовленное коллективом авторов под редакцией М.Н. Марченко. После распада СССР данный труд является весомым среди всего созданного в области теоретико-правовой науки. В нем сочетаются богатство понятийного аппарата, системность и глубина изложения теоретических проблем, блестящий стиль. Это – попытка в условиях трансформации отечественной юриспруденции объединить усилия видных российских юристов в деле сохранения и развития нашей теоретико-правовой науки [9].

Отдельная сфера научных интересов М.Н. Марченко – сравнительное правоведение. В 2001 г. в издательстве «Зерцало» он издает учебник «Сравнительное правоведение. Общая часть» [10], и монографию «Правовые системы современного мира» [11]. В 2002 г. им был написан и издан «Курс сравнительного правоведения», объемом более 1000 страниц [12]. Основное внимание было уделено вопросам понятия, предмета, методологии, структуры и содержания сравнительного правоведения; формирования и последующего развития идей сравнительного правоведения; исследованию роли сравнительного правоведения в жизни государственно-организованного общества; соотношению сравнительного правоведения (права) с национальным и международным правом и др. При этом богатый фактический материал последних десятилетий позволил уделить внимание анализу конкретных правовых семей и систем: англосаксонскому праву, романо-германскому праву и религиозным правовым системам, включая иудейское и мусульманское право.

Особую научную значимость в работах М.Н. Марченко имеет фундаментальный характер исследования специфических черт и особенностей каждой из рассматриваемых правовых семей и систем, принципов их построения и функционирования, анализ конкретных проблем. В работе «Конвергенция романо-германского и англосаксонского права» [28] впервые был поставлен и обстоятельно рассмотрен вопрос о конвергенции национальных правовых систем и мировых правовых семей. Дальнейшее развитие эта тема в более широком плане применительно к национальным государствам и международно-правовым институтам получила в монографии «Государство и право в условиях глобализации» (2008) [29], в работах посвященных праву Европейского Союза (Право Европейского Союза: вопросы истории и теории (2010) [36]; Правовая система Европейского Союза (2012) [38], Европейский Союз и его судебная система (2014) [39].

Специальное внимание уделяется актуальным вопросам теории государства и права и в 2001 г. выходит учебник «Проблемы теории государства и права» [14]. В последующем он выходит в 2006, 2019 гг. В 2003 году под редакцией М.Н. Марченко вышло в свет 4 издание курса лекций по политологии [19]. В нем, как и предыдущих трех изданиях были рассмотрены наиболее важные, узловые с точки зрения ав-

торов политологические проблемы. Авторы пересмотрели устаревшие политические теории, дали оценку имевшихся подходов в исследовании политико-правовых явлений, ввели в научный оборот новый фактологический материал. При подготовке к изданию Курса лекций авторы исходили из факта многообразия существующих в отечественной и зарубежной научной литературе взглядов и подходов к оценке тех или иных политических явлений и обсуждаемых проблем. В силу этого в подавляющем большинстве лекций, наряду с устоявшимися в научной литературе понятиями и представлениями о политических явлениях, институтах и учреждениях, широко используется также довольно спорный материал. Введение его в учебный процесс и в научный оборот, несомненно, усиливает интеллектуальную составляющую Курса лекций, рассчитанного на студенческую творческую среду и делает его более интересным и содержательным [19, с. 18].

В 2005 г. издается монография «Источники права» [22], в 2006 – «Судебное правотворчество и судебское право» [24]. Во второй работе, как пишет К.Ф. Загоруйко, рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся понятия и содержания судебной власти, судебного правотворчества и судебного права. Особое внимание уделено формам судебного права, существующим в различных правовых системах и правовых семьях. Рассмотрен также исторический аспект судебного правотворчества и судебного права. Отдельный раздел посвящен проблемам правотворчества и характера решений Европейского суда справедливости, Европейского суда по правам человека и Международного уголовного суда. В разных странах и в разные эпохи традиционно вставал вопрос о характере и видах деятельности судов, а также о юридической природе принимаемых ими решений. Споры о судебном правотворчестве и судебском праве проходили не только в рамках романо-германского права и формирующих его национальных правовых систем, не отличавшихся исторической последовательностью в отношении указанных феноменов, но и в пределах англосаксонского (общего) права, которое традиционно базировалось на постулатах судебного правотворчества и судебного права [43, с. 23].

М.Н. Марченко является автором более 350 научных работ, среди которых 23 монографии, учебники, учебные пособия по теории государства и права, федерализму, разделению властей, сравнительному правоведению и политологии.

Важным в научной деятельности каждого ученого является востребованность и полезность результатов его исследований. Во всех трудах М.Н. Марченко красной нитью проходит идея конструктивного начала, необходимость использования зарубежного научно-исследовательского потенциала и опыта развития западных государств и политических систем в формировании российской политико-правовой модели.

Ярким подтверждением тому является одна из последних работ 2008 г. "Источники права" [32]. В ней освещается достаточно широкий круг значимых как для теории, так и для практики проблемных вопросов, затрагивающих систему источников российского и зарубежного права. При этом теоретико-методологический анализ существующих источников права адаптирован посредством сравнительного исследования к современной политико-правовой системе России.

Верно отмечается в юридической литературе, что М.Н. Марченко четко «держит руку на пульсе» тенденций развития теории государства и права, политологии. Откликаясь на проблемы современной России, М.Н. Марченко в 2014 г. издал монографию "Правовое государство и гражданское общество (Теоретико-правовое исследле-

дование)" [40]. Учитывая трудности в становлении правового государства в России и остроту споров, отражающую данный процесс, весьма важным представляется главный вывод книги: правовое государство – это модель, идеал, который в разных странах имеет собственное воплощение и в полной мере неосуществим. Ценным является предостережение о том, чтобы не превращать идею правового государства в разновидность "утопии земного рая", а к строительству институтов демократии в России подходить реалистически.

О его выдающемся вкладе в науку теорию государства и права свидетельствует библиографический список монографий, учебников, учебных пособий, хрестоматий и пр., который мы приводим в конце нашего приветствия М.Н. Марченко.

М.Н. Марченко стоял у истоков создания Ассоциации юридических вузов России и длительное время был ее президентом. Он принимал и принимает активное участие в работе научно-экспертных советов, различных комиссий при Федеральном Собрании Российской Федерации, с 2003 г. является советником Конституционного Суда Российской Федерации.

М.Н. Марченко в течение ряда десятилетий являлся председателем диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, членом диссертационных советов в ряде других ведущих научных и вузовских учреждений.

Необходимо отметить его работу в качестве члена редколлегии журналов: "Государство и право", "Правоведение", "Вестник Московского университета" (Серия XI "Право"), "Журнал российского права".

Особо отметим его деятельность в качестве члена рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации, образованной согласно распоряжению Президента Российской Федерации от 15 января 2020 года.

М.Н. Марченко имеет государственные награды – Орден Дружбы народов (1986 г.), является Заслуженным деятелем науки Российской Федерации (2003 г.).

Михаил Николаевич пользуется заслуженным авторитетом и уважением коллег. Он всегда готов прийти на помощь в трудных ситуациях, помочь советом. Доброжелательный, открытый, но в то же время принципиальный, твердо отстаивающий свои позиции [44].

От всего сердца, коллектив редакции и редакционного совета журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», члены Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», поздравляя профессора *Марченко Михаила Николаевича* с юбилеем, выражают уверенную надежду на его дальнейшие творческие успехи в самых различных сферах деятельности, включая воспитание подрастающего поколения профессионалов – юристов.

Библиографический список

1. *Марченко М.Н.* Политическая организация советского общества и её буржуазные "критики": дисс ... канд. юрид. наук. – М., 1971. – 397 с.
2. *Марченко М.Н.* Политическая система современного буржуазного общества: Политико-правовое исследование: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1981. – 410 с.

3. *Марченко М.Н.* О критериях отбора структурных элементов политической системы общества // Вестник Московского университета. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – № 4. – С. 3–9.
4. *Марченко, М.Н.* Демократические основы политической организации советского общества / Марченко М.Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 199 с.
5. *Марченко, М.Н.* Политическая организация советского общества. Теоретические вопросы / Марченко М.Н. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 214 с.
6. *Марченко, М.Н.* Политическая система современного буржуазного общества: политико-правовое исследование / Марченко М.Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 302 с.
7. *Марченко, М.Н.* Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. / Марченко М.Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 302 с.
8. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1996. – 432 с.
9. Общая теория государства и права: академический курс в 3-х томах / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: НОРМА, 2014, 2016. – Т. 1. «Государство». – 556 с.; т. 2 «Право». – 802 с.; т. 3 «Государство, право, общество». – 698 с.
10. *Марченко М. Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. Учебник для юридических вузов. – М.: Издательство «Зерцало», 2001. – 560 с.
11. *Марченко М.Н.* Правовые системы современного мира. – М.: Изд-во «Зерцало», 2001, 2007. – 416 с.
12. *Марченко М.Н.* Курс сравнительного правоведения. – М.: Изд-во «Городец», 2002. – 1087 с.
13. *Марченко М.Н.* Политические теории и политическая практика в развитых капиталистических странах. – М., Изд-во Московского университета, 1992. – 381 с.
14. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. – М.: Изд-во «Проспект», 2001. – 755 с.
15. *Марченко М.Н.* Теоретические проблемы политической системы современного буржуазного общества. – М.: Изд-во Московского университета, 1992.
16. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Курс лекций. В 2-х тт. Учебное пособие. – М.: Изд-во «Юридический колледж», 1995. – Т. 1 – 226 с.; т. 2 – 176 с.
17. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Вопросы и ответы. Учебное пособие. – М.: Изд-во «Проспект», 2000, 2003, 2006. – 239 с.
18. *Марченко М.Н.* Развитие политической системы в СССР. – М.: Изд-во «Знание», 1986. – 56 с.
19. Политология. Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 683 с.
20. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Хрестоматия в двух томах. – М.: «Городец», 2004. – Т. 1: Государство. – 2004. – 895 с.; Т. 2: Право. – 2004. – 799 с.
21. *Марченко М.Н.* Теория государства и права в вопросах и ответах. Учебное пособие. – М.: ТК Велби, Проспект, 2003, 2005. – 239 с.
22. *Марченко, М.Н.* Источники права. – М.: «Проспект», 2005. – 759 с.
23. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Учебник. – М.: «Проспект», 2004, 2005. – 640 с.
24. *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судебское право. Монография. – М.: «Проспект», 2006. – 510 с.

25. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. Учебник. – М.: «Проспект», 2006. –
26. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права. В 2-х т. Учебник. – М.: «Проспект», 2007. – 743 с.
27. *Марченко М.Н.* История политических и правовых учений в вопросах и ответах. Учебное пособие. – М.: «Проспект», 2007, 2009. – 467 с.
28. *Марченко М.Н.* Конвергенция Романо-германского права. – К.-Симферополь: Логос, 2007. – 36 с.
29. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. Монография. – М.: «Проспект», 2008. – 400 с.
30. *Марченко М.Н.* Обществознание. Пособие для поступающих в вузы РФ. 5-е изд. – М.: «Зерцало-М», 2008. – 660 с.
31. *Марченко М.Н.* Обществознание. Пособие для поступающих в вузы РФ. – М.: «Проспект», 2009. – 432 с.
32. *Марченко, М.Н.* Источники права. Учебное пособие. – М.: «Проспект», 2008. – 759 с.
33. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд. / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2009. – 836 с.
34. *Марченко М.Н.* Правовые системы современного мира. Учебное пособие. – М.: «Зерцало-М», 2009. – 416 с.
35. Марченко, М. Н. Правоведение [Текст]: учеб. / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М.: Велби; Проспект, 2003, 2004, 2005, 2009. – 416 с.
36. *Марченко, М.Н.* Право Европейского союза: вопросы истории и теории // Право Европейского союза: вопросы истории и теории: учебное пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М.: Проспект, 2010. – 431 с.
37. *Марченко М.Н.* История политических и правовых учений в вопросах и ответах. Учебное пособие. – М.: «Проспект», 2011. – 467 с.
38. *Марченко М.Н., Дерябина Е.М.* Правовая система Европейского союза. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 704 с.
39. *Марченко М.Н.* Европейский Союз и его судебная система. – М.: Проспект, 2014. – 288 с.
40. *Марченко М.Н.* Правовое государство и гражданское общество (Теоретико-правовое исследование). – М.: Проспект, 2014. – 646 с.
41. *Марченко М.Н.* Теория государства и права (2-ое издание). – М.: Изд-во «Проспект», МГУ, 2018. – 636 с.
42. Проблемы теории государства и права. Учебник. // Под ред. М.Н. Марченко. – М.: «Норма», 2019. – 784 с.
43. Загоруйко К.Ф. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М.: Проспект, 2006. – 510 с.: рецензия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. – М.: Изд-во ИНИОН РАН (Москва). 2008. – № 2. – С. 23–24.
44. См.: Михаилу Николаевичу Марченко – 75 лет // URL: /<http://naukarus.com/mihailu-nikolaevichu-marchenko-75-let>

Для цитирования: *Комаров С.А., Хабибулин А.Г.* Юбилей Марченко Михаила Николаевича // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 230–236.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.034

Sergey A. Komarov*
Alik G. Khabibulin**

Anniversary of Marchenko Mikhail Nikolaevich (on the occasion of the 80th birthday) *

August 11, 2020 marks the 80th anniversary of the birth in settlement Voronezh skaya Krasnodar Territory, an outstanding theoretician of state and law, a famous scientist in the field of state science, jurisprudence and political science, Mikhail Nikolaevich Marchenko.

After graduating from the high school, he worked at the Krasnodar plant "Stroydetal" (1957–1959), served in the ranks of the Soviet Army in the Transcaucasian military district (1959–1962).

Graduated from the Faculty of Law of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in 1967, entered the postgraduate student at the Department of Theory of State and Law. The scientific supervisor was the head of the Department of Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation Andrei Ivanovich Denisov.

In 1969–1970 M.N. Marchenko was one of the first Soviet postgraduate law students who underwent scientific training in Great Britain (Oxford, Kent, London School of Economics).

In 1971 he completed his postgraduate studies at the Department of Theory of State and Law and defended his Ph.D. thesis at Moscow State University on the topic: "The political organization of Soviet society and its bourgeois "critics" [1]. In 1972–1975 he was as assistant, 1975–1976 – Senior Lecturer, 1977–1982 – Associate Professor of the Department.

In 1981 he defended his doctoral dissertation at Moscow State University "The political system of modern bourgeois society: Political and legal research" [2]. Since 1982 – Professor of the Department of Theory of State and Law, and from 1985 to the present – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State University.

In 1982–1992 he was the dean of the law faculty of Moscow State University, in 1992–1996. He also held the positions of vice-rector for academic affairs, deputy chairman of the Academic Council of Moscow State University.

---

* **Komarov Sergey Alexandrovich**, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Acting State Advisor to the Russian Federation, Class III. E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

** **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Higher School of Civil Aviation (Faculty), Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Professor, Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Ch. Editor of the Migration Law magazine, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Lieutenant General of the Police. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

In addition to teaching at Russian universities, Professor M.N. Marchenko gave lectures at a number of US universities (Stanford, Hofstra), at the University of Sydney (Australia), at the Shanghai University, Changchun University of Science and Technology, Harbin University (China), at Waseda University (Japan), Mexican National University (Mexico), as well as in universities in a number of other countries.

In 1985, for a series of works on the comparative legal study of Western states and their political systems (based on materials from the USA, Great Britain, Germany, etc.) he was awarded the Prize named after M.V. Lomonosov, the II degree. The undoubted scientific value of these works is due, among other things, to the use of primary sources by foreign authors.

For many years they have been teaching the main department lecture course – theory of state and law, special courses – comparative jurisprudence, European Union law.

The main directions of scientific research of M.N. Marchenko – theoretical and legal problems of state and law, comparative jurisprudence, political science. His scientific works are distinguished by a creative approach to the development of fundamental theoretical and legal problems of legal science in general, the theory of state and law in particular. He is the author of over 350 scientific works, including 23 monographs, textbooks, teaching aids on the theory of state and law, federalism, separation of powers, comparative jurisprudence and political science under European Union law.

The first article by M.N. Marchenko, published in the journal "Bulletin of Moscow University" in 1978, was the publication "On the criteria for selecting the structural elements of the political system of society" [3]. His monograph "Democratic Foundations of the Political Organization of Soviet Society" [4], published by the Moscow University Publishing House in 1977 and largely determined the direction of subsequent scientific research, the content of which was the synthesis of state science and political science. There is the scientific school of Professor M.N. Marchenko. A number of Ph.D. and two doctoral dissertations were defended under his scientific supervision. His students successfully work in government agencies of the federal and regional levels, scientific institutions and universities in Russia and the CIS countries.

In 1979 he published the monograph "The Political Organization of Soviet Society. Theoretical issues" [5], in 1981 – "The political system of modern bourgeois society: political and legal research" [6], in 1985, "Essays on the theory of the political system of modern bourgeois society" [7].

In these and subsequent works, M.N. Marchenko thoroughly researched many issues of legal infiltration of Western states and their political systems to the changing economic, political, social and spiritual spheres of state and public life, which had not been raised in the domestic theory of state and law and political science; the effectiveness of legal regulation of the existence of political systems in highly developed Western countries; socio-political and legal responsibility of government, business in Western countries, etc.

In 1995 M.N. Marchenko publishes a course of lectures on the theory of state and law, and in 1996 the author's textbook "Theory of State and Law". The second edition of this textbook has been translated into Chinese [8]. A noticeable milestone in the development of the national science of the theory of state and law was the release of the first two-volume (1998), and then the three-volume Academic course "General Theory of State and Law". Currently, the 4th edition has already been published (2014, 2016), prepared by a team of authors edited by M.N. Marchenko. After the collapse of the USSR, this work is the largest among all that has been created in the field of theoretical and legal science. It combines the

richness of the conceptual apparatus, consistency and depth of presentation of theoretical problems, brilliant style. This is an attempt, in the context of the transformation of domestic jurisprudence, to unite the efforts of prominent Russian lawyers in the preservation and development of our theoretical and legal science [9].

A separate area of scientific interests of M.N. Marchenko is comparative jurisprudence. In 2001, he published the textbook *Comparative Jurisprudence at the "Zertsalo" publishing house. General part* [10], and the monograph *"Legal systems of the modern world"* [11]. In 2002, he wrote and published the *"Course of Comparative Law"*, more than 1000 pages in volume [12]. The main attention was paid to the issues of the concept, subject, methodology, structure and content of comparative jurisprudence; formation and subsequent development of the ideas of comparative jurisprudence; the study of the role of comparative jurisprudence in the life of a state-organized society; the relationship of comparative jurisprudence (law) with national and international law, etc. At the same time, the rich factual material of recent decades allowed us to pay attention to the analysis of specific legal families and systems: Anglo-Saxon law, Romano-Germanic law and religious legal systems, including Jewish and Muslim law.

Of particular scientific significance in the works of M.N. Marchenko has a fundamental character of the study of the specific features and characteristics of each of the considered legal families and systems, the principles of their construction and functioning, analysis of specific problems. In the work *"Convergence of Romano-Germanic and Anglo-Saxon law"* [28], for the first time, the issue of the convergence of national legal systems and world legal families was raised and considered in detail. This topic was further developed in a broader sense in relation to national states and international legal institutions in the monograph *"State and law in the context of globalization"* (2008) [29], in works devoted to the law of the European Union (*European Union law: questions of history and theory* (2010) [36]; *Legal system of the European Union* (2012) [38], *The European Union and its judicial system* (2014) [39]).

Special attention is paid to topical issues of the theory of state and law, and in 2001 the textbook *"Problems of the theory of state and law"* [14] was published. Subsequently, it comes out in 2006, 2019. In 2003, edited by M.N. Marchenko published the 4th edition of a course of lectures on political science [19]. In it, as in the previous three editions, the most important, key political problems from the point of view of the authors were considered. The authors revised outdated political theories, assessed the existing approaches in the study of political and legal phenomena and introduced new factual material into scientific circulation. In preparing for the publication of the *Course of Lectures*, the authors proceeded from the fact of the diversity of views and approaches to the assessment of certain political phenomena and the problems discussed in the domestic and foreign scientific literature. Because of this, in the overwhelming majority of lectures, along with the concepts and ideas about political phenomena, institutions and institutions established in the scientific literature, rather controversial material is also widely used. Its introduction into the educational process and into scientific circulation undoubtedly enhances the intellectual component of the *Lecture Course*, designed for the student's creative environment, makes it more interesting and meaningful [19, p. 18].

In 2005, the monograph *"Sources of Law"* [22] was published, in 2006 – *"Judicial Lawmaking and Judicial Law"* [24]. In the second work, according to K.F. Zagoruiko, considered a wide range of issues related to the concept and content of the judiciary, judicial law-making and judicial law. Particular attention is paid to the forms of judicial law that

exist in various legal systems and legal families. The historical aspect of judicial lawmaking and judicial law is also considered. A separate section is devoted to the problems of lawmaking and the nature of decisions of the European Court of Justice, the European Court of Human Rights and the International Criminal Court. In different countries and in different eras, the question has traditionally been raised about the nature and types of activities of the courts, as well as about the legal nature of the decisions they make. Disputes about judicial lawmaking and judicial law took place not only within the framework of Romano-Germanic law and the national legal systems that formed it, which did not differ in historical consistency with respect to these phenomena, but also within the Anglo-Saxon (common) law, which was traditionally based on the postulates of judicial lawmaking and judicial law [43, p. 23].

M.N. Marchenko is the author of over 350 scientific works, including 23 monographs, textbooks, teaching aids on the theory of state and law, federalism, separation of powers, comparative jurisprudence and political science.

The relevance and usefulness of the results of his research is important in the scientific activity of each scientist. In all the works of M.N. Marchenko is a red thread running through the idea of a constructive beginning, the need to use foreign research potential and the experience of the development of Western states and political systems in the formation of the Russian political and legal model.

A vivid confirmation of this is one of the last works of 2008, "Sources of Law" [32]. It covers a fairly wide range of problematic issues that are significant for both theory and practice, affecting the system of sources of Russian and foreign law. At the same time, the theoretical and methodological analysis of existing sources of law is adapted through comparative research to the modern political and legal system of Russia.

It is correctly noted in the legal literature that M.N. Marchenko clearly "keeps his finger on the pulse" of the development trends of the theory of state and law, political science. Responding to the problems of modern Russia, M.N. Marchenko in 2014 published the monograph "The rule of law and civil society (Theoretical and legal research)" [40]. Given the difficulties in the formation of the rule of law in Russia and the severity of disputes reflecting this process, the main conclusion of the book seems to be very important: the rule of law is a model, an ideal that has its own embodiment in different countries and is completely unrealizable. A valuable warning is not to turn the idea of a rule-of-law state into a kind of "utopia of an earthly paradise," but to take a realistic approach to the construction of democratic institutions in Russia.

His outstanding contribution to the science of the theory of state and law is evidenced by a small bibliographic list of monographs, textbooks, teaching aids, anthologies, etc., which we present at the end of our greeting to M.N. Marchenko.

M.N. Marchenko was one of the founders of the Association of Law Schools of Russia and was its president for a long time. He took and takes an active part in the work of scientific and expert councils, various commissions at the Federal Assembly of the Russian Federation, since 2003 he has been an adviser to the Constitutional Court of the Russian Federation.

M.N. Marchenko for several decades was the chairman of the Dissertation Council for the defense of candidate and doctoral dissertations of the Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, a member of dissertation councils in a number of other leading scientific and university institutions. It should be noted his work as a member of the editorial boards of the journals: "State and Law", "Jurisprudence", "Bulletin of Moscow University" (Series XI "Law"), "Journal of Russian Law".

We will especially note his activities as a member of the working group on the preparation of proposals for amending the Constitution of the Russian Federation, formed in accordance with the order of the President of the Russian Federation dated January 15, 2020.

M.N. Marchenko has state awards – the Order of Friendship of Peoples (1986), is an Honored Scientist of the Russian Federation (2003).

Mikhail Nikolaevich enjoys well-deserved authority and respect from his colleagues. He is always ready to help in difficult situations, to help with advice. He is benevolent, open, but at the same time principled, firmly defending his positions [44].

Whole heartedly, the staff of the editorial board of the magazines "Theory of State and Law", "Legal Thought", members of the Interregional Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists", congratulating Professor Mikhail Nikolayevich Marchenko on his anniversary, express their confident hope for his further creative successes in various fields of activity, including the education of the growing generation of professionals – lawyers.

Bibliographic list

1. Marchenko M.N. The political organization of Soviet society and its bourgeois "critics": diss ... cand. jurid. sciences. Moscow, 1971. 397 p.
2. Marchenko M.N. The political system of modern bourgeois society: Political and legal research: diss. ... doct. jurid. sciences. Moscow, 1981. 410 p.
3. Marchenko M.N. On the selection criteria for the structural elements of the political system of society // Bulletin of Moscow University. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1978. No. 4. P. 3–9.
4. Marchenko, M.N. Democratic foundations of the political organization of the Soviet society / Marchenko M.N. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1977. 199 p.
5. Marchenko M.N. The political organization of Soviet society. Theoretical questions. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1979. 214 p.
6. Marchenko, M.N. The political system of modern bourgeois society: political and legal research / Marchenko M.N. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1981. 302 p.
7. Marchenko, M.N. Essays on the theory of the political system of modern bourgeois society / Marchenko M.N. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1985. 302 p.
8. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Moscow: Publishing house "Legal Literature", 1996. 432 p.
9. General theory of state and law: an academic course in 3 volumes / otv. ed. M.N. Marchenko. Moscow: NORMA, 2014, 2016. T. 1. "State". 556 p.; t. 2 "Law". 802 p.; v. 3 "State, law, society". 698 p.
10. Marchenko M.N. Comparative jurisprudence. A common part. Textbook for law schools. Moscow: Publishing house "Zertsalo", 2001. 560 p.
11. Marchenko M.N. Legal systems of the modern world. Moscow: Publishing house "Zertsalo", 2001, 2007. 416 p.
12. Marchenko M.N. Comparative Law Course. Moscow: Publishing house "Gorodets", 2002. 1087 p.
13. Marchenko M.N. Political theories and political practice in developed capitalist countries. Moscow, Publishing house of Moscow University, 1992. 381 p.
14. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law. Moscow: Publishing house "Pro-spectrum", 2001. 755 p.

15. Marchenko M.N. Theoretical problems of the political system of modern bourgeois society. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1992.
16. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Lecture course. In 2 vols. Tutorial. Moscow: Publishing House "Legal College", 1995. T. 1. 226 p.; t. 2. 176 p.
17. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Questions and answers. Tutorial. Moscow: Publishing house "Prospect", 2000, 2003, 2006. 239 p.
18. Marchenko M.N. The development of the political system in the USSR. Moscow: Publishing house "Knowledge", 1986. 56 p.
19. Political science. Course of lectures / Ed. M.N. Marchenko. 4th ed., Rev. and add. Moscow: Jurist, 2003. 683 p.
20. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Reader in two volumes. Moscow: "Gorodets", 2004. T. 1: State; 2004. 895 p.; T. 2: Right. 2004. 799 p.
21. Marchenko M.N. The theory of state and law in questions and answers. Tutorial. Moscow: TK Welby, Prospect, 2003, 2005. 239 p.
22. Marchenko, M.N. Sources of law. Moscow: "Prospect", 2005. 759 p.
23. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Textbook. Moscow: "Prospect", 2004, 2005. 640 p.
24. Marchenko M.N. Judicial lawmaking and judicial law. Monograph. Moscow: "Prospect", 2006. 510 p.
25. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law. Textbook. Moscow: "Prospect", 2006.
26. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law. In 2 volumes. Textbook. Moscow: "Prospect", 2007. 743 p.
27. Marchenko M.N. History of political and legal doctrines in questions and answers. Tutorial. Moscow: "Prospect", 2007, 2009. 467 p.
28. Marchenko M.N. Convergence of Romano-Germanic law. K.-Simferopol: Logos, 2007. 36 p.
29. Marchenko M.N. State and law in the context of globalization. Monograph. Moscow: Prospect, 2008. 400 p.
30. Marchenko M.N. Social science. A guide for those entering the universities of the Russian Federation. 5th ed. Moscow: "Zertsalo-M", 2008. 660 p.
31. Marchenko M.N. Social science. A guide for those entering the universities of the Russian Federation. Moscow: "Prospect", 2009. 432 p.
32. Marchenko, M.N. Sources of law. Tutorial. Moscow: "Prospect", 2008. 759 p.
33. Theory of state and law. Textbook. 4th ed. / Ed. M.N. Marchenko. Moscow: Zertsalo, 2009. 836 p.
34. Marchenko M.N. Legal systems of the modern world. Tutorial. Moscow: "Zertsalo-M", 2009. 416 p.
35. Marchenko, M. N. Jurisprudence [Text]: textbook. / M.N. Marchenko, E.M. Deryabina. Moscow: Welby; Prospect, 2003, 2004, 2005, 2009. 416 p.
36. Marchenko, M.N. Law of the European Union: questions of history and theory // Law of the European Union: questions of history and theory: textbook / M.N. Marchenko, E. M. Deryabina. Moscow: Prospect, 2010. 431 p.
37. Marchenko M.N. History of political and legal doctrines in questions and answers. Tutorial. Moscow: "Prospect", 2011. 467 p.
38. Marchenko M.N., Deryabina E.M. Legal system of the European Union. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 704 p.

Theory of State and Law

---

39. Marchenko M.N. European Union and its judicial system. Moscow: Prospect, 2014. 288 p.
40. Marchenko M.N. The rule of law and civil society (Theoretical and legal research). Moscow: Prospect, 2014. 646 p.
41. Marchenko M.N. Theory of state and law (2nd edition). Moscow: Publishing house "Prospect", Moscow State University, 2018. 636 p.
42. Problems of the theory of state and law. Textbook // Ed. M.N. Marchenko. Moscow: "Norma", 2019. 784 p.
43. Zagoruiko K.F. Marchenko M.N. Judicial lawmaking and judicial law. Moscow: Prospect, 2006. 510 p.: review // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. Abstract journal. Moscow: Publishing house of INION RAS (Moscow). 2008. No. 2. P. 23–24.
44. See: Mikhail Nikolaevich Marchenko is 75 years old // URL: /http://naukarus.com/mihailu-nikolaevichu-marchenko-75-let

---

For citation: Komarov S.A., Khabibulin A.G. Anniversary of Marchenko Mikhail Nikolaevich // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 237–243.
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.034

Н.И. Полищук*

ЮБИЛЕЙ ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ КОМАРОВОЙ (к 65-летию со дня рождения)

21 августа 2020 года исполнилось 65 лет со дня рождения в г. Орле в семье военнослужащего члена редакционной коллегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», вице-президента Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», проректора по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), известного учёного в области государственного управления, правоведения, финансового права **Комаровой (Осиповой) Татьяны Львовны**.

После окончания средней общеобразовательной школы она поступила в Орловский учетно-кредитный техникум, который с отличием закончила в 1975 году.

В этом же году она стала студенткой очного отделения Московского финансового института (ныне – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации). В 1976 году вышла замуж за студента IV курса Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, будущего ученого – Комарова С.А. В 1977 году родился сын – Владимир.

С 1981 по 1985 годы работала в финансовых органах и органах исполнительной власти Рязанской области. В 1985 году перешла на преподавательскую работу в техникум советской торговли.

В 1989 году Т.Л. Комарова связывает свою судьбу с высшей школой, она начинает работать в Рязанском государственном педагогическом институте им. С.А. Есенина, где с 1992 года читает лекции по финансовому, налоговому, бюджетному, банковскому праву на вновь открытом Юридическом факультете. Параллельно получает второе высшее образование по специальности «юриспруденция».

В 2000 году защитила (научный руководитель – профессор Р.С. Маковик, научный консультант – доцент В.Н. Огнев) в диссертационном совете Московской академии МВД РФ кандидатскую диссертацию по теме: «Место и роль органов налоговой службы в механизме российского государства: теоретико-правовое исследование» [12].

Преподавательская деятельность Т.Л. Комаровой была связана с такими учебными заведениями как Институт государства и права им. А.С. Грибоедова (г. Москва); Всероссийская государственная налоговая академия (г. Москва), Высшая школа экономики – ГУ ВШЭ (г. Москва); Международный Университет в Москве.

С 2006 года работает доцентом, затем профессором кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), становится проректором по науке и инновациям.

Помимо преподавания в российских вузах, профессор Т.Л. Комарова является приглашенным профессором Школы русского права Университета Лазарского в г. Варшаве.

---

* *Полищук Николай Иванович*, профессор кафедры теории государства и права, международного, европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

Основные направления научных исследований Т.Л. Комаровой – теоретико-правовые проблемы теории государства и права, финансового права. Ее научные работы отличаются творческим и актуальным подходом к разработке фундаментальных проблем юридической науки вообще, теории государства и права, финансового права – в особенности. Она является автором более 50 научных работ, среди которых монографии, учебники (Правоведение, 2001, 2003, 2005), учебные пособия (Основы государства и права, 1996, 1997, 1998, 2003, 2020), комментарии к Конституции Российской Федерации (2008, 2014, 2018, 2019, 2020), комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации (2005).

Под научным руководством Т.Л. Комаровой были защищены 7 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ее ученики успешно работают в органах государственной власти федерального и регионального уровней, научных учреждениях и вузах России и стран СНГ.

В 2003 году она в соавторстве издает монографию «Гражданско-правовые средства предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций», которая к настоящему времени готовится ко второму изданию [9].

В этих и последующих работах Т.Л. Комарова обстоятельно исследовала многие ранее не поднимавшиеся в отечественной теории государства и права проблемы функционирования государственно-организованного общества в новых экономических реалиях.

Важным в научной деятельности каждого ученого является востребованность и полезность результатов его исследований. Во всех трудах Т.Л. Комаровой превалирует идея конструктивного начала, необходимость использования зарубежного научно-исследовательского потенциала и опыта развития западных государств в формировании российской социально-экономической модели.

О ее вкладе в науку теорию государства и права, финансовое право свидетельствует библиографический список монографий, учебников, учебных пособий, который мы приводим в конце нашего приветствия Т.Л. Комаровой.

Т.Л. Комарова стояла у истоков создания Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», является ее вице-президентом. Она принимала и принимает активное участие в работе научно-экспертных советов при депутатах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, работе международных и Всероссийских научно-теоретических конференции, круглых столов, парламентских слушаниях.

Т.Л. Комарова в течение 2-х лет была Ученым секретарем диссертационного совета на базе Юридического института (Санкт-Петербург).

Необходимо отметить ее работу в качестве члена редколлегии журналов «Юридическая мысль» и «Теория государства и права».

Татьяна Львовна Комарова пользуется заслуженным авторитетом и уважением коллег по работе, студентов. Она всегда для них открыта, окажет помощь, даст совет. Наряду с этими качествами она принципиальна, твердо отстаивает свои научные и жизненные позиции.

От всего сердца, коллектив редакции и редакционного совета журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», члены Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», поздравляя профессора *Комарову Татьяну Львовну*

с её юбилеем, выражают уверенную надежду на его дальнейшие творческие успехи в самых различных сферах деятельности, включая воспитание подрастающего поколения профессионалов – юристов.

Библиографический список

1. Основы государства и права: учебное пособие. 5-е изд. /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Юрайт, 2020. – 681 с.
2. Комментарий к Конституции российской Федерации. 3-е изд. /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Юрайт, 2018, 2019, 2020. – 333 с.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. /Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. – 333 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации /Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2008. – 333 с.
5. Правоведение: учебник / Григорьев В.А., Кириллов С.И., Комарова Т.Л., Маковик Р.С., Рыбаков В.А. и др. //Под ред. С.А. Комарова. – М.: Юристъ, 2005 (Гриф МО РФ).
6. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации. Часть 1 (постатейный) / Под ред. А.Н. Козырина. – М.: Проспект, 2005. – 646 с.
7. Система налогов и сборов России [Текст] / под ред. А. Н. Козырина. – СПб.: Питер, 2004. – 264 с.
8. Правоведение: учебник / Григорьев В.А., Кириллов С.И., Комарова Т.Л., Маковик Р.С., Рыбаков В.А. и др. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Юристъ, 2003 (Гриф МО РФ).
9. Комарова Т.Л. Гражданско-правовые средства предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций: монография / В.С. Комаров, Т.Л. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2003. – 171 с.
10. Основы государства и права: учебное пособие. 4-е изд. /Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
11. Правоведение: учебник / Ананьева К.Я., Григорьев В.А., Кириллов С.И., Комарова Т.Л., Маковик Р.С., Рыбаков В.А. и др. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Юристъ, 2001. – 526 с. (Гриф МО РФ).
12. Место и роль органов налоговой службы в механизме российского государства (теоретико-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2000. – 193 с.
13. Комарова Т.Л. Обществознание: учебное пособие /С.А. Комаров, Т.Л. Комарова. – М.: СтоглавЪ-Н, 2000. – 227 с.
14. Комарова Т.Л. Место и роль органов налоговой службы в механизме Российского государства // Вестник Налоговой академии. – М., 1999, № 1. – С. 50-53.
15. Комарова Т.Л. Органы налоговой службы в механизме российского государства. Учебное пособие. Рекомендовано Советом по правоведению УМО университетов РФ. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2000.
16. Основы государства и права: учебное пособие / Ананьева К.Я., Григорьев В.А., Занин А.В., Комаров С.А., Комарова Т.Л., Королец Е.А., Маковик Р.С., Носов М.М., Огнев В.Н., Побежимова Н.И., Савранский М.Ю., Харькин В.Н. // Под общ. ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во: Манускрипт, Рус. слово, 1998. – 320 с.
17. Основы государства и права: учебное пособие / Ананьева К.Я., Григорьев В.А., Занин А.В., Комаров С.А., Комарова Т.Л., Королец Е.А., Маковик Р.С., Носов М.М., Ог-

нев В.Н., Побежимова Н.И., Савранский М.Ю., Харькин В.Н. // Под общ. ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во: Манускрипт, Рус. слово, 1997. – 320 с.

18. Основы государства и права: учебное пособие / Ананьева К.Я., Буравлев Ю.М., Григорьев В.А., Занин А.В., Комаров С.А., Комарова Т.Л., Королец Е.А., Маковик Р.С., Огнев В.Н., Харькин В.Н. // Под общ. ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во: Манускрипт, Русь-90, 1996. – 312 с.

N. I. Polishchuk*

ANNIVERSARY OF TATYANA LVOVNA KOMAROVA (for the 65th anniversary of her birth)

August 21, 2020 marks the 65th anniversary of her birth in the Oryol city, in the family of a serviceman, a member of the editorial board of the Theory of State and Law, Legal Thought, Vice President of the Interregional Public Organization Interregional Association of State and Law Theorists », Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), a well-known scientist in the field of state studies, jurisprudence, financial law **Komarova (Osipova) Tatyana Lvovna**.

After graduating from a secondary school, she entered the Oryol Accounting and Credit College, which she graduated with honors in 1975.

In the same year, she became a full-time student at the Moscow Financial Institute (now the Financial University under the Government of the Russian Federation). In 1976 she married a fourth-year student of the Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, future scientist – Komarov S.A. In 1977, a son was born – Vladimir.

From 1981 to 1985 she worked in the financial authorities and executive authorities of the Ryazan region. In 1985 she started teaching at the Soviet Trade College.

In 1989 T.L. Komarova connects her fate with higher education; she begins to work at the Ryazan State Pedagogical Institute named after S.A. Esenin, where since 1992 he has been lecturing on finance, tax, budgetary, banking law at the newly opened Faculty of Law. At the same time, she is getting a second higher education with a degree in jurisprudence.

In 2000 she defended (supervisor – professor R.S. Makovik, scientific consultant – associate professor V.N.Ognev) in the dissertation council of the Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation her Ph.D.: "The place and role of tax authorities in the mechanism of the Russian state: theoretical and legal research" [12].

Teaching activity T.L. Komarova was associated with such educational institutions as the Institute of State and Law named A.S. Griboyedov (Moscow); All-Russian State Tax Academy (Moscow), Higher School of Economics – SU HSE (Moscow); International University in Moscow.

---

* **Polishchuk Nikolai Ivanovich**, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

Since 2006 he has been working as an associate professor, then as a professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg), becomes Vice-Rector for Science and Innovation.

In addition to teaching at Russian universities, Professor T.L. Komarova is a visiting professor at the School of Russian Law at Lazarski University in Warsaw.

The main directions of research T.L. Komarova are theoretical and legal problems of the theory of state and law and financial law. Her scientific works are distinguished by a creative, up-to-date approach to the development of fundamental problems of legal science in general, the theory of state and law, and financial law in particular. She is the author of more than 50 scientific works, including monographs, textbooks (Jurisprudence, 2001, 2003, 2005), textbooks (Fundamentals of State and Law, 1996, 1997, 1998, 2003, 2020), comments on the Constitution of the Russian Federation (2008, 2014, 2018, 2019, 2020), commentary on the Tax Code of the Russian Federation (2005).

Under the supervision of T.L. Komarova defended 7 dissertations for the degree of candidate of legal sciences. Her students successfully work in federal and regional government bodies, scientific institutions and universities in Russia and the CIS countries.

In 2003, she co-authored the monograph "Civil Law Means of Preventing Insolvency (Bankruptcy) of Credit Organizations", which is currently being prepared for the second edition [9].

In these and subsequent works, T.L. Komarova thoroughly researched many of the problems of the functioning of a state-organized society in the new economic realities, which had not been previously raised in the domestic theory of state and law.

The relevance and usefulness of the results of his research is important in the scientific activity of each scientist. In all the works of T.L. Komarova prevails the idea of a constructive beginning, the need to use foreign research potential and the experience of the development of Western states in the formation of the Russian socio-economic model.

The bibliographic list of monographs, textbooks, teaching aids, which we present at the end of our greeting to T.L. Komarova, testifies to her contribution to science, the theory of state and law, financial law.

T.L. Komarova stood at the origins of the creation of the Interregional Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists", and is its vice-president. She took and takes an active part in the work of scientific expert councils under the deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the work of international and All-Russian scientific and theoretical conferences, round tables, parliamentary hearings.

T.L. Komarova for 2 years was the Scientific Secretary of the Dissertation Council on the basis of the Law Institute (St. Petersburg).

It should be noted her work as a member of the editorial boards of the journals "Legal Thought" and "Theory of State and Law".

Tatyana Lvovna Komarova enjoys well-deserved authority and respect from her colleagues and students. She is always open to them, will help and give advice. Along with these qualities, she is principled, firmly defends her scientific and life positions.

Whole heartedly the editorial staff and editorial board of the magazines "Theory of State and Law", "Legal Thought", members of the Interregional Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists", congratulating Professor Tatyana Lvovna Komarova on her anniversary, express their confident hope for his

further creative successes in various fields of activity, including the education of the younger generation of professionals – lawyers.

Bibliographic list

1. Foundations of state and law: a textbook. 5th ed. / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Yurayt, 2020. 681 p.
2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed. / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Yurayt, 2018, 2019, 2020. 333 p.
3. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 2nd ed. / Ed. S.A. Komarov. SPb.: Publishing house of the Legal Institute (Saint Petersburg), 2014. 333 p.
4. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. S.A. Komarov. – SPb.: Publishing house of the Legal Institute (Saint Petersburg), 2008. 333 p.
5. Jurisprudence: textbook / Grigoriev V.A., Kirillov S.I., Komarova T.L., Makovik R.S., Rybakov V.A. and others // Ed. S.A. Komarov. Moscow: Yurist, 2005 (Grif of the Ministry of Defense of the Russian Federation).
6. Commentary on the Tax Code of the Russian Federation. Part 1 (article-by-article) / Ed. A.N. Kozyrin. Moscow: Prospect, 2005. 646 p.
7. System of taxes and duties in Russia [Text] / ed. A. N. Kozyrin. SPb.: Peter, 2004. 264 p.
8. Jurisprudence: textbook / Grigoriev V.A., Kirillov S.I., Komarova T.L., Makovik R.S., Rybakov V.A. and others // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Jurist, 2003 (stamp of the Ministry of Defense of the Russian Federation).
9. Komarova T.L. Civil legal means of preventing the failure (bankruptcy) of credit organizations: monograph / V.S. Komarov, T.L. Komarov. SPb.: Publishing house of the Law Institute, 2003. 171 p.
10. Foundations of state and law: a textbook. 4th ed. / Ed. S.A. Komarov. SPb.: Peter, 2003. 544 p.
11. Jurisprudence: textbook / Ananyeva K.Ya., Grigoriev V.A., Kirillov S.I., Komarova T.L., Makovik R.S., Rybakov V.A. and others // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Jurist, 2001. 526 p. (Neck of the Ministry of Defense of the Russian Federation).
12. The place and role of tax authorities in the mechanism of the Russian state (theoretical and legal research): diss. ... cand. jurid. sciences. Kolomna, 2000. 193 p.
13. Komarova T.L. Social science: textbook / S.A. Komarov, T.L. Komarova. Moscow: Stoglav-N, 2000. 227 p.
14. Komarova T.L. The place and role of tax authorities in the mechanism of the Russian state // Bulletin of the Tax Academy. Moscow, 1999, No. 1. P. 50-53.
15. Komarova T.L. Tax authorities in the mechanism of the Russian state. Tutorial. Recommended by the Council for Legal Studies of the UMO of the Universities of the Russian Federation. - SPb.: Publishing house of the Legal Institute, 2000.
16. Fundamentals of state and law: textbook / Ananyeva K.Ya., Grigorev V.A., Zanin A.V., Komarov S.A., Komarova T.L., Korolets E.A., Makovik R.S., Nosov M.M., Ognev V.N., Pobezhimova N.I., Savransky M.Yu., Khar'kin V.N. // Under total ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house: Manuscript, Rus. Word, 1998. 320 p.
17. Fundamentals of state and law: textbook / Ananyeva K.Ya., Grigorev V.A., Zanin A.V., Komarov S.A., Komarova T.L., Korolets E.A., Makovik R.S., Nosov M.M., Ognev V.N., Pobezhimova N.I., Savransky M.Yu., Khar'kin V.N. // Under total ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house: Manuscript, Rus. Word, 1997. 320 p.

18. Fundamentals of state and law: a textbook / Ananyeva K.Ya., Buravlev Yu.M., Grigoriev V.A., Zanin A.V., Komarov S.A., Komarova T.L., Korolets E.A. , Makovik R.S., Ognev V.N., Khar'kin V.N. // Under total. ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house: Manuscript, Rus-90, 1996. 312 p.

Ю.А. Степанченко

РАСШИРЯЯ ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО

Юридическая компания «Международный бизнес и право» (МБП.МОСКВА) оказывает квалифицированные юридические услуги физическим и юридическим лицам. Наша цель – обеспечить высокий уровень предоставляемых юридических услуг и квалифицированно решить проблемы каждого нашего клиента. Мы стремимся способствовать формированию высокого уровня правовой культуры и правового сознания российского общества.

За время нашего присутствия на рынке юридических услуг мы приобрели опыт взаимодействия как с представителями крупных компаний, государственными учреждениями, так и помогли «встать на ноги» начинающим предпринимателям. Мы активно представляем интересы физических лиц в судах различных инстанций.

В нашей команде работают опытные профессионалы, юристы и адвокаты, окончившие ведущие российские вузы. Средний стаж работы нашей команды – более 10 лет. Мы совмещаем практическую клиентскую работу с научной и публицистической деятельностью. Сотрудники компании являются экспертами в различных отраслях права, что позволяет предоставить клиентам правовые заключения по самым сложным вопросам. Наши сотрудники имеют профессиональный уровень владения иностранными языками (английским, французским, немецким, итальянским и испанским). Мы активно участвуем в жизни юридического сообщества: публикуем статьи, даем комментарии по актуальным вопросам, принимаем участие в семинарах и конференциях.

Мы уверены, что можем внести свой вклад в развитие некоммерческого сектора, поэтому поддерживаем некоммерческие организации, отвечая на возникающие у них правовые вопросы.

Для юридических лиц оказываем следующие услуги: арбитражные споры, абонентское обслуживание, регистрация товарных знаков, оптимизация налогообложения.

Во многих ситуациях, связанных с различного рода спорами, обойтись без профессиональной юридической помощи очень часто бывает невозможно. Наши юристы, имеющие соответствующую квалификацию и большой практический опыт работы с гражданскими делами, оказывают помощь клиентам, рассматривая в индивидуальном порядке каждую из конфликтных ситуаций в различных направлениях.

Наши специалисты быстро и в соответствии со всеми правовыми нормами готовят документы и предоставляют их в налоговую инспекцию и различные государственные фонды.

Профессиональное составление договоров независимо от объекта обсуждения и сложности нюансов. Только опытные юристы могут правильно обозначить в письменной форме условия сделки, предусмотреть возможные чрезвычайные ситуации и ответственность за невыполнение взаимных обязательств.

Теория государства и права

Все эти услуги оказывают квалифицированные опытные юристы нашей компании, каждый из которых досконально знает нюансы конкретной отрасли, следит за последними изменениями в законодательстве и проводит все операции в строгом соответствии с установленными нормами.

Мы активно сотрудничаем с Межрегиональной общественной организацией «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», публикуем статьи наших сотрудников в журналах «Теория государства и права», «Юридическая мысль», принимаем участие в проводимых ассоциацией международных и всероссийских конференциях.

Наш сайт: www.mbp.moscow

Наши телефоны: (8-800-505-7958)

E-mail: sales@mbp.moscow

LEGAL ASSISTANCE TO BUSINESS AND INDIVIDUALS

Yu.A. Stepanchenko

EXPANDING THE HORIZONS OF THE POSSIBLE

The legal company "International Business and Law" LLC (MBP.MOSKVA) provides qualified legal services to individuals and legal entities. Our goal is to deliver a high level of legal services and solve the problems of each our client competently. We strive to contribute to the formation of a high level of legal culture and legal consciousness of the Russian society.

During our presence on the legal services market, we have gained experience of interaction with both representatives of large companies, government agencies, and helped to "get on their feet" aspiring entrepreneurs. We actively represent the interests of individuals in courts of various instances.

Our team consists of experienced professionals, lawyers and attorneys who have graduated from leading Russian universities. The average work experience of our team is over 10 years. We combine practical work with clients and scientific and journalistic activities. The company's lawyers are experts in various branches of law and that allows us to provide clients with legal opinions on the most complex issues. Our employees have a good command of foreign languages (English, French, German, Italian and Spanish). We are actively involved in the life of the legal community: we publish articles, give comments on topical issues, take part in seminars and conferences.

We are confident that we can contribute to the development of the non-profit sector, therefore we support non-profit organizations in their legal issues.

We provide the following services for legal entities: arbitration disputes, subscription services, registration of trademarks, tax optimization.

In many situations related to various kinds of disputes, it is very often impossible to do without professional legal assistance. Our lawyers with the appropriate qualifications

Theory of State and Law

---

and extensive practical experience in civil cases provide assistance to clients, considering individually each of the conflict situations in various directions.

Our specialists quickly and in accordance with all legal regulations prepare documents and submit them to the tax office and various state funds.

Professional drafting of contracts regardless of the object of discussion and the complexity of the nuances. Only experienced lawyers can correctly indicate the terms of the contract in writing, foresee possible risks and liability for non-fulfillment of mutual obligations.

All these services are provided by qualified experienced lawyers of our company, each of whom thoroughly knows the nuances of a particular industry, monitors the latest changes in legislation and conducts all operations in strict accordance with the established norms.

We actively cooperate with the Interregional Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists", publish articles of our employees in the magazines "Theory of State and Law", "Legal Thought", take part in international and all-Russian conferences held by the Association.

Our website: www.mbp.moscow

Our phones: (8-800-505-7958)

E-mail: sales@mbp.moscow

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат».

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgir.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

Теория государства и права

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

ПРИЁМ В АСПИРАНТУРУ
ЧОУ ВО «Юридический институт» в 2020/21 году
12.00.01, 12.00.02, 12.00.08

Прием на обучение по программам аспирантуры на 2020/21 учебный год осуществляется в соответствии с Порядком приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, утвержденного приказом Министерства и образования науки РФ от 12 января 2017 г. № 13 и в соответствии с Правилами приема на обучение в ЧОУ ВО «Юридический институт» по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре.

Прием в аспирантуру Юридического института осуществляется на места по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица на очную/заочную форму обучения.

К освоению программ подготовки в аспирантуре допускаются лица, имеющие юридическое образование не ниже высшего (специалитет или магистратура) на конкурсной основе. Прием в аспирантуру проводится по результатам вступительных испытаний (собеседование).

Сроки приема документов для поступления в аспирантуру в 2020/21 году: **с 10 мая по 20 сентября** включительно.

Сроки проведения вступительных испытаний: **с 3 июля по 30 сентября** (по отдельному графику).

Сроки проведения вступительных испытаний для иностранных граждан, которым требуется оформление визы для въезда и пребывания в РФ: **с 10 мая по 30 сентября**.

Документы принимает приемная комиссия Института (199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3, ауд. 204. «Приемная комиссия»).

Возможность подачи документов для поступления на обучение в электронной форме отсутствует.

Расписание вступительных испытаний в 2020 году см. на сайте www.lawinst-spb.ru

На время прохождения вступительных испытаний иногородним общежитие не предоставляется.

Зачисление на места по договорам об оказании платных образовательных услуг: **1 октября 2020 г.**

Срок предоставления оригинала диплома магистра или специалиста и заявления о согласии на зачисление не позднее даты приказа о зачислении.

Начало учебного года для всех форм обучения: **1 октября 2020 г.**

E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Контактный телефон: (812) 325-46-25; (812) 322-18-08

Научный руководитель Института Комаров
доктор юридических наук, профессор Сергей Александрович

Редактор, переводчик **М.В.Старцева**
Верстка **И.И.Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 15.07.2020. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 31,03. Усл. п.л. 20,5. Тираж 250 экз. Заказ № 94759.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru